

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

Иван Грозный. Кровавый пост

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иван Грозный – первый официально провозглашенный русский царь. Человек, расширивший пределы России. Человек, заложивший основы государственного устройства, создавший настоящее государство из рыхлой массы полунезависимых феодальных уделов. Человек, проведший в жизнь серьезнейшие реформы во многих областях жизни – реформы, которые, опять-таки без преувеличения, как раз и превратили старую, отжившую Русь в настоящее государство.

Однако чаще всего он изображался в роли омерзительного палача, проливавшего кровь направо и налево – просто так, забавы и потехи ради, по природному своему садизму, из любви к казням и пыткам.

Фигура Ивана Грозного чересчур величественна и сложна, чтобы подходить к ней с примитивными суждениями и абстрактным, слюнявым интеллигентским гуманизмом, еще ни разу в нашей истории не доводившим до добра…

- Александр Бушков
  -
  -
  - Введение. «Образец тиранства»
  - Глава первая. Жизнь и развлечения старушки Европы
  - Глава вторая. Не поспешать!
  - Глава третья. Государи всея Руси
  - Глава четвертая. Елена Прекрасная
  - Глава пятая. Танцы с волками
  - Глава шестая. Самодержец всероссийский
  - Глава седьмая. Сверкая блеском стали
  - Глава восьмая. Кавалеры чугунной медали
  - Глава девятая. Измену выгрызают, аки псы…
  - Глава десятая. Призрак и тьма
  - Глава одиннадцатая. Айн-цвай-драй, шике-шике швайне…
  - Глава двенадцатая. Миражи и фанатики
  - Эпилог
  - Библиография
  - Приложения
    - Указатель имен опричников Ивана Грозного
    - Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским
      - Первое послание Курбского Ивану Грозному

        - Первое послание Ивана Грозного Курбскому
        - Второе послание Курбского Ивану Грозному
        - Второе послание Ивана Грозного Курбскому
        - Третье послание Курбского Ивану Грозному
    - Послание английской королеве Елизавете (1570)
    - Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573)
    - Послание польскому королю Стефану Баторию (1581)
    - Первое послание шведскому королю Юхану III (1572)
    - Второе послание шведскому королю Юхану III (1573)
    - Ответ царя Ивана Васильевича Грозного Яну Роките
    - Послание Полубенскому (1577)
    - Послание Яну Ходкевичу (1577)
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Александр Бушков
Иван Грозный. Кровавый поэт

Исключительное право публикации книги А. Бушкова «Иван Грозный. Кровавый поэт» принадлежит издательству ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© А. Бушков, 2007
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание и оформление, 2012

* * *

И я – человек; нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен.

Иван Грозный,
первое послание князю Курбскому, 1564 г.

Введение. «Образец тиранства»

В начале сентября 1862 г. в Новгороде с превеликим размахом праздновали тысячелетие России (дата достаточно условная, но нашего повествования эта сторона дела не касается).

В город прибыл Александр II с государыней и всеми членами царственной семьи. Губернский предводитель дворянства князь Мышецкий произнес патетическую речь, величая Новгород «колыбелью царства русского» (в чем, очень возможно, не ошибался, так как имеется достаточно данных в пользу того, что Русская земля пошла не от Киева, а именно от Новгорода). После обедни из Софийского собора крестный ход двинулся на площадь, где под покрывалом возвышался памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый по чертежам и рисункам художника Микешина, здесь же, разумеется, присутствовавшего. Все собравшиеся, включая и государя, опустились на колени, митрополит Исидор совершил благодарственное моление, прочитал «умилительную», как ее именовали современники, молитву о счастии и благоденствии России (специально для торжественного дня написанную главой Московской патриархии Филаретом).

Под звон колоколов и пушечную пальбу покрывало соскользнуло, открыв высокий, величественный монумент, украшенный превеликим множеством фигур и барельефов, представлявших многих государственных деятелей, немало потрудившихся во славу России: князья, цари, императоры, другие исторические личности…

Митрополит окропил памятник святой водой. Потом начался парад войск, где ротами и эскадронами были представлены все гвардейские полки, а командовал парадом командир гвардейского корпуса великий князь Николай Николаевич. После парада на площади выставили 360 столов, за которыми угостили обедом всех до единого гвардейцев, участвовавших в параде. Государь с августейшей супругой обошел все столы, ни одного не пропустив, пил за здоровье орлов-гвардейцев (разумеется, не за каждым столом, поскольку такой подвиг был бы не в человеческих силах). Александр простер свое благоволение к художнику Микешину до того, что соизволил пожать ему руку, а также наградил орденом св. Владимира 4-й степени и пожизненной пенсией – 1200 рублей в год.

Речей, как легко догадаться, говорено было много. Князь Мышецкий рубил правду-матку:

– Новгородское дворянство осмеливается выразить своему монарху те неизменные чувства горячей любви и преданности,

которыми оно *всегда* гордилось…

Александр отвечал соответственно:

– На вас, господа дворяне, я привык смотреть как на главную опору престола, защитников целостности государства, сподвижников его славы…

Практически то же самое он повторил несколькими днями позже в Москве перед депутациями дворян Московской губернии и смежных с ней:

– Я привык верить чувствам преданности нашего дворянства, преданности неразрывно престолу и отечеству, которую оно столь часто на деле доказывало, в особенности в годины тяжких испытаний нашего отечества, как то было еще в недавнее время. Я уверен, господа, что дворянство наше будет и впредь лучшею опорою престола, как оно *всегда* было и должно быть…

Торжества по случаю тысячелетия России затянулись до 20-го декабря: встречи царственной четы с городскими головами, волостными старшинами и сельскими старостами, балы в Кремлевском дворце, большая охота на медведей и лосей, снова балы, балы… Лишь перед самым Новым годом императорская чета со свитой возвратились в Петербург.

Поскольку в подобные торжественные минуты во все времена и у всех народов принято упоминать только о хорошем, светлом, благородном и чистом, никто, разумеется, и словечком не заикнулся, что дворянство далеко не «всегда» было «лучшею опорою престола» – в прошлом сплошь и рядом дело обстояло как раз наоборот. И никто, конечно, в «колыбели царства русского» не сказал во всеуслышание, что еще каких-нибудь лет триста назад новгородское дворянство не питало к царю всея Руси ни малейшей любви и не выказывало ни капли преданности, наоборот – новгородское дворянство большей частью как раз и руководило яростным сопротивлением Москве, защищая свою «суверенность».

Но это, в конце концов, въедливый пустячок на фоне гораздо более поразительного события.

На памятнике тысячелетию России *не было* изображения Иоанна Васильевича Грозного!

Не было изображения *первого* официально провозглашенного русского царя. Человека, расширившего пределы России. Человека, как раз и заложившего основы государственного устройства, создавшего *настоящее* государство из рыхлой массы полунезависимых феодальных уделов. Человека, проведшего в жизнь серьезнейшие реформы во многих областях жизни – реформы, которые, опять-таки без преувеличения, как раз и превратили старую, отжившую Русь в настоящее *государство.*

Микешин поместил на свое творение немало людей, чьи деяния не стоили и сотой доли того, что совершил Грозный. А вот Грозного лишил такой чести – что все остальные, включая императора, приняли как само собой разумеющееся…

Причины и мотивы такого отношения к первому русскому царю не требуют каких-то долгих и старательных расшифровок. Они уже тогда лежали на поверхности и были прекрасно всем известны (хорошо еще, что не все думающие люди с ними соглашались). К тому времени Иван Грозный, по сути, был официально утвержден «общественным мнением» на роль величайшего тирана, сатрапа, злодея и преступника в русской истории. Большей частью изображался в роли омерзительного палача, цедившего кровушку направо и налево – просто так, забавы и потехи ради, по природному своему садизму, из любви к казням и пыткам. Ни малейшей логики и целесообразности в его действиях усматривать не полагалось. «Образованная публика» с восторгом внимала «ученым трудам» и исторической беллетристике, где Грозный изображался кровавым чудовищем, выражаясь словами Стругацких, пусть и относящимися к другому персонажу, – убивавшим направо и налево ради власти и царствовавшим, чтобы убивать…

Началось это еще во времена «плешивого щеголя» Александра I, когда ученый муж Карамзин впервые *пригвоздил* к позорному столбу царя-палача. Карамзин, правда, не был профессиональным историком (их тогда вообще насчитывалось крайне мало), зато, что очень важно для понимания ситуации, стал основателем целого направления в изящной словесности, именуемого «сентиментализмом».

В чем этот сентиментализм заключался, если вкратце?

Получивший европейское образование барин наподобие Карамзина, проведя приятную ночь со своей крепостной девкой, как следует завтракал, попутно приказав высечь крепостного повара за подгоревшую индюшку. Потом отправлялся в благородное собрание перекинуться в картишки, где запросто проигрывал целые деревни, ему принадлежавшие, – естественно, вместе с тамошним крепостным населением. Ну, а вечером, после трудов праведных, брался за гусиное перо и до рассвета сочинял трактаты либо романы – о тяжкой участи крепостных рабов, о вреде разврата и картежной игры…

Самое печальное и страшное, что я, право же, не преувеличиваю и не рисую никаких карикатур. Именно так вели себя эти благородные, ученые господа: железной рукой правили своим крепостным хозяйством, а для души сочиняли труды о высоком, заливая их сентиментальными слезами…

Интересно, что Петр I в глазах означенных господ вовсе не выглядел ни кровожадным зверем, ни тираном. Хотя крови он пролил столько, сколько Грозному и не снилось. Самые завзятые недоброжелатели Грозного, сохранившие все же научную совесть, считают число его жертв в пятнадцать тысяч человек (если по максимуму, что вовсе не обязательно соответствует истине). При том, что население Московского царства при Грозном составляло восемь миллионов человек (по другим данным – девять). При Петре многомиллионное население России сократилось на *четверть* – включая умерших и сбежавших за пределы Российской империи. Тем не менее к Петру те, кто с пеной у рта обличал Грозного, были невероятно предупредительны и ласковы. Главным образом оттого, что Петр, изволите ли видеть, внедрял «прогресс» и «цивилизацию», – а Грозный олицетворял собою всю «исконно русскую» отсталость (последний тезис особенно полюбился недоброжелателям России за ее рубежами, взахлеб перепевавшим страшные сказки и неведомо кем пущенные сплетни о «русском варваре»). Вот и выходило, что тысяча жизней, погубленная во имя пресловутых «прогресса и цивилизации», негожа упоминания рядом со зверством Грозного, отрубившего одну-единственную голову (причем обладатель этой головушки заведомо считался невинной жертвой). Царствовала самая что ни на есть шизофреническая логика: раз Грозный кого-то казнил, значит, казненный был чист, как ангел, и ровно ни в чем не виноват. Грозный ведь – сумасшедший тиран… (Через много лет этот же, с позволения сказать, творческий метод будет на всю катушку применен в «разоблачении Сталина»…)

Правда, Карамзин был к Грозному чуточку снисходителен – он благородно подчеркивал, что Грозный «не всегда» был зверем, что лишь с тридцати пяти лет, после смерти первой жены, приличный, в общем, человек «по какому-то дьявольскому вдохновению, возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями». Родился первый миф: что Грозный якобы до определенного возраста был «нормальным» человеком, а потом озверел и осатанел…

Развивая со всем пылом мнение «классика», историк Костомаров пошел дальше: по Костомарову, Грозный с самого начала был личностью совершенно жалкой и ничтожной, абсолютно лишенной каких бы то ни было качеств государственного деятеля. Сначала, первые 13 лет царствования, у Грозного якобы были умные советники (так называемая Избранная рада), которые-де и провели все многочисленные реформы. Ну а потом глупый и жестокий властелин означенных советников разогнал по скудоумному зверству своему и,

оставшись без присмотра, развернулся по полной, садистски цедя кровушку… Это был миф номер два. Остальные мы будем не перечислять (их множество), а по ходу повествования называть и старательно препарировать.

Чуть ли не все ведущие историки дореволюционной России писали свои труды в полном соответствии с вышеназванными мифами и кучей других. Вершиной этого плохо замаскированного поношения, имеющего мало общего с серьезным историческим анализом, стали слова С. М. Соловьева, на мой взгляд, выражающие несказанную тупость русской интеллигенции: «Нравы народа были суровы, привыкли к мерам жестким и кровавым, надобно было отучать от этого, но что сделал Иоанн? Человек плоти и крови, он не сознал нравственных, духовных средств для установления правды и наряда (порядка. – *А. Б),* или, что еще хуже, сознавши, забыл о них; вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами и страшна была жатва: собственноручное убиение старшего сына, убиение младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени!»

В том и беда того горластого, невежественного и тупого племени, именуемого российской интеллигенцией, что подобные благоглупости при первом же сопряжении их с реальностью показывают свою полнейшую несостоятельность…

Возьмем не абстрактный, а более чем *реальный* пример из времен Грозного. Высокопоставленный военачальник русской армии устанавливает связь с поляками, за деньги *скачивает* им секретнейшую военно-стратегическую информацию, а вскоре, не выдержав нервного напряжения и боясь, что все откроется, бежит в Польшу. Там он *закладывает* всех известных ему московских разведчиков при польском дворе, много лет, как знаток России, консультирует своих новых хозяев, как им сподручнее с Московией воевать (причем рвется самолично, с сабелькой в руке, возглавить польскую рать…).

Возникают два вопроса, на которые Соловьев, будь он жив, уж наверняка не смог бы ответить толком.

Первый. Какие такие «нравственные и духовные» средства могут быть применены в отношении подобного субъекта? Средства в данном случае уместны простые и негуманные: добротно намыленная веревка или хорошо наточенный топор.

Второй. Сможет ли кто-то назвать страну и время, когда с подобными субъектами поступали «нравственно и духовно»?

Если какая-нибудь интеллигентская мелкая сволочь (вроде тех, что время от времени шлет мне по Интернету корявые побрехушки, простодушно почитая их «оскорблениями») обидится

за покойного интеллигента Соловьева и возьмется на эти вопросы ответить по-соловьевски, милости прошу, любопытно будет послушать…

В общем, трудно представить, до каких высот взмыло и сколь пышным цветом расцвело поношение Грозного – тупого тирана, садиста, зверя…

Да, кстати. Еще о Соловьеве, чтобы, как говорится, два раза не ездить. Список тех «грехов», в которых он обвиняет Грозного, опять-таки прекрасно показывает те весьма специфические процессы, что когда-то бурлили в соловьевской голове. «Собственноручное убийство старшего сына», как мы увидим позже, вовсе не является доказанным фактом. К угличской трагедии Грозный не имеет ни малейшего отношения, поскольку уже не числился среди живых – да и смерть малолетнего царевича Дмитрия, вероятнее всего, была несчастным случаем, а не убийством. «Самозванец», то бишь Лжедмитрий, взял власть исключительно потому, что большая часть населения Московии увидела в нем настоящего сына Грозного. А «ужасы Смутного времени» проистекали в первую очередь оттого, что недорезанное Грозным благородное боярство, наплевав на государственные интересы, поддерживало всех и всяческих самозванцев, интриговало, рвалось к престолу – но вовсе не оттого, что Грозный их, ангелочков, испортил, а в силу *многовековой* привычки именно так и поступать…

Так вот, поношение Грозного… Оно достигло фантастических высот. Поскольку, кроме сухих ученых трудов, подкреплялось и художественными произведениями – что печально, весьма даже талантливыми. Аккурат через несколько месяцев после торжественного открытия памятника в Новгороде А. К. Толстой выпустил свой роман «Князь Серебряный», почитаемый ныне русской классикой. Сиятельный беллетрист в жизни не слыхивал о соцреализме, но грустный юмор в том, что его роман, полное впечатление, написан с тех же позиций соцреализма, что «Чапаев» Фурманова: беляки – исключительно трусы, сволочи и садисты, красные – олицетворение добродетели и героизма. Те же принципы подхода к былой реальности мы встретим и у Толстого. Иван Грозный – параноик, садист и недоумок, на всем протяжении романа не сказавший ни одного умного слова и не совершивший ни одного толкового поступка. Опричники царя – скопище монстров, заставившее бы Голливуд позеленеть от зависти. Казненные Грозным родовитые бояре – честнейшие, благороднейшие, ангелоподобные личности, расставшиеся с головой исключительно по людоедской прихоти царственного безумца… И так далее. Самое забавное – в подборе

положительных героев. Как в советской литературе «классово близкими» большевикам «борцами против царизма» сплошь и рядом выступали уголовные элементы, так и у Толстого значительную часть положительных героев, олицетворяющих возмущенный Грозным простой народ, составляют самые натуральные воры-разбойнички с большой дороги…

Пожалуй, из крупных фигур отечественной истории того периода *настоящим* ученым можно считать лишь академика С. Ф. Платонова, рассматривавшего деятельность Грозного объективно и не пересказывавшего интеллигентские страшилки. Именно он справедливо отметил, что «материалы для истории Грозного далеко не полны, а люди, не имевшие с ними прямого дела, могут удивиться, если узнают, что в биографии Грозного есть годы, даже целые ряды лет без малейших сведений о его личной жизни и делах». Отсюда вытекало, что историк обязан проявлять предельную осторожность – однако большинство коллег Платонова предпочитало заполнять пустоты пересказом страшных сказок или переписыванием крайне сомнительных источников…

Резким диссонансом в свое время прозвучали слова критика В. Г. Белинского, которые заслуживают того, чтобы привести их целиком.

«Это была сильная натура, которая требовала себе великого развития для великого подвига; но как условия тогдашнего полуазиатского быта и внешние обстоятельства отказали ей даже в каком-нибудь развитии, оставив ее при естественной силе и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать действительность – то эта сильная натура, этот великий дух поневоле исказились и нашли свой выход, свою отраду только в безумном мщении этой ненавистной и враждебной им действительности… Тирания Иоанна Грозного имеет глубокое значение, и потому она возбуждает к нему скорее сожаление, как к падшему духу неба, чем ненависть и отвращение, как к мучителю… Может быть, это был своего рода великий человек, но только не вовремя, слишком рано явившийся России – пришедший в мир с призванием на великое дело и увидевший, что ему нет дел в мире; может быть, в нем бессознательно кипели все силы для изменения ужасной действительности, среди которой он так безвременно явился, которая не победила, но разбила его и которой он так страшно мстил всю жизнь свою, разрушая и ее, и себя самого в болезненной и бессознательной ярости… Вот почему из всех жертв его свирепства он сам наиболее заслуживает соболезнования; вот почему его колоссальная фигура, с бледным лицом и впалыми сверкающими

очами, с головы до ног облита таким страшным величием, нестерпимым блеском такой ужасающей поэзии…»

Здесь, конечно, тоже имеются устоявшиеся штампы, но их крайне мало. А главное, недвусмысленно выражена толковейшая мысль: фигура Грозного чересчур величественна и сложна, чтобы подходить к ней с примитивными суждениями и абстрактным, слюнявым интеллигентским гуманизмом, еще ни разу в нашей истории не доводившим до добра…

К стыду для национальной гордости великороссов, главным разрушителем мифа о «русском варваре» выступил как раз поляк К. Валишевский, более ста лет назад написавший крайне объективную биографию Грозного. Он воспользовался нехитрым, но весьма действенным приемом: чуть ли не каждую главу своей книги завершал словами: «Но если мы посмотрим, что происходило в те же годы в Европе…» И скрупулезно рисовал картины лютых зверств, творившихся в «просвещенной, цивилизованной Европе», – на фоне иных Иван Грозный выглядит прямо-таки белоснежным плюшевым медведиком, лежащим рядом с клеткой, где гуляют вполне реальные тигры-людоеды…

Одна беда: и Белинский, и Валишевский не могли считаться «профессиональными историками». А потому ученое сообщество продолжало переписывать друг у друга страшные сказки, а образованная публика предпочитала роман Толстого – талантливый, увлекательный, яркий… и почти ничего общего не имевший с реальным прошлым.

Но если вернуться к дошедшим до нас *источникам,* там обнаружатся прелюбопытнейшие вещи, категорически не сочетающиеся с мифом о «безумном тиране»…

Самое интересное – народ (который у нас отчего-то принято уничижительно именовать «простым») в массе своей… к Ивану Грозному, сатрапу, тирану и зверю, относился не то что доброжелательно, а с неприкрытой *любовью!* За редчайшими исключениями Грозный в народных песнях, сказках и преданиях постоянно предстает как добрый и справедливый царь, пекущийся о народном благе!

И если бы все ограничивалось фольклором… Вот что в свое время с неприкрытым удивлением писал польский шляхтич Рейнгольд Гейденштейн, участник войны с Россией 1578–1582 гг.: «Тем, кто занимается историей его царствования (речь, понятно, идет о Грозном. – А. Б.), тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться необычная

верность его к своим государям. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще было очень мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность князю даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Игра приобретает интерес… В самом деле, в царствование Грозного *массы* практически не использовали двух своих извечных способов к сопротивлению: мятежей и побега за границу. Можно, конечно, и это объяснить «патологическим страхом» перед тираном – но следует учитывать, что полностью закрытой границы тогда не существовало, «пограничники» стояли лишь на главных дорогах – так что всякий, решивший сбежать в ту же соседнюю Польшу, без особого труда мог туда пробраться чащобами. Но – не бежали. И мятежей не поднимали. И вовсе уж нелепым будет привлекать «страх» в качестве объяснения стойкости защитников крепостей.

Относись они к Грозному отрицательно, кто им мешал сдаться и жить потом припеваючи в той же Польше? Католицизм тут никак не мог выступать в качестве пугала: Польша тех времен (точнее, Речь Посполитая, объединенное польско-литовское государство) была страной довольно-таки веротерпимой. Массированные гонения на православие начнутся лишь сотню лет спустя – а во времена Грозного чуть ли не половину населения Польши составляли православные (от крестьян до крупнейших магнатов), так что русский человек никакого дискомфорта там не чувствовал бы…

Но – не сдавались, несмотря на заманчивые обещания противника. Страх ни при чем. Следует искать другое объяснение.

Есть отдельные умники, которые его «находят» в якобы «рабской психологии» тогдашних русских людей. Мол, такими уж холопами они были не только по названию, но и в душе своей, что испытывали нечто вроде мазохистского экстаза, когда Грозный их мучил и тиранил – и, сладострастно закатывая глаза, просили:

– Огоньку б пожарче, милостивец… И к пяткам бы… Ох, хорошо! А теперь бы батогами по спине, да с оттягом… И щепки под ногти не забудь, милостивец, сатрап наш обожаемый!

Чушь собачья, господа мои! Прежде всего потому, что русские тех времен, даже крестьяне, вовсе не были рабами. Крестьянин всего-навсего был привязан к земле системой наподобие пресловутой советской прописки, а это, простите, никак не рабство. Настоящее *рабство* было оформлено «Соборным

уложением» только в 1649 г.

В том, что покорность Грозному и откровенная к нему народная любовь были основаны не на страхе, окончательно убеждают железные исторические факты: *позже,* во времена Романовых, народ как раз полной мерой, можно сказать, на всю катушку использовал те самые два способа: мятеж и бегство. Все царствование Петра прошло под знаком непрестанных бунтов, мятежей, заварушек и восстаний, от мелких, быстро подавлявшихся драгунским эскадроном, до стрелецких бунтов и восстания Булавина, против которого посылались регулярные армейские полки.

Чуть раньше, во времена Раскола, русские люди многими тысячами бежали в ту же Польшу. И даже более того: при Николае I солдаты Кавказского корпуса за неимением поблизости христианских сопредельных держав бежали в «басурманскую» Персию, причем не жалкими кучками, а в таком количестве, что шах персидский набрал из них целые воинские подразделения (добровольные сугубо!), которые на стороне персов воевали с царскими войсками (о чем сохранилось немало отчетов русских военачальников).

Вся трехсотлетняя история дома Романовых – это, по сути, история мятежей и побегов. При том, что и то, и другое было практически неизвестно во времена Грозного. Так что сказочки про «парализующий страх» или «рабскую психологию» сказочками и останутся. К Петру, кстати, подданные не испытывали ни малейшей любви, и число именовавших его «антихристом» было неимоверно велико.

«Мономахов трон» – молельное место Ивана Грозного в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.

Вывод простой: «тиранство» Грозного носило некий *избирательный* характер. И совершавшиеся в его времена казни оттого и принимались народом с одобрением, что народ прекрасно понимал их причины. И не сводил таковые к «паранойе» и «жажде крови». Все, следовательно, было сложнее. Гораздо сложнее. Очень похоже, что враги Грозного одновременно были и врагами народной массы…

В жизни крупных русских городов того времени большую

роль играл так называемый посад, или посадские люди: а именно купцы (не из крупных), всевозможные ремесленники. Те, кто в Польше именовался «мещане», в Германии – «бюргеры», а во Франции «третье сословие». Так вот, русский посад был вовсе не скопищем «холопов», даже с чисто юридической точки зрения. Посадский народ всегда живо интересовался делами города, следил за действиями властей и по мере своих скромных сил пытался влиять на ситуацию.

Сохранилась масса свидетельств, что посад вполне осмысленно и постоянно поддерживал Грозного в его деятельности…

А деятельность Грозного, помимо прочего, состояла еще и в неустанной борьбе с высшей аристократией, магнатами, тогдашними олигархами – русским боярством.

Вот это и есть ключевая точка. В русском народе прекрасно осознавали, против *кого* в первую очередь направлен якобы «бессмысленный» террор.

Иван Грозный. Со старинной немецкой гравюры на дереве. XVI в.

И одобряли это самым недвусмысленным образом, осознавая, что эксцессы (пусть такого слова тогда и не знали) – эксцессы и есть…

А потому дореволюционный историк русского крестьянства Беляев писал открыто: «Грозные государи московские Иоанн III и Иоанн IV были самыми усердными насадителями исконных крестьянских прав. В особенности царь Иван Васильевич постоянно стремился к тому, чтобы крестьяне в общественных отношениях были независимы и имели одинаковые права с прочими классами русского общества».

Каков пассаж! Одним махом «безумный тиран» превращается в защитника «трудового крестьянства»! Но в том-то и соль, что Беляев писал совершеннейшую правду. Иван Грозный не просто

защищал крестьянские интересы – он еще и вводил на Руси самую натуральную *демократию*, какой в «передовых европейских странах» в то время и не пахло. Чуть позже я это буду доказывать, как говорится, с документами в руках.

Но не будем забегать вперед…

Все факты, дискредитирующие примитивную сказку о «кровавом безумце», были прекрасно известны и во времена Костомарова с Соловьевым, не говоря уж о Карамзине. Но историческая наука (к которой я отношусь с величайшим решпектом, как ясно уже читавшим мои прежние скромные труды) обладает стервозной особенностью отбирать и использовать только те факты, что укладываются в «общепринятую теорию». С фактами противоречащими поступают незатейливо: их попросту не замечают. Благо в стране под названием «Российская империя» существует уже и «образованное общество», и «передовая интеллигенция», одинаково жаждущие откровенного примитива в красивых обертках…

Оклад Евангелия. Вклад Ивана IV в Благовещенский собор Московского Кремля. 1571 г.

А потому до революции сторонники черной легенды о «безумном тиране» составляли то подавляющее большинство, которое как раз и владеет умами. После революции, как легко догадаться, положение ничуть не улучшилось: кто бы стал

заниматься вдумчивым и объективным изучением личности и поступков Грозного, если все без исключения самодержцы были объявлены «сатрапами» и «тиранами»? И все написанное о «сумасшедшем тиране Грозном» как нельзя лучше иллюстрировало большевистские тезисы о «порочности царизма».

И появлялись стихотворные строки вроде написанных Владимиром Луговским:

> …От белых поповен в поповском саду,
> От смертного духа морозного,
> От синих чертей, шевелящих в аду Царя Иоанна Грозного…

С одной стороны, вновь присутствует некая шизофреническая раздвоенность мысли: если ад и рай являются не более чем «поповскими выдумками», то как может советский поэт рассуждать, куда именно после смерти попал Грозный? С другой же – ничего нового, все в русле концепций еще времен Карамзина…

И только после окончания Великой Отечественной о Грозном начинают писать *объективно*. Потому что таково указание Сталина. А Сталин *понимал* Грозного, как мало кто другой – ему самому пришлось вести ту же самую борьбу со *своими* зажравшимися и обнаглевшими боярами, разве что назывались сталинские бояре иначе, но суть была та же…

Вот только после смерти Сталина и «разоблачения культа» многое вернулось на круги своя. Наряду с объективными исследованиями появляются и опусы, проникнутые прямо-таки патологической, нерассуждающей злобой к Грозному, уже не имеющие ничего общего с научными трудами…

Как говаривал один из персонажей Стругацких, уж на что я привычный человек, ребята, но и меня замутило…

Лично меня прямо-таки замутило, когда в одной из книг крайне мною уважаемого автора я вдруг прочитал, что, оказывается, «впервые регулярную армию в России создал Петр I». Автор этот, с его знанием истории, уж никак не мог запамятовать, что *впервые* регулярную армию в России создал как раз Иван Грозный. Но к Грозному он отчего-то относится со столь патологической ненавистью, что пошел на явный подлог, о чем сам, конечно же, прекрасно знает… Такие вот печальные последствия «карамзинщины» порой встречаются…

Но предисловие, сдается мне, несколько затянулось. А

потому пора перейти к главному, то есть беспристрастному по возможности рассказу об Иоанне Васильевиче Грозном, могучем, страшном и несчастном человеке. Частенько после той или иной книги «черной серии» в мой адрес слышится уже прискучившее нытье, смысл коего сводится к одному: автор снова пытается злонамеренно кого-то «реабилитировать».

Во-первых: а чем, собственно, так уж скверно намерение кого-то реабилитировать? В том случае, конечно, если на человека возвели заведомо несправедливые обвинения?

Во-вторых, я никогда особенно не стремился играть роль «реабилитатора». Я просто-напросто пытался по мере возможностей, насколько удавалось, представить объективную картину прошлого. Если мне попадался миф и удавалось доказать, что это именно миф, выдумка, сплетня, я так и поступал. Если удавалось довести до читателя некие «реабилитирующие моменты», то кто ж виноват, что именно они обнаруживаются при глубоком изучении *серьезных* источников? Ну, а если кому-то всего-то навсего не хочется расставаться с привычным мифом, то это его личные медицинские проблемы, которые я решать не обязан…

А посему в качестве музы я всегда выбирал не порхающую барышню с арфой, а покойного английского историка Р. Коллингвуда (что, согласитесь, гомосексуальных мотивов под собой не имеет). Вот и на сей раз своему обыкновению изменять не намерен.

Оклад Евангелия. Деталь. Вклад Ивана IV в. Благовещенский собор.

Итак, Коллингвуд. «Какие вещи ищет история? Я отвечаю: red gestae[1] – действия людей, совершенные в прошлом. Хотя этот ответ поднимает множество дополнительных вопросов, многие из которых вызывают острые дискуссии, все же на них можно дать ответы, и эти ответы не опровергают нашего основного положения, согласно которому история – это наука о red gestae, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом».

Лично я в невежестве своем именно такой подход и считаю подлинно научным – а не попытки объяснить действия какого-то исторического деятеля, исходя либо из собственных либеральных воззрений (нелепо все же судить и приговаривать человека шестнадцатого века по меркам и моральным критериям века, скажем, девятнадцатого), либо из откровенной дури. Вот, скажем, еще в 1893 г. психиатр П. И. Ковалевский от большого ума сочинил целую книгу, где бестрепетной рукой вывел Ивану Грозному диагноз: «параноик с манией преследования». Разумеется, сей господин был либералом, интеллигентом и прогрессистом. Нисколько не задумывался над тем, насколько сие согласуется с профессиональной этикой: ставить диагноз пациенту, умершему за триста с лишним лет до того. Да и опирался наш эскулап не столько на сохранившиеся документы,

сколько на вышепоминавшиеся книги историков-«обличителей» да на то самое «общее настроение умов» тогдашней просвещенной публики, рассуждавшей примитивно и вульгарно. Головы рубил? Значит, преступник! Заговоры искал? Параноик! Нет бы ему применять к предателям, изменникам и заговорщикам те самые «нравственно-духовные» методы. Продался полякам или шведам? Получи поместье в награду. Заговор составил против царя? Золотую цепь на грудь…

Лично мне гораздо ближе методы Коллингвуда, а потому вновь приведу обширную цитату.

«Когда человек мыслит исторически, то перед ним лежат определенные документы, или реликты прошлого. Его задача – раскрыть, чем было это прошлое, оставившее после себя эти реликты… Предположим, например, что он читает «Кодекс Феодосия» и перед ним – эдикт императора. Простое чтение слов и возможность их перевести еще не равносильны пониманию их исторического значения. Чтобы оценить его, историк должен представить себе ситуацию, которую пытался разрешить император, и представить, какой она казалась императору. Затем он обязан поставить себя на место императора и решить, как следовало себя вести в подобных обстоятельствах. Он должен установить возможные альтернативные способы разрешения данной ситуации и причины выбора одного из них. Таким образом, историку нужно в самом себе воспроизвести весь процесс принятия решения по этому вопросу. Таким путем он воспроизводит в своем сознании опыт императора…»

Золотые слова. Именно ими я и руководствуюсь вот уже одиннадцать лет, приступая к историческим расследованиям. Так, достаточно изучить жизнь и деятельность Ивана Грозного «по Коллингвуду», как ситуация меняется самым решительным образом. Не было никакого параноика, терзаемого манией преследования. И садиста не было. Был умный, толковый и, что уж там, жестокий правитель, все действия которого были подчинены одной цели: укрепить единое государство и навести в нем порядок – в первую очередь посредством создания законов. Практически любое европейское государство проходило в своем развитии именно эту стадию. Другое дело, что иные западные страны лет этак на сотенку *отставали* от России – например, Франция, где повторить опыт Грозного смог лишь кардинал Ришелье (действовавший совершенно теми же методами, но так никогда и не объявленный садистом либо параноиком, – европейцы в некоторых делах, увы, умнее нас, да и интеллигенция у них водится в столь ничтожном количестве, что, слава богу, не имеет влияния на серьезные исторические

процессы).

Все вышесказанное, конечно же, не означает, что в действиях Грозного не было «перегибов», серьезных промахов и напрасных казней, когда под раздачу попадали невиновные. Но, во-первых, в те времена повсеместно нормой была как раз крайняя жестокость (сплошь и рядом, повторяю, превосходившая русскую), а во-вторых, в той сложнейшей обстановке, в которой пришлось всю сознательную жизнь действовать Грозному, просто не обойтись без «перегибов»…

Ну, думаю, достаточно. Начинаем рассказ о непростых временах Ивана Грозного. Поскольку придется затрагивать массу серьезнейших тем, не стоит начинать ни с былинного «Жил да был», ни даже с «Однажды родился…» Личность грозного царя и та эпоха, когда ему пришлось жить, прямо-таки требует начать издалека. Весьма даже издалека. Отступить на сотни лет в прошлое – причем не только России, но и многих других европейских государств. Потому что эпоха Грозного – лишь завершение сложных многовековых процессов, происходивших на территории от Атлантического океана до Уральских гор.

И прежде всего мы рассмотрим один из распространенных, увы, до сих пор мифов: будто деятельность Грозного была лишь выражением «исконно русского варварства», в то время как просвещенная цивилизованная Европа жила в тиши и благодати, строго соблюдая писаные законы и пользуясь всеми демократическими свободами вроде парламентов и прав человека…

Ну что же. Коли уж вы хотите познакомиться с «демократической Европой» шестнадцатого столетия, рекомендую особо впечатлительным натурам заранее запастись валерьянкой…

Глава первая. Жизнь и развлечения старушки Европы

Начать придется с доброй старой Англии, цитадели демократии и парламентаризма. Особенно подробно излагать историю первых пятисот лет британской монархии я не намерен – поскольку собрался написать отдельную книгу по этой теме, которую думаю озаглавить лирически: «Англия: остров кошмаров». Надеюсь, после знакомства с нею найдутся читатели, которые согласятся, что название вовсе не клеветническое…

А пока – краткий курс английской истории вплоть до времен Ивана Грозного.

Как более-менее известно, история Соединенного Королевства началась с того, что в 1066 г., когда умер саксонский король Эдуард Исповедник, на острове браво высадилась компания нормандских воинов под командованием своего герцога Вильгельма. Вильгельм объяснял всем и каждому, что Эдуард, понимаете ли, именно ему завещал королевство, – правда, со свидетелями и письменными подтверждениями дело обстояло как-то туманно… Не вступая в долгие прочувствованные дискуссии, Вильгельм разбил претендовавшего на трон саксонца Гарольда и захватил страну, довольно логично объясняя, что она же теперь бесхозная, нужен присмотр и хозяйский глаз…

Несогласные, видя нешуточную угрозу для жизни, попрятались по лесам (именно они впоследствии и дали толчок легендам о благородном разбойнике Робин Гуде). Вильгельм, уже именовавшийся Завоеватель, принялся хозяйствовать: переписал все английские земли, составив точный кадастр (который коренные жители с горьким юмором обозвали «Книгой страшного суда»), после чего «раскулачил» всех старых землевладельцев-саксов, а их угодья раздал своим сподвижникам, объясняя, что так оно будет гораздо справедливее. Сподвижники хором поддакивали. После этого торжества справедливости в Англии кое-как наладилась нормальная, с точки зрения пришельцев, жизнь – с грабежами, вымогательствами, сносом целых селений и городов, не понимавших новой экономической политики, и прочими прелестями цивилизованного бытия.

В том, что Вильгельм Завоеватель был все же выдающимся государственным деятелем, убеждают обстоятельства его кончины – он ухитрился умереть естественной смертью, чем не всякий английский король мог похвастаться. Устроив во Франции очередную войнушку, наш герой упал с коня и через несколько

дней скончался без всякой посторонней помощи. Дворцовые лакеи тут же принялись грабить оставшееся без присмотра имущество и так увлеклись, что ненароком сбросили покойника с кровати на пол, где он и пролежал чуть ли не сутки…

В Англии стал править сын Вильгельма, известный в истории как Вильгельм II Рыжий. Именно ему принадлежит сомнительная честь быть первым английским монархом, погибшим насильственной смертью (нет сомнений, что сам Вильгельм, предложи ему этакую честь заранее, отказался бы самым решительны образом).

Оленинки захотелось его величеству… Вот и отправился на охоту в сопровождении одного-единственного спутника, некоего сэра Вальтера Тирелла.

Больше его живым не видели. Вечером какой-то скромный угольщик заметил под деревом бездыханного короля со стрелой в груди – что, согласитесь, на самоубийство списать как-то трудновато. Сэр Вальтер, ударившийся в бега, вскоре обнаружился аж во Франции. Там он под присягой заявил: ехали они с королем, ехали, вдруг из кустов ка-ак порхнёт злодейская стрела – и прямехонько королю в сердце. Ну а он, сэр Вальтер, испугался, что отдельные испорченные личности заподозрят именно его, и срочно эмигрировал…

Как там обстояло дело, останется неизвестным. Вообще-то Рыжий заимел в Англии столько врагов, что вполне могло случиться и описанное Тиреллом. Кто-то в те времена распускал и еще более неправдоподобную сплетню: якобы Тирелл и в самом деле стрелял, но – по оленю, вот только стрела, «срикошетив» от дерева, угодила в короля. Похоже, что эти слухи исходили из окружения брата Рыжего, Генриха Грамотея (его так прозвали за то, что он умел читать и писать, что для тогдашних королей было большой редкостью), ставшего властителем Англии после смерти Вильгельма II. Правда, нашлись циники, которые про самого Грамотея в связи с убийством распускали всевозможные нехорошие слухи…

После недолгого периода относительно мирной жизни в Англии началась гражданская война – собственно, большая семейная разборка. За королевский трон насмерть принялись драться двоюродные брат с сестричкой, Стефан и Матильда. Стефан был сыном дочери Завоевателя Аделы и графа Блуа, а Матильда – дочерью Грамотея. Каждый из них считал, что у него больше прав на престол, а вот другой (другая) – натуральный узурпатор и выскочка.

Два войска весело гонялись друг за другом по доброй старой Англии, попутно выжигая все, что горит, и грабя все, до чего

могли дотянуться. Продолжалось это веселье годами. В конце концов победил Стефан, а Матильда бежала на континент.

Интересно, что сам Стефан в английской истории считается, по выражению одного из британских авторов, «гуманным и умеренным человеком, со множеством замечательных достоинств». Беда только, что развратившиеся за долгие годы смуты вельможи, засевшие в своих замках, гуманизмом как раз не отличались. О том, что тогда творилось в Англии, лучше всего поведает тогдашний летописец: «В замках обитали не люди, а дьяволы. Селян и селянок они ни за что ни про что гноили в подземельях, жгли огнем и удушали дымом, подвешивали за пальцы рук или за пятки, привязав к голове тяжелый камень, терзали зазубренным железом, морили голодом, давили в тесных ящиках, утыканных изнутри острыми камнями, умерщвляли всевозможными зверскими способами. В Англии не было ни зерна, ни мяса, ни сыра, ни масла, ни вспаханных полей, ни урожаев. Пепел сожженных городов и безотрадные пустыри – вот все, что мог за долгий день увидеть путешественник».

Одни духовные лица и сами прежестоко страдали из-за грабежей, но другие, имевшие собственные замки, вели себя в точности так, как господа бароны, в кольчугах и в шлемах возглавляя собственные дружины, отправлявшиеся, как сказали бы на Руси, «за зипунами». Насмотревшись на это безобразие, папа римский наложил на Англию интердикт – то есть запрещение совершать любые церковные обряды: службы, венчания, отпевания.

Следующий король, снова Генрих, баронов-разбойников чуточку приструнил, разрушив более тысячи замков. После чего насмерть сцепился с собственным архиепископом Томасом Бекетом.

В этой драке не было ни правого, ни виноватого. Попросту Бекет (как впоследствии патриарх Никон на Руси) возмечтал поставить духовную власть выше светской, то есть устроить все так, чтобы первую скрипку играть ему самому, а короля держать «на подхвате». Естественно, король с такими новшествами не согласился, как любой бы на его месте. Кончилось все тем, что четверо королевских рыцарей поскакали к архиепископу – и, как они потом объясняли, Бекет был настолько неосторожен, что по случайности споткнулся, да так неудачно, что угодил прямо на их обнаженные мечи. Раз восемнадцать подряд. Что характерно, король этим рыцарям ничего не сделал, и они, как пишет английский историк, «бежали в Йоркшир, где влачили жалкое существование изгоев, потому что папа предал их анафеме». Без комментариев.

Дальнейшая история королевства была, можно сказать, скучной и традиционной. На протяжении довольно долгого времени добрые британцы больше не убивали ни королей, ни архиепископов. Они всего-навсего вторглись в Ирландию и вскоре ее захватили, во время одной из битв отрубив у побежденных триста голов и сложив их к ногам своего предводителя Макмурроха. Макмуррох принялся эти трофеи перебирать и, найдя голову какого-то субъекта, которого особенно ненавидел, прилюдно откусил у нее нос и уши. Вспоминая эту историю, англичане любят подчеркивать, что Макмуррох, боже упаси, не коренной британец, а ирландский лорд на британской службе. Ну, возможно, это и оправдание, кому как…

Потом устроили несколько еврейских погромов под идеологически выдержанным лозунгом: «Бей жидов, спасай Британию!». Потом четверо сыновей короля Генриха Второго (того самого, что бодался с Бекетом) собрали войска и всерьез принялись свергать папеньку с престола – засиделся, старый черт, дети тоже люди, им тоже хочется… Началась очередная многолетняя заварушка, в ходе которой почтительные детки вышибли-таки папашу из Британии, и он умер во Франции, напоследок, по свидетельству хронистов, прокляв и свою горькую судьбину, и сыновей. По старой доброй традиции свита не только растащила все его добро, но и *поснимала* все драгоценности с покойника, после чего разбежалась. Совершенно посторонние французы, видя такое дело, собрали немножко денег и скромно похоронили короля в аббатстве Фонтевро…

Самое интересное, что королевское проклятье в адрес бунтовщиков-сыновей, очень похоже, подействовало… Двое из четырех скончались еще до смерти папаши: один упал с коня, другой чем-то занемог и умер. В истории они, в общем, никакого следа не оставили. А вот двое живых, подвергшихся отцовскому проклятию, как раз очень хорошо знакомы и знатокам истории, и читателям Вальтера Скотта: звали их Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный…

Так вот, несмотря на громкие имена, счастья этим двум субъектам в жизни не было. До конца жизни оба враждовали уже меж собой. Ричард всю сознательную жизнь пребывал за пределами Англии – воевал в Палестине, сидел в плену у какого-то австрийского графа, который его сцапал в надежде на выкуп. И в конце концов был убит стрелой со стены какой-то крепостишки, которую непонятно зачем осаждал.

Братец Иоанн оказался совершенно бездарным и неудачливым правителем, печально прославившимся еще и тем, что ухитрился однажды потерять всю государственную казну:

обоз с нею (и всеми без исключения сопровождающими) потонул где-то в зыбучих песках на побережье, и сокровища не отысканы до сих пор.

Собственно говоря, в истории его имя осталось главным образом потому, что при нем была принята так называемая Великая хартия вольностей, которую иные романтики как раз и считают манифестом английской демократии (ну вот мы и добрались до истоков демократии, продравшись сквозь кровь и пожарища…).

Именно с этим, как выражался Лесков, *тугаментом* отдельные романтически-либерально настроенные интеллигенты и связывают якобы воцарившиеся после того в Британии законность и порядок. Мол, после обнародования этого эпохального манифеста ни единого англичанина не могли более заключить в тюрьму по произволу – а исключительно по решению суда… И тому подобные благоглупости.

На самом деле, господа мои, все обстояло несколько иначе…

К лету 1214 г. король Иоанн оказался в положении загнанной в эмалированное ведро крысы. За все его художества папа римский отлучил его от церкви. Потом, правда, простил, но тут уже взбунтовались английские бароны, собрали нехилое войско, заняли Лондон и стали произносить патетические речи о восстановлении справедливости, законности и гражданских свобод (что простой народ принимал с бурными, переходящими в овацию аплодисментами).

Король, отсиживавшийся в каком-то домишке на окраине Лондона с войском аж из *семи* рыцарей, сопротивляться этой «оранжевой революции» не мог даже теоретически. А потому, стеная в душе, послушно *подмахнул* (это не мое выражение, а Чарльза Диккенса) документик, подсунутый ему баронами…

Первым пунктом там значился следующий: «Церковь Англии будет свободна, и ее права и свобода неприкосновенны». Если мы уточним, что тогдашняя английская церковь (как, впрочем, и любая другая, в том числе и русская) сама была крупнейшим феодалом, владельцем угодий, поместий и прочего добра, то, возможно, кое-кто и согласится, что с «правами простого человека» это имеет мало общего…

Второй пункт гласил, что город Лондон сохраняет все свои прежние вольности, особенно право на свободную торговлю. Тоже, учено выражаясь, узкоспециализированный параграф…

Далее (ликуй, интеллигенция!) наконец-то появился пункт о всех и всяческих вольностях… вот только касался он исключительно высшей знати, то бишь баронов, ставших настолько независимыми от королевской власти, насколько это

вообще возможно. Имелся пунктик, согласно коему за строжайшим соблюдением именно этого условия будет бдительно и постоянно наблюдать совет из двадцати пяти человек… вы уже догадались, из кого состоящий? Ага, вот именно…

Были еще разные параграфы, касавшиеся прав вдов с сиротами, а также гласившие, что отныне представитель власти не имеет права отбирать для своих нужд у жителей страны ни лошадей, ни повозок.

И только в самом конце скромненько помещался пунктик, гласивший, что «всякий свободный человек» имеет право на справедливый суд и не может отныне быть заключен под стражу беззаконно, по произволу должностного лица.

Вот только ликовать-то погодите…

Хитрость тут в том, что понятие «свободный человек» относилось тогда к *ничтожнейшему* проценту населения Англии, куда входили лишь дворяне (да и то не все), высшее духовенство, купцы (богатейшие) да верхушка ремесленников, как-то: руководство цехов и самые богатые мастера… *Все остальное* население королевства (процентов этак девяносто девять) под юридическое определение «свободного человека» уже не подпадало. Господа магнаты, светские и духовные, этот документик пробили исключительно *под себя*…

И ничего удивительного в том, что писатель и историк Айзек Азимов меланхолично отмечает: «Разумеется, английские короли не всегда следовали ее (Хартии. – *А. Б.)* установлениям, и было много периодов в английской истории, когда ее вовсе не принимали в расчет».

Еще более меланхоличен Уинстон Черчилль, в своем труде «Рождение Британии» писавший о Хартии: «В последующие сто лет ее переиздавали 38 раз, поначалу с несколькими значительными изменениями, но с сохранением важнейших положений. Затем до XVII в. о Хартии мало кто слышал. Через двести с лишним лет парламентская оппозиция, пытавшаяся противостоять поползновениям Стюартов на свободу подданных, отыскала (! – *А. Б.)* ее и сделала своим лозунгом, объединившим страну в борьбе против угнетения. Так была создана славная легенда о «Хартии свобод англичанина».

Таким образом, только к середине *семнадцатого* столетия, после принятия закона «Хабеас корпус», основная масса англичан получила кое-какую правовую защиту от произвола властей. А до того в стране резвилась знать, полагавшая, что все права человека и все законы висят в ножнах у нее на поясе – и поступавшая соответственно.

В четырнадцатом столетии господа бароны, объединившись,

свергли и убили короля Эдуарда II – впоследствии к тому же оклеветанного и оболганного (но о его трагической судьбе я подробно расскажу в «Острове кошмаров»).

В пятнадцатом веке цареубийств, можно сказать, почти что и не было – по английским меркам, понятно. Всего-то навсего случались бунты знати, парочку королей свергли, а потом они совершенно самостоятельно скончались в заточении, что, согласитесь, цареубийством считать нельзя (с точки зрения англичан, я имею в виду).

В этом же столетии благородные лорды и бароны решили, что бунтовать и мятежничать *поодиночке* как-то неинтересно, и над зелеными просторами доброй старой Англии раздался бодрый вопль: «Танцуют все!» Высокородная знать, разделившись на два лагеря – Алой и Белой розы, – закатила годочков на полсотни самую ожесточенную гражданскую войну: снова кровь, снова пожарища, измены, интриги, горят деревни и города, лихая конница несется по колосящимся полям…

В конце концов эту войну с превеликим трудом прекратил герцог Глостерский, ставший королем Ричардом III. Однако в Англии высадился очередной претендент на престол (которые, по замечанию Марка Твена, размножались тогда, как кролики). Ричард погиб в бою и был новым королем оклеветан так качественно, что иные обвинения дожили до сегодняшнего дня.

Следует обязательно упомянуть, что на всем протяжении этого периода то и дело вспыхивали восстания – тех, кто в категорию «свободных людей» не попадал, но тоже набирался наглости требовать, чтобы в нем признали человека. Все без исключения короли выбивали из подданных этакую дурь самыми крутыми мерами. А после крупнейшего крестьянского восстания Уота Тайлера (когда тысячи голов слетали даже без пародии на суд и следствие) юный король Ричард II на случай, если кто не понял, писал своим подданным крестьянского сословия без дипломатических экивоков: *«Рабами* вы были, *рабами* и останетесь».

Ну, и частенько объявлялись в немалом количестве не то чтобы самозванцы, а *претенденты* на престол. Очень уж много развелось субъектов с толикой королевской крови в жилах – из-за того, что королевский дом оказался из-за многочисленных браков с английскими баронами, шотландскими королями и французскими магнатами очень уж многочисленным. Периодически очередной претендент собирал *ватагу* и шел захватывать престол. Справедливости ради следует уточнить, что порой очередной соискатель престола, несмотря на пустые карманы и кольчугу третьего срока носки, имел гораздо больше

прав на престол, чем восседавший на нем монарх, – но, как легко догадаться, последний вовсе не горел желанием освобождать насиженное местечко. К слову сказать, *последнего* претендента, имевшего кое-какие права на английский трон, разгромили уже не в Средневековье, а только в 1745 г.

А ведь были еще и откровенные самозванцы – тоже устраивавшие порой нехилые заварушки, после которых повсюду дымились головешки, а уцелевшее народонаселение на всякий случай долго еще обитало по чащобам…

В общем и целом тогдашнюю обстановку в Англии можно охарактеризовать кратко: полнейшее всевластие знати, магнатов, тогдашних олигархов, которые гнули через колено всех остальных и в качестве «белой кости» пользовались всеми правами, – а когда не хватало старых, изобретали для себя новые. То, что эта ситуация была свойственна всем без исключения европейским государствам (и Руси в том числе), никого не оправдывает.

К моменту рождения Ивана Васильевича (еще, понятно, не Грозного) английская вольность дворянская нашла крайнее выражение в так называемом Северном Пограничье – обширных районах на севере Англии, примыкающих к шотландской границе.

Даже на фоне тогдашнего английского дворянского разгула Пограничье представало адом кромешным. Поскольку законов и порядка там не было *вообще.* Жили не по законам, а по «понятиям». Вообще-то тамошние лорды слышали краем уха, что где-то к югу от них существует королевская власть, парламент, законы и суды, но в своей повседневной жизни об этих мелочах как-то не вспоминали.

Правили там не королевские чиновники и судьи, а сильные баронские роды, среди которых самыми крупными были Перси и Невилли, графы Нортумберлендские и Уэст-морлендские. Королевские наместники, судьи и шерифы, не говоря уж о чиновниках помельче, в эти края не совались, прекрасно понимая, что в случае чего никто их косточек не найдет – да и искать не будет.

Помянутые роды (и многие другие) в традициях прямо-таки *первобытного* общества творили что хотели – то воевали друг с другом, то устраивали свои собственные, *частные* войны с сопредельной Шотландией (впрочем, шотландцы отнюдь не были мирными овечками и частенько сами с большим удовольствием вторгались в Пограничье, чтобы как следует пограбить). Ну а грабеж в тех скудных местах сводился главным образом к угону скота. Англичане – у шотландцев, шотландцы – у англичан, те и другие – друг у друга…

Так ведь мало того! В Пограничье существовали еще и свои собственные беспредельщики! Среди болот и холмов области Чевиот располагались две «разбойничьи долины», где обитали вовсе уж законченные отморозки, не признававшие не только королевской власти, но и «понятий», введенных Перси, Невиллами и прочими кланами. Кланы у них были свои собственные, ничему и никому не подчинявшиеся. Речь идет не о каких-то мелких шайках: в диких местах, среди болот, были устроены крепости, где обитало примерно полторы тысячи вооруженных до зубов решительных личностей – а также их жены, малые детушки, бабушки и деды.

Вот *эти* плевали и на закон, и на «понятия», не признавая ничего, кроме верности своей шайке, то бишь клану. Промышляли они не только угоном скота, но и классическим рэкетом, а также похищениями людей с целью выкупа. При малейшей опасности они быстренько находили приют по ту сторону шотландской границы, где обитали такие же отморозки, разве что щеголявшие не в штанах, а в клетчатых юбках.

Эту вольницу – и кланы Перси – Невиллов, и обитателей «разбойничьих долин» – удалось скрутить в бараний рог лишь королеве Елизавете году к 1570-му. Женщина была решительная и с феодальной вольницей боролась почище Грозного. Но только в начале *семнадцатого* столетия дворяне в тех местах стали строить «нормальные» господские дома, без высоких стен и крепостных башен…

Но мы, пожалуй, снова забегаем вперед. В 1509 г. на английский престол вступил король Генрих VIII – и началось такое…

Впрочем, чтобы в полной мере объяснить царствование Генриха, нам обязательно следует отвлечься на время от доброй старой Англии, Острова кошмаров, и перенестись в Германию…

Тогдашняя Германия пышно именовалась Священной Римской империей германской нации, как водится, имелся даже император – вот только власти у него было примерно столько же, сколько у ночного сторожа (магнаты бдительно следили за тем, чтобы такое положение сохранялось неизменным). А на деле «империя» состояла из примерно трехсот больших и маленьких, практически независимых государств, а также примерно тысячи тоже независимых рыцарских владений.

Именно из Германии и поползла очередная зараза, на доброе столетие погрузившая практически всю Европу в огонь и кровь…

Звалась эта зараза – Реформацией. И заварил кашу монах по имени Мартин Лютер. Сам он, насколько можно судить, руководствовался побуждениями достаточно благородными. Он

хотел как лучше – а получилось как всегда. С романтическими (и не особенно) реформаторами такое случается сплошь и рядом, поскольку с определенного момента процесс выскальзывает из рук творца и живет по своим собственным законам…

Поначалу Лютер стремился, повторяю, к цели достаточно благородной: реформировать католическую церковь, чересчур увлекшуюся мирскими делами в ущерб высокой духовности (интересно, что во времена Лютера в русской православной церкви наблюдались схожие процессы, о чем подробнее – позже…).

Безгрешен, как известно, лишь Господь Бог, а земной церковью руководят люди. Люди есть люди… В церковных иерархах было слишком много *мирского,* суетного: они превратились в форменных феодалов с пышными выездами, соколиными охотами, живейшим участием в политических интригах и прочими грехами. Многих ревнителей духовности, не одного Лютера, возмущало появление индульгенций – продававшихся за деньги грамоток с полным отпущением грехов (кстати, в шестнадцатом веке на Руси отмечена продажа за деньги неких «богоспасительных грамот», которые весьма напоминают индульгенции…).

Разумеется, нарбоннский епископ Беранжер, который не только продавал за деньги церковные должности, но и содержал на жалованье шайку разбойников, исправно таскавшую ему с больших дорог всякое добро, был крайностью. Но и без этой крайности в церкви накопилось немало *грешного.* Людей, искренне верующих и думавших в первую очередь о духовности, это всерьез возмущало.

Вот Лютер и провозгласил свои знаменитые «девяносто пять тезисов» об исправлении церкви – которую вовсе не собирался покидать. Но прекрасно известно, *куда* ведет дорога, вымощенная благими намерениями…

В числе прочего Лютер достаточно внятно провозгласил идею о том, что церковь ради приближения к высокой духовности должна отказаться от обладания многочисленными *земными* благами. Это был не самый важный для него самого тезис, но именно он сыграл роль выпущенного из бутылки джинна – не относительно мирного Хоттабыча, а того персонажа Стругацких, что плевался огненными языками и рушил им же созданные замки…

Масса народу (и не только феодалы, но и городские бюргеры с крестьянами) мгновенно сделали из этого тезиса *свои,* весьма практические выводы. Ежели почтенный господин проповедник вещает, что подлинной церкви мирские блага ни к чему, то

отсюда следует…

Гр-рабь награбленное, робяты!!!

Все остальные тезисы Лютера никого уже не интересовали. Часть баронов, простых рыцарей (а также примкнувшее к ним бюргерство и крестьянство) кинулись отнимать церковные земельные владения, грабить и разорять монастыри. Легко представить картину вроде следующей: возмущенно вопящего священника ласково выпроваживают подзатыльниками, приговаривая:

– Ну кто грабит, кто грабит, что ты разорался? Не грабим, а за духовность боремся, вот за твою персонально, темный ты человек! Лютера читать надо…

А в общем, никакие это не шутки. Грабеж начался превеликий – и не имевший ничего общего с той самой борьбой за духовность, потому что земли и движимое имущество присваивали не для того, чтобы, скажем, употребить на облегчение участи бедных, сирых и нищих, а вульгарно получать с них выгоду исключительно для себя. С высокой духовностью это, согласитесь, совершенно не сочетается…

Другая часть дворянства и бюргерства, встретившая этот грабеж неодобрительно, взялась за оружие – и началось… Сторонники Реформации укрепились в Северной Германии, католики – в Южной. Маркграфство Баден распалось на две части: протестантский Баден-Дурлах и католический Баден-Баден. Понемногу разворачивалась полномасштабная гражданская война, которая спустя много лет найдет завершение в Тридцатилетней войне, когда от всего населения Германии останется *треть* (а по более пессимистическим данным, вообще *четверть)* – и на рынках будут торговать человечиной, а церковь официально разрешит многоженство, чтобы нация вовсе не вымерла…

Как всегда случается в подобные исторические периоды, новое учение привело к тому, что началась война всех против всех. В превеликом множестве появились секты и шайки, которым не подберешь лучшего названия, нежели «махновцы», неведомо из каких закоулков полезли вовсе уж жуткие персонажи вроде Иоанна Лейденского…

Сия персона заслуживает, пожалуй, рассмотрения ввиду ее несомненной экзотичности. Означенный Иоанн по профессии был портным, но занимался еще поэзией и драматическим искусством – разносторонние в Германии XVI в. были портные… Примкнув к очередной секте, анабаптистов, он настолько задурил мозги жителям города Мюнстера, что те вручили ему верховную власть (о судьбе прежней администрации у меня сведений нет). Иоанн

первым делом присвоил себе странноватый титул «король Сиона», вторым указом разрешил многоженство и принялся строить в отдельно взятом городе царство Божье на земле. Строительство шло туговато: поскольку Иоанн взял себе семнадцать жен, у него, надо полагать, не хватало сил на построение светлого будущего, как и у его министров, во всем подражавших «королю». Продолжался этот бардак около года – а потом местный епископ собрал отряд, взял Мюнстер штурмом и живописно развесил «короля» с «министрами» на воротах…

Но процесс, как говорится, пошел. Страна сорвалась в такую кровавую кашу, что Лютер в печали бил себя ушами по щекам и причитал: мол, лично он ничего такого не хотел… Но его уже мало кто слушал.

Реформаторский зуд меж тем, распространяясь, как сифилис, переполз через границу в соседнюю Францию…

Там тоже испокон веков увлеченно буянила аристократия, именовавшаяся, правда, не баронами, а герцогами и графами – но сути дела это не меняло. Столетиями шел тот же процесс: как только на троне оказывался *слабенький* король, знать принималась его активнейшим образом прессовать, выбивая для себя все новые права и привилегии; как только на престоле усаживалась сильная личность… ну, понятно, я думаю.

И все же в этом матче безусловно *вели* аристократы. У меня давно уже чешутся руки написать отдельную книгу по истории Франции, поэтому я не стану здесь уделять слишком много внимания борьбе меж королями и магнатами. Скажу одно: отличие от Англии исключительно в том, что французская знать, насколько я помню историю, своих королей все же не убивала. И претендентов на престол вкупе с самозванцами там было поменьше – ну а в остальном отличий мало…

Вот вам один-единственный характерный пример. Благородный господин Жак де Брезе, чьи предки занимали далеко не последние должности в королевстве, женился на незаконнорожденной сводной сестре тогдашнего французского короля Людовика XI Шарлотте. Однако едва ли не открыто содержал кучу любовниц и наплодил массу незаконных детей. Супруге это показалось обидным, и она решила отплатить ему той же монетой – завела амуры с собственным ловчим. Какая-то добрая душа настучала мессиру Жаку. Тот выбрал момент, неожиданно нагрянул в замок, прихватил парочку в постели и обоих тут же прикончил.

Хотя в то время во Франции уже существовали тщательно проработанные законы, король поступил, по меркам того времени, гуманнейше: он всего-навсего четыре года до суда

продержал мессира Жака под замком – правда, сидел тот не в сырой подземной камере, а под домашним арестом в довольно комфортабельных по тому времени замках. Лишь через четыре года король все же решился начать судебный процесс. Однако *сам* перевел дело из чисто уголовного, каким оно и было, в разряд «гражданских», а потом суд приговорил де Брезе к штрафу – правда, в сто тысяч экю золотом. Таких денег у него не было, и у мессира Жака отобрали поместья (которые король не себе забрал, а передал пятерым детям Жака и покойной Шарлотты).

На этом и кончилось. Хотя речь шла об умышленном убийстве, хотя жертвой стала королевская сестра (пусть и сводная, пусть незаконная – а впрочем, в те времена «незаконный ребенок короля» было практически официальным и высоким титулом), но господин де Брезе как-никак принадлежал к высшей знати, был слишком влиятелен и имел слишком много родственников среди французских магнатов, чтобы поступать с ним, как с рядовым подданным короны…

А самое интересное, что эта история имела продолжение. Жак де Брезе смирнехонько жил три года, перебиваясь с хлеба на квас доходами с пары-тройки жалких баронств. Но потом Людовик умер, и де Брезе кинулся к новому королю Карлу, вопя во всю глотку, что он стал жертвой судебного произвола, а потому требует пересмотра дела. Особенно он упирал на то, что является отцом пятерых королевских племянников-сиротинушек, которых вынужден воспитывать один, без матери, которую бог прибрал… Редкостная сука, должно быть, был этот мессир Жак…

Но каким бы он ни был, а после двухлетнего рассмотрения дела новый король *вернул* де Брезе все конфискованное – знать, повторяю, числилась на особом положении…

Что еще можно рассказать о тогдашней «цивилизованной и культурной» Франции, чтобы показать, насколько ее жизнь отличалась от «варварской» России?

Ага! Была у французов милая привычка: в день Иоанна Крестителя жечь и вешать кошек. Чем уж они так насолили французам, остается загадкой. Отличия регионов исключительно в специфике процесса: в Париже кошек набивали в мешок, подвешивали его повыше, а потом поджигали. В Сен-Шамоне кошек обливали смолой, поджигали, а потом гоняли по улицам. В Бургундии и Лотарингии, прежде чем поджечь «майский шест», к нему непременно привязывали кошку. Этот обычай был законодательным образом отменен только в… 1765 г. Нам, русским варварам, конечно, его европейский шарм не постичь…

С кошками, кстати, во Франции связан еще один, гораздо менее кровожадный эпизод, скорее уж комический. Когда во

времена Столетней войны граф Эно ломал голову, как бы ему половчее взять хорошо укрепленный город Турне, к нему явился некий «осадных дел мастер», чье имя история не сохранила, и предложил замечательный план: собрать в округе всех кошек, обмотать их пропитанной серой паклей, а потом зашвырнуть в город с помощью камнеметных машин. Кошки разбегутся, и уж полыхнет…

Граф отнесся к этой идее всерьез и велел своим воякам собрать всех кошек, каких удастся найти в окрестностях, а мастеру выдал по его просьбе на серу и паклю сотню золотых. Выйдя за дверь с полными карманами золота, мастер, не будь дурак, скрылся в неизвестном направлении. По приказу разъяренного графа его искали со всем усердием, но так и не нашли. Кошек пришлось вернуть владельцам…

Ну, а если вернуться к более серьезным вещам, то бишь прекрасной Франции… Разгул криминала, к слову, там был такой, что и не снился «варварской России». Дошло до того, что в 1518 г. в самом центре Парижа банда каких-то отморозков спалила виселицу, а заодно убила палача. В 1534 г. другая банда забралась в Лувр (королевский дворец, если кто запамятовал) и утащила оттуда… помост, на который в торжественные дни ставили королевский трон.

Зачем он им понадобился, лично я догадаться не в состоянии – удаль молодецкую показывали, что ли?

И в те же годы до Франции, как уже говорилось, доползла Реформация, которая добавила неразберихи и крови во времена, когда того и другого и так хватало. Как и в Германии, чисто религиозные вопросы быстренько отодвинулись на задний план, замененные чисто практическими. Политическими. В ряды французских протестантов-гугенотов хлынуло немалое число знати – усмотрев в этом великолепный повод устроить очередную смуту и под шумок выбить для себя побольше привилегий и вольностей. А вот «третье сословие», купцы, горожане, ремесленники, наоборот, массами двинули в католическое ополчение – чтобы посчитаться с обнаглевшими магнатами. Так что «религиозные войны» во Франции, унесшие многие тысячи жизней и обезлюдившие иные местности, были, собственно говоря, вовсе не религиозными войнами, а борьбой за укрепление центральной власти, которой, как много раз до того, противостояла дворянская вольница…

В этой связи просто необходимо мимоходом, но решительно разделаться еще с одним устоявшимся мифом: якобы во время Варфоломеевской ночи в Париже погибло аж *тридцать* тысяч «несчастных гугенотов».

Во-первых, Варфоломеевская ночь была вовсе не избиением беззащитных жертв, а импровизированной – и успешной – попыткой сорвать задуманный этими «беззащитными» на следующее утро государственный переворот с захватом столицы и короля. Но я об этом уже достаточно много писал и повторяться не буду.

Во-вторых, цифра в тридцать тысяч жертв взята с потолка. К слову, она еще не самая фантастическая. В восемнадцатом столетии некий определенно не друживший с головой аббат называл и цифру в сто тысяч…

Короче говоря, как неопровержимо доказано современными западными историками (и французскими в том числе), *максимум* жертв Варфоломеевской ночи – *три* тысячи, а не тридцать. Ровно в десять раз меньше. Так-то.

Что немаловажно, какую-то часть из них составляют вовсе не гугеноты, а самые что ни на есть ревностные католики. Дело в том, что во времена подобных заварушек (как это было во все века и во всех странах) коротким периодом анархии успевают вдоволь попользоваться и уголовные элементы. Пока в Париже шел ночной бой меж католическими и гугенотскими отрядами, в отдалении под шумок парижские маргиналы грабили и богатые католические дома, убивая направо и налево при малейшем сопротивлении – а заодно, как это блестяще описал Дюма в «Королеве Марго», иные сводили личные счеты, справедливо, увы, рассчитав, что «война все спишет».

Отличный пример можно найти в записках австрийского студента Гайцкофлера, учившегося в Париже и ставшего очевидцем Варфоломеевской ночи. Во время заварушки какие-то мерзавцы вытащили из дома гугенотку с двумя малолетними детьми и бросили всех троих в Сену. Рядом случился некий парижанин, стопроцентный католик, но человек не в пример более гуманный. Он взял лодку и поплыл спасть тонущих. Мать он вытаскивать не стал, уж *настолько* его гуманизм не простирался – но обоих детишек спас, объяснив погромщикам, что воевать с малолетними все же явный перебор.

Тут объявился его родственник и в два счета разжег собравшихся было уходить погромщиков, вопя что-то вроде:

– Католики добрые! Что ж вы смотрите на это безобразие? Да он же сам скрытый гугенот, точно вам говорю! Бей его, ребята!

Гуманиста тут же прикончили. Один многозначительный нюанс: ревнитель веры был единственным наследником весьма зажиточного «спасателя». И тут же вступил во владение всем его немаленьким имуществом… Так что дело вовсе не в религии…

А вот теперь самое время вернуться в Англию, куда уже

докатились известия о Реформации.

Король Генрих VIII как раз собирался разводиться с женой – разонравилась, присмотрел другую… Папа Римский согласия на развод не давал. Тогда Генрих, недолго думая, объявил себя борцом с прогнившей поповщиной и реформатором номер один всея Британии. Конфисковал все имущество церкви на Британских островах, поделил его меж собой и приближенными, а главой новой, реформированной церкви объявил самого себя. После чего глава церкви, как легко догадаться, мигом разрешил королю развод с опостылевшей супружницей…

Двух других своих жен король отправил на плаху (всего их у него было шесть, в седьмой раз он заново жениться не успел, потому что помер).

И очень быстро Англия покрылась плахами и виселицами. Согласно подсчетам историков, за все время царствования Генриха VIII было казнено семьдесят тысяч «простонародья» – иначе говоря, два с половиной процента тогдашнего населения Англии. И вдобавок несколько сотен людей обоего пола, принадлежавших уже к знати, вплоть до самой высшей.

Что характерно, ни один английский (да и иностранный) историк не припечатывает Генриха клеймом «безумного тирана» или «охваченного манией преследования параноика».

Говорю вам, на Западе нет интеллигенции – а потому и шизофренических писаний меньше, и к оценке своих монархов подходят более взвешенно.

Как ни цинично это звучит, но Генрих и в самом деле *не был* ни садистом, ни безумцем. Не был, хоть ты тресни. Палач, конечно. Тиран, чего уж там. Но не безумец и не тупой садист. Прощать его никто не собирается – но за всеми этими смертями стояла не изуверская прихоть, а прагматичная, циничная, четко разработанная программа…

Повторяю по буквам: *программа.*

Англия всерьез намеревалась стать центром производства сукна для всей Европы – прибыли ожидались неслыханные. Сукно – это шерсть. Шерсть – это овцы. Овцы – это пастбища… а огромные земельные площади все еще находятся в руках крестьянских общин, которые вовсе не горят желанием их отдавать под овечьи пастбища, справедливо не усматривая для себя лично никакой выгоды, кроме убытков…

И начался процесс, известный в истории как «огораживание», – всеми неправдами землю у общин все же отнимали, а крестьян заставляли уходить на все четыре стороны. Ну а на больших дорогах их уже поджидали королевские судьи, которые хватали безземельных и вешали «за бродяжничество». У

этой кампании, как и следовало ожидать, был не садистский, а опять-таки прагматический смысл: шерсть в сукно перерабатывали на фабриках-мануфактурах, которые нуждались во множестве рабочих рук, – причем желательно было платить «пролетариям» как можно поменьше. Свободный человек, имеющий возможность выбирать, не пойдет горбатиться за гроши. Ну а тот, у которого есть выбор лишь между придорожной виселицей и тесным вонючим домиком мануфактуры? То-то…

Все и получилось, как было задумано: сломленная жесточайшим террором бесприютная крестьянская масса толпами двинула на мануфактуры – жить-то хотелось, да и семью надо было как-то прокормить. Англия и в самом деле неимоверно *поднялась* на торговле шерстью – ну, а о том, какими методами это было достигнуто, британцы предпочитают не вспоминать. И, как уже говорилось, не склонны именовать Генриха «параноиком». Впечатлительный писатель Диккенс, как творческому человеку и полагается, в своей «Истории Англии для юных» выражений не выбирал, называл короля и «чудовищем», и «извергом рода человеческого», и «кровопийцей» – но ни о каком «безумии» и он не заикался. Ну а что до *профессионалов,* то настоятельно рекомендую тем, кто интересуется вопросом, капитальный труд одного из крупнейших историков Британии XX столетия Дж. М. Тревельяна. Прелюбопытнейшее чтение, прелюбопытнейший пример *чопорного* английского подхода к делу. Казни при Генрихе? Ну да, что-то такое было… Огораживание общинных земель? Ну так оно никакого ущерба не нанесло, поскольку огораживания, да будет вам известно, «повышали благосостояние», и только «некоторые из них», как изящно пишет Тревельян, «способствовали убыли населения». Обтекаемо, изящно, академично – и не поймешь реального масштаба бедствий. К тому же Тревельян убеждает читателя, что крестьяне, изволите ли видеть, сами, добровольно и с песнями, помогали огораживать свои бывшие поля, – ну, это нам знакомо, у нас в свое время в колхозы тоже вступали добровольно, поголовно и, что характерно, с песнями…

И наконец, конфискация церковных земель, по Тревельяну, была чуть ли не благом, поскольку эти перемены для «огромной массы монахов» создали «более свободную личную жизнь и более благоприятные возможности жизни в миру». Ведь монастырская благотворительность лишь «умножала количество нищих»…

И совершенно непонятно, отчего же в результате всех благодетельных для темного, не осознающего своей выгоды народа реформ *полыхнуло* восстание Роберта Кета, о котором Тревельян скрепя сердце все же вынужден упомянуть – это когда

мятежники в одном только округе вырезали двадцать тысяч овец, которых на их бывшие земли загнали местные лорды…

Положа руку на сердце, меня как-то не тянет поносить господ вроде Тревельяна последними словами. В глубине души, несмотря на все отрицательное отношение, я к ним чувствую что-то вроде восхищения – с каким, чего уж там, относятся к особо талантливым аферистам. Английские историки, подобные Тревельяну, достигли столь изящного цинизма в затушевывании собственного кровавейшего прошлого, что это уже настоящее искусство. Даже и не знаю, что хуже – английское изящество в превращении своей истории из многотомного уголовного дела в благостную пастораль или российская привычка бездумно все оплевывать без малейшего желания вникнуть в суть событий и действия людей… Честно – не знаю.

Итак, беглое знакомство с историей Англии и Франции нас убеждает: и речи быть не может о какой-то «цивилизации», «культуре» и «строгой законности», якобы позволяющей означенным странам взирать свысока на «варварскую Россию». Германии это тоже касается: как гласит фраза из пошлого анекдота, «И *эти* люди запрещают мне ковырять в носу!?»

Быть может, в других европейских державах дела обстояли более благолепно?

Увы, увы… Все то же самое – законы существуют главным образом на бумаге, и повсюду, куда ни глянь, самым беззастенчивым образом правит бал высшая аристократия, как ее ни именуй: лорды, герцоги, маркграфы… Для *них* ни один закон не писан. А тамошние короли зверствуют почище Грозного: в одной Швеции за считанные дни снесли головы чуть ли не сотне епископов и знатных дворян.

А вот вам Дания, 1564 г. Правящие в южной части страны шлезвиг-гольштейнские герцоги на протяжении более чем тридцати лет приращивают свои владения за счет… королевских. Протащили какие-то хитрые юридические крючкотворства, которые им это позволяют, и регулярно делят меж собой королевские имения. А заодно три герцога объединенными усилиями захватили небольшую крестьянскую республику Дитмаршен (помнит кто-нибудь такую?) и поделили ее меж собой…

Италия? Она состоит из пятнадцати относительно крупных феодальных владений и превеликого множества мелких, вроде городов-республик. Но жизнь подчинена тем же принципам: крупные феодалы творят, что хотят, только щепки летят. Даже суды в Италии *раздельные:* для благородных дворян одни, для прочих сословий – другие.

Кое-где такая система сохранится до *девятнадцатого* столетия…

Польша, быть может? Не смешите меня, я вас душевно умоляю! Нашли оазис свободы…

Свободы там и в самом деле хватает – но исключительно для узкой кучки панов магнатов. Вот уж эти действительно могут все, что хотят. С вольностями дворянскими здесь обстоит даже покруче, чем во всей остальной Европе: по крайней мере нигде больше дворянство не имеет *законного,* в бумагах написанного и печатью удостоверенного права на мятеж против короля – а вот польское шляхетство такое право имеет. И всецело им пользуется при необходимости, а то и просто так, когда подурить захотелось. Короли еще пока что не выбираются, но они поставлены в такое положение, что им и в голову не придет хоть на миллиметр ущемить обширнейшие шляхетские привилегии (и что меня больше всего удивляет, так это то, что на протяжении всей своей буйной истории польские дворяне ни одного короля не убили – учитывая, сколько своих монархов прикончили британцы…).

Вот для примера несколько характерных высказываний. Лев Сапега, один из богатейших магнатов: «Я не считал бы себя настоящим Сапегой, если бы не чувствовал охоты к борьбе с королем».

Когда чуточку позже, уже во времена выборных королей, превратившихся в сущих марионеток, здравомыслящие люди подняли в сейме вопрос, а не вернуться ли к наследственной королевской власти, посыпались столь же примечательные изречения. Некий шляхтич Сухоржевский (даже не из магнатов!): «Не убоюсь признаться вам: не хочу существования Польши, не хочу имени поляка, если мне быть невольником короля». Епископ Коссаковский: «Врагом отчизны следует считать того, кто дерзнет предлагать наследственность престола».

Между прочим, именно эта *дурь* и привела в конце концов к тому, что Польша исчезла с географической карты, как пятно от варенья с клеенки, – но это уже другая история…

В общем, повсюду, по всей Европе буйная магнатская вольница, именовавшаяся по-разному, но являвшая собою однотипное национальное бедствие, стремилась к максимальной независимости и максимальным привилегиям. А поскольку сильное, централизованное, строго управлявшееся государство автоматически привело бы к потере этой публикой значительной части привилегий, магнаты против него боролись яростно и ожесточенно, при любом удобном случае. Разумеется, не стоит представлять дело так, будто они четко формулировали идею: «Братва, мы должны бороться с сильным централизованным

государством!» Тогда и слов-то таких не знали… Однако чутьем, инстинктом, утробой господа магнаты ощущали, что должны бороться против всего того, что ведет к установлению твердой власти. А поскольку олицетворением такой власти был в первую очередь король, то, естественно, в первую очередь выступали против короля, особенно если он был решителен и умен и всерьез собирался приструнить знать – или, по крайней мере, достаточно умен, чтобы не мешать министрам, стремившимся к тому самому. Как, например, Людовик XIII, который, хотя и не знал нынешних политологических терминов, тем же нутром чуял, насколько полезен для державы кардинал Ришелье, – и не давал ему отставки, как ни нажимала магнатская клика…

Ну а теперь следует перейти к нашему многострадальному Отечеству, которое к моменту рождения Ивана Васильевича еще не звалось Московским царством, именуясь Великим княжеством Московским – но уже представляло собой единое государство, где не осталось былых удельных, полностью независимых княжеств. Да и Новгород с Псковом (сепаратистские гнезда, чего уж там) уже были присоединены *прочно*…

Глава вторая. Не поспешать!

Итак, мы с вами, любезный читатель, в начале XVI столетия – аккурат в то время, когда по Москве поползли слухи, что государь всея Руси, великий князь Василий Иоаннович *занедужил*…

Поскольку одна из главных тем нашего повествования – магнаты, то их мы в первую очередь и поищем.

Русские магнаты именуются на данном историческом отрезке *бояре*. Выше них только небо, честное слово. Не вдаваясь в очень уж академические тонкости и чуточку упрощая (ровно столько, чтобы все соответствовало исторической правде), докладываю: боярское сословие разделялось на две категории. В первую входили знатнейшие роды Московского княжества – самые богатые, самые влиятельные. Во вторую – потомки бывших удельных, независимых князей. И те, и другие звались Рюриковичами и Гедиминовичами, поскольку были потомками «звезд первой величины», князей Рюрика и Гедимина. Впрочем, была еще третья категория, менее многочисленная: вполне обрусевшие люди, имеющие в своей родословной происхождение от кого-то из Чингизидов. Что, между прочим, считалось еще более почетным и престижным, нежели числиться Рюриковичем или Гедиминовичем – поскольку согласно политическим реалиям того времени Великое княжество было всего-навсего одним из бывших *улусов* не так давно распавшейся Золотой Орды, и Чингизиды пользовались большим почтением.

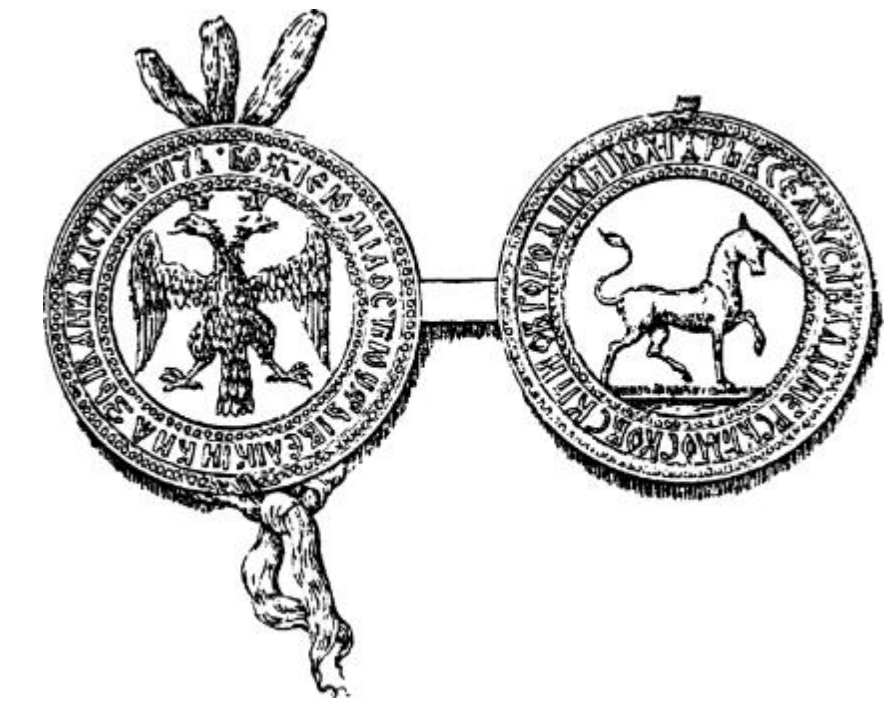
Бояре владели огромными областями, так называемыми вотчинами, то есть наследственными землями, доставшимися от отцов и дедов. «Поместье» было земельным пожалованием, которое давалось лишь на тот период, пока дворянин находится на службе. Иной поместный дворянин мог быть побогаче иного вотчинника – но только до тех пор, пока нес службу и мог пользоваться доходами с «казенного»…

Главным занятием бояр было заседать в Боярской думе – органе, не имевшем ничего общего с парламентом и скорее уж напоминавшем английскую Палату лордов, куда включаются не в результате избрания, а исключительно по древности рода. Ни один великий князь (что бы ни творилось у него в душе) не мог вести более-менее важных дел без вдумчивого обсуждения таковых с боярами (за чем они строго следили). Обычная формулировка того времени: «Великий князь решил, и бояре приговорили». Любому из них *по отдельности* государь мог снести буйну голову – и, случалось, сносил. Но вот на *всю* касту покушаться нельзя было никоим образом. Так повелось еще со

времен Дмитрия Донского, который на смертном одре говорил своим детям: «Бояр же своих любите и без их воли ничего не творите» (правда, нельзя исключать, что эти слова, как и вложенные в уста Дмитрия его биографом несказанные похвалы боярскому сословию, были, как бы поделикатнее выразиться, следствием политического заказа определенной группы лиц. Летописец, знаете ли, тоже хочет жить спокойно и не бедно…).

Печать государственная малая (двойная кормчая) царя Ивана IV Васильевича с жалованной грамоты 1577 г. князю Ивану Юрьевичу Мордкину

Печать государственная малая (двойная кормчая) царя Ивана IV Васильевича

Что ни говори, а русский боярин являл собою зрелище величественное и примечательное. Худеньких среди них было мало – считалось, что кому-кому, а уж боярину «для чести» необходимы длинная борода и солидный живот.

Боярин одевается… Шаровары из дорогой иноземной ткани, сорочка из лучшего тончайшего полотна, подпоясанная дорогим кушаком. Поверх нее длинный кафтан, чаще всего из золотистой парчи и с пристежным воротником-«козырем», обильно расшитым жемчугом и драгоценными камнями. Поверх кафтана – неважно, зимой дело происходит или летом – дорогущая шуба до пят, подбитая и отороченная лучшими мехами, с широченным воротником пониже лопаток. Воротник этот частенько застегивался массивной золотой застежкой с самоцветами. На голову надевается сначала расшитая золотом шапочка-мурмолка наподобие еврейской ермолки (названия к тому же подозрительно схожи), а уж на нее – высокая меховая шапка, именовавшаяся «горлатной», высотой чуть ли не в метр. Сапоги из мягкого сафьяна, расшитые жемчугом. Драгоценный, из золота с самоцветами пояс, перстни, нагрудные цепи, а то и браслеты – «запястья». Сабли, как правило, нет, она надевается только в военных походах – зато уж за голенищем сапога непременно «засапожный» нож, штука серьезная.

Во всем этом великолепии особенно не разбежишься – но боярин как раз и обязан выступать медленно, плавно, с достоинством (бегают холопы, посланные с поручением). К тому же ради пущей чести нашего героя ведут под руки прислужники.

Выходит он на улицу, с помощью дюжины рук влезает на лошадь – ей опять-таки полагается быть дородной. Седло – из заграничного сафьяна или бархата, в любом случае расшито золотом сверх меры. Лоб коня украшен золотой или, по бедности, серебряной бляхой с эмалью и самоцветами – но серебра избегают, чтоб достоинства своего не ронять… На шее коня науз – здоровенная кисть из золотых, серебряных и жемчужных нитей. Сбруя увешана бубенцами (желательно опять-таки из благородных металлов), а также волчьими, лисьими и куньими хвостами…

Тронулись! На коне полагается ехать ша-а-гом, с величайшей степенностью, быстро скачут только люди подневольные, вынужденные торопиться по чужому повелению, а *нам* приказать редко кто может, даже государь *просит*…

Длиннющая борода расчесана, заплетена в косички, украшена лентами и всевозможными драгоценными подвесками. А едет наш герой, боже упаси, не в одиночестве, а в сопровождении немалой свиты, число которой может переваливать за сотню. Если дело происходит зимой – вереница саней или возков, если летом – множество верховых. И при любой погоде впереди знатного боярина плетьми расчищают дорогу особые холопы, вокруг кортеж из вооруженных дворян, а позади, для почету – толпа дворовых, частенько босоногих, но в пышных ливреях. Чем больше народу, чем сильнее они поднимают гвалт, тем богаче боярин, тем ему больше уважения от окружающих.

Вот так они выглядели, вот так они в Кремль и езживали – впечатляющее, должно быть, зрелище… Не способное сравниться, по-моему, ни с одним современным кортежем утыканных мигалкам тачек…

Но сила боярства была, разумеется, не в пригоршне самоцветных камней на сапогах и даже не в высоком происхождении.

Сила в том, что именно они управляли, а точнее, *правили* на местах. Система эта с бесхитростной простотой именовалась «кормлением» – в те времена еще не было шустрых спичрайтеров, журналистов и политологов, натасканных выдумывать обтекаемые термины и уклончивые формулировки…

Государь всея Руси вообще-то правил всей Русью – но, если можно так выразиться, теоретически. Потому что на местах, повторяю, правили бояре. Боярин, получивший «в кормление» ту или иную область, становился там полновластным хозяином всего, что движется. Именно он собирал налоги (сколько из собранного отправлялось в «федеральный центр», а сколько оставалось в кармане, пусть каждый судит в меру своей испорченности), именно он осуществлял, выражаясь современным языком, всю исполнительную и судебную власть. Всю. При этом, особо подчеркиваю, на Руси тех времен попросту не имелось того, что мы сегодня именуем «вертикалью власти». Не было центральных государственных учреждений, осуществлявших бы контроль, надзор и минимальный присмотр за властями на местах.

Не было. Никаких. Как не было и законов, регламентирующих деятельность севших на «кормление». Все делалось при надобности посредством особых великокняжеских указов. Назначается боярин руководить – следует указ. Решил царь его проверить (а то больно уж нехорошие слухи ползут) – отправляется другой боярин с соответствующим указом.

Вдумайтесь еще раз: не было *никаких* постоянных

государственных учреждений, осуществлявших «сверху» общее руководство, контроль, надзор, пригляд… И законов касаемо управления государством не имелось *никаких*. При любой ситуации, требовавшей высокого вмешательства, государь кликал писца и диктовал указ – ради конкретного случая и конкретного человека.

Иван Грозный и Владимир Мономах. Фрагмент иконы «Церковь воинствующая». 2-я пол. XVI в.

Вот в этой-то системе и заключалась *сила* русского боярства: никто со стороны не мог ими не то что руководить, но хотя бы координировать их деятельность. Были некие неписаные общепринятые правила, и не более того.

В то же самое время в государстве давным-давно существовали детальнейше разработанные своды законов, которые мы бы сегодня назвали Уголовным, Административным, Гражданским кодексами. *Быт* русского человека как раз и управлялся писаными законами – налоги, ремесла, торговая деятельность, общественный порядок.

Многое, повторяю, было прописано детальнейше – и безусловно, облегчало жизнь, а также в какой-то мере гарантировало защиту от провокаций и ловушек. К примеру, вора, застигнутого в доме, хозяин имел право невозбранно убить – но исключительно в *доме,* а не на улице. Поскольку уже тогда ясно было, что иной коварный элемент может пристукнуть на улице, скажем, любовника жены или просто врага, а потом с

честными глазами заявить, будто преследовал вора. Так же обстояло дело и с находкой в доме улик, чего-то краденого, «поличного». Уже пятьсот лет назад наши предки прекрасно понимали, что проводящие следствие лица не вполне безгрешны и могут что-нибудь сами подкинуть. А потому *настоящей* уликой признавалось только то «поличное», что лежало в сундуке, ключ от которого был только у хозяина. Вещь, лежавшая в доме *свободно,* уликой не считалась, поскольку вполне справедливо полагалось, что ее могли и подбросить.

(Ну а поскольку люди не только не безгрешны, но еще и изобретательны, то вполне могло когда-нибудь случиться и наоборот: вор или скупщик краденого свою добычу не в сундук прятал, а клал куда-нибудь в угол, чтобы потом орать: «Подбросили, волки позорные»!)

Однако, повторяю, вертикаль власти как раз и отсутствовала. В Судебнике деда Ивана Грозного, Ивана III, имеются кое-какие *начатки* законов, позволявших держать под контролем бояр-кормленцев, но именно что начатки… Согласно тому же Судебнику, жители подвластных боярину территорий могли при нужде искать правду в судах, но это их право, сдается мне, оставалось чисто теоретическим. Поскольку существовавшая судебная система торжеству правды как-то не способствовала.

Судите сами. Низший суд на местах, в уездах и волостях, разделенных на судебные округа-«губы», проводился судьями-тиунами под непременным председательством того самого боярина-кормленца. Инстанция рангом повыше, суд по особым делам – опять-таки под председательством боярина. Еще выше – *боярский* суд (он так и назывался официально), который докладывал дела великому князю. И высшая инстанция – суд под предводительством главы Боярской думы. Ну а теперь сами прикиньте, сколько шансов при такой системе у правдолюбца «с места» найти управу на боярина. Докладывать великому князю, знаете ли, можно по-разному – тут важно не кто докладывает, а как доложить…

Более того: даже эта крайне несовершенная система охватывала далеко не всю территорию страны. Значительная ее часть – те самые боярские вотчины – находилась *вне* всякой юрисдикции. В жалованных грамотах великих князей так и писалось: мы, великий князь, не вправе судить тех, кто в твоей вотчине проживает… Исключение составляли разве что случаи смертоубийства – и все. В *своих* землях, таким образом, боярин был еще и за прокурора, и за судью, и за следователя – а заодно уж и за адвоката, взбреди ему в голову такая блажь, что весьма сомнительно.

Кстати, точно такой же «экстерриториальностью» пользовались и принадлежащие церкви земельные владения (а они были весьма обширными). Сохранилась масса грамот с теми же текстами, что касались бояр: великий князь освобождает население церковных владений от всех налогов и повинностей в пользу государства, да вдобавок не имеет права их судить – за исключением опять-таки случаев смертоубийства.

Как видим, весьма даже значительная часть государства находилась на особом положении: и налогов тамошние жители не платили, и судить их не мог никто, кроме тамошнего боярина либо церковного иерарха…

К этому необходимо еще добавить, что церковники не только *были* феодалами, они еще и *вели себя,* как заправские феодалы, вместо пастырского служения бросаясь во все политические интриги своего времени, – и даже принимали самое активное участие в междоусобных войнах. Классический пример (один из многих) – судьба московского великого князя Василия, когда он воевал за престол со своими близкими родственниками. В 1446 г., спасаясь от заговорщиков, Василий попытался укрыться в Троице-Сергиевом монастыре, но монахи выдали его сопернику, Дмитрию Шемяке (по его распоряжению Василия ослепили, и он до конца жизни носил прозвище Темный) – да вдобавок позже и в ссылку Василия конвоировали не Шемякины воины, а монахи того же монастыря. Противникам Василия активно помогал и рязанский епископ Иона, за что Шемяка, ненадолго взяв власть, сделал его митрополитом Московским. Позже, когда Василий, несмотря на слепоту, собрал войско и вышиб Шемяку из Москвы, Иона и при нем ухитрился удержаться в прежней должности – должно быть, изрядным оказался дипломатом…

Дело доходило и до чистой уголовщины: в конце XV в. был бит кнутом архимандрит Чудова монастыря – за то, что подделал завещание умершего вологодского князя Андрея, по которому тот якобы передавал монастырю часть своих владений. Таких случаев было много – просто одним везло, а другие, вроде чудовского архимандрита, попадались.

В собственности у церкви были и целые города – например, Гороховец и Алексин-на-Оке. Церковь не платила ни налогов, ни таможенных податей – а потому успешно торговала хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, держала соляные и рыбные промыслы, да вдобавок ссужала деньги под проценты, что вообще-то христианство (как и ислам) решительно осуждает.

Ну а жилось монастырским крестьянам ничуть не легче, чем тем, кто оказывался на землях феодалов светских. Уставная грамота митрополита Киприана Константино-Еленинскому

монастырю (1391 г.) обязывает монастырских крестьян строить церкви, монастырские здания и укрепления, пахать, сеять и жать на монастырской пашне, косить сено, ловить рыбу, охотиться на бобров, молоть рожь, печь хлебы, молоть солод, варить пиво, прясть лен, делать сети, а также на Пасху отдавать игумену по телушке со двора (не по полушке, а именно по телушке!) и делать другие подношения. Прохлаждаться, одним словом, некогда…

Категорически не рекомендую видеть во всем этом нечто специфически русское, «варварское». Практически все то же самое существовало и в Западной Европе, тексты иных законов и грамот о привилегиях порой едва ли не дословно совпадают с западноевропейскими аналогами. Да и католические прелаты вели себя точно так же: с азартом участвовали в большой политике, с соколами охотились, денежки под процент ссужали, а со своими крестьянами вели себя не гуманнее.

И все же… «Варварства» тут не было никакого, а вот *отсталость* российская, безусловно, присутствовала, нравится нам это или нет.

Дело в том, что сходство русских и западноевропейских феодальных порядков существовало лишь до определенного момента. Потом Европа вырвалась вперед, а мы остались позади…

Как бы я в предыдущей главе ни иронизировал над западноевропейцами, как бы ни припоминал им зверства и прегрешения (невымышленные!), вынужден с глубоким прискорбием доложить читателю: эта долбаная Европа при всем своем зверстве все же к моменту рождения Ивана

Грозного обогнала нас и по части ограничения произвола магнатов, и по части гражданских свобод…

Хиленькие свободы, дохленькие, как недоношенный котенок, – но из этих *ростков* понемногу, очень медленно, все же прорастало то, что *обгоняло* наше многострадальное отечество. С некоего момента заграничные свободы медленно, но верно укреплялись, а Русь оставалась на месте…

Англия, парламент. Первоначально (и на протяжении нескольких сотен лет) это вовсе не был выборный орган (даже в конце XIX в., когда в парламент уже давненько выбирали, право голоса, кстати, имело всего-то процентов пятнадцать тогдашнего населения королевства, да и то исключительно мужчины). Парламент очень долго был собранием людей всех сословий (за исключением крестьянства), которых король созывал в случае какого-нибудь серьезного государственного дела: введения нового налога, войны и т. д. Вот классический образец подобного приглашения, относящегося к 1295 г.: «Король возлюбленному

родственнику и верному своему Эдмунду графу Корнуолла, привет. Так как необходимо позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают всему королевству нашему (война с Францией. – *А. Б),* и мы желаем иметь с вами и прочими королевства нашего магнатами совещание и рассуждение, то мы повелеваем вам именем верности и любви, которые вы имеете к нам… чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника святого Мартина зимнего, вы лично присутствовали в Уэстминстере для того, чтобы обсудить, постановить и исполнить вместе с нами, и с прелатами, и прочими магнатами, и другими жителями королевства нашего то, с помощью чего следует устранить эти опасности…»

Да, *часть* членов созываемого парламента, естественно, принадлежала как раз к магнатам. Но только часть. Точно такие же приглашения получало духовенство. И не одно оно. Отрывок из королевского приглашения, относящегося к тому же году, к той же предстоящей парламентской сессии: «Мы предписываем тебе… чтобы ты распорядился без замедления избрать и к нам в указанный выше день и место направить от названного выше графства двух рыцарей и от каждого города графства двух граждан и от каждого бурга[2] двух горожан из более выдающихся и более способных к труду…»

Как видим, в отличие от Руси, в парламенте заседали представители не одной только знати – и на протяжении последующих столетий это правило уже не менялось. И уже в XIV столетии парламент из простого «совещания» при короле приобрел три важнейших права:

1. Право участвовать совместно с королем в разработке законов и самому предлагать законы.

2. Право решать вопросы о налогах с населения.

3. Право осуществлять контроль над высшими должностными лицами и в некоторых случаях выступать в виде особого судебного органа.

Из этих трех пунктов и родились знаменитые британские свободы, пусть даже формировавшиеся на протяжении долгих столетий…

И еще один, крайне существенный момент. Примерно в те же годы в Англии стала формироваться королевская (то есть государственная) администрация, существовавшая *параллельно* с той самой системой «боярского кормления», что в Англии звалась «ленным правом». Проще говоря, образовалась сила, с которой региональные магнаты, даже самые дерзкие, не могли ничего поделать – разве что поубивать, но это уже расценивалось бы как государственная измена…

В каждом графстве имелся королевский шериф, чиновник с крайне широкими полномочиями, который начальствовал над королевскими бейлифами. Кроме них, представителями королевской администрации на местах были избиравшиеся собраниями жителей коронеры и констебли. Коронер вел расследования по фактам насильственной смерти (или при подозрении на таковую), а констебли выполняли полицейские функции. В конце XIII в. в каждом графстве появились по восемь мировых судей, которые четыре раза в год разбирали уголовные дела, контролировали цены на продукты, следили за соблюдением мер и весов, устанавливали размеры заработной платы, надзирали за выполнением рабочего законодательства. Для назначения мировым судьей вовсе не обязательно было принадлежать к «благородному» сословию: достаточно иметь определенный годовой доход (немаленький, правда).

Все эти чиновники, повторяю, были зависимой только от короля «вертикалью власти». Более того, была специально разработана система, по которой шерифы могли принимать жесткие меры против местных лордов, то есть «бояр», когда те захватывали крестьянский скот, пытались «по старинке» разрешать споры и тяжбы местных жителей, не выполняли королевские приказы, оказывали давление на «свободных людей».

Это был *противовес* магнатам-феодалам. Любого из чиновников, как легко догадаться, можно было попытаться подкупить или запугать – но не каждого купишь, да и запугаешь не всякого… Ну а вдобавок в Англии с XIII в. существовали суды присяжных – составная часть общей судебной системы, опять-таки не подчинявшаяся местным феодалам.

А потому история английского правосудия пестрит примерами вроде случая с Роджером Мортимером, графом Марчем, имевшего место в 1324 г. Означенный граф вырыл канаву на земле, которая, согласно закону, была общинным пастбищем. Крестьяне канаву моментально засыпали. Граф, вместо того чтобы налететь с оравой подручных и отходить плетьми правого и виноватого (как поступил бы и русский боярин и английский лорд более ранних времен), подал на крестьян в суд – такие уж времена стояли на дворе. В суде низшей инстанции он протащил решение, по которому крестьяне должны были уплатить ему приличную сумму за «ущерб». Крестьяне подали апелляцию, дело пошло выше и выше по всем ступенькам тогдашней английской судебной системы, дошло до короля и его Суда королевской скамьи. Несправедливое решение было аннулировано, а графу указано, чтобы впредь рыл канавы только там, где имеет на это право по закону, а не по прихоти.

Ну разумеется, эта система была далека от совершенства. Нет сомнений, что там открывался широкий простор для взяток, подкупа, тех или иных форм давления на суд, что человеку бедному и невлиятельному частенько невероятно трудно было тягаться с богатым и знатным. Не в том дело. Главное, такая система в Англии *была* – а на Руси не имелось ничего отдаленно похожего на «противовес» боярскому правлению…

Во Франции задолго до рождения Ивана Грозного наблюдались те же процессы, что и в Англии. Французский парламент, правда, не имел ничего общего с английским. То, что в Англии называлось «парламент», во Франции именовалось «Генеральные штаты», созывавшиеся, в отличие от английского парламента, крайне редко и нерегулярно. Более важно другое: французский парламент был высшим судебным учреждением. Вообще, вся судебная система очень рано оказалась в руках короля – как и администрация. Во-первых, имелось отдельное *сословие* юристов-законоведов, сплошь и рядом служившее инструментом против высшего дворянства, во-вторых, «вертикаль власти» опять-таки была совершенно не подконтрольна магнатам на местах. И вдобавок в 1445 г. французский король создал регулярную армию, которую разместил гарнизонами по стране в первую очередь для того, чтобы не допускать феодальных смут.

После этого и в Англии, и во Франции, конечно же, не воцарились мир и благодать. Знать периодически бунтовала, развязывала настоящие гражданские войны, так или сяк оказывала противодействие королевским чиновникам – но в том-то и суть, что всякий раз замешанные в этих делах благородные господа оказывались автоматически *нарушителями законов.* И над ними с первого же момента повисали вполне конкретные обвинения, грозившие вполне конкретными карами. Кому-то удавалось от обвинений отвертеться и кары избежать, а кому-то и нет. Главное, были законы, была администрация, были суды, присяжные и королевские прокуроры. А на Руси ничего этого не имелось. Конечно, теоретически, согласно тогдашним Судебникам великих князей, и на Руси простые граждане имели право участвовать в тяжбах в качестве наблюдателей, а также право искать правду по инстанциям – но вот не имелось *механизма* на манер английского или французского, который теоретические права обеспечивал бы практической поддержкой…

И еще. В Западной Европе существовали в качестве самостоятельного юридического лица *города,* уже века с тринадцатого практически *выломившиеся* из феодального права. Здесь сравнивать решительно не с чем, поскольку в Московской Руси ничего подобного не было *никогда.* Так уж исторически

сложилось, что города Московии самостоятельной силой и независимым субъектом права не стали. Обсуждение причин этого явления в мои задачи не входит, поэтому перейдем к бытию западноевропейских городов.

Таковые пользовались немалыми вольностями и привилегиями – разумеется, в рамках законов. В любом случае местное самоуправление всецело оставалось в руках городских органов, и никакой магнат, будь он хоть прямой потомок Адама, не имел права на это посягать. Классический пример – в романе замечательного венгерского писателя Кальмана Миксата «Черный город». Начало восемнадцатого столетия. Местный граф, магнат, олигарх, гордец и сатрап, умышленно застрелил на охоте бургомистра соседнего «вольного города». После чего очень долго носу не казал в этот город, справедливо предполагая самое худшее. Однако приехать все-таки пришлось, поскольку означенный граф был еще и вице-губернатором в тех местах, а именно в городе должно было состояться важное заседание, на котором вице-губернатору непременно полагалось присутствовать. Ну, что делать? Махнул рукой: «Не посмеют, лапотники!» – и поехал.

Посмели. Едва благородный граф въехал в ворота, его схватили, отвели в ратушу и в два счета приговорили к смертной казни, каковую тут же и привели в исполнение. Окрестные дворяне долго сотрясали воздух проклятьями и угрозами в адрес «быдла», но каких-либо *действий* предпринимать не посмели – прекрасно понимали, что развязывать *настоящую* войну очень уж чревато… Роман, между прочим, основан на совершенно реальных событиях.

А описанный в нем город управлялся на основе так называемого Магдебургского права. Родившись в Германии, оно понемногу распространилось в Австрии, Венгрии, Польше, а после объединения Польши с Великим княжеством Литовским – и на тамошние русские города.

Именно они нас и должны интересовать в первую очередь: поскольку наверняка любопытно, как же жили «под польской короной» во времена Ивана Грозного Киев, Чернигов, Переяславль и многие другие исконно русские города…

Особыми королевскими грамотами подчеркивалось: отменяются «польские, литовские, русские и все иные обычаи, которые были бы не согласны с правом немецким магдебургским». Город освобождался «от судов и власти воевод, панов, старост, судей и подсудков, наместников и других урядников»; горожане не обязаны были отвечать перед вышеперечисленными чиновниками, кто бы на них ни жаловался

и в чем бы ни обвинял.

Город управлялся выборной администрацией под председательством бургомистра, которая в тех местах, где обитали люди разных вероисповеданий, должна была состоять наполовину из католиков, наполовину из православных. Суд тоже было свой собственный и имевший право разбирать дела не только горожан, но и всех приезжих, вступивших в какие-либо столкновения с местными обывателями.

Конечно, не стоит думать, будто «вольные города» были раем земным. Поскольку человеческая природа несовершенна, в городах рано или поздно начинались процессы, если можно так выразиться, «олигархизации»: мало-помалу отказались от свободных выборов бургомистра, которого теперь назначали из членов «городского совета», или *рады,* – а там «отцы города» постарались, чтобы и их самих отныне не выбирали, а назначали из тех кандидатов, которых они сами предложат. И так далее, и тому подобное. Ведь и сказка о Новгороде, где якобы всем управляло «всенародное вече», – тоже не более чем сказка. В Новгороде испокон веков заправляли тогдашние *олигархи,* а «электорат» влиять на серьезные решения был не в состоянии…

Однако дело не в том, что и в «вольных городах» рано или поздно реальная власть непременно сосредоточивалась в руках кучки богатеев, разве что не обладавших дворянскими титулами. Дело в том, что «вольные города» практически всегда в столкновениях короля с буйной знатью держали сторону короля – им это было *выгодно.* Да и королю тоже. А следовательно, повсюду в Западной Европе стремившиеся к созданию централизованного государства монархи, кроме своей администрации и судов, имели еще один *противовес* чересчур уж заносчивым феодалам – городские общины. Даже в Польше с ее вовсе уж шизофреническим разгулом дворянских вольностей шляхта вынуждена была обходить «вольные города» стороной, а заехав туда, старалась особо не увлекаться: могли неправильно понять и свести к палачу. За *королем* Польши не стояло никакой реальной силы, а вот за городами, жившими по Магдебургскому праву, – наоборот…

К этому можно еще добавить, что английский парламент обладал правом крайне расплывчато толковать понятие «измена» – то есть самостоятельно объявлять те или иные поступки «изменой». А направлено это было в первую очередь опять-таки против убийц вышестоящих лиц и бунтовщиков.

Интересно, что в Англии довольно долго многим удавалось увиливать от наказаний с помощью не знатного происхождения, а так называемых привилегий духовных лиц, спасавших от кары за

многие, даже крайне серьезные правонарушения. Черный юмор в том, что очень долго это касалось не только *посвященных* в духовный сан, но и тех, кто *имел право* быть посвященным (то есть, согласно тогдашним английским реалиям, всех мужчин, умевших читать и писать). Однако в 1487 г. с этой вольницей власти решили покончить, и парламент издал особый указ, гласивший, что всякий мирянин может, если захочет, уйти от наказания ссылкой на «духовную привилегию», проделать это один-единственный раз. И в случае использования привилегии хитрецу ставили особое клеймо на палец. Ну а потом эту юридическую лазейку окончательно отменили…

Но вернемся к нашим баранам, то бишь магнатам. Весьма неплохих результатов в борьбе с непокорной знатью добились испанские короли после окончательного объединения страны в конце XV столетия. Молодая королева Изабелла I, вступившая на престол, использовала против анархии не только королевскую администрацию, суды и городские общины, но и специфически испанское изобретение: Санта Эрмандад, или Святое братство. Учреждение это, не имевшее аналогов за пределами Испании, было крайне самобытным и серьезным.

В каждом населенном пункте, где жило более 30 человек, имелись «низшие суды» Санта Эрмандад, состоявшие из двух чиновников-алькальдов, наделенных немалыми полномочиями, примерно равнявшимися полномочиям военно-полевых судов. Всякое уголовное, а уж тем более политическое преступление они судили крайне быстро, а приговоры выносили весьма жестокие, в основном упирая на смертную казнь… Сами по себе алькальды большей частью были люди невооруженные, не особенно и грозные на вид – но за ними стояли вооруженные формирования Санта Эрмандад, так называемые кадриллерос: отряды профессиональных вояк, которые охраняли порядок, преследовали преступников и приводили в исполнение приговоры. Вот с этими уже были шутки плохи… В бессмертном романе Сервантеса «Дон Кихот» подробно описан тот страх, что воцарялся среди знавшего за собой грешки элемента при появлении всего-то-навсего одного-единственного чиновника Санта Эрмандад, вооруженного даже не мечом, а жезлом, – страшен был не он сам, а та сила, что за ним стояла…

В общем, за самое короткое время королева Изабелла, опираясь на отряды кадриллерос и Святое братство, разделалась не только с криминалом, но и с чрезмерными амбициями дворян. Спесивые испанские идальго, конечно, сохранили все свои права и привилегии, поднимавшие их недосягаемо высоко над простыми смертными, – но вот поднимать хвост на государство

они уже откровенно опасались, прекрасно понимая, что его в два счета укоротят по самые уши… В отличие от многих других европейских стран, Испания впоследствии *серьезных* дворянских мятежей и бунтов более не знала…

К слову, в Испании точно так же, как во Франции, к тому времени имелся и высший судебный орган – «королевская аудиенция», во многом напоминавший французский парламент.

Короче говоря, по всей Европе сохранялась закономерность: своеволие магнатов-феодалов очень быстро сходило на нет как раз там, где существовали сильная королевская администрация и развитая судебная система. Другими словами, были налицо все три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Все они так или иначе были замкнуты на монарха, но в том-то и состояла специфика эпохи, что именно монарх был, как ни крути, *гарантом* прав своих подданных перед лицом феодального произвола. Выбор был небогат: либо разгул магнатов, либо суровая королевская власть. Остальное было делом далекого будущего…

Таким образом, повторяю, отставание Руси к моменту рождения Ивана Грозного заключалось не в каком-то мифическом «русском варварстве», а во вполне конкретных недостатках: слабом развитии (точнее, почти полном отсутствии) центральной администрации и судебной системы. Да вдобавок было совершенно не проработано законодательство, касавшееся *управления* страной. Страна жила главным образом «по понятиям» – по *боярским* понятиям… И отсюда проистекает вывод, который многим может показаться удивительным или парадоксальным: Иван Грозный, действуя кнутом и топором, не «варварство» насаждал, а как раз *подтягивал* отставшую от остальной Европы страну до европейского уровня. Этот тезис, ничуть не притянутый за уши, я и буду доказывать.

Как *страна* Великое княжество Московское было еще очень и очень молодо. Страна была неоформившаяся, как девочка-подросток. Еще три-четыре поколения назад Русь представляла собой скопище независимых удельных княжеств – а сейчас, к рождению Ивана Васильевича, насчитывалось примерно двести знатнейших боярских родов, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые прекрасно помнили два обстоятельства: во-первых, их предки не так уж и давно были независимыми властителями, во-вторых, они, бояре, были, пожалуй что, познатнее родом, чем сидящий сейчас на московском престоле Василий Иоаннович…

И, между прочим, они нисколечко не преувеличивали. Говоря по совести, согласно с исторической правдой, именно так и обстояло – что не прибавляло великому князю душевного

спокойствия, а боярам – кротости.

В следующей главе мы волей-неволей снова отступим в прошлое – на сей раз исключительно в русское прошлое. Начинать рассказ с появления на свет младенца Ивана было бы не самым правильным.

Нам придется познакомиться с жизнью его отца и деда – потому что без этого читатель рискует многое не понять в жизни и деятельности Ивана Грозного…

Глава третья. Государи всея Руси

Проследить, откуда на Руси появился титул «царь», – легче легкого. Происходит он от слова «цезарь», которое, думаю, растолковывать нет необходимости. Первоначально «царем» русские именовали хана Золотой Орды – в знак большого уважения. Но потом Орда стала слабеть, раскололась на несколько улусов помельче, и Московский улус, подобно прочим, пустился в самостоятельное плаванье. Его владетелям именоваться просто «князьями» уже было как-то *невместно:* Москва потихонечку-помаленечку стала выдвигаться на положение «старшего брата» среди прочих княжеств. Главным образом оттого, что именно московские князья чаще всего становились *смотрящими* от Орды за Россией, и это вошло в постоянную практику. Старательно собирали дань, отвозили ее «старшим пацанам» в Орду – а сколько при этом прилипало к княжеским белым рученькам, покрыто мраком неизвестности. Надо полагать, немало.

История «собирания» земель Москвой, в общем, достаточно известна, и нет нужды подробно пересказывать это многотомное уголовное дело. А вот о заварухе, вспыхнувшей на Руси в первой половине XV в., как раз имеет смысл рассказать подробнее – потому что это была *последняя* крупная феодальная смута, возвращавшая страну во времена феодальной раздробленности. Если бы увенчалась успехом, конечно. Но, следует сказать заранее, не увенчалась…

На Москве тогда правил великий князь Василий II – еще без всякого прозвища. Зато прозвища имелись у двух его двоюродных братьев: Василия Косого и Дмитрия Шемяки. Так мы их и будем называть, поскольку фамилий у князей не имелось, по номерам их тогда не именовали, а в бесконечных Иванах и Василиях можно с непривычки запутаться…

Популярно объясняя, Косой с Шемякой давно уже задумывались: а они-то чем не великие князья? И осанкой, и родословной оба ничем не хуже Васьки… Обычное дело для тех времен, для всей Европы: какую страну ни возьми, сыщется масса народу, который может претендовать на престол…

Случай помог сдвинуть дело с мертвой точки. История эта могла бы показаться принадлежащей перу Дюма, но в том-то и смак, что она произошла на самом деле…

Василий как раз женился – и на свадебный пир, естественно, позвали всех родичей, в том числе Косого с Шемякой, ради такого случая разрядившихся в пух и прах. Уставились все на Косого – и

ахнули…

Лет шестьдесят назад у Дмитрия Донского прямо на свадьбе самым вульгарным образом *увели* золотой пояс – большой ценности вещичку, из тяжелых золотых цепей, усыпанный драгоценными камнями и самоцветами. Вроде бы и вор был прекрасно известен – не плутоватый лакей, а важная персона, некий тысяцкий (чин немалый) Василий – но почему-то никто тогда не потребовал краденое назад, и он осел у князя Дмитрия Суздальского. И вот теперь этот самый пояс увидели на Василии Косом…

Мать Василия II Софья, не склонная разводить дипломатию, тут же подбежала к Косому и сорвала пояс с криком:

– Отдавай, ворюга! Знаем мы всю вашу уголовную семейку…

Позор, конечно, был невероятный – тем более что лично Косой был ни в чем не виноват, когда пояс крали, его еще и на свете не было, и эта драгоценная вещичка ему досталась в наследство от отца. Косой с Шемякой незамедлительно покинули празднество, бормоча что-то вроде: у самих револьверы найдутся…

Тут же собрали войско и браво выступили в поход на молодожена (инцидент с поясом, понятно, оказался всего лишь удобным предлогом). Войско возглавил отец Косого и Шемяки, князь Юрий Дмитриевич. Началась гражданская война, ненароком затянувшаяся на двадцать лет…

Интрига была в том, что Юрий Дмитриевич и отец Василия II, Василий Дмитриевич, были братьями и по древним русским обычаям после смерти старшего брата престол должен был занять Юрий. Но Василий желал распоряжаться уже *по-новому* – своей волей. Вот и назначил наследником престола как раз младшенького. Что было ближе не к патриархальной старине, а к европейской практике: кому король пожелает оставить трон, тому и оставит…

Юрий подступил к Москве, жители которой без всякого сопротивления открыли ему ворота (потом «старая партия» еще дважды будет вышибать Василия из Белокаменной). Василий бежал в Нижний Новгород и от безысходности решил было удалиться на постоянное жительство к татарам, справедливо полагая, что достать его там будет трудновато: татары, как всякие дикари и варвары, о чести имеют самое высокое представление и доверившихся им беглецов не выдают…

Но тут Юрий умер. Как ни удивительно, своей смертью. А воспрянувший Василий собрал рать и пустился восстанавливать справедливость. Взял Василий Косого в плен и, недолго думая, приказал выколоть ему глаза.

В нашей популярной исторической литературе есть, я бы так назвал, «благостное» направление – его сторонники о самых подлых и кровавых делах повествуют с удивительной мягкостью. Один такой гуманист историю с ослеплением излагает так: «Василий II, человек незлобивый, однажды не сдержался и повелел ослепить Василия Юрьевича, попавшего в плен». Очаровательно. Добрейшей души был человек, кошек любил и нищим подавал щедро – но вот не удержался, бывает. Как в анекдоте про забитого мужа, однажды огревшего жену сковородкой. Очень уж обстановка сложилась располагающая: жена стояла спиной, входная дверь распахнута настежь, сковородка под рукой – ну как тут удержаться?

Ослепший Василий Юрьевич от участия в политическом процессе отказался навсегда – но зрячий Шемяка продолжал войну. Его войска взяли Москву (опять-таки при крайне вялом сопротивлении жителей). Попавшему в плен Василию Васильевичу три дня перечисляли его грехи, а потом заставили целовать крест в том, что он навсегда отрекается от великого княжения (торжественней, чем целование креста, клятвы тогда не имелось). Для надежности и ему выкололи глаза, как он давеча Косому, – и сослали в монастырь. Тогда-то Василий и получил прозвище Темный.

Правда, в отличие от Косого, Темный и ослепши продолжал мечтать о реванше. Благо монастырский игумен Трифон, человек в юридическом крючкотворстве изощренный, просветил слепца: не имеет, мол, никакой юридической силы клятва, вырванная силою… Обрадованный Василий возопил:

– А действительно, чего это я?! Силком заставили, ироды!

Тут подоспела группа бояр, которые решили ставить именно на Василия, пусть и слепого. Главным у них был человек с примечательным прозвищем Стрига. «Стрига» в древнеславянской мифологии – это кровососущий упырь. Что должен был наворотить в жизни человек, чтобы заслужить такое прозвище, остается только догадываться…

Теперь уже Шемяку вышибли из Москвы. Он поцеловал крест на то, что драться за престол более не будет.

А отъехав подальше, в духе того времени спохватился: чего это я!? Силком заставили, ироды! И принялся собирать войско…

Тут уж команда Василия решила, что с этим затянувшимся делом пора кончать решительными методами. В Нижний Новгород, где обосновался Шемяка, отправился московский дьяк Степан Бородатый. Он склонил на свою сторону шемякинского боярина Ивана Котова – вероятнее всего, с помощью тех аргументов, что чеканятся из золота и при встряхивании в ладони

издают приятный звон. Котов, наверняка с помощью тех же аргументов, *убедил* повара, оставшегося для Большой Истории безымянным. Повар красиво зажарил курицу, напихал туда яду и подал Шемяке. Шемяка курицу съел – и до десерта уже не дожил. Интересно, что весть об этом событии привез Василию Темному подьячий Василий с символической фамилией Беда (судя по дождем пролившимся на него милостям, он был не просто почтальоном, а активным участником операции).

Повар настолько терзался угрызениями совести, что впоследствии ушел в монастырь замаливать грехи, – один-единственный из всех замешанных. Остальные без особого раскаяния продолжали рулить государством. Оставшись без серьезных конкурентов, Василий Темный принялся методично изничтожать сохранившихся удельных князей и их отпрысков. В общем, он не был ни чудовищем, ни ангелом – как ни жутко это кому-то покажется, шел в чем-то нормальный процесс, научно именуемый «преодолением феодальной раздробленности». Как ни ужасайся, а через этот процесс, поигрывая палаческим топором и втихомолку балуясь ядами, прошли абсолютно все европейские (и не только) властители. Историческая неизбежность, знаете ли. Шемяка, кстати, из всех участников двадцатилетней заварушки был человеком, пожалуй, самым приличным – на нем меньше всего подлостей, а в характере поболее благородства, чем у прочих участников игры. Но если рассуждать объективно, именно он защищал бесповоротно отжившие обычаи, отчего стране как таковой был один вред.

Сейчас они, все трое, покоятся в Архангельском соборе – Василий Темный, Василий Косой и Дмитрий Шемяка…

Сын Темного Иван III, занявший московский престол опять-таки по новому обычаю, как назначенный отцом наследник, окончательно разделался с независимыми княжествами, а заодно и с независимым городом Новгородом, боярской «республикой». Именно при нем, в 1487 г., произошло *первое* взятие Казани – правда, к Московскому государству ее не присоединили, а попросту назначили новым ханом некоего Мехмет-Аминя, человека надежного. Именно Иван III придумал *номенклатуру* – особый список служилых людей, откуда только и черпались кадры для государственной службы (и исключались из списка за серьезные прегрешения, что влекло нехорошие последствия для всего рода).

О такой интереснейшей и сложной личности, какой был Иван III Васильевич (кстати, тоже носивший прозвище Грозный), можно написать отдельную книгу, но эта фигура для нашего повествования носит характер второстепенный, поэтому надолго

на нем задерживаться мы не будем. Упомяну лишь, что женился Иван на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Той самой, что якобы привезла на Русь уникальную библиотеку (об этой загадке – последняя глава). Кажется, именно с тех пор гербом Руси стал византийский двуглавый орел. А может быть, Византия тут и ни при чем: поскольку тот же самый двуглавый орел имеется и на печати хана Джанибека, и других ордынских властителей…

Великий князь Иван III Васильевич. Миниатюра из «Титулярника». 1672 г.

При Иване III на Руси впервые появились «иностранные специалисты», в том числе и знаменитый архитектор Аристотель Фиораванти, построивший Успенский собор – точнее, восстановивший, потому что у русских строителей уже построенный было собор взял да и обрушился. Отношениями с Италией (в том числе и устройством брака Ивана) ведал человек, как говорится, интересный: итальянец же Иван Фрязин, покинувший родину, как злословили, из-за каких-то недоразумений по месту основной работы (он был монетных дел мастером, что наталкивает на интересные подозрения).

Так вот, о главном. Именно Иван стал пользоваться в переписке с иностранными монархами титулом «царь» – пока еще неофициально: ну, как если бы английский король в послании к французскому именовал себя «повелителем Британии». Формально так оно и было, но *юридически* такого титула не

существовало. Как бы там ни было, титул был *озвучен*…

В своем завещании Иван III указал немало принципиально новых положений, которых прежде не знали и которые все до одного были направлены на укрепление единого государства. Прежде все сыновья великого князя «совместно» владели Москвой – теперь Иван возложил это на *одного* наследника, того, кому предстояло стать великим князем. Прежде свою монету чеканили *все* удельные князья – теперь это право было оставлено только за великим князем московским. Прежде удельные князья могли распоряжаться своими вотчинами по собственной воле и завещать их кому угодно – теперь, если они умирали бездетными, земли переходили великому князю. Теперь один только великий князь мог вступать в дипломатические отношения с иностранными государствами..

Так что наследник, великий князь Василий, в полном смысле слова стал *государем* всея Руси, так и звался…

Умирая, он не успел выполнить разве что одного – женить сына на какой-нибудь иностранной принцессе. Став государем, двадцатишестилетний Василий этот отцовский завет преспокойно нарушил и обвенчался с дочерью московского боярина Соломонией Сабуровой – должно быть, красива была…

Пышная свадьба оказалась омрачена плохими новостями из Казани – тамошний хан, вассал великого князя, узнав о смерти грозного сюзерена, решил, что с его наследником можно и не считаться. Перерезал почти всех русских в Казани (оставшихся в живых продал в рабство ногайцам) и пошел войной на Нижний Новгород.

Тамошний воевода князь Хабар-Симский отбился исключительно благодаря тому, что, наверное, впервые в русской истории пустил в ход самые натуральные штрафные батальоны. В тюрьмах у него сидели триста человек пленников, солдат из Великого княжества Литовского, взятых незадолго до того в плен во время очередной войны славян между собою (сначала было пятьсот, но двести к тому времени померли). Князь явился в тюрьму, собрал зэков и торжественно объявил: если они расколошматят татар, он их всех отпустит домой и еще денег даст на дорогу. Натуральный штрафной батальон, если подумать. Тюремные сидельцы, все до одного, эти условия приняли, татар отколотили чувствительно и заставили снять осаду – после чего Хабар-Симский их честно отпустил по домам.

И умер Иван… И на престол взошел Василий, опять-таки именовавший себя в переписке с иностранными государями титулом «царь».

Началась война с Польшей (еще не Речью Посполитой, а

просто Польским королевством). К этому времени у молодого русского государя появился крайне интересный *сотрудник,* которому суждено было сыграть не самую незаметную роль в тогдашней русской истории еще и потому, что впоследствии он стал двоюродным дедом Ивана Грозного…

Итак, перед нами – князь Михаил Глинский. Человек это был крупный, интереснейший, незаурядный, захватывающей – и весьма путаной – судьбы.

Предки его происходили из татар – якобы (но только *якобы!)* потомки хана Мамая. Правда, Мамай Чингизидом не был, а потому генеалогия эта не столь уж и впечатляющая, даже если все правда. Происхождение фамилии опять-таки окутано романтическими легендами. Вроде бы великий князь Литовский Витовт, потерпев поражение от татар, блуждал по лесным чащобам, а в качестве проводника при нем оказался предок Глинских. Несколько дней этот «Сусанин» не мог отыскать дороги, а потом Витовта осенило, и он сказал единственному спутнику:

– Если выведешь из леса побыстрее, получишь княжеский титул и урочище Глины…

После этого обещания, пользуясь словами Тургенева, «Гавриле в тот же миг понятственно стало, как ему из лесу-то выйти». Насколько достоверна эта история, сегодня уже установить невозможно. Как бы там ни было, князья Глинские в Литве были в большом авторитете. Литва и Польша в то время еще не объединились юридически в одно государство, но польский и литовский престолы уже пребывали в одних руках. Так вот, Михаил Львович Глинский долго был фаворитом Великого князя Литовского и короля Польского Александра. Но потом Александр умер, а у нового короля (и великого князя Литовского) Сигизмунда уже имелись свои фавориты. Глинского живенько отодвинули на второй план – да вдобавок некий магнат пан Забжзинский стал во всеуслышание говорить в сейме, что Глинский глядит на сторону – тайно переписывается с великим князем московским и собирается к нему уйти на службу.

Глинский в суд за клевету подавать не стал – в те времена благородные дворяне, особенно в Польше, такие дела решали иначе. Михаил Львович собрал отряд сабель в семьсот (главным образом польско-литовских татар, у которых из-за своего происхождения он был в большом уважении), темной ночью налетел на имение Забжзинского и подверг всех присутствующих дружеской критике, в результате которой многие лишились голов, и в первую очередь хозяин. После этого Глинскому в Польше стало как-то неуютно, и он вскоре объявился в Москве, у

Василия Иоанновича. Приняли его там охотно: князь был опытным военачальником, служил в нескольких странах Европы, был лично знаком с многими тамошними королями, а особенно его любил и жаловал император Священной Римской империи Максимилиан. Именно Глинский и подвигнул Василия к войне с польско-литовским государством, заверяя, что ляхи сейчас в большой слабости и расстройстве, а потому накостылять им будет нетрудно…

Русские войска потянулись на запад и осадили Смоленск. Однако исконно православный, исконно русский город Смоленск, вроде бы стенавший под католическим игом, стал ожесточеннейшим образом сопротивляться русскому православному воинству…

Как ни печально, но именно так все и обстояло. Смоленск в те времена давненько уже жил по «магдебургскому праву» и не хотел менять привычные вольности на нечто неизвестное, непредсказуемое. Вот и пришлось великому князю *трижды* его осаждать на протяжении двух лет, наняв иностранных пушкарей. Третья осада закончилась взятием города.

Самое интересное, что после сдачи города никаких репрессий против его защитников не последовало. Главной причиной тому стали уговоры Глинского, советовавшего великому князю быть гуманнее. Но Глинский старался не человеколюбия ради, а исключительно ради собственной выгоды: вскоре же он начал упрашивать Василия отдать Смоленск ему во владение.

Иконное изображение великокняжеской четы в одеянии. Великий князь Василий III и Елена Глинская

Василий, человек умный, рассудил, что негоже отдавать «в частные руки» стратегически расположенный пограничный город – тем более даже не своему, исконному москвичу, а «политэмигранту», не особенно и надежному, по слухам. И отказал самым решительным образом: на всех, мол, городов не напасешься, самому мало…

Разобиженный Глинский потихонечку сочинил слезное письмо польскому королю Сигизмунду, где каялся, что поступил неразумно, связавшись с московскими варварами, и просился обратно, обещая служить верой и правдой. Кто-то из приближенных Глинского в это письмецо заглянул краем глаза – и, проявив здоровую бдительность, кинулся сигнализировать в компетентные органы (которые тогда, как и многое другое, олицетворял своей персоною великий князь Василий).

Князь, как любой на его месте, осерчал не на шутку: мы его, шантрапу приблудную, приютили, как человека, а он…

Глинский ударился в бега. Его поймали и определили на нары. Собирались отрубить голову, но тут Михайла Львович выкинул оригинальный номер: обратился с покаянным письмом к

митрополиту всея Руси, в коем слезно и прочувствованно излагал, что все его выходки – результат злонамеренного влияния католичества. Он, мол, хотя и называл себя много лет православным, на самом деле еще во времена студенческой юности, в Италии, спьяну перешел в католичество. Так что сам он ни при чем, это его «латинская вера» так испортила – а теперь он раскаялся и просит торжественно перекрестить его обратно в православие…

Я же говорю, светлая была головушка! Европейски образованная… Митрополит если и не умилился, то, во всяком случае, живо этим делом заинтересовался, завязалась обширная переписка с великим князем, и в результате всей этой сумятицы казнить Глинского как-то забыли, и он в тюрьме *прижился.* Понятно, тюремная жизнь – не сахар, но оказаться без головы было бы еще хуже. В общем, Русь воевала то с Польшей, то с татарами, все были заняты до предела, и полузабытый Глинский задержался на зоне на двенадцать лет…

А потом в его жизни, способной послужить сюжетом для дюжины авантюрных романов, снова произошел резкий поворот…

В жизни государя Василия присутствовала, говорю без всякой насмешки, *великая кручина.* С супругой Соломонией он прожил чуть ли не четверть века, а детей все не было. Это и для обычного человека нешуточная трагедия, а уж для государя, оставшегося без наследника… Кому оставить все? Некому… Целая орава Рюриковичей и Гедиминовичей, видя такое дело, начинает в открытую поглядывать на престол с нехорошим *хозяйским* прищуром, а наследника нет, нет, нет!

Что творилось на душе у Василия, остается только догадываться. Ничего приятного, конечно…

Кончилось все тем, что царицу Соломонию постригли в монахини, – *другой* формы развода тогдашняя юридическая практика (не только русская, но и общеевропейская) как-то даже и не предусматривала. Если один из супругов уходил в монахи, отрешаясь таким образом от всего мирского, другой (другая) имел полное право вступить в новый брак.

Сохранились сведения, что Соломония постригаться категорически не хотела, не чувствовала ни малейшей тяги к монашескому «подвигу». Доверенный боярин Иван Шигона, видя такое дело, от всей души приложил строптивую царицу нагаечкой и, как деликатно пишут летописи, «увещевал словесно». Характер «увещеваний» представить нетрудно. Соломония сдалась и пострижение приняла. Государь Василий, таким образом, в одночасье стал холостяком – и честно вам скажу, лично я ему не судья…

Невеста появилась очень скоро – православная, знатного рода, юная княжна Елена Глинская, родная племянница все еще прозябавшего в тюрьме Михаила. О побудительных мотивах Василия не стоит долго ломать голову: портрет Елены давным-давно реконстурирован по черепу в строгом соответствии с методом профессора Герасимова. *Штучная* была красавица…

Свадьбу играли торжественно, со всем размахом. Пожилой государь, без сомнения, к юной жене *воспылал* не на шутку, поскольку (за отсутствием в те времена пластических хирургов), дабы выглядеть моложе, совершил беспрецедентный по тем временам поступок: сбрил бороду.

Дело даже не в том, что это противоречило исконным русским обычаям. Исторической точности ради разрешите доложить: в те времена со «скобленными рылами» щеголяли исключительно гомосексуалисты – да простят меня ревнители тезиса о Святой Руси, но этой публики и тогда имелось изрядное количество (нет, понятно, конечно, что эту заразу к нам занесли с богопротивного Запада, кто бы сомневался!).

Елена Глинская

Михайлу Глинского держать в тюрьме и далее было теперь как-то неудобно – царский родственник как-никак. Его выпустили, пожаловали кое-какое движимое и недвижимое имущество, душевно попросили более не изменять и даже пригласили ко двору. Неизвестно, что там думал Глинский, но более он и в самом деле не изменял – видимо, на старости лет решил остепениться. Двенадцатилетний срок на нарах – это, знаете ли, способствует устранению излишней *шустрости* в таких делах.

А наследника все не было – хотя Василий наверняка прилагал

к этому все усилия. Год, два три… Наследник не рождается. Венценосная супружеская пара принялась ездить по монастырям, усердно молиться о даровании дитяти…

Тем временем по Руси поползли слухи, что Соломония, попав под монашеский *плат* уже беременной, в монастыре родила-таки ребенка мужского пола – и отдала его кому-то верному на воспитание. Легенда эта окажется удивительно долгой и живучей. Уже в двадцатом веке ее вновь пустят в широкий оборот – когда, вскрыв предполагаемую могилу ребеночка, найдут там богато одетую деревянную куклу. Возникнет даже красивая легенда о том, что ребенок не умер во младенчестве, а вырос, возмужал – и будто бы все зверства, все репрессии Ивана Грозного исключительно на том и основаны, что он много лет охотился за опаснейшим для себя конкурентом…

Увы, версия эта аргументирована весьма слабо, поэтому всерьез и подробно я ее рассматривать не буду при всей ее романтической красивости. Лично мне представляется крайне маловероятным, что более двадцати лет царица не беременела, а потом вдруг – нате вам… Или «виновником торжества» был вовсе не законный муж Василий Иоаннович? Тоже плохо верится, чтобы пожилая уже женщина, угодив в монастырь, практически тут же стала крутить романы… Гораздо более вероятно другое объяснение: видя бездетность государя, кто-то из хитроумных бояр готовил «чудесным образом родившегося» наследника, распускал слухи о его рождении, быть может, и приготовил какого -то *левого* младенчика, чтобы потом объявить его законным, а себя – борцом за права «государева сына». Не столь уж необычный поворот сюжета, сдается мне… Но истину уже не установить.

Итак, молодая царица никак не могла забеременеть: богомолья, щедрые пожертвования монастырям… Государю Василию Иоанновичу остается только посочувствовать: нелегко ему было…

И вот 25 августа 1530 г. – *радость превеликая* на Руси! Сын у государя родился!!!

По всей земле – колокола, колокола, колокола –
Царица сына родила!
Царица сына родила – какое счастье!
Царица сына родила – и в одночасье
Царь людям выкатил вино и выдал платья,
И всем бросали серебро царевы братья…

Я не помню автора этих строк, но они, наверное, удивительно точно передают воцарившуюся тогда радость. Наверняка именно так и было: и колокола всех церквей остервенело молотили, и палили пушки, и в толпу летело серебро…

Младенца окрестили, не особенно и мудрствуя – Иваном.

Рождение будущего тирана и кровопивца было отмечено всевозможными жуткими предзнаменованиями. В ночь с 24 на 25 августа, когда молодая царица корчилась в родовых схватках, небо над Москвой заволокли черные тучи.

Молнии небывалой яркости засверкали над столицей, гром небывалой силы катился по небу, там и сям вспыхнули пожары, в Спасском соборе сами собой набатным гулом гремели колокола – а колокол одной из московских церквей сорвался с колокольни, тяжко грянувшись оземь. Ветер ломал деревья и сносил хлипкие крыши, все до единого москвичи до утра тряслись от ужаса, и только сидевшие по закоулкам умные люди понимали, что к чему: *кровопивец* величайший рождается на свет!

Успокойтесь. На самом деле все это чушь. Все эти страшные сказочки о жутких знамениях появились гораздо позже – спустя даже не годы, а долгие десятилетия. Именно так в девяноста девяти случаях из ста со всевозможными пророчествами (как «черными», так и вполне благостными) дело и обстоит – когда начинаешь искать концы, выясняется, что эти якобы безошибочные, поразительные предсказания появились на свет черт-те сколько лет спустя после событий, которые якобы предвещали. Можно привести массу примеров, да что там, толстенную книгу написать в доказательство – но мне сейчас не до того…

Когда Ивану было три года, государь Василий отправился как-то на охоту, но вскоре пришлось вернуться – на бедре у него вскочила болячка, невеликая, с булавочную головку, но она росла, пухла, болела. Кто-то – вроде бы Михаил Глинский с двумя приглашенными им заграничными врачами – посоветовал лечить чирей вернейшим средством: прикладывать пшеничную муку с печеным луком и медом. Стали прикладывать. Нарыв еще более увеличился, потом прорвался, гной вытекал тазами. Когда царя повезли обратно в Москву, стоять он уже не мог. Дело обстояло настолько плохо, что Василий принялся писать завещание и готовиться к пострижению в монахи.

Постричься он успел. И успел составить завещание, по которому до совершеннолетия малолетнего Ивана «правительницей», лишенной, однако, всех и всяческих полномочий, должна была стать царица Елена – а вот реальная

власть переходила к «опекунскому совету», в который вошли трое: тот самый боярин Шигона, что «увещевал» Соломонию, Михайла Глинский и некий Михаил Юрьев (человек, несомненно, родовитый, которому умирающий вполне доверял).

Царь умер… собственно говоря, уже не царь Василий Иоаннович, а смиренный инок Варлаам.

Очень быстро молодая вдова, царица Елена, завещание супруга, в той его части, что касалась опекунского совета, решительно похерила…

Глава четвертая. Елена Прекрасная

Как бы ни упрекали меня в излишне эмоциональном подходе к описываемым историческим событиям, в неуместных симпатиях и антипатиях, я, как тот оловянный солдатик, продолжаю стоять на своем. Во-первых, я, слава богу, не профессиональный историк. Мне можно. Во-вторых, только дебил не имеет симпатий и антипатий…

Так вот, Елена Глинская мне лично глубоко симпатична. И потому, что она была красавица. И потому, что она, как показывают последующие события, была не просто красивой куклой, а женщиной умной, энергичной и деятельной, отчего ее недолгое правление смело можно считать если не самым лучшим периодом в истории России, то уж и никак не самым худшим. И, наконец, еще и потому, что ее жизнь после смерти царя – готовый сюжет для увлекательного и грустного приключенческого романа, ни в чем не уступающего классическим образцам…

Так вот, у молодой (едва сравнялось двадцать пять годочков) овдовевшей красавицы очень быстро появился друг. Сердечный друг, я имею в виду. Это был князь Иван Овчина-Телепень-Оболенский, человек, во-первых, еще не старый, а во-вторых, ничуть не похожий на иных ничтожных фаворитов, известных только тем, что делили ложе с царственной дамой. Иван Оболенский к тому времени стал воеводой, отлично себя зарекомендовавшим в многочисленных военных кампаниях. Одним словом, не смазливый придворный хлыщ и не дворцовый интриган. Мужик крутой, сильный, уверенный в себе, с репутацией, выражаясь современным языком, боевого генерала – и, судя по последующим событиям, большим авторитетом в войсках.

Да, я и запамятовал… Елена была дочерью литовского магната Василия Львовича Глинского и Анны Якшич – дочери знатного сербского воеводы Стефана Якшича, а потому приходилась родственницей многим балканским знатным родам. Поскольку владетельные династии и знатные роды *всегда* находятся друг с другом в отдаленнейшем, но все же родстве, нельзя исключать, что по матери Иван Грозный был дальним родственником знаменитого Влада Цепеша, послужившего прототипом графа Дракулы, вампира. Разумеется, даже если так и есть, не нужно искать в *этом* обстоятельстве истоки «кровожадности» Грозного. Еще и оттого, что правитель Валахии Влад Дракула – такая же жертва «черной легенды», как Иван Грозный и полдюжины европейских королей вроде Ричарда III и

Эдуарда II. По всей пресловутой «кровожадности» он значительно уступает «коллегам» по тому же трону. Двое валашских правителей, безусловно перещеголявшие Дракулу в зверствах, тем не менее именовались один Святым, другой Добрым. Поскольку лютовали, оставаясь православными, – а Влад Дракула имел неосторожность как-то перейти в католичество. Вот тут-то заинтересованные лица взвились на дыбы и быстренько состряпали страшную сказку о кровопийце Владе, который самого сатану перещеголял… Но это так, к слову.

Еще одна многозначительная и крайне интересная подробность. Женитьбе православного великого князя московского Василия и православной княжны Елены пыталась воспрепятствовать, как могла… Константинопольская православная патриархия. Она категорически отказалась благословить брак, когда он все же состоялся.

Причины лежали на поверхности и были самыми шкурными. После взятия в 1453 г. турками-османами Константинополя Россия считалась преемницей Византии – особенно после брака Ивана III с Софьей Палеолог. Русская церковь, несмотря на провозглашенную независимость, признавала почетное «старшинство» Константинопольской патриархии – и не просто признавала, а регулярно подпитывала таковую внушительными суммами. Греческие иерархи обожали ездить в Москву за деньгами, при дворе великого князя постоянно околачивалось немалое число константинопольских церковных деятелей, беззастенчиво клянчивших монету (при том, что многие из этих деятелей преспокойно служили у турецкого султана дипломатами и «чиновниками для особых поручений»).

Ну, а теперь вся эта привыкшая к легким деньгам братия опасалась, что после того как русской царицей станет княжна, имеющая широкие родственные связи с сербскими и вообще балканскими знатными родами, финансовые потоки пойдут мимо Константинополя в Сербию, что заставит «царьградских греков» отказаться от привычных деликатесов и тонких вин. Дошло даже до того, что знаменитый греческий ученый монах Максим Грек (замешанный во множестве грязных интриг на территории Руси) накатал послание турецкому султану, склоняя его к войне с Московией. Султан оказался человеком умным и ради благосостояния Константинопольской патриархии войну затевать не стал…

Но вернемся к Елене и ее сердечному другу Ивану. В том, какие отношения их связывали, никто из окружающих и не сомневался – это было известно чуть ли не всем и каждому. Более того: злые языки уже тогда принялись с оглядкой твердить, что

малолетний Иван, а то и его болезненный брат Юрий – дети вовсе не Василия, а как раз Оболенского. Оболенский еще до смерти великого князя был приближенным Василия – отец князя занимал при великокняжеском дворе немалые посты, а сам Иван во время свадьбы Василия и Елены исполнял одну из самых важных и почетных ролей в тогдашнем обряде. Так что для

Елены князь Иван был старым знакомцем, а не вынырнувшим неизвестно откуда искателем Удачи…

Насколько эти предположения справедливы, судить с уверенностью трудно. Самый сильный аргумент в пользу отцовства Оболенского – это обстоятельства семейной жизни великого князя. С первой женой он прожил двадцать лет, но детей не имел. Вторая забеременела только через три с лишним года после замужества. Так что подозрения есть, и сильные…

Вообще-то мне попадалось упоминание, будто «скрупулезные научные исследования останков» показали, что Василий был все же родным отцом Ивана, но это именно что упоминание, где не приведено никаких подробностей: ни названия научного учреждения, где якобы проводили исследования, ни города, где оно расположено (да и ни единой фамилии не названо).

Одним словом, история загадочная. К тому же надо учитывать, что на протяжении всего царствования династии Романовых ее замалчивали самым старательным образом. Опять-таки по вполне понятным мотивам. *Единственное* обоснование романовских прав на русский трон заключалось только в том, что их родственница когда-то была женой Ивана Грозного. Согласитесь, негусто. При том, что Романовых, как ни напрягай фантазию, нельзя отнести ни к Рюриковичам, ни к Гедиминовичам, ни к Чингизидам – худородны-с… Тут уж я ничего не в силах поделать с классической литвинской шляхетской спесью: в середине XV в., когда тот благородный рыцарь, дальними родственниками которого были мои предки, уже значился в серьезных документах Польского королевства, эти самые Романовы неизвестно где гусей пасли…

Короче говоря, *все* права Романовых на русский трон сводятся исключительно к тому, что Анастасия Романовна Захарьина-Кошкина была женой Грозного. Еще не *Романова,* обратите внимание! Романовы только от ее отца Романа и пошли, а до того такой фамилии не имелось… Так что

Романовым *первым* была крайне не выгодна правда о происхождении Грозного: ведь если он и в самом деле сын Оболенского, то и Романовы, получается… как бы не вполне кошерные самодержцы…

После рождения царевича Ивана Василий пожаловал Ивану

Оболенскому весьма почетный придворный чин конюшего. К заведованию царскими конюшнями конюший уже не имел отношения – это был именно высокий придворный чин (точно так же граф Рошфор, *конюший* кардинала Ришелье, отнюдь не конюшнями ведал). В Московии того времени конюший обычно как раз и возглавлял боярскую думу.

Так что Елене не нужно было Ивана *искать* – он с самого начала был при дворе. Неизвестно, что там было до смерти Василия, но после таковой ни одна живая душа уже не сомневалась в том, какие отношения связывают красавицу-вдову и лихого воеводу.

Опекунский совет, назначенный Василием, как-то незаметно не то чтобы самоликвидировался – просто-напросто правительница вела себя так, словно о его существовании и не слыхивала. А рядом был князь Оболенский, ничуть не похожий на интеллигента-неврастеника…

Вот только не следует думать, будто он своей венценосной подругой вертел, как хотел. Все, что нам известно о том времени, позволяет судить, что главную роль играла как раз Елена – как впоследствии Екатерина II в отношениях с Потемкиным.

Опекунский совет еще и оттого оказался неспособен бороться за свои права, что он и боярской думе пришелся не по нраву: мол, почто такая честь только троим, а не всему боярскому сословию? Да и кто они такие? Один Шигона еще более-менее солидный человек, настоящий боярин. Глинский – фигура *мутная,* «инородец», а Михаил Юрьев-Захарьин – худороден…

Одним словом, пока судили-рядили, Елена быстренько взяла реальные рычаги управления в свои руки. Но тут, после многих десятилетий спокойной жизни, вновь замаячило *мурло* прежних, стародавних княжеских усобиц…

Оба родных брата покойного Василия, младшенькие – князь Юрий Дмитровский и князь Андрей Старицкий – были уже немолоды, но и не старые развалины. И оба прекрасно помнили о старых традициях, когда князю наследовал никакой не сын, а именно что брат. Тем более что Ивану Васильевичу было всего-то три годочка, а маменька у него опять-таки не русская боярыня, а инородка…

В воздухе явственно запахло кровью. Юрий еще совсем недавно, когда был жив Василий, откровенно бунтовал, с помощью татар захватив Рязань и еще несколько городов, – так что дело пришлось улаживать долго, крестом и пестом. Василий предусмотрительно запрещал ему жениться, чтобы не появились на свет новые претенденты – но сейчас, по мнению Юрия, настало время все переиграть…

Есть сведения, что он втихомолку вступил в сговор с боярским родом Шуйских (без которых на Руси не обходилась ни одна смута ни тогда, ни потом), однако Елена отреагировала моментально. Не прошло и недели после смерти Василия, как Юрия *приземлили* в тюрьме, где он по какому-то совпадению очень быстро и помер. Согласно одним источникам, ему как-то забыли приносить еду и питье, по другим – надели вдобавок «шляпу железну». Судя по некоторым данным, это был не русский аналог «железной маски», а этакий колпак весом в двадцать-тридцать килограммов, весьма неблаготворно действовавший на организм…

Очень быстро настала очередь и Андрея Старицкого. Некий И. Мусский сочинил книгу «Сто великих диктаторов», где в разделе, отведенном Ивану Грозному, старательно собрал все дурацкие побасенки. О Старицком же написал со слезой: «Вскоре будет схвачен и замучен младший брат покойного Василия Андрей, смирный и робкий удельный князь». Вот так вот жил себе робкий тихоня, почитывал божественные книги и никого не обижал, а змея Ленка с хахалем Ванькой сцапали безвинного и замучили до смерти…

Ну что ж, посмотрим, как оно обстояло на самом деле, что успел наворотить этот кроткий ангел…

Ангелочек сей еще при жизни Василия увлеченно бунтовал на пару с братишкой Юрием. Именно Андрей со своей дружиной так увлекся, что ненароком захватил город Белоозеро – в котором, между прочим, хранилась великокняжеская казна. Изловив мятежного братца, Василий всерьез собирался его казнить – и отговорила его от этого только боярская дума при активном участии митрополита…

Ну, а теперь «ангелочек», когда Елена Глинская отказалась удовлетворить его просьбу об увеличении удельного княжества, демонстративно «затворился» в своих владениях и, что характерно, отказывался давать свои дружины на войну с Польшей. Напоминаю, регулярной армии тогда не было, и войско состояло исключительно из боярских дружин.

То ли его в самом деле собирались арестовать, то ли нервы не выдержали… Очень скоро князь Андрей, прихватив семью и казну, повел свою дружину в сторону Новгорода. Он вовсе не собирался искать где-то безопасного убежища – наоборот, планы были самые наполеоновские…

Интрига в том, что Елена предложила Андрею подписать своеобразное обязательство (оно сохранилось в архивах) – он ручается честным словом и крестным целованием, что никогда больше не будет рваться к власти, а его за это никто и никогда

больше не тронет. Вот как раз *такие* обязательства наш тихий ангел и не собирался давать.

Обосновавшись неподалеку от Новгорода, он преспокойным образом попытался развязать гражданскую войну – стал рассылать боярам письма, прося к нему присоединиться. Мол, малолетний царь, сосунок этакий, никакой пользы боярскому сословию принести не может, зато он, Андрей, взявши власть, всех, кто ему помогал, щедро пожалует…

Не зря Карл Маркс писал, что история если и повторяется, то исключительно в виде фарса. Из задуманного Андреем Старицким предприятия получился один пшик. К нему примкнула лишь крохотная кучка авантюристов – причем среди них не было ни одного по-настоящему богатого и влиятельного человека. Мало того, его собственные люди стали потихоньку разбегаться, а среди оставшихся возник какой-то заговор. Его взялись расследовать, но очень скоро бросили – потому что в нем, оказалось, княжеские люди замешаны чуть ли не поголовно.

Андрей стал посылать гонцов в близлежащий Новгород, требуя выступить на его стороне – а он, мол, вернет все старые новгородские вольности. Новгородцы эти грамотки проигнорировали, да вдобавок по настоянию архиепископа Макария (будущего московского митрополита и активного сподвижника Ивана Грозного) начали укреплять городские стены на случай, если мятежный князь вздумает город штурмовать.

Одним словом, получалась не смута, а сущая комедия… Тут как раз показалась конница под командованием Ивана Оболенского, связываться с которым из-за его всем известной репутации толкового вояки мало кто рискнул бы. Андрей и не рискнул. Он поспешил сдаться, тем более что Оболенский от имени правительницы дал клятву, что ничего плохого беглецу не сделают.

В Москве, однако, все обернулось иначе. Елена принародно устроила фавориту разнос за то, что он необдуманно давал клятвы, на которые по своему положению не имел никакого права. («Я не имею права подписывать подобные исторические документы», – кричал в аналогичном случае управдом Бунша). Очень может быть, что это оказалось лишь грамотно разыгранным спектаклем. Как бы там ни было, тридцать сторонников князя Андрея по заговору живописно развесили вдоль дороги на Новгород, его бояр бросили в темницу и его самого тоже. В темнице он через полгода и помер. Претендентов на трон вроде бы не осталось – во всяком случае *явных*.

А тут под раздачу угодил и князь Михайла Глинский. Старому авантюристу и интригану, полное впечатление, отказало

чутье. Он явился к племяннице и на правах ближайшего родственника закатил вдохновенную речь касаемо ее морального облика: дескать, Еленушка, нельзя же так откровенно крутить амуры черт-те с кем на глазах у возмущенной общественности! Да и с боярами следует обращаться деликатнее, не стоит их лишать свободы, словно каких-то простолюдинов… В общем, проявил себя нешуточным борцом за гуманизм и женское целомудрие.

Уж собственную-то племянницу, в которой кипела та же буйная татарская кровушка Глинских, следовало бы знать… Елена, не дослушав высокоморальных речей, крикнула стражу – и дядя Миша оказался за решеткой так быстро, что удивиться не успел. Чтобы ему не тяжело было привыкать к новым местам, его определили в ту же камеру, где он тянул прежний срок. Живым он оттуда уже не вышел – через месяц отдал богу душу. Злословили потом, что его ослепили и запытали насмерть по приказу Оболенского, но данные эти сомнительные. Достоверно известно лишь, что бывшего искателя приключений сначала похоронили у захолустной церквушки за Неглинной, но потом все же перевезли гроб в Троицкий монастырь – как-никак государев двоюродный дед, лежать должен в престижном месте…

Пятилетнее правление Елены Глинской, право же, не самый худший период в истории России. Начнем с того, что ей удалось обеспечить государству прочный мир на все это время. Когда на Русь вторглось литовское войско, русские отряды под командованием Ивана Оболенского остановили неприятеля и перешли в контратаку, вторглись в Литву и в сжатые сроки вышли к ее столице Вильно. Переполох был такой, что Литва моментально согласилась на переговоры и заключила мир. Точно так же, сочетанием военных и дипломатических методов, Елена сумела утихомирить казанских и крымских татар.

После этого она развернула обширную программу строительства – причем не за счет казны, а, как говорится, с привлечением средств населения, и не простонародья – правительница одной ей известными средствами *убедила* и боярство, и высшее духовенство растрясти свои немаленькие кубышки и выделить деньги на государственное дело. Этот «чрезвычайный налог» не миновал ни новгородского митрополита Макария, ни даже главу русской церкви Даниила. С духовенства собрали еще и деньги на выкуп у татар русских пленников. Оценивать такие действия следует только положительно: как-никак деньги требовали не на пьянки и маскарады, а на очень серьезные дела.

В рамках той программы были построены в Москве каменные укрепления Китай-города (то, что замышлял еще Василий),

восстановлены сгоревшие городские стены в Ярославле, Торжке, Владимире, Перми, построены стены там, где их не было вообще, – в Буйгороде, Устюге, Балахне, усилены укрепления в Новгороде (в те беспокойные времена такие меры были самыми что ни на есть необходимыми). На западных рубежах построили несколько новых городов: Заволочье, Велиж и другие.

Как раз при Елене привели в порядок русскую монетную систему, пришедшую в крайнее расстройство: фальшивых и легковесных, облегченных денег расплодилось несметное количество. Как ни заливали уличенным злоумышленникам в глотку расплавленное олово, других это не останавливало…

Именно Елене Глинской мы обязаны появлением на свет *копейки.* До этого в ходу были монеты, на которых чеканился всадник с мечом (саблей), они так и назывались – «сабляницы». Елена выпустила в обращение деньги нового образца, где всадник был уже вооружен копьем. Очень скоро их стали называть, как легко догадаться, копейками…

И наконец, Елена покусилась на прежние привилегии родовитого боярства – допустила в боярскую думу кое-кого из «детей боярских» («дети боярские» – это не отпрыски боярина, как кто-то может подумать, а отдельное сословие лиц благородного звания, повыше простого дворянина, но пониже боярина).

Ее и до того откровенно недолюбливали бояре (инородка, развратница, сама дерзает править!), а теперь и вовсе налились злобой. Но что они могли поделать? Елена власть в руках держала прочно, царь Иван был слишком мал, чтобы на него воздействовать – да вдобавок относился к Оболенскому с нескрываемой симпатией… Оставалось шипеть по углам.

Судя по сохранившимся свидетельствам, Елена и Оболенский были абсолютно уверены в своей силе и своем будущем и держались, как законная семейная пара, не соблюдая строго тогдашнего этикета: на богослужении стояли рядом, ездили в одной карете, в поездках ночевали в одной горнице.

И тут, очень похоже, кто-то вспомнил об обстоятельствах безвременного ухода из жизни Дмитрия Шемяки…

3 апреля 1538 г. Елена Глинская, которой не было и тридцати, внезапно умерла без видимых причин. О том, что она до этого чем-то серьезно болела, нигде не сообщается. Вообще летописи, все без исключения, о ее кончине толкуют глухо и невнятно…

Слишком многие в то время были уверены, что ее отравили. В этом, например, нисколько не сомневался австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, чьи «Записки» до сих пор считаются одним из ценнейших свидетельств о той эпохе. Славянин по

происхождению, он владел русским языком и знакомства в Москве имел обширнейшие…

Предельно подозрительны обстоятельства даже не самой смерти – погребения. Елена, как достоверно известно из летописей, умерла в два часа дня, а похоронили ее в *тот же вечер*. Такая поспешность полностью соответствует исламской традиции, но абсолютно противоречит православной, вообще христианской. Поневоле начинаешь подозревать, что отравители всерьез опасались видимых последствий – скорого появления на теле следов отравления. Других объяснений попросту не имеется. Как бы к Елене ни относились бояре, она была законной супругой покойного великого князя, матерью юного царя, православной христианкой. Отчего же ее в этом случае поторопились похоронить с небывалой ни прежде, ни после в российской истории быстротой? Никто еще на этот вопрос внятно не ответил…

Легко представить, что бояре выступали *гоголем,* а довольных улыбок не скрывали вовсе. В нашем распоряжении есть воспоминания очевидца, своими глазами наблюдавшего в тот день сиявшие радостью боярские физиономии. Зовут его Иван Васильевич, прозвище – Грозный: «Михайло Тучков при кончине нашей матери, великой царицы Елены, сказал про нее много надменных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву…» Ивану в день похорон матери было восемь лет – достаточно зрелый возраст, чтобы запоминать и осознавать происходящее вокруг…

На похоронах плакали только двое, обнявши друг друга, – малолетний великий князь Иван Васильевич и князь Иван Оболенский. Второму пришлось еще хуже: кроме скорби, он прекрасно понимал, что больше на этом свете не жилец…

Так оно и оказалось. Уже 9 апреля его схватили, как выражаются иные авторы, «арестовали», но это совершенно неподходящее определение: арест подразумевает нарушение закона, а Иван Оболенский согласно тогдашним писаным законам не совершил ровным счетом ничего, заслуживающего ареста. Да и уличить его в нарушении каких бы то ни было законов было бы крайне затруднительно. Так что его именно *схватили* самым беззаконным образом. И через месяц он умер в тюрьме – по некоторым свидетельствам, в той же «шляпе железной», что Андрей Старицкий. Его сестру, няньку малолетнего Ивана, Аграфену Челяднину, всего лишь сослали в Каргополь, где постригли в монахини, – гуманнейшими людьми были бояре, могли ведь и ножиком по горлу полоснуть…

Таким образом, восьмилетний Иван Васильевич остался не только круглым сиротой – он остался *один* посреди людей, даже

не пытавшихся притворяться, что испытывают к нему подобие симпатии. Нянька Аграфена и Оболенский, насколько можно судить, были единственными, кто к мальчику относился приязненно.

Попытайтесь себе это представить: огромный нескладный дворец, в котором только что проводивший мать на кладбище восьмилетний мальчик, юридически правитель всея Руси, а фактически залитый слезами ребенок, остался совершенно *один*. Вокруг, конечно, имеется немало всякой шушеры – от слуг до бояр, – но нет ни одного дружески расположенного человека. Гаснут последние свечи, ночь и тишина… Вам не зябко? Мне – зябко…

Ох, и покажет он вам всем потом, волки позорные!

Апрель 1538 г. В мире все идет, в общем, как обычно: умерла очередная жена английского Генриха VIII (своей смертью, счастливица, что не всякой жене Генриха удавалось), и его величество, малость погоревав для приличия, подыскивает себе новую невесту. Мартин Лютер сочиняет «Шмалькальденские статьи» и «Письмо против соблюдения субботы» (поверьте на слово, скучнейшее чтение). Великий ювелир и скульптор Бенвенуто Челлини сидит в римской тюрьме за очередные художества – он, конечно, великий мастер, но регулярно впутывается во всевозможные неприятности (впрочем, на сей раз он никого не убил, чего нет, того нет).

В мире все, в общем, как обычно. О случившихся в Москве изменениях еще мало кто знает за пределами великого княжества. В Кремле по лестницам-переходам слышится радостное сопение и довольное урчание: это бояре, надсаживаясь, волокут кое-как поделенную государственную казну – серебряные ковши, золотые тарелки и кубки, драгоценные меха и прочую благодать.

Ага, вот именно. Первое, что сделали после заключения в тюрьму Оболенского воспрянувшие бояре с Василием и Иваном Шуйскими во главе – дочиста разграбили великокняжескую казну. Не под покровом ночи, а средь бела дня, на глазах у восьмилетнего Ивана (помянутый Тучков принимал в этом самое активное участие). Вот так, весело и непринужденно, чуть ли не с песнями. По-видимому, они полагали, что малолетний князь никогда не вырастет – или все забудет по детскому легкомыслию.

А Иван-то и не забыл… Ничегошеньки.

Но его злобе еще очень долго оставаться бессильной. В Великом княжестве Московском начинается боярское правление – веселое (как для кого), разгульное, совершенно беззастенчивое, не соблюдающее даже минимум приличий или имеющихся

писаных законов…

Глава пятая. Танцы с волками

Название выбрано не случайно: много лет жизнь малолетнего великого князя Ивана напоминала историю о Маугли – с той только разницей, что Маугли все звери (за исключением Шерхана и его шестерки Табаки) любили, берегли и не давали в обиду. А Ивана окружало сплошное зверье, настроенное к нему если не враждебно, то уж откровенно хамски…

Итак, бояре победили, перехватали не только князя Оболенского, но и всех близких к Елене людей, растаскали меха, золотую и серебряную посуду из казны. Посуду они потом переплавили, сделали для себя новую и на ней, как упоминает летописец, предусмотрительно написали имена своих отцов и дедов: «Да вы что, это ж фамильное золото-серебро!»

Очень быстро, не утруждая себя даже пародией на судебное разбирательство, отрубили голову дьяку Мишурину – чересчур был близок к «прежнему руководству», чересчур популярен на Москве, вот его и ликвидировали самым мафиозным образом профилактики ради.

Потом самым беззастенчивым образом *согнали* с места главу русской церкви митрополита Даниила – царедворца умного и искушенного, пользовавшегося доверием еще Василия (коему он помог законопатить в монастырь Соломонию). Официально Даниила обвиняли в «сребролюбии», в том, что держит беззаконно людей в цепях и «умучивает их пытками» – и тому подобных прегрешениях. Самое интересное, что большая часть этих обвинений, а то и все сразу, могла оказаться чистейшей правдой, – крупные церковные иерархи той поры, что в православии, что в католичестве, мало чем отличались от бояр, герцогов и прочих стоящих над законом магнатов.

Но, разумеется, скинули митрополита не за реальные грехи, а за то, что был сторонником клана бояр Бельских – главного соперника клана вставших у руля бояр Шуйских (потомков бывших суздальских удельных князей). На место Даниила волевым решением поставили настоятеля Троице-Сергиева монастыря Иоасафа, рассудив, что он, попав из грязи в князи, будет помнить, кому обязан (позже оказалось – просчитались).

В некоторых книгах можно встретить утверждение, будто сама по себе Елена ничего не решала и не придумывала, а была просто марионеткой, которую дергали за ниточки приближенные, – бояре, мол, все реформы задумывали и в жизнь проводили, а Елена только одобряла милостивым наклонением головы по ограниченности своей.

Это, конечно, вздор, скорее всего сочиненный теми, кто не в силах представить во главе страны женщину, – как будто женщины шестнадцатого века были глупее нынешних… Если Елена была марионеткой, зачем понадобилось ее травить? Зачем угробили Оболенского и Мишурина? Глупенькую марионетку как раз полезнее было беречь и лелеять, как зеницу ока…

Очень скоро после смерти Елены и прихода к власти клана Шуйских российская парламентская жизнь предельно обострилась. Дело в том, что Шуйские, решив показать себя борцами с перегибами, выпустили из тюрем «жертв культа личности Елены Глинской и организатора незаконных репрессий Оболенского». И малость недосмотрели – в общем потоке реабилитированных на свободе оказался князь Иван Бельский, глава одноименного клана. Как ему по породе и полагалось, он расположился в боярской думе – и началось… Что бы ни предлагали Шуйские, пусть даже юридическое признание того несомненного факта, что солнце утром всходит, а вечером заходит, с лавок оппозиции раздавался бас Бельского:

– А наша фракция против!

Его сторонники одобрительно галдели и казали Шуйским ядреные кукиши. Быть может, именно это и ускорило кончину одного из главарей Шуйских, Василия. Но оставшиеся в живых члены семьи исполнились к Бельскому лютой злобой: его, как человека, с зоны вывели, а он, неблагодарный, оппозицию изображает, как будто тут ему Англия…

И показали Бельскому, что тут не Англия, – отправили в тюрьму. «Фракцию» разогнали, кому отрубили голову, кого отправили в ссылку (излишне добавлять, что все эти свершения были в полном противоречии с действовавшими тогда законами, но на черта Шуйским законы, если у них власть?)

Маленький Иван обитал где-то в стороне от всего этого безобразия, на которое повлиять все равно не мог. Как он сам вспоминал позже, кормили его кое-как, а одевали в обноски. Нет причин этому не верить, зная Шуйских. На публике, во время торжественных церемоний, с маленьким «повелителем» обращались не просто уважительно, а откровенно раболепно – но вот подальше от людских глаз уже не стеснялись. Грозный вспоминал: они с младшим братом играют на полу, а Иван Шуйский, развалясь на лавке, еще и на постель покойного великого князя ногу в сапоге закинул…

Вообще-то вся эта боярская кодла вряд ли постеснялась бы отправить мальчишку следом за матерью – но он все же остался в живых. Как считают историки, исключительно оттого, что слишком уж много участников было в игре, слишком много

народу могло бы претендовать на опустевший престол. И власть имущие попросту испугались кровавой анархии…

Бояре *выжимали* страну досуха, как тряпку. Во-первых, как легко догадаться, правящий клан полностью замкнул на себя сбор налогов – а уж сколько попадало в казну, догадаться нетрудно. Во-вторых, в руках правящей клики оказались пушные промыслы, а по тем временам они приносили такой же доход, как нынче нефтяные скважины и золотые прииски, – пушнина была доходнейшей статьей русского экспорта. К тому времени на добычу пушного зверя уже выдавали самые настоящие лицензии (хотя звались они, конечно, по-другому), вот Шуйские и подгребли это доходное дело под себя. Да мало ли было источников дохода – дань серебром, которую новгородцы собирали с племен Заполярья, чужие земли, которые можно отобрать, судебные решения, за которые можно взять бакшиш…

Мальчик *подрастал!*

Тем временем митрополит Иоасаф, осмотревшись и обжившись в стольном граде Москве, решил, что пора ему по примеру предшественников заняться большой политикой… Именно он подсунул на подпись десятилетнему Ивану указ об освобождении Ивана Бельского. Великий князь его тут же подписал – надо полагать, с большим удовольствием, поскольку прекрасно понимал, что речь идет о враге Шуйских, а Шуйские его уже достали…

Вот тут уж деться было некуда: коли существует подписанный указ… Бельского пришлось выпустить. Он, естественно, с головой окунулся в политику – перечил Шуйским в боярской думе, да вдобавок взял моду вместе с Иоасафом запираться с мальчишкой-царем и о чем-то долго шушукаться, после чего всякий раз следовал очередной указ и на свободе оказывались очередные враги Шуйского (и, соответственно, сторонники Бельского). В конце концов *главного* Шуйского, Ивана, вообще освободили от всех занимаемых должностей и вышибли из Москвы, отправив на границу с Казанским ханством проверять, хорошо ли вспахана контрольно-следовая полоса.

Вскоре Шуйские уже открыто учинили самый настоящий государственный переворот. Беспредел даже по тогдашним меркам был выдающийся: в начале января 1542 г. в Москву ночью ворвались триста человек дворянской конницы под предводительством «пограничника» Ивана Шуйского. Стали хватать сторонников Бельского, начав, естественно, с него самого. Кое-кто из преследуемых пытался укрыться в Кремле, в покоях Ивана, простодушно полагая, что уж там-то их хватать побоятся. Не побоялись. Митрополит Иоасаф, за которым тоже гнались, за

три часа до рассвета вбежал в спальню Ивана – но и туда за ним вломились люди Шуйских, на глазах у проснувшегося мальчишки схватили и выволокли…

Бельского отправили поначалу в ссылку. Потом спохватились, что гуманизм получается вовсе уж неуместный, и отправили следом трех надежных ребят, которые, вернувшись, объявили, что аккурат на их глазах Бельский отравился грибами (а синяки, понятно, произошли от того, что грибы князь ни в какую есть не хотел). Иоасафа, как лицо духовное, зарезать все же не посмели – но должности лишили и, как водится, загнали в отдаленный монастырь.

В поисках нового митрополита, без которого приличной державе жить как-то и неудобно, обратили внимание на новгородского митрополита Макария – его-то Иван Шуйский и назначил на вакантную должность. Ну что ты скажешь! Роковым образом не везло Шуйским с назначенными ими же митрополитами!

Но не будем забегать вперед…

Мальчик рос… Честно говоря, мне искренне непонятно, почему Шуйские вели себя, как последние идиоты. Они что же, полагали, что мальчишка, когда подрастет, все забудет? Что он вырастет робким и слабым? Не понимали, что дети имеют привычку взрослеть?

Умный и дальновидный человек в подобных ситуациях всегда просчитывает на несколько шагов вперед – но Шуйские, похоже, зарвались и обнаглели настолько, что оказались не способны к минимальнейшему анализу и предвидению…

В сентябре 1543 г. они учинили очередное непотребство. Иван к тому времени приблизил к себе боярина Федора Семеновича Воронцова, что *клану* весьма не нравилось, так как несло в себе опасные последствия. И вот прямо на заседании боярской думы (!), в присутствии митрополита Макария и великого князя (!!) на Воронцова набросилась целая кодла: глава думы Андрей Шуйский, его братовья Иван с Федором и еще четверо отморозков. Воронцова избили, вытащили в коридор и всерьез взялись за засапож-ные ножи, намереваясь прямо здесь и зарезать, не передоверяя это палачам. Иван послал митрополита *просить* (!!!), чтобы Воронцова хотя бы не убивали… Дальше вроде бы и ехать некуда: царь и великий князь всея Руси через митрополита *просит* разгулявшихся бояр, чтобы они не убивали его приближенного… Это уже даже не беспредел, это что-то другое, названия не имеющее. Ну некуда дальше ехать!

Воронцова удалось отстоять – то есть его не зарезали, а всего-навсего отправили в ссылку. Правда, пока митрополит за него

душевно просил от царского имени, кто-то из бояр шутки ради разодрал на нем мантию – наступил на полу и толкнул в спину. Всем было очень весело.

Иван, ничем не выказывая своего отношения к происходящему, отправился на богомолье и в разъездах по монастырям провел три недели. В ноябре он вернулся в Москву. Еще с месяц стояла тишина, Шуйские и их сторонники по старой привычке расхаживали гоголем, совершенно не чуя беды…

А 29 декабря того же 1543 г. (дата историей зафиксирована точно) мальчишка нанес наконец удар. Только это уже был, пожалуй, и не затюканный мальчишка, и даже не Иван Васильевич – а именно что *Грозный.*

То, о чем я сейчас расскажу, лично мне крайне напомнило житейский эпизод из собственного прошлого. Держал я как-то кавказца. И ему, пока он был щенком, проходу не давал соседский ротвейлер – кусал чувствительно, валял, как хотел, затюкал, одним словом. Хозяин у него оказался дурной, под стать собаке, и на все мои протесты реагировал одинаково: с идиотской улыбкой тянул:

– Пусть собачки сами разберутся…

А потом кавказику исполнилось одиннадцать месяцев. И когда этот ублюдочный ротвейлер на него в очередной раз кинулся, кавказик его вдруг сгреб за глотку, свалил и добросовестно попытался придушить. Это у него по молодости не получилось, но за все прошлое он рассчитался качественно: снег вокруг метра на три был в крови и шерсти, ротвейлер уже и барахтаться-то перестал, а я, надежно зафиксировав стонущего хозяина, ласково ему внушал:

– Пусть собачки сами разберутся…

Остаток жизни этот ротвейлер провел на положении лагерного педераста: сначала, высунувшись из подъезда, долго изучал окрестности, потом опрометью вылетал, быстренько справлял нужду и летел домой. Иногда успевал, иногда нет – и подросший кавказец, перехвативши его на полдороге, радостно начинал сеанс стрижки, бритья и массажа…

Примерно то же самое случилось и с Иваном – кавказик подрос, а бояре-то проморгали!

Произошло все, можно сказать, стремительно: посреди заседания боярской думы вдруг раздался нарочито громкий топот сапог, и в зал, где в присутствии царя заседало благородное собрание, ввалилась целая орава царских псарей: стуча подошвами, перемигиваясь, нехорошо ухмыляясь. Все, кроме тринадцатилетнего Ивана, остолбенели от такого вопиющего нарушения этикета. Царь же, нисколько не удивляясь, показал на

князя Андрея Шуйского и распорядился:

– Взять!

Псари главу боярской думы сграбастали моментально. Народ этот был жилистый, суровый и нисколечко не сентиментальный: на царской псарне содержались не болонки и даже не борзые, а крайне серьезные песики, с которыми ходили на медведя, лося и дикого кабана. Соответственно, и те, кто о них заботился, комплектовались не из прекраснодушных интеллигентов, вообще не из хлюпиков…

Царь распорядился:

– В тюрьму его!

Псари повели Шуйского в тюрьму, но как-то так само собой получилось, что – не довели. Где-то неподалеку, под забором, взяли в ножи. Труп бросили там же и разошлись, насвистывая что-то из тогдашних шлягеров и нисколечко не скрываясь…

Некоторые авторы утверждают, что приказ на ликвидацию псарям дал сам Иван. Позвольте не согласиться. Думается мне, что даже в ту жестокую пору, когда зверствами было никого не удивить, тринадцатилетний парнишка (пусть и почти взрослый по меркам того времени) был не настолько черств душой и готов убивать, чтобы преспокойно отдать соответствующий приказ. Такие вещи, знаете ли, требуют особого состояния души – это вам подтвердит любой воевавший человек, если вам удастся разговорить его и узнать, как он *положил* своего первого… В общем, вряд ли Иван был внутренне готов отдавать *такие* приказы – даже учитывая, сколько ему пришлось пережить. То ли, что гораздо правдоподобнее, за подобным исходом стоял кто-то *другой,* более опытный и решительный, то ли – а почему бы и нет? – псари Шуйского прикончили по собственной инициативе. В конце концов клан Шуйских насолил к тому времени всем и каждому…

Еще несколько бояр, в том числе и Федор Шуйский, разлетелись из Москвы в ссылку прямо-таки со сверхзвуковой скоростью. Что-то случилось и с тем самым боярином Тучковым, который на похоронах Елены Глинской употреблял в ее адрес какие-то неподобающие слова. Что именно, так и останется неизвестным. Тучков с того дня попросту *пропал* из русской истории и никогда более на ее скрижалях не объявлялся.

Вырос кавказец, господа…

Летопись констатирует: «И от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание». А как еще было им втолковать, что они обнаглели до последней степени?

Отвлечемся, дабы порассуждать о скучной юриспруденции.

Иные прекраснодушные либералы – сам читал – именуют

этот поступок Грозного «вопиющим беззаконием», «произволом» и прочими ужасными словесами. Ну что ж, давайте разберемся…

Парадокс в том, что никакого беззакония не было. Не было, и все тут!

Беззаконие и произвол – это *нарушение закона.* А если закона *нет?* Если закона нет, нет и нарушения закона. Нравится это кому-то или нет, но именно такие, ничуть не эмоциональные формулировки и составляют основу юриспруденции.

В свое время в США пришлось, скрепя сердце и скрипя зубами, выпустить на свободу шайку стопроцентно изобличенных фальшивомонетчиков. Поскольку тогдашний закон был сформулирован не лучшим образом, без учета возможного технического прогресса и звучал примерно следующим образом: «Наказанию подлежит каждый, кто подделывает бумажные деньги, золотую, серебряную и медную монету…»

А те, кто оказался за решеткой, подделывали *никелевую!* То есть совершали деяние, конечно же, преступное – но *закон* наказания за это деяние как раз не предусматривал. Американцы справедливо рассудили, что превыше всего *буква* закона. Мазуриков выпустили, а закон срочно изменили, прописав в нем, что отныне наказанию подлежит всякий, кто возьмется подделывать имеющие в США хождение деньги. Любые. Всякие. Будь они хоть из банановой шкурки…

Так вот, Иван никаких *законов* великого княжества Московского не нарушал.

Будь он английским королем Иоанном – безусловно, нарушил бы не то что закон, а Великую хартию вольностей. Где черным по белому стояло: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны».

Английские короли в таких случаях поступали чуточку иначе – повинуясь закону, собирали двенадцать равных по положению (то есть, в данном случае, пэров – английских бояр), и те, как правило, прекрасно соображая, что требует от них венценосец, давали согласие. После чего бедолаге (как это было с пэрами Норфолком и Сэрреем в царствование Генриха VIII) быстренько оттяпывали голову. И король добивался своего, и закон не был нарушен…

Примерно то же самое имело бы место во Франции, в Дании, а также где-либо еще. Но в России, повторяю, попросту *не было* тогда закона, который Иван нарушил бы, своей волей арестовав Шуйского. К слову сказать, боярская дума, которую Шуйский

возглавлял, опять-таки не предусматривалась никакими писаными законами. И главенство Шуйского в думе никакими законами не подкреплялось. Такая вот юридическая ситуация.

Повторяю, многие области русской жизни регулировались не писаными законами, а *обычаями* отцов и дедов. Грубо говоря, «понятиями». По этим понятиям бояре много лет творили самый настоящий беспредел. А потом Иван обратил против них их же оружие, те самые понятия. Только и всего. Упрекать тут нужно не его, а тех, кто гораздо раньше не озаботился ввести на Руси писаные законы… Так-то.

Когда через два года некий Бутурлин изрек что-то совершенно неподобающее (что именно, сегодня уже не доискаться), ему по царскому приказу принародно отрезали язык, а еще нескольких представителей знати отправили в ссылку. И снова бояре *утерлись*. Мальчишка вырос…

Правда, это еще не означает, что они *успокоились*. В ближайшее время произойдут два крайне загадочных инцидента (впрочем, второе событие трудновато назвать «инцидентом») – коломенская стычка летом 1546 г. и московский бунт июня 1547 г. Что хотите со мной делайте, но я убежден: это были если не попытки убийства, то по крайней мере стремление проверить молодого царя на прочность…

Сначала, как и следует из хронологии, о Коломне. Поступили сведения, что возможен набег крымских татар – и войско, к которому присоединился и юный царь, встало лагерем на берегу Оки (сведения оказались ложными, но не в том дело).

Именно там, в военном лагере, к царю нагрянула депутация из пятидесяти новгородских пищальников. Пищаль, если кто запамятовал, – это тогдашнее ружье. Заряжать долго, порох поджигается горящим фитилем – но пуля тяжеленная, в несколько раз крупнее нынешних, и на сотне шагов валит надежно, а уж с близкого расстояния…

Так вот, пищальники явились на поклон, все поголовно вооруженные «орудиями производства». Какая-то у них была к царю челобитная, так они сами говорили. Чем-то их там обидела местная администрация, вот и явились искать правды.

Иван допускать к себе правдоискателей не велел – учитывая их количество и вооружение, совершенно правильно: кто знает, что у них на уме? Пищальники оказались нахальными и стали прорываться к государю силой. Охрана Грозного, как ей и полагалось, вступила в бой. Именно в бой: с той и с другой стороны загремели пищали, зазвенели сабли, и у охраны, и у челобитчиков оказалось по пять-шесть убитых, не считая раненых. Телохранители Грозного повели кавалькаду в объезд – потому что

на дороге продолжалось настоящее сражение…

Интересный инцидент. И далеко не столь пустячный, каким может представиться. Странновато выглядят «мирные челобитчики», собравшиеся рассказывать о своих обидах с боевым оружием на плече – особенно учитывая, что стволов аж пятьдесят. Попробуем перенести эту историю в день сегодняшний (страна, право же, несущественна).

«Сегодня, во время посещения президентом воинской части №… вооруженные автоматами десантники в количестве пятидесяти человек пытались передать ему жалобу на действия командования военным округом. Когда президент отказался их выслушать, они вступили в перестрелку с охраной. С обеих сторон имеются убитые и раненые».

Как звучит? В таких условиях даже самая нерасторопная и ленивая секретная служба моментально начнет расследование. Потому что за подобными «челобитными» может скрываться что угодно – покушение, попытка переворота…

Иван так и поступил. К *самим* пищальникам никаких репрессий не применялось. Зато «ближний дьяк» Василий Захаров-Гнильев немедленно произвел на Москве расследование – и быстро установил, что пищальников *подучили* с неизвестным целями бояре Иван Кубенский, Федор и Василий Воронцовы, Иван Федоров.

Часто можно встретить утверждение, что дело это – липовое и всех причастных к нему оклеветали самым беззастенчивым образом, ну а царь,

уже в юные годы отличавшийся жестокостью, подмахнул приговор, не особенно и разбираясь.

Против этого свидетельствует странная *избирательность* последовавших репрессий. Кубенского и обоих Воронцовых казнили, Федорова отправили в ссылку, а пищальникам так ничего вообще и не сделали. Между тем «тиранство» выглядит совершенно иначе: если бы Грозный захотел потешить свою кровавую натуру, он непременно покарал бы *всех* одинаково. Но этого-то как раз и не произошло! Как сообщают документы того времени, Федоров получил послабление потому, что «против государя» не шел. А другие, выходит, замышляли что-то именно *против* государя?

Темное дело, в общем. Особенно если учитывать, что в подобной заварушке (если бы не грамотные действия охраны) пулю мог ненароком схлопотать и сам царь – и разбирайся потом, из чьей пищали она прилетела, особенно если учесть, что сегодняшних методов баллистической экспертизы тогда, конечно, и в проекте не было…

В общем, все это очень похоже на заранее обдуманное покушение – по крайней мере и эта версия имеет право на существование.

Между прочим, в этой истории Грозный как раз проявил гуманность, западноевропейскому *писаному* правосудию решительно не свойственную. На Западе в подобной ситуации вздернули бы всех до единого. В Англии подобные «челобитные» подпадали под статью «великая измена» или «умышление смерти короля». Или, при особо благоприятном исходе дела, «незаконное сборище с целью учинения беспорядков», «сговор двух или более лиц с противозаконными намерениями» – что опять-таки считалось «изменой», преступлением против государственной безопасности…

Перстная печать царя Ивана IV с правой грамоты Троице-Сергиевому монастырю. 1587 г.

Кстати, в Англии под ту же самую «великую измену» версталось даже вступление постороннего лица в интимные отношения с королевой, незамужней старшей принцессой, женой старшего королевского сына-наследника. Даже если кто-то из упомянутых дам сам впустил бы любовника, для того дело все равно обернулось бы обвинением в «изнасиловании»…

Во Франции подобное подпадало под формулировку «оскорбление величества» – самое тяжкое преступление по тогдашним законам, а во Франции, кстати, за некоторые особо тяжкие политические преступления ответственность нес не только сам виновник, но и члены его профессиональной корпорации, члены семьи… Во Франции, наконец, в аналогичной ситуации перед судом предстали бы не только оставшиеся в живых пищальники, но и трупы погибших: согласно тамошним законам, наряду с живыми уголовной ответственности подвергались и трупы преступников (а также животные и

предметы, явившиеся причиной смерти человека).

Один печальный пример (из множества). Гораздо позже описываемых событий, в 1687 г. некий пятнадцатилетний ученик портного по имени Жан Эре по дурости ляпнул на публике: он так нуждается в деньгах, что за звонкую монету готов и короля убить. У нас, на Руси, он и кнутом по заднице не получил бы – дали б подзатыльник и посоветовали сначала думать, а потом болтать. Во Франции же беднягу моментально арестовали и в обход всех и всяческих законов, без суда *упрятали* «на вечные времена» в знаменитую крепость Пиньероль, ту самую, где обитала загадочная Железная Маска… Так его след и потерялся во французских тюрьмах.

Теперь – вторая история. 21 июня 1547 г. в Москве вспыхнул жуткий пожар, по оценкам живших в то время –

самый страшный со времен основания Москвы. Выгорел даже Кремль, сгорела большая часть Китай-города, вся западная сторона Москвы, много церквей и монастырей, взорвался порох в одной из крепостных башен, разметав ее… Едва спасли митрополита Макария. Общее число погибших составляло около двух тысяч, а согласно некоторым источникам – даже около четырех. Как вспоминали уцелевшие, из пылающих мастерских потоком текла расплавившаяся медь…

Тут же поползли слухи, что это не случайность, а поджог. Власти начали расследование, было выявлено немалое число «поджигателей», которые во всем повинились – правда, под пыткой, так что нельзя говорить с уверенностью, как обстояло дело.

Гораздо интереснее другое. То, что после пожара началось. Было проведено еще одно расследование, оформленное странновато даже по меркам того времени. Бояре собрали народ на одной из площадей и стали спрашивать: не знает ли кто, отчего сгорела столица?

Из рядов «электората» раздались подозрительно слаженные крики, что все дело тут в колдовстве. Мол, некие чародеи «вынимали сердца человеческие», вымачивали их в воде, а потом разъезжали по городу, кропили этой водой повсюду, и там, куда попадали капли, разгорался огонь.

И тут же раздались еще более слаженные вопли, точно называвшие «чародеев» по имени, фамилии и отчеству: княгиня Анна Глинская, родная бабушка царя, Юрий Глинский, родной дядя царя – и все прочие Глинские, сколько их ни есть. Вопли перерастали в призыв: бей колдунов, ребята!

В задних рядах «электората» маячили известные всей Москве рожи: боярин Скопин-Шуйский (вновь эта семейка), боярин

Челяднин, протопоп Бармин и еще несколько субъектов из того же клана… Интересно, что горячим сторонником гипотезы о «чародеях» был уже знакомый нам

Иван Федоров, проходивший всего год назад по «коломенскому инциденту» и уже вернувшийся из недолгой ссылки. Не сиделось ему спокойно, понимаете ли…

После того как прозвучали конкретные фамилии и конкретные призывы, бояре, затеявшие столь странное «следствие», с невинным видом отошли в сторонку, не приняв ровным счетом никаких мер к успокоению толпы.

Толпа взревела. Кто-то (опять-таки оставшийся анонимным) стал кричать, что здесь как раз присутствует поминавшийся только что князь Юрий Глинский, чародей проклятый…

Глинский кинулся в Успенский собор, рассчитывая, что его в церкви не тронут, но толпа ворвалась следом, убила князя, труп выволокли на площадь, да там и бросили…

После этого началась вакханалия – три дня разгула толпы, который никто из находившихся в Москве бояр и не думал прекращать. Разграбили дом убитого и жилища других Глинских, перебили всех холопов Глинских, какие подвернулись под руку. Сгоряча порешили и нескольких совершенно посторонних людей – «детей боярских из Северской земли», которых кто-то назвал приближенными Глинского, а разъяренная толпа документов с пропиской проверять не стала…

Кто-то весьма оперативно пустил слух, что уцелевшие Глинские спрятались в подмосковном имении царя Воробьеве, где он с молодой женой (Иван как раз женился) обитает после пожара. Толпа кинулась в Воробьево, серьезно вооружившись щитами и тогдашними боевыми копьями. От царя потребовали выдать его бабку и всех прочих Глинских.

Иные источники сообщают, что молодой царь вступил в переговоры с мятежниками и сумел как-то их успокоить. Чересчур благостная картинка, чтобы в нее поверить, – не тот был у Грозного норов, да и *заведенную* толпу унять вряд ли удалось бы простым словесным увещеванием. Гораздо правдоподобнее другие сведения – пищальники из охраны Грозного шарахнули по толпе залпом, мятежники разбежались, их еще долго ловили и казнили…

Эта история выглядит опять-таки крайне подозрительно – в той ее части, где речь идет о «стихийном возмущении народа». Гораздо больше похоже на то, что *кто-то* старательно и скрупулезно это якобы стихийное возмущение подготовил: примеров предостаточно, и не только в отечественной истории. И весьма странное поведение бояр, устроивших это идиотское

«следствие» типа митинга, и мельтешение рядом близких к Шуйским людей… да, наконец, и то, что происходящее, полное впечатление, было тщательным образом срежиссировано. Ведь кто-то, уточню, должен был *раздать* направившимся в Воробьево щиты и копья армейского образца, которые уж никак не могли до того валяться по чуланам московских обывателей…

Сам Грозный до конца жизни был уверен, что заварушку в очередной раз устроили бояре. Возможно, он возводил напраслину на безвинных – а возможно, и нет.

Никак нельзя исключать, что это была попытка устранения царя – или, по крайней мере,

попытка избавиться от вошедших в силу царских родственников Глинских. Нельзя забывать,

что у бояр был большой опыт в организации «стихийных народных возмущений»…

А самое интересное – в начале этого года в Москве определенно что-то *произошло.*

3 января были казнены совсем молодые люди, сверстники Грозного: князь Дорогобужский (между прочим, пасынок Ивана Федорова, с завидным постоянством возникавшего на периферии двух вышеописанных событий) и Овчинин-Оболенский (сын покойного Ивана Оболенского).

Царь Иван IV Грозный. С немецкой гравюры на дереве. XVI в.

Бракосочетание царя Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись

Иван IV объявляет боярам о своем решении венчаться на царство. Митрополит благословляет его на это. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись

Даже ненавистники Грозного вынуждены признать, что *тогда*, в семнадцать лет, он еще не был «кровавым чудовищем». Так что эта казнь (о которой не сохранилось ровным счетом никаких сведений с указанием хотя бы приблизительных причин) выглядит крайне загадочно. Должна была быть *причина* – но мы ее не знаем. Совсем уж интригующим, сдается мне, будет уточнение, что обоим молодым людям снесли головы буквально за несколько дней до торжественного венчания Ивана на царство (церемонии, случившейся впервые в русской истории). Вроде бы на казни настояли Глинские – но зачем и почему, покрыто совершеннейшим мраком. С уверенностью можно утверждать одно: оба казненных ни в коем случае не были претендентами на трон. Не дотягивали по происхождению. Все остальное – загадка и мрак.

Шествие Ивана IV в Успенский собор Московского Кремля. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись.

И вот что еще примечательно… Ладно, допустим, что вошедшие в милость у царя Глинские и в самом деле вызвали возмущение москвичей настолько, что те кинулись нерассуждающей толпой истреблять царевых родственников. Однако бояре, несколько лет фактически правившие страной по малолетству царя, своим рвачеством восстановили против себя всех и каждого и уж безусловно успели «подоить» Русь в сто раз почище, чем смогли б Глинские, – вот только против *них* отчего-то ни разу не было «стихийных возмущений». А стоило только молодому царю начать наводить некоторый порядок – возмущение и возникло…Словом, история предельно загадочная.

Однако даже если мятеж и в самом деле украдкой разожгли господа бояре, рассчитывая отстранить Глинских от «штурвала», то они в очередной раз крупно пролетели. После московского бунта оставшиеся в живых Глинские действительно все поголовно были Иваном от власти отстранены раз и навсегда. Но и бояре к власти уже не вернулись…

Дьякон с амвона возглашает многолетие царю Ивану IV Грозному после венчания его на царство. Царь и митрополит восседают на своих молельных местах. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. Прорись

О дальнейших событиях я и расскажу в следующей главе – но сначала придется отступить на год назад. Потому что между «коломенским инцидентом» и московским античародейным бунтом произошли два серьезнейших и для Ивана, и для всей нашей истории события. Я не стал рассказывать о них раньше, чтобы не разрывать главу, но теперь – самое время. Если женитьба Грозного – событие не столь уж и уникальное (разве что некоторыми своими обстоятельствами), то о венчании на царство государя великого князя Ивана Васильевича следует сказать обратное: событие для того времени самое что ни на есть уникальное. Ничего подобного прежде не случалось. Дед и отец Ивана, напоминаю, время от времени *именовали* себя «царями» в переписке с иностранными монархами – и дальше этого не шли. Титул был неофициальный.

Но семнадцатилетний Иван изменил ситуацию самым решительным образом…

Венчание Ивана IV на царство. Выход из собора. Осыпание царя золотыми. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись

Возложение Животворящего Креста по чину венчания на царство Ивана IV. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись

Возложение диамиды и благословение крестом. Миниатюра из Лицевого Летописного свода. XVI в. Прорись

Глава шестая. Самодержец всероссийский

16 января 1547 г., в Успенском соборе, Иван Васильевич был с превеликой торжественностью «венчан на царство» – этот весьма почетный титул, прежде применявшийся к византийским императорам и ханам Золотой Орды, теперь станет наследственным и постоянным. Московская Русь отныне становилась *другим* государством – не просто «великим княжеством», а чем-то гораздо большим, равным по положению европейским королевствам. Если сравнить страну с отдельным человеком, это было чем-то вроде производства полковника в генералы, то есть переход на качественно иную ступень…

В то же время это была не просто церемония, не просто присвоение более высокого звания. Все обстояло гораздо сложнее. Царь Иван Васильевич становился сакральной, священной фигурой, с этого момента получая *самодержавную* власть над «обычными» людьми, всеми без исключения, от последнего холопа до многочисленных Рюриковичей.

Разумеется, это никак нельзя считать единоличным замыслом Ивана «сосредоточить в своих руках неограниченную власть».

Венчание на царство было следствием обширной, детально проработанной *программы,* разработанной церковными деятелями под руководством и при активнейшем участии митрополита Московского и всея Руси Макария.

Вообще Макарий играл огромную роль в царствование Грозного – не зря в своих указах царь не раз поминает «отца нашего Макария».

Согласно теории Макария, русский царь становился своего рода «верховным арбитром», который в силу титула и положения возвышается над *всеми* своими подданными, которых в случае необходимости имеет право карать, как ему будет угодно. Потому что все остальные – лишь *подданные,* обязанные повиноваться монарху, обладающему «божественными правами» на власть.

Именно в этой *программе,* а не в каких-то личных качествах или недостатках Грозного и кроется суть последующих событий, когда на плаху отправлялись самые знатные, когда пылали целые города, уличенные в измене. Иван Грозный правил железной рукой не по собственной крутости, а еще и потому, что с полным на то основанием считал, что он *вправе* поступать именно так, поскольку получил на то одобрение церкви. Это обстоятельство просто необходимо учитывать – вместо того чтобы с

заламыванием рук причитать о «тиранстве». Не было никакого «тиранства». Было теоретическое обоснование именно такой системы власти, концепция, программа, если хотите, идеология…

И уж ни капли не было в этом ни «исконно русского варварства», ни «отсталости». Наоборот, скорее уж Макарий и его коллеги по разработке программы *догоняли* Европу, от которой изрядно отстали в теоретическом плане. Давным-давно, сотни лет именно «божественным правом» объяснялась *харизма,* сакральность, обосновывавшие королевскую власть во Франции. Макарий ссылался на легенду о «шапке Мономаха», коронационном головном уборе византийских императоров, якобы врученном ими Владимиру Мономаху (на самом деле эта шапка представляет собой *ордынский* ханский «венец», разве что увенчанный крестом). Однако во Франции уже много веков существовала легенда, что во времена франкского короля Хлодвига голубь принес с небес сосуд с божественным миро, которым и совершил миропомазание первого короля, имевшего отныне *божественные* права, поднимающие его над всеми прочими. Этот сосуд, кстати, хранился во Франции до времен революции – потом какой-то интеллигентствующий ублюдок его разбил принародно в знак отказа от прежних «суеверий», но кончил он плохо: сошел с ума и загнал себе пулю в лоб…

Митрополит Московский и всея Руси Макарий. Икона XX в.

Точно так же «божественным правом» обладали и английские короли – и все прочие, без малейшего исключения. Поэтому ни о каком русском варварстве и речи нет – Русь просто-напросто *подтягивалась* на европейский уровень теории монархизма.

Если обратиться к опыту «бастиона демократии», то бишь Англии, то непременно нужно упомянуть, что десятилетия спустя после провозглашения на Руси доктрины самодержавия, полного и окончательного, ничем не стесненного, английский философ Томас Гоббс (1588–1679) написал книгу «Левиафан», в которой высказывал практически те же мысли, что и Макарий со товарищи – государство как таковое обладает всеми правами, присущими человеку в «естественном состоянии», а поскольку таковые права человека безграничны, то, в свою очередь, безграничны и права государства. Государственная власть превыше всего, и подчинение этой власти со стороны отдельных людей должно

быть *безусловным.* И совершенно неважно, кто именно является олицетворением безграничной власти государства над подданными – несколько человек или один-единственный монарх. Чтобы обеспечить мир и безопасность гражданам, государственная власть (то есть *монарх)* должна стоять выше всех законов – поскольку именно она законы и издает. А также не обязана подлежать какому бы то ни было суду или контролю.

Это практически те же самые тезисы, которые церковь разработала для Ивана Васильевича и которым он следовал всю свою последующую жизнь…

Хотя Гоббс и трудился на «родине парламентаризма», отношение к *серьезной* роли парламента у него было явно отрицательное. «Там, где уже учреждена верховная власть (король. – *А. Б),* может быть учреждено другое представительство того же народа лишь для определенных частных целей, ограниченных сувереном». Мотивы Гоббс тут же приводит: «В противном случае это означало бы, что учреждены два суверена… что в случае их несогласия между собой по необходимости привело бы к разделению той власти, которая (если люди хотят жить в мире) должна быть неделимой, и тем довело бы людскую толпу до состояния войны».

Именно Гоббс тогда же высмотрел слабое место парламентской системы: «В монархии имеется следующее неудобство, а именно: какой-нибудь подданный может быть властью одного человека лишен всего своего имущества в целях обогащения какого-нибудь фаворита или льстеца. И я признаю, что это большое и неизбежное неудобство. Однако то же самое может случиться и там, где верховная власть принадлежит собранию; ибо власть такого собрания одинакова с властью монархов; члены такого собрания могут поддаться дурным советам и быть введенными в соблазн ораторами, как монарх льстецами, и взаимной лестью они могут поощрять друг у друга корыстолюбие и честолюбие. И между тем как монархи имеют немногих фаворитов, а покровительствовать они могут своим собственным родственникам, фавориты собрания многочисленны, а родственники всех его членов значительно многочисленнее, чем родственники любого монарха… фавориты верховного собрания, хотя и имеют большую власть вредить, обладают очень малой властью спасать…»

Эти мысли Гоббса блестяще и не раз подтвердились в последующие столетия, когда обладающие верховной властью «собрания» пролили столько крови, совершили столько злоупотреблений и принесли столько бед тем странам, где имели несчастье функционировать, сколько и не снилось самому

разнузданному тирану в короне. Достаточно вспомнить французский революционный террор, никчемную деятельность российской Государственной думы, *обрушившей* страну в Февраль, а потом и в Октябрь, а также «верховные собрания» последних лет существования СССР…

Ну, и наконец, нелишним будет напомнить, что именно у Гоббса Карл Маркс заимствовал знаменитый тезис о том, что «свобода есть осознанная необходимость». В общем, я категорически рекомендую труд Гоббса к прочтению – тогда, надеюсь, меньше будет разглагольствований о «тиранстве» Грозного и «исконном российском варварстве»…

Буквально сразу же после венчания на царство молодой царь собрался жениться. Дело тут было не только в естественных стремлениях молодого человека. Испокон веков на Руси считалось, что *подлинное* совершеннолетие наступает не по достижении определенного возраста, а лишь после женитьбы (каковая может последовать даже раньше формального совершеннолетия по возрасту). Холостой человек считался вроде даже и не вполне полноценным. Даже в двадцатом (!) столетии, перед революцией, неженатый крестьянин, каким бы он ни был справным, хозяйственным, толковым, не имел права голоса в общине, подвергался многим существенным ограничениям…

Вслед за гонцами, развозившими по стране известие о венчании на царство, помчались другие, везущие «сватьи грамоты», адресованные *всему* русскому дворянству. Сообщалось в них следующее: «Когда к вам эта наша грамота придет и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто ж из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте меж собою сами, не задерживая ни часу».

Молодой царь, таким образом, намеревался выбрать себе жену с помощью первого в нашей истории всероссийского «конкурса красоты», проводимого в два этапа: сначала наместники в губерниях высматривали самых красивых, а уж потом царь лично озирал отобранных. Некое подобие этого существовало еще в Древней Руси, однако носило чересчур уж узкий характер – а уникальность объявленного царем «конкурса» как раз в том и заключалась, что впервые невесту искали по *всей* стране, среди *всех* дворянских дочек.

Надо полагать, сами девицы отнеслись к этому мероприятию с величайшим энтузиазмом – во всяком случае те из них, чье сердце было свободно. Приз счастливицу ждал очень уж

впечатляющий.

Царской избранницей оказалась Анастасия Юрьева-Захарьина, *первая* Романова. Впоследствии, когда династия Романовых, имевшая в обоснование своих «прав» лишь этот факт, утвердилась на русском престоле, была развернута могучая пропагандистская кампания с целью елико возможно большего превозношения романовских предков, якобы игравших немалую роль в истории России. Утверждалось даже, будто родители Анастасии и прочие ее родичи обладали уж такой любовью и авторитетом у русского народа, что это якобы и повлияло на царев выбор…

Сказки, конечно. На царский выбор могла повлиять в данном случае исключительно красота девушки, и ничто более: простите за вульгарность, но молодому человеку в постель ложиться хотелось отнюдь не с «высокой репутацией» Юрьевых–Захарьиных…

На самом деле предки Романовых принадлежат хоть и к старому боярскому роду, достоверно известному века с тринадцатого, но *особой* знатностью не блещут: не имеют отношения, как уже говорилось, ни к Рюрику, ни к Гедимину, да и с Чингизидами в родстве не состоят. Сами Романовы выводили свою родословную из-за границы, из Пруссии, откуда явился-де родич вовсе уж мифического прусского вождя Видвунга Андрей Кобыла. Но веры этому не должно быть ни на копейку. Подавляющее большинство русских дворянских родов разводили сущее *баснословие* в отношении далеких предков – что, пусть и с деликатными оговорками, признают составители гербовников гораздо более позднего времени. Особо подчеркиваю, что во всем этом нет ничего специфически российского: подобным баснословием грешило и западноевропейское дворянство, в иных случаях выводя свой род даже не от библейских царей, а, бери выше, от самого Адама (было, было…). По всей Европе отчего-то считалось крайне престижным, чтобы основатель рода непременно происходил от *иноземцев* – это выглядело особенно шикарным. Так что Романовы Америк не открыли и ничего нового не изобрели…

Иван Васильевич принял царский венец, а потом и брачный. Тут-то, вскоре после свадьбы, и произошли страшные московские пожары с бунтами. Глинские, как уже упоминалось, были от царской персоны решительно отстранены – но и старое боярство ничего не выгадало…

Молодой царь действовал не вполне традиционно: он собрал народ на площади и произнес целую речь, где припомнил многочисленные грехи бояр во время их правления, – а потом

пообещал покончить с прежними несправедливостями, взять управление государством в свои руки, навести порядок. Для Руси того времени это было ново и необычно и, говоря современным языком, укрепило имидж Ивана Васильевича.

А вскоре стало известно, что *над* прежней боярской думой будет поставлен совершенно новый орган власти, именующийся Избранной радой. Его возглавили, к негодованию Рюриковичей, две совершенно «худородных» личности: священник Сильвестр и дворянин Адашев. Первый был самого что ни на есть простонародного происхождения, новгородец родом (где сначала держал иконописную мастерскую и занимался перепонкой книг). Адашев происходил из дворян Костромской губернии. Никак нельзя сказать, что это были совершенно *левые* персоны: Сильвестр к тому времени служил в Благовещенском соборе (по сути, домовой церкви Ивана Васильевича), Адашев, как и его отец, служил при дворе. Но все равно, с точки зрения родовитого боярства, это были чуть ли не бомжи…

Однако Рюриковичам, Гедиминовичам и Чингизидам пришлось смириться, что всем отныне заправляют эти два человека, поскольку такова была царская воля, перечить которой, как к тому времени стало ясно всем и каждому, было очень уж опасно…

Князь Курбский, свидетель и участник событий, писал потом: «И нарицались оные советники у него избранная рада. Воистину, по делам и наречение имели, понеже все избранное и нарочитое советы своими производили…»

Естественно, никакими законами существование Рады не предусматривалось – но с законами касательно государственного устройства, если вы помните, тогда было слабовато. Главное, царь задумал широкие реформы и создал для их проведения новый орган управления, «замкнутый» исключительно на него.

Теперь самое время рассказать о реформах Ивана – уже не соблюдая строгой хронологической последовательности, потому что осуществлялись они на всем протяжении Иванова царствования.

Прежде всего, в заботах о духовном взялись за русскую церковь, которую, назовем вещи своими именами, следовало основательно почистить и привести, без всякого каламбура, в божеский вид.

Пожалуй, главным злом была исконно русская беда – пьянство. Как следует из документов того времени, доходило до того, что не где-то в глухой провинции, а в столичных церквах пьяные попы во время службы с веселым матерком таскали друг друга за бороды и бились на кулачки, что прихожанам

благочестия не прибавляло, скорее наоборот, да и на репутации церкви как общественного института сказывалось самым печальным образом.

Монастыри не отставали. Слишком много хитрованов, как оказалось, постригалось в монахи не из благочестия, а исключительнно ради того, чтобы вдалеке от общественности вести разгульную жизнь, – дело касается главным образом людей зажиточных, которые преспокойно строили себе на территории монастырей особые «избы», завозили туда закусь пудами, а вино – бочками, высвистывали веселых девок и начинали разгульное веселье, затягивавшееся на недели и месяцы. Рядовые монахи, видя такой соблазн, старались не отставать. Сохранилось письмо царя, где он в качестве печального примера приводит Сторожевский монастырь, в котором большая часть монахов и послушников разбрелась по окрестностям искать мирских удовольствий, оставшиеся залились совершенно, ворота давно стоят распахнутыми настежь, травой заросло не только подворье, но даже и пол в трапезной…

Да простят меня идеалисты, полагающие былую Русь олицетворением всех добродетелей, но те же документы времен реформ недвусмысленно свидетельствуют о широко распространившейся среди слуг божьих педерастии: в важнейших государственных грамотах бесстрастно фиксируется, что по монашеским кельям в превеликом множестве обитают не только «блудные девки», но и служащие для вполне определенных целей «робята молодые»… (А также – всевозможные племянники, дядья, сватья и прочие родственники, которых монахи щедро подкармливают на казенный счет). Да вдобавок – взяточничество, ростовщичество, незаконное овладение землями с крестьянами, растраты и другие прегрешения…

Царь Иван и митрополит Макарий созвали так называемый Стоглавый собор – всероссийский съезд духовенства – и уж там-то выписали по первое число… Все грехи и нарушения категорическим образом потребовали изжить. Постановлено было ввести «поповских старост», которые станут следить, чтобы церковные службы велись с подобающим благолепием, без отсебятины и отступления от канонов (кроме этого, старосты должны были строго следить за моральным обликом духовенства). Было принято решение об открытии училищ для обучения грамоте – по всей стране (именно отсюда берут начало церковноприходские училища, впоследствии разгромленные Петром I). Монастырскую казну для пущей надежности взяли под контроль царских дворецких. Запретили духовенству заниматься ростовщичеством. Ввели новый общегосударственный налог на

выкуп пленных у татар.

В те же годы под руководством митрополита Макария были составлены многотомные «Четьи-Минеи» – упорядоченные жития святых, духовная энциклопедия того времени, сыгравшая для русской культуры огромную роль. Было канонизировано около сорока святых – которые из «местночтимых» стали общерусскими.

Затем царь приступил к реформам государственного управления. Был составлен новый Судебник 1550 г., который нанес уничтожающий удар по системе «боярского кормления». С ней не покончили полностью, но «кормленцев» поставили под жесткий контроль со стороны *выборных* лиц. Вот так, как ни удивительно это звучит для иных, но «тиран» Иван Васильевич вводил явные зачатки *демократии.* Отныне *все* население той или иной области выбирало на сходах «земских старост», «губных старост» и «целовальников» (присяжных) – которые занимались широким кругом вопросов местного самоуправления, а также участвовали в судебных разбирательствах. В некоторых губерниях система «кормления» была отменена вообще – а там, где она сохранилась, воцарился «контроль снизу». *Теперь,* согласно *писаным* статьям нового Судебника, бояр-наместников за произвол, взяточничество и волокиту можно было привлекать к суду не по «понятиям», а по закону. И, знаете ли, привлекали…

Очередной удар царя обрушился на *местничество.* Поскольку читатель наверняка подзабыл, что это такое, объясню популярно. Предположим, живут себе два боярина – Курятин и Щенятин. Как-то однажды случилось, что Курятин попал под начальство Щенятина – совершенно неважно, на войне или на гражданской службе…

Всё! Сколько бы лет ни прошло, как бы ни менялись цари, отныне ни один Щенятин не согласится встать под начало кого-то из Курятиных, занять должность ниже, чем занимает кто-то из Курятиных. Потому что некогда Щенятины «были выше».

Вот это, приблизительно, и есть местничество, от которого государству выпадали одни убытки и вред. Как это выглядело на практике? Извольте. Крымские татары нагрянули на Русь очередным набегом, горят деревни, разбегаются жители, повсюду стон и плач – а собранное для отпора войско не может тронуться с места, потому что воеводы Курятин и Щенятин, наплевав на ситуацию, таскают друг друга за бороды, выясняя, кто из них будет главным, а кто – заместителем…

Честное слово, я нисколько не преувеличиваю и не сгущаю краски. Возможно, того, что я только что описал, в действительности не происходило, но в 1514 г. русское войско потерпело поражение в битве с литовцами под Оршей как раз из-

за того, что два воеводы вели себя в точности как вымышленные мной Курятин и Щенятин… Пока они упоенно выясняли отношения и щеголяли знанием истории, литовцы взяли да и ударили по оставшимся без командования полкам…

Местничество проникло буквально во все области жизни. «Тягались» не только из-за руководства войсками или места на царской службе – даже на дружеской вечеринке с вином непременно завязывались долгие скандалы: кому как сидеть… Боярские жены по тем же мотивам ссорились, кому где стоять в церкви. Духовенство не отставало: один из архиепископов, например, отказался есть с одного блюда с *низшим*. Во время крестного хода монахи препирались из-за более почетного места в процессии, выясняя оскорблениями и пинками, кто тут «старик», а кто – «дух». Купцы старались не отставать. Зафиксирован вовсе уж анекдотический случай (правда, происшедший уже после Грозного): два лихих орла, воевода Басманов и князь Кашин, получили царскую грамоту, адресованную не каждому по отдельности, а обоим вместе (чем-то они там занимались совместно). Естественно, ее нужно было прочитать – но где? Басманов ехать на дом к Кашину не соглашался – бесчестье! Кашин точно так же не хотел грамоту читать в доме у Басманова – невместно! После долгих переговоров через третьих лиц оба встретились где-то посреди московской улицы, так сказать, на нейтральной территории – и только там грамоту прочитали…

Целиком Грозному местничество ликвидировать не удалось (это получилось только сто лет спустя, у царя Федора Алексеевича), но он категорически продавил требование «быть без мест» по крайней мере на военной службе. История сохранила резолюции Грозного по этому поводу: «Местничаешься бездельем!», «То князь Захарий плутует!», «И он бы впредь не дуровал!»

Бояре, как легко догадаться, все же пытались *дуровать*. Тогда их по царскому указу били батогами (тонкие палки), лишали воинских чинов. Князя Петра Барятинского, не пугавшегося в местническом раже ни батогов, ни тюрьмы, Грозный сослал в присоединенную к тому времени Сибирь – по мнению профессора Альшица, князь стал *первым* зафиксированным в писаной истории ссыльным в Сибирь…

Кроме гонений на местничество, Грозный провел еще одну, важнейшую реформу государственного управления. Вместо *личных* канцелярий боярина-наместника или занимавших посты при дворе сановников, создал систему *приказов*. Приказ, предок современного министерства, был уже постоянным, чисто

государственным учреждением, не привязанным к конкретной личности и исправно функционировавшим по одним и тем же правилам, независимо от смены руководства.

Большая государственная печать (лицевая сторона). 70-е годы XVI в.

Чем занимался Посольский приказ, ясно из названия – это было тогдашнее министерство иностранных дел. Приказ большого прихода – нынешнее министерство по налогам и сборам, одновременно и таможенный комитет. Печатный приказ занимался вовсе не книгоиздательством, как можно подумать, – там хранилась большая государственная печать, которой скреплялись важнейшие государственные документы. Поместный и Холопий приказы – ясно из названия, как и Разбойный. И так далее, и так далее. Руководил приказом дьяк, которому подчинялись подьячие. Владимир Высоцкий явно был нетверд в русской истории, когда пел *«Дьяки* курят ладан…». Ладан в церкви мог курить как раз *дьякон,* а дьяк, несмотря на кажущуюся

близость названия должности, был сугубо светским чиновником, примерно равным министру…

В 1549 г. царь создал еще и Приказ тайных дел, которому поручалось *присматривать* за деятельностью всех остальных приказов, – мера вовсе не напрасная.

Легко догадаться, что новые учреждения вовсе не были ни панацеей от всех бед, ни пристанищем идеалистов. Там, конечно же, брали взятки, бессовестно «волокитили» дела, а то и потребляли водочку на рабочем месте, но в общем и целом это все же был шаг вперед на пути государственного устройства – опять-таки *вдогонку* Европе, где аналогичные органы управления давным-давно имелись.

Отдельного разговора заслуживают военные реформы Ивана Васильевича.

До него армия, собственно, и не могла так именоваться, потому что была насквозь феодальным учреждением. Если объявлялся неприятель (или русские сами собирались в поход), войско состояло из трех частей.

Первая – дружины крупных вотчинников. Вторая – поместное дворянство. Еще Иван III установил порядок, по которому дворянин получал земли с крестьянами на то время, пока служил в войске. Третья – навербованные среди горожан отряды пищальников. Были еще относительно небольшие отряды «служилых татар». Для второй «категории» военная служба уже стала пожизненной и наследственной. Периодически устраивали военные сборы, смотр имеющихся в наличии «годных к строевой». И все равно это никак нельзя было назвать *регулярной* армией – хотя европейские страны уже давно таковую имели. Исключение, как водится, составляет Польша с ее извечной спецификой – но мы сейчас ведем речь не о курьезах, а о серьезных вещах…

После неудачного похода на Казань 1549–1550 гг. (сорвавшегося еще и потому, что бояре-воеводы местничали вовсю) царь Иван взялся за серьезные реформы. Сначала он провел нечто вроде «учреждения постоянного генералитета»: всех воевод заранее расписали по конкретным полкам. На местничество уже в этом случае почти не обращали внимания, следя главным образом за тем, чтобы командирам полков был «ратный обычай известен».

Тут же ввели железную иерархию – какой воевода кому подчиняется (опять без оглядки на местничество). Для надежности весь «генералитет» был сформирован не из «вольных» бояр, а исключительно из тех, кто состоял при дворе и имел какой-то придворный чин. Обязательная военная служба теперь устанавливалась не только для поместных дворян, но и для

вотчинников, которые прежде были «белобилетниками».

И наконец, в 1500 г. было создано стрелецкое войско – первое *постоянное* войско на Руси. Первоначально оно состояло из трех тысяч человек, разбитых на шесть полков, или «приказов», как их тогда именовали. Во главе приказа стоял «стрелецкий голова», которому подчинялись сотники, пятидесятники и десятники. Имена всех шести первых «полковников» дошли до нашего времени:

1. Гриша Желобов, сын Пушечников.
2. Дьяк Ржевский (ну никуда не деться российскому воинству от этой фамилии! Дьяк, кстати – не должность, а имя).
3. Иван Семенов, сын Черемисинов.
4. Васька Фуников, сын Прончищев.
5. Федор Иванович, сын Дурасов.
6. Яков Степанов, сын Бунтов.

Каждый стрелецкий приказ селился своей отдельной слободой и имел свой «штаб», или «съезжую избу» – там хранился архив, при необходимости производился суд и наказывались стрельцы. Был организован и «большой» Стрелецкий приказ, занимавшийся всем войском. Там разработали «наказы» и «памяти», имевшие сходство с современными уставами. Набор в стрельцы предписывалось производить из «не тяглых и не пашенных и не крепостных людей, которые были собою добры и молоды и резвы и из самопалов стрелять были горазды». Без разрешения головы стрельцы не могли ни покидать «гарнизон» (т. е. слободу), ни пускать в слободу посторонних. Утром и вечером проводилась поверка. Если на ней обнаруживалось, что кто-то отсутствует, а пятидесятник или десятник об этом не знают или скрыли, разгильдяям полагалась тюремная отсидка.

Вооружены стрельцы были самопалами (гладкоствольными ружьями), саблями и бердышами – боевыми топорами на длинном древке, которые читатель должен помнить по фильму «Иван Васильевич меняет профессию» (коли уж об этом фильме зашла речь, нельзя не уточнить: в сцене, когда Шурик впервые видит Ивана Грозного, тот диктует писцу, очень близко к тексту, подлинное письмо Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря).

В отличие от прежнего войска, которое одевалось в свое, по средствам, стрельцы стали носить форменное обмундирование: длинные суконные кафтаны-ферязи с цветными полосками поперек груди и высокие остроконечные шапки, опушенные мехом. У каждого приказа был свой цвет кафтанов, шапок и сапог. Одежда командного состава, как и полагается офицерам,

была гораздо роскошнее.

Стрелять учили всерьез – часто в присутствии царя, как об этом вспоминал английский морской капитан Ченслер. Раз в год, как правило зимой, устраивали большой смотр – ставили ледяную стену и палили по ней из ружей.

Точно так же, зимой, в декабре, проходил ежегодный смотр пушкарей. Артиллеристы при Грозном тоже стали регулярной воинской частью, комплектовались, содержались и обмундировывались по тем же правилам, что и стрельцы. На смотре далеко за городом устраивали набитые землей срубы, и пушкари по ним стреляли сначала из самых маленьких пушек, потом применяли все больший калибр.

При Грозном пушки впервые в России стали ставить на постоянные колесные лафеты, как на Западе, – что сделало артиллерию более подвижной. Теперь ее можно было применять не только при осаде крепостей, но и в полевом бою.

Одно из орудий, отлитых при Грозном, можно видеть и сегодня – это знаменитая Царь-пушка в Кремле. Вопреки иным анекдотам, это никакая не «декорация», а самая настоящая крепостная пушка, точнее, мортира, которая должна была поражать живую силу противника не ядрами, а каменной картечью, «дробом», как тогда выражались. Ну а в Кремле Грозный распорядился ее поставить не случайно – прекрасно помнил бунт против «чародеев-поджигателей»…

Всего в войске Грозного, в войсках и на складах, насчитывалось около двух тысяч орудий разных калибров, что по тем временам было серьезной силой. Имелись и собственные «оборонные заводы»: Пушечный двор в Москве, «домницы» в Туле, Кашире и Серпухове, еще один пушечный двор и мастерские по изготовлению ядер в Устюжне-Железнопольском (400 километров от Новгорода), пороховые мастерские в Москве, Пскове и Новгороде.

И наконец, Иван Грозный справедливо считается основателем регулярных пограничных войск России. Пограничная служба существовала, разумеется, на всем протяжении предыдущей русской истории, но Грозный первым разработал *писаные* уставы и ввел строгую организацию.

В январе 1571 г. он приказал князю Воротынскому вызвать в Москву «пограничников» и посоветоваться с ними о том, как лучше устроить дело, – первое военное совещание в истории России, на котором и были разработаны писаные правила. Тот же Воротынский, после того как совещание закончилось, собрал все документы по сторожевой службе, какие только имелись, и на их основе составил «Устав сторожевой и пограничной службы»,

утвержденный Грозным 16 февраля того же года.

Все было расписано четко: заметив противника, «пограничники» обязаны были немедленно сообщить об этом в ближайший город и соседям справа и слева, а потом тайно следить за продвижением неприятеля, установить направление движения и опять-таки сообщить куда следует. Воеводам городов и «головам» стражи предписывалось не посылать в дозор людей в одиночку и на плохих лошадях. Тем стражникам, что покинули бы посты, не дождавшись смены, полагалась смертная казнь – а за небрежное несение службы драли кнутом. Любопытная деталь: если очередная смена прибывала с опозданием, она обязана была из собственных денег платить тем, кто дожидался их на заставе, штраф – по полуполтине с человека за каждый пропущенный день.

Тот же Судебник 1550 г. содержал ряд статей, направленных на защиту военнослужащих от произвола бояр на местах, – теперь любой служивший в войске имел право на непосредственный царский суд (а заодно Судебник лишил вотчинников прежних привилегий: былой неподсудности центральной власти, освобождения от налогов, а также привилегии собирать с населения налоги себе на «кормление»). Были введены и своего рода «военные пенсии», предназначавшиеся вдовам и малолетним детям, оставшимся без кормильца после смерти «поместного» служаки.

Разумеется, все перечисленное не было личной заслугой *одного* царя Ивана – но и не плодами трудов *исключительно* Избранной рады! Меж тем давным-давно «грознофобы» сочинили очередной миф: якобы абсолютно все умные идеи и толковые преобразования были придуманы Избранной радой, а царь только подмахивал то, что ему приносили на подпись. Отсюда плавно вытекал миф номер два: пока государством руководили великого ума люди во главе с Сильвестром и Адашевым, оно процветало – но когда тупой тиран Грозный в очередной раз показал норов и сдуру разогнал Раду, настала черная полоса сплошных неудач, поражений и террора…

Это, конечно, лукавая побасенка. Разумеется, нельзя считать Грозного единоличным автором всех реформ – но нельзя и приписывать «мудрым советникам» все свершения. Истина, как ей и положено, где-то посередине. Сильвестр и Адашев были людьми незаурядными, но и Грозный – государственный деятель не из последних. Умный и энергичный, он был прекрасным организатором. История учит: там, где в нужное время и в нужном месте появляется хороший организатор, следует рывок вперед в самых разных областях жизни. Примеров множество:

Сталин и Пилсудский, Черчилль и де Голль, Ришелье и Стефан Баторий…

По крайней мере нет никаких сомнений в том, что именно Грозный *самолично* решил сложнейший вопрос с нехваткой земель, необходимых для наделения служилых дворян.

Чтобы увеличить число служилых, требовалась земля. Свободной в наличии не имелось – а церковь собрала огромные владения… Ситуация была сложнейшая, в самой церкви к тому времени вот уже полвека шел ожесточенный спор между двумя течениями – одни иерархи считали, что церковь должна оставаться *помещиком,* другие («нестяжатели») настаивали, что следует полностью отказаться от мирских забот и сосредоточиться на бескорыстном служении Господу. Еще более все осложнялось тем, что эту борьбу, как водится, самые разные политические силы (от жаждавших возврата к прежним порядкам бояр до еретических сект) стали использовать в своих интересах.

Двадцатилетний Грозный на Стоглавом соборе блестяще с этой головоломкой справился, избежав крайностей. Он помирил враждующие стороны, к *полной* конфискации земель у церкви отнесся неодобрительно, но все же заставил иерархов поделиться *частью* – в интересах государства. Церковь вернула государству все земли, приобретенные ею после смерти Василия III, во время боярского разгула.

А старым владельцам (как дворянам, так и крестьянам) возвратила имения и земли, отнятые за долги, полученные в результате ростовщических операций или «насильством и всякой кривдою». И, наконец, обязалась впредь приобретать новые земли исключительно по согласованию с властями. Вот этот результат как раз и есть *личное* достижение Грозного…

Весной 1560 г. царь удалил от себя Сильвестра и Адашева, то есть, по сути, фактически покончил с Избранной радой отнюдь не по своей привычке к авторитарному правлению, не из чистого произвола, не по природной свирепости. Наоборот, поступок был продуманный, рассудочный и вполне логичный.

Сильвестр с Адашевым к тому времени откровенно *заигрались.*

Они чересчур задрали нос и слишком много о себе возомнили. Дело было даже не в том, что оба действовали в обход боярской думы и прочих органов государственной власти, насколько удавалось – в конце концов, Грозный их для этого и приблизил, чтобы служили при нем чем-то вроде «узкого руководства». Происходило нечто совсем иное. Как не раз случалось прежде в самых разных уголках света, Сильвестр с Адашевым с какого-то момента стали работать на себя,

позиционироваться как самостоятельная политическая сила – а это уже не прощалось ни одним царем или президентом…

Оба стали сколачивать вокруг себя тесный круг преданных соратников, которым, чтобы привлечь на свою сторону, раздавали земли из «конфискатов» (которые, между прочим, согласно распоряжению царя, должны были вернуть прежним владельцам). Руководить высшими госслужащими Адашев начал уже не во исполнение царских приказов, а исключительно потому, что ему *хотелось* рулить чем только можно…

«По дружбе» Адашев раздавал чины и должности – а «по недружбе» лишал таковых тех, кто был ему неугоден.

Впрямую нарушал законы, «забивая» людей в кандалы, подмахивая важнейшие государственные документы вроде Уставной грамоты городу Перми, – на что не имел уже никакого права даже в рамках данных ему царем широких полномочий. Известна и крайне темная история с царским казначеем «Никитой Афанасьевичем», у которого адашевская группировка разграбила все имущество, а самого, по словам Грозного, «держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете».

Одним словом, произошло то, что частенько случается, – хлебнув ничем не ограниченной власти, «адашевцы» от нее захмелели и пустились во все тяжкие. «Сами государилися как хотели», – напишет о них впоследствии Грозный. И уже решительно непонятно, чем они были предпочтительнее тех, с которыми по идее должны были бороться – со старыми феодалами…

Ну, а куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Дурной пример оказался заразительным: глядя на Сильвестра с Адашевым, и другие дворцовые чины рангом пониже, не занимая никаких официальных постов, стали по примеру «старших» рулить всем, до чего могли дотянуться…

Что до внешней политики, то именно эта парочка едва не втравила страну в большую беду…

Сильвестр с Адашевым были прямо-таки *зациклены* на необходимости войны с Крымским ханством, которое, по их мнению, следовало немедленно захватить, чтобы покончить с «разбойничьим басурманским гнездом». И, вульгарно выражаясь, плешь царю проели своим нытьем: батюшка, отец родный, да ступай же ты наконец войной на Крым!

Дело принимало вовсе уж скверный оборот. Крым, конечно, как раз и был разбойничьим гнездом, откуда чуть ли не каждый год на Русь налетали супостаты. Но в середине шестнадцатого века было еще слишком *рано* всерьез пытаться завоевать Крым. Что подтверждается последующими историческими событиями:

все иные экспедиции против Крыма успехом не увенчались как при правительнице Софье, так и при Анне Иоанновне. Крым набравшаяся сил Россия смогла занять и удерживать лишь через двести с лишним лет после Грозного, во второй половине XVIII в., при Екатерине II – не раньше чем угрозу для России перестала представлять Турция. *Сначала* справились с Турцией, уж потом смогли занять Крым…

Крымское ханство было вассалом турецкого султана – а во времена Грозного Османская империя была, пожалуй, сильнейшей европейской державой. Именно европейской: турки заняли Балканы, часть Венгрии, всерьез нацеливались на Вену, которой не собирались ограничиваться. Несколько походов против них объединенных сил европейских королей закончились поражениями последних. Османский флот господствовал в Средиземном море, Турция султана Сулеймана Кануни («Великолепного») была в зените могущества. Россия Ивана Грозного против нее не имела никаких шансов, если бы дело дошло до прямого военного столкновения…

Сложность в том, что примыкающие к Крыму районы нынешней Украины были тогда Диким полем – протянувшимися на сотни километров необитаемыми землями. Да вдобавок, чтобы попасть в Крым, русской армии пришлось бы пересечь обширную степь, где не имелось ни источников воды, ни человеческого жилья. Каждую баклагу воды, каждую пригоршню овса для лошадей, каждый гвоздик пришлось бы нести с собой с южных российских рубежей – а это неблизкий путь. В то время как располагавшая огромным флотом Турция могла бы без всяких трудов переправлять в Крым войска, боеприпасы, вообще все необходимое. А у России тогда не имелось не то что Черноморского флота, но и флота вообще.

Дореволюционный русский историк Костомаров ядовитой слюной в свое время исходил, описывая «тупость» Ивана Грозного, якобы по дурости своей не оценившего по достоинству «гениальный план» Сильвестра и Адашева по захвату Крыма. Переходил порой в состояние откровенной клиники: очень уж ему, потомку малороссийских шляхтичей, этот план был по вкусу – настолько, что кабинетный историк не дал себе труда взвесить *реальные* шансы России в столкновении с Османской империей – а шансы эти, повторяю, практически равнялись нулю…

Агитируя Ивана за поход в Крым, Адашев особенно упирал на успешный рейд своего брата Даниила по крымским тылам. В 1559 г. Даниил Адашев, посадив восьмитысячное войско на им же построенные суденышки, проплыл по Днепру, под Очаковом и возле Кинбурнской косы захватил два турецких корабля, потом

высадился на берег, две недели громил близлежащие татарские селения, захватил немало добычи и освободил немало пленных, а потом, получив известия, что на него движется по суше татарская конница, а по морю – турецкие военные корабли, вернулся домой.

Однако (и Грозный наверняка это прекрасно понимал) поход Адашева был не более чем удачным набегом малыми силами – наподобие тех, какие совершали на Русь сами крымцы. А вот вести настоящую, *большую* войну с Турцией Россия была определенно не в состоянии…

Особенно если учесть, что воевать пришлось бы на два фронта – не только с Турцией на юге, но и с Великим княжеством Литовским на западе. Литовцы, крайне встревоженные войной против Ливонии, которую Грозный начал тогда в Прибалтике, стремились заключить с Крымским ханством военный союз, направленный против России. Опасались, что Грозный, чего доброго, и в самом деле захватит Крым – и тогда у него будут совершенно развязаны руки на западе, против Литвы. Пикантность в том, что документы, свидетельствовавшие о литовско-крымских переговорах, направленных на военный союз, захватил в Крыму не кто иной, как Даниил Адашев – и с торжеством привез их в Москву, совершенно не представляя, что тем самым подложил изрядную свинью брательнику…

Крайне занятные пассажи выписывало в свое время перо историка Иловайского, всецело находившегося в плену легенды о «царственном параноике». Разумеется, он в рамках «черной легенды» свято придерживался убеждения, что все хорошее и мудрое шло исключительно от Сильвестра с Адашевым. И хвалил обоих весьма оригинально. Напоминал, что Адашев носил довольно низкий придворный чин окольничего, а значит, якобы не стремился к власти. «Влияние их сказывалось в общем направлении дел государственных и особенно в назначениях на правительственные места воевод и наместников, а также в раздаче поместий и кормлений». Ничего себе «только»! При таких полномочиях можно обойтись и самым невеликим чином, не пышный титул все решает… И тут же Иловайский пишет: «Отсюда понятно, почему около этих неродовитых людей собралась многочисленная партия из старых знатных родов». Зачем Адашеву пышный титул, если старая знать перед ним и так *прогибалась?*

Иловайский пишет: «Естественно было, что Сильвестр и Адашев хлопотали по преимуществу в пользу лиц, связанных с ними приязнию или чем бы то ни было…» И с младенческой невинностью продолжает фразу: «…но нет оснований предполагать, чтобы они в этом случае злоупотребляли своим влиянием и выдвигали большею частию людей недостойных».

Ну что тут скажешь? Когда государственный чиновник крайне высокого ранга «хлопочет по преимуществу в пользу лиц, связанных с ним приязнию *или чем бы то ни было»* (курсив мой. – *А. Б),* это само по себе и есть грандиозное злоупотребление, и никак иначе…

И вовсе уж анекдотично звучит очередной панегирик Иловайского двум «великим государственным мужам»: «Дела правительственные шли при них хорошо, даже не слышно было обычных жалоб народа на неправосудие и обиды от сильных людей».

Как будто г-ну Иловайскому от роду насчитывалось пять годочков и он, дитятко невинное, представления не имел о некоторых мерах, с помощью коих временщики вроде Адашева что в России, что в других странах эффективно обеспечивали молчание «электората». И о фактах, опровергающих его концепцию, понятия не имел: а уж ему-то прекрасно должна была быть известна хотя бы история с неким бедолагой, которого Адашев отправил городничим на окраину России. В *кандалах* отправил, за что-то на него разобидевшись. Представляете себе лица тамошней городской администрации, которой предъявили их нового главу, бряцавшего кандалами?

И далее Иловайский старательно излагает «общепринятую версию» охлаждения Грозного к соратникам: «Такою причиною была сама страстная натура Иоанна, глубоко испорченная небрежным воспитанием, дурными привычками и тревожными впечатлениями детства… дурные стороны характера, притихшие на время, мало-помалу пробились снова наружу… при деспотических наклонностях…»

И подобное перепевается до сих пор…

А вот теперь самое время вспомнить еще одну тяжелую историю, где Сильвестр с Адашевым опять-таки *отличились.* Пожалуй, не будет преувеличением назвать их поведение предательским…

Речь идет о знаменитом «кремлевском бунте» весной 1553 г., когда бояре в очередной раз показали норов – и дело шло к весьма кровавому финалу…

1 марта царь слег. Что за болезнь у него была, сегодня уже не установить по крайней скудости описаний. Известно только, что она оказалась «тяжка зело», Иван Васильевич лежал в горячке, не узнавал окружающих, и все пошло настолько худо, что его смерти ожидали в любой момент…

Поскольку время было (не только для России, но и для всего мира) не особенно и правовое, не либеральное и отнюдь не парламентское, трудно было ожидать, что передача власти после

смерти царя его законному наследнику пройдет гладко…

Наследник, царевич Дмитрий, в тот момент от роду был пяти с небольшим месяцев и, как полагается младенцу, лежал в пеленках. Царица Анастасия, вероятнее всего, ничуть не напоминала Елену Глинскую – можно сказать, обычная домохозяйка, и все тут. Два ее брата тоже не отличались особой решимостью и энергией. Царь, временами приходивший в сознание, все это прекрасно понимал…

Опасность заключалась, главным образом, в том, что возле трона откровенно *маячил* достаточно серьезный претендент – князь Владимир Андреевич Старицкий, сын покойного брата Василия III, того самого Андрея, что неудачно попытался перехватить власть после смерти Василия. Двоюродный брат царя. Доподлинный Рюрикович, вполне способный – и намеренный! – опереться на те самые «исконные» обычаи, по которым князю наследовал не родной сын, а брат и его потомки…

Старицкий и его мать, княгиня Евфросинья, отнюдь не сидели сложа руки. При известиях о серьезной болезни царя они ввели в Москву сильный отряд своих дворян и принялись пригоршнями раздавать им деньги, якобы в счет будущего жалованья. Что это означает, было ясно всем и каждому: угроза государственного переворота прямо-таки в окно стучалась…

Царь составил «духовную грамоту», то есть завещание. Оно не дошло до сегодняшнего времени, но историки не сомневаются, что, объявив наследником престола сына Дмитрия, царь передал регентские полномочия царице Анастасии и ее ближайшим родственникам, боярам Захарьиным-Юрьевым, Василию и Даниле. Это был самый логичный шаг: оба в данном случае защищали бы не просто царицу и родственницу, а еще и свое собственное благополучие.

Тут-то и началось… Анастасию «старые» бояре не то что не любили – буквально ненавидели. Точку зрения благородных господ в свое время выразил боярин Лобанов-Ростовский, который разошелся настолько, что украдкой встретился с литовским послом и начал ему плакаться: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит, да и тем нас истеснил, что женившись, у боярина у своего дочерь взял, понял рабу свою, и нам как служити своей сестре?» Посол, «социально близкий», потому что принадлежал к древнему роду, слушал с искренним сочувствием… Лобанов-Ростовский был не единственным, кто именовал Анастасию «рабой», – для исконных Рюриковичей она была весьма даже худородна, и подобные речи звучали еще во время подготовки к царской свадьбе…

Ситуация была напряженнейшая. Настолько, что несколько бояр, по-настоящему преданных царю, встали у дверей его комнаты, вооружившись до зубов. И на всякий случай не допустили к нему Владимира Старицкого: мало ли что…

Эти действия вызвали публичное неодобрение… Сильвестра, принявшегося пенять добровольным телохранителям. Дело в том, что Сильвестр, как бесстрастно отмечают летописи, питал «великую любовь» к семейству Ста-рицких…

Царь, придя в сознание, велел собрать в Кремле бояр, чтоб целовали крест (т. е. приносили присягу) младенцу Дмитрию. С грехом пополам Рюриковичей – Гедиминовичей созвали, но далеко не всех, потому что часть их объявила себя больными, не способными встать с постели…

Началось откровенное сопротивление. Иван Шуйский (ну конечно, ни одна гнусность не может обойтись без представителя этой клятой семейки!) стал цепляться к «формальностям»: вот если бы сам царь руководил присягой, то он, Шуйский, крест целовал бы со смаком, а поскольку крест держат князь Воротынский и дьяк Висковатый, не особенной знатности субъекты, то в таких условиях присягать невозможно. Вот если б царь! – повторял Шуйский, прекрасно зная, что царь мечется в горячке…

Федор Адашев (отец царского сподвижника) кричал, что все это один обман и шулерство: присягать, мол, приходится не Дмитрию, а царицыным родичам, на что он решительно не согласен – неизвестно еще, где эти Захарьины свиней пасли, когда его собственные прадеды государством рулили…

Князь Пронский вообще начал *дурковать,* вопя в лицо Воротынскому: из твоих рук, такой-сякой, крестного целования не приму, потому что твой батька был изменник, а значит, и сам ты изменник! Воротынский ему преспокойно ответил:

– Если я изменник, почему же я присягал Дмитрию? А ты, выходит, чист, но присягать не хочешь?

Крыть было нечем, Пронский смутился и присягнул. Но с остальными шло не так гладко: они по-прежнему кричали, что «служить Захарьиным не хотят». А вслед за тем стали заявлять, что не желают служить и «пеленочнику» Дмитрию. Что называется – открытым текстом… Отказался целовать крест кому бы то ни было и Владимир Старицкий, открыто угрожавший Воротынскому: вот вскоре, едва он, Владимир, возьмет власть, мало Воротынскому не покажется…

Алексей Адашев крест-то поцеловал, присягнул честь по чести – но смирнехонько жался где-то в сторонке, ничуть не пытаясь обеспечить выполнение царского приказа. Позиция была

самая что ни на есть двурушническая: мол, с меня лично взятки гладки, я-то присягнул, ну а если что-то пойдет наперекосяк – моей вины тут нет…

И тут царь *встал!* Нервное потрясение оказалось таким, что придало силы… Он заявил боярам, что присягать он велит никаким не Захарьиным, а своему сыну. И задал резонный вопрос – если не хотите служить младенцу, где гарантия, что будете честно служить взрослому, когда вырастет!?

Появление царя воодушевило его сторонников. Воротынский заявил Старицкому, что стоит за царя до последнего и в случае чего не побоится и Старицкого саблей достать… Другие его единомышленники, уже не видевшие надобности играть в дипломатию, Старицкому сказали прямо: либо он присягает, либо его из дворца вынесут ногами вперед…

Старицкий, как и его покойный папаша, невеликой отваги был человек. Дрогнул – и поцеловал крест. Так же поступили и те, кто прежде кочевряжился. Однако интрига на этом не кончилась: крестное целование в России нарушали столько раз, что и сосчитать трудно. Поступили сведения, что часть бояр все еще шушукается по углам, через слово поминая Владимира Старицкого…

Обошлось. Царь выздоровел. А если бы нет? Тогда, вне всякого сомнения, на опустевший трон поспешил бы вскарабкаться князь Старицкий – и что при таком раскладе случилось бы с вдовой Ивана Васильевича и младенцем, ясно каждому…

Теперь представьте, как после всего случившегося царь должен был относиться к Сильвестру и Адашеву, которые, по сути, выступили против него? Нет особой разницы в том, что один драл глотку за Старицкого, а другой бездельничал в то время, как по логике вещей должен был действовать…

Сложности на этом не кончаются – они лишь начинаются.

В июне того же года царь отправился на богомолье по монастырям – как тогда полагалось, дав обет после выздоровления. Как чертик из коробочки, вынырнул крайне мутный субъект, тот самый ученый книжник Максим Грек, то ли турецкий шпион, то ли агент Константинопольской патриархии, известный на Руси тем, что с удивительным постоянством оказывался в центре политических интриг и скандалов вокруг еретических сект. Он принялся каркать, что царевич Дмитрий умрет, если царь все же поедет на богомолье. Это его нострадамусово пророчество царю передала целая группа, среди которой был и Адашев. Царь отправился в путь, не послушав…

Дмитрий, правда, не умер своей смертью – он погиб в

результате несчастного случая, как эту историю принято именовать. За границу тут же проникли умело пущенные находившимися на Руси иностранцами слухи, будто все произошло из-за того, что царь и его жена плыли в разных лодках – и зачем-то стали «передавать» друг другу младенца из лодки в лодку…

Это, конечно, вздор. Младенец захлебнулся, оказавшись в воде, это верно, однако не отец с матерью его упустили из рук, а нянька. Частенько можно прочесть, будто «кормилица уронила младенца в воду». Однако все обстояло чуточку иначе…

С борта речного судна на берег были перекинуты прямо-таки *капитальные* сходни, достаточно широкие и массивные для того, чтобы выдержать тяжесть трех идущих бок о бок взрослых людей. Царевича держала на руках кормилица, а уж ее с двух сторон с величайшим вниманием поддерживали под локти те самые царицыны родственники, «дядьки» Данила и Василий.

Сходни рухнули, все трое оказались в воде. Взрослым никакого вреда не случилось, а вот младенец захлебнулся… Согласитесь, это гораздо сложнее примитивного «кормилица уронила». И прямо-таки автоматически возникает вопрос: а как вообще случилось, что обрушились эти самые сходни, тяжеленные и надежные, предназначенные не для того, чтобы капусту по ним таскать – безопасность царевича обеспечить?

Внятного ответа на сей счет история так и не дала – по крайней мере объяснений в документах того времени не сохранилось. А вот Грозный впоследствии отчего-то всерьез винил в несчастном случае… Алексея Адашева. Подробности неизвестны.

Ну, а еще через пару недель вновь начались *сюрпризы.* Пограничная стража сцапала пытавшегося бежать в Литву князя Лобанова-Ростовского, видного члена Избранной рады. Того самого, что жаловался литовскому послу на «рабу» Анастасию.

Поначалу князь на допросах твердил, что собрался бежать из России «по убожеству и малоумству, потому что разум у него скуден». Однако дальнейшее расследование показало, что князь, во-первых, всего лишь косит под дурачка, а на самом деле умнее многих, а во-вторых, что история гораздо более интересная; «скудоумный» князь так увлекся, что ненароком выдал литовскому послу кучу секретной информации военно-дипломатического характера. И в Литву *дернул* не по собственной инициативе, а будучи связным у своего папаши и целой группы бояр, которые собирались сбежать к польскому королю…

Не царь, а боярская дума приговорила князя и его подельников к смертной казни – но «тиран» Грозный их всех

помиловал и ограничился ссылкой на Белоозеро. Там была вовсе не жуткая каторга со снегами, морозами и дикими медведями, а вполне комфортабельный поселок, где ссыльные бояре не в темнице сидели, а обитали в хоромах с многочисленными чадами-домочадцами и слугами. Да и питались не сухой корочкой – а так, как привыкли в кремлевской столовой. Сохранились письменные жалобы одного из таких мучеников на то, что ему задерживают «пайку»: не прислали вовремя осетров, изюм, сливы и вино (причем счет фруктам-ягодам и заграничному вину шел на ведра). Положительно Иван Васильевич был жутким тираном: своих супротивников сплошь и рядом не на плаху отправлял, а в курортные места, где они изюм потребляли «полупудами», вино ведрами, а лимоны – сотнями…

Но вернемся к Сильвестру с Адашевым. Царь им слишком многое прощал. Простил, когда оба во время его болезни, мягко говоря, вели себя странно. Простил, когда они пытались втравить страну в заведомо проигрышную войну с Крымским ханством. Простил, когда в 1554–1555 гг.

во Владимире, Рязани, Новгороде и других крупных городах прошло множество народных возмущений, вызванных тем, что назначенная всесильными временщиками администрация всех достала непомерными налогами и поборами.

А потом, в 1560 г., при крайне загадочных обстоятельствах умерла царица Анастасия, которой не было и тридцати. Внятного объяснения опять-таки нет. Смерть настолько странная, что один из современных историков, тщетно пытаясь разрешить загадку, за неимением лучшего стал размышлять: «Вероятно, организм ее был ослаблен частыми родами; за десять с небольшим лет брака она родила шестерых детей».

Историк этот, несомненно, механически перенес на шестнадцатый век реалии двадцать первого, когда рождение второго ребенка в семье – уже событие. В шестнадцатом веке по всей Европе было несколько иначе: женщины рожали практически каждый год (еще и потому, что детская смертность была высока: родишь четырех – один выживет). Так что шестеро детей за десять лет брака – это, по меркам шестнадцатого века, даже *ниже* средней нормы… Крестьянки, имевшие 10–15 детей, и не думали умирать от «ослабления организма» – а ведь царица, несомненно, находилась по сравнению с ними в гораздо более выгодных условиях: она и тяжелой работой не утруждалась, и ела-пила не в пример лучше…

Вообще-то исследования останков Анастасии, проведенные лет пятнадцать назад, показали наличие в костях чрезмерно большого количества солей ртути. Но это еще ни о чем не

говорит: в то время ртуть входила в состав как лекарств, так и ядов… Как бы там ни было, сам Грозный, ссылаясь на *нечто,* оставшееся нам неизвестным, упоминает о лютой ненависти Сильвестра и Адашева к Анастасии, о каком-то загадочном скандале, который произошел меж ней и временщиками, и даже о том, что из-за Адашева царица не получила врачебной помощи. Подробностей нам уже никогда не узнать…

Как уже говорилось, в конце концов Сильвестр и Адашев откровенно *заигрались.* Когда царь начал войну в Прибалтике, Сильвестр буквально *таскался* за ним, порицая все без исключения царские решения: и то не так, и это нескладно, и это криво, и вообще, нужно Крым завоевывать…

Адашев, и того хуже, допустил два серьезнейших внешнеполитических просчета: сначала он проиграл дипломатическую дуэль и не смог обеспечить нейтралитет Литвы во время Ливонской войны, потом заключил непродуманное перемирие с Ливонским орденом на полгода: орден это перемирие использовал, чтобы собраться с силами, а потом, нарушив мир, перешел в наступление. Тем временем Сильвестр выскочил с очередной дурацкой идеей: мол, следует немедленно окрестить все население только что завоеванного русскими войсками Казанского ханства. Крестить всех поголовно, и баста! А кто заартачится – голову с плеч! Ну а поскольку «заартачились» бы наверняка все до одного татары-мусульмане, то их, по Сильвестру, пришлось бы истребить поголовно…

Тут уж терпение у царя лопнуло… но он, опять-таки хитроумно маскируясь под приличного человека, не голову Адашеву отрубил и даже не в тюрьму посадил, а отправил в Ливонию командовать войсками. Сильвестр, прекрасно соображая, что лафа кончилась, удалился в дальний монастырь. Никто его не удерживал… И никаких репрессий к нему не применяли еще долгие годы, до его смерти, вполне естественной.

Однако Адашев в конце концов оказался под арестом – тогдашние следователи, пусть и медленно, но все же продолжали дело о смерти царицы Анастасии, каковую отчего-то полагали насильственной, а в числе виновников назвали и Адашева. Там, под арестом, Адашев и умер. Его недоброжелатели распустили слух, что бывший всемогущий фаворит отравился, но это, очевидно, были выдумки, потому что Адашева похоронили по всем правилам в освященной земле, как с самоубийцами не поступали.

Вот так бесславно и закончилась карьера двух субъектов, которым впоследствии и приписали все заслуги в реформах, якобы проведенных ими «вопреки» безумцу и тирану Ивану

Грозному…

А мы перейдем к рассказу о войнах Ивана Грозного – коли не раз упоминалось взятие Казани и война в Ливонии, нужно рассказать подробнее, как это происходило, где для русского оружия дело обернулось славой, а где – поражением…

Глава седьмая. Сверкая блеском стали

Сегодня все как-то попривыкли, что Волга – «великая русская река», «матушка Волга». «Волга, Волга, мать родная, Волга, русская река…» – как поется в знаменитой песне о Стеньке Разине.

Кажется, будто так было всегда. Однако так стало лишь при Иване Грозном – а до того Руси принадлежал лишь небольшой кусочек «великой русской реки»… Таковой, без всяких кавычек, она стала лишь после завоевания Казанского и Астраханского ханств.

Завоевание Казани, должен вам сказать, было делом почти что *домашним,* а вовсе не каким-то актом неспровоцированной агрессии «безумного тирана». Более того, многих это, возможно, и удивит, но само возникновение Казанского ханства – как раз результат русской промашки. Точнее говоря, во всем виноват Василий Темный, невеликого ума человек и вообще, скажем прямо, изрядная сволочь (что меланхолично признавали еще историки девятнадцатого века).

Дело обстояло следующим образом. Изрядно ослабшей и потерявшей былое величие Золотой Ордой в 1432 г. правил хан Улу-Махмет (Чингизид, как полагается). К нему вдруг нагрянули родные братья: хан Астраханский Седи-Ахмет и юный Кичи-Махмет, как выражались в старину, молодой человек без места. Братья объявили собиравшемуся было организовать банкет Улу-Махмету, что они прибыли не чаи распивать, а провести свободные демократические выборы с целью смещения его с золотоордынского трона – братец Кичи ведь без места…

Улу-Махмет, конечно, заявил, что в гробу он видел такую демократию и такие выборы. Тогда братья свистнули свой многочисленный электорат. Электорат горячил борзых коней, поигрывал сабельками и выкрикивал всевозможные демократические лозунги типа «Голосуй сердцем за Кичи!», «Улу-Махметка – пройденный этап!»

Собственный электорат Улу-Махмета был гораздо малочисленнее и не имел никаких шансов на победу. Братья разводили руками:

– Демократия, братка. Большинство голосов, знаешь ли…

Обматерив как следует и демократию, и вероломных братьев, Улу-Махмет собрал сохранивших ему верность джигитов, их семьи и добро, и вся эта орава откочевала на берега тихого Дона,

где казаков пока что не имелось. Там они обитали, как в сказке, семь лет. Тем временем в Орде сидел Кичи (за которым по его молодости присматривал, забрав реальную власть, Седи). По прошествии семи лет обоим демократам пришло в голову, что они, пожалуй, сваляли дурака, отпустив Улу-Махмета целым и невредимым. Собственно говоря, это было решительно против тогдашних правил хорошего тона: что в Европе, что в Азии серьезных претендентов на престол не принято было оставлять в живых. Вот и решили исправить ошибочку…

Прекрасно понимая, что на сей раз ему придет кирдык, Улу-Махмет поднял свой табор и побежал дальше – уже на Русь, занял, не спрашивая жителей, городок Белев и послал гонцов к Василию, в ту пору еще зрячему. Гонец передал, что бывший хан пришел просить милости и покровительства русских князей, просит выделить ему улус, готов стать русским вассалом и прилежно служить.

Впервые на Русь проситься в вассалы пришел знатный татарин, хотя и согнанный с престола, но чистокровный Чингизид. Увы, Василий оказался слишком дурковатым, чтобы использовать этот случай на всю катушку с пользой для русских – чтобы, аки Илья Муромец, «бить татар татаровьями». К тому же он проявил элементарную человеческую неблагодарность – ведь именно Улу-Махмет восемь лет назад, еще будучи ханом, поддержал Василия в борьбе с другими претендентами на московское княжение.

Но, как говорится, чего стоит услуга, которая уже оказана? Василий рассуждал примитивно: если у татар мало войска, на них нужно напасть и ограбить дочиста…

Он послал многочисленную рать под командой своих двоюродных братьев, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного. Как с прискорбием констатируют те же дореволюционные историки, «необузданные толпы» москвичей еще до подхода к Белеву вдоволь потренировались на русских же землях: где ни проходили, грабили дочиста, а что не могли ограбить, то жгли…

Улу-Махмет послал к русским парламентеров, которые вновь и вновь повторяли, что хан просится в вассалы, готов даже дать детей в заложники, а если вновь займет ордынский престол, то никогда больше не будет требовать с Руси дани. Но москвичей будто переклинило: они кинулись в бой…

Их было много, но хороших военачальников не нашлось. А бывший хан воевать умел… Русских он разбил быстро, а потом, разозлившись, перешел в контрнаступление. Как следует накостыляв противнику, он задумался, как жить дальше. Неподалеку как раз и стоял древний город Казань – правда,

представлявший собой полуразрушенное поселение, где жило совсем немного народу (результат разгрома русской ратью в 1399 г.). Там тогда правил какой-то князек, но не особенно и сильный. Улу-Махмет призадумался…

Правда, в Казань он двинулся не сразу – должно быть, понимал, что, кроме военной силы, государству нужна еще и экономика. Двинулся на Русь, взял и ограбил несколько городов, а потом захватил в плен и самого Василия. Как человек хозяйственный, Улу-Махмет не стал пленника убивать, хоть и был на него зол, а в полном соответствии с европейской рыцарской традицией запросил с Руси выкуп – двести тысяч рублей. По тем временам такие деньги… Даже не знаю, с чем и сравнить. Грандиозная была сумма. Бояре Василия эти деньжищи, однако, из Руси выжали и выкупили князя.

Теперь у бывшего хана были не только войска, но и казна. Он направился в Казань, без труда ее взял, прикончил князька Либея и объявил местным, что он не грабить сюда пришел, а основать государство. Местным идея понравилась – а впрочем, их особо и не прашивали…Нужно упомянуть, что эти события дошли до нас в двух версиях. По первой, Казань захватил и основал новое ханство сам Улу-Махмет. По другой, еще по дороге старший сын Улу-Махмета Махмутек убил отца, взял Казань и основал ханство. Точно уже не установить, какая из версий правильная. Как бы там ни было, новое государство оказалось вполне жизнеспособным. Окрестные татары, черемисы и булгары, прослышав, что установилась твердая власть под началом доподлинного Чингизида, со всех сторон устремились в Казань, город быстро застроился, расширился, похорошел. В новоучрежденное Казанское ханство народец двинулся даже из Крыма,

Покорение Казани

Бухары и Сибири.

Государство *поднялось* очень быстро. Дело еще и в экономике: Казанское ханство оказалось на пересечении важных торговых путей. По Волге с древних времен возили меха и кожи, а вдобавок экспортировали хлеб и лошадей из ногайских степей. Казанское ханство вело торговлю с Персией, Индией, Малой Азией, Египтом, Сирией. Мало-помалу Золотая Орда захирела вовсе, и Казанское ханство, хотя и числилось вассалом Крыма, процветало.

Не прошло и тридцати лет, как правивший тогда на Москве Иван III поступил гораздо умнее Василия Темного. На Русь «прибежал» татарский царевич Касим (Кой-сем), родной брат Махмутека. Точные причины неизвестны, но, скорее всего, предусмотрительный Махмутек хотел отправить братца вслед за их папашей – в целях стабильности…

Великий князь пожаловал Касиму городок Городец-на-Оке, который по такому случаю переименовали в Касимов, и возникло вассальное Касимовское ханство, естественно, насквозь мусульманское. Иван III нисколечко не прогадал – последующие двести лет (Касимовское ханство в середине XVII в. аннулировали Романовы) касимовские царевичи служили России верой и правдой. В Смутное время, кстати, именно касимовские татары прикончили Лжедмитрия II.

Выгода была двойная: во-первых, Касимовское ханство стало своеобразной пограничной заставой на пути казанских набегов, во-вторых, туда, к единоверцам, стекались казанские и крымские татары, а также жители Ногайской орды, по каким-то своим причинам решившие эмигрировать – что, естественно, только усиливало Россию. Среди «эмигрантов» было немало людей, по своему происхождению имевших серьезные права на казанский и крымский престолы, чем русские великие князья в нужный момент умело пользовались, поддерживая их военной силой во время очередной заварушки в Крыму или Казани…

Московско-крымско-казанско-астраханские отношения на протяжении более чем столетия после «возобновления» Казани не особенно и сложны. Их с полным на то правом можно, как я уже говорил, охарактеризовать как *дела домашние.* О них можно написать толстенную книгу, и она будет весьма интересной (авантюры, интриги, перевороты, заговоры, сражения), но это я отложу на потом, а пока изложу события кратко.

Соседи то дрались, то мирились. Казанцы и крымцы то и дело совершали набеги на Русь – но и Русь при первой возможности поступала так же. Русские войска то сражались с крымскими ордами, то, наоборот, спешили в Крым, чтобы поддержать выгодного для себя претендента на трон, – а иногда русские и крымцы вместе воевали против литовцев. Одним словом, нормальный феодализм. Примерно так вели себя по отношению друг к другу и чисто русские княжества в период раздробленности.

Но давайте сосредоточимся на Казани. Там очень быстро среди мурз, высшей знати, сформировались две партии – антирусская и прорусская. Суть разногласий опять-таки лежала не в религии, а в самой вульгарной экономике, которая всегда и стоит во главе угла. «Антимосковская партия» состояла из тех татарских князей, что сделали большой гешефт на продаже в Бухару рабов, – естественно, им-то было как раз выгодно почаще совершать на Русь набеги. «Московская партия», соответственно, состояла из тех князей, кто торговал с Москвой – *этим,* наоборот, было крайне выгодно, чтобы меж Москвой и Казанью были мир, спокойствие и тишина, поскольку от войн они только проигрывали.

Как легко догадаться, обе партии пытались поставить во главе ханства своего человека. Иногда казанским ханом при активной поддержке Москвы становился кто-нибудь из «кадрового резерва» касимовских царевичей – и отношения становились, в общем, едва ли не дружескими. Иногда верх при поддержке крымцев одерживала «партия войны».

В начале шестнадцатого века Василий III *продавил* свою кандидатуру на казанский престол: хана Шиг-Али, или Шигалея. Однако крымский хан Магмет-Гирей нанес ответный удар: его сторонники устроили в Казани переворот, выгнали Шигалея на Русь. Гирей лелеял планы прямо-таки наполеоновские: он хотел не просто посадить в Казани своего человека, а объединить в одно государство Крым, Казань и Астрахань – возродить Золотую Орду. На казанский трон он усадил своего брата Саипа, а сам занял Астрахань. Однако получил удар с самой неожиданной стороны: ногайцы из одноименной орды, которым, надо полагать, стало ясно, что скоро придет и их очередь, на Астрахань напали и Магмета убили. Карусель, короче…

Василий III принялся *надвигаться* на Казань планомерно и обстоятельно. В устье реки Суры, уже на казанской территории, он основал город Васильсурск, откуда гораздо было удобнее присматривать за Казанью, чем из отдаленного Нижнего Новгорода, крайнего русского города на Волге. Казанцы, понятное дело, попытались Васильсурск взять, но не получилось.

Затем Василий двинулся в поход на Казань. Сидевший там ханом Саип, плохо веря, что ему удастся отбиться, бежал в родной Крым, оставив ханом своего тринадцатилетнего племянника. Подняла голову «русская партия», возглавлявшаяся самим сеитом – главой казанского мусульманского духовенства. Собирались схватить хана-малолетку и выдать его Москве – но были разбиты, а самого сеита казнили. Малолетний хан остался на престоле – а выросши, повел двойную игру: отправил в Москву посольство с выражением верности и любви, а сам тем временем принялся резать в Казани «русскую партию».

Снова пришло русское войско, разбило казанско-ногайские отряды и едва не взяло саму Казань, но дело сорвалось по русской дури: воевода пешего войска князь Бельский и воевода конницы князь Глинский не нашли удачнее времени, чтобы *местничать:* начали спорить, кто из них знатнее и потому имеет право первым вступить в город. Спор затянулся, а там полил сильный дождь, погасивший фитили пищалей и пушек, и русские войска отступили…

Еще лет тридцать в Казани боролись за власть две партии, казанцы то мирились с Москвой, то ходили на нее набегом, то дрались с ногайцами, крымцы интриговали…

А потом на Казань двинулся молодой царь Иван Васильевич…

В марте 1549 г. умер Сафа-Гирей, тот самый племянник Саипа. Вы не поверите, но умер он, вот чудо, естественной смертью… Что при царивших в Казани порядках было, бесспорно,

большим его личным достижением.

Новым царем Казанским (русские именно так и звали казанских ханов) стал двухлетний младенец Утемиш-Гирей. Ситуация изменилась с точностью до наоборот: прежде очень долго казанцы успешно противостояли Руси из-за малолетства Ивана Васильевича, а теперь у них самих был царь-младенец…

Первый и второй походы на Казань закончились тем, что русским войскам пришлось отступить. Правда, при этом в русское подданство, чуя изменившуюся обстановку, перешли чуваши и черемисы. А совсем неподалеку от Казани, в устье реки Свияги, на высоком холме русские заложили крепость Свияжск. Что интересно, ее рубили не на месте – далеко отсюда, в глубоком русском тылу, под Угличем, как раз и изготовили всю крепость целиком. А потом разобрали, предварительно пронумеровав или каким-то другим образом пометив бревна, сплавили их по Волге к устью Свияги и собрали за четыре недели. Что произвело на казанцев большое впечатление…

Кто все это придумал, в точности неизвестно. Но, как бы там ни было, постройка Свияжска опередила западноевропейскую военную мысль лет на семьдесят: только в первой половине XVII в. знаменитый французский маршал Вобан выдвинул идею создания вместо прежнего «лагеря осаждающих» «базы осады» – какой задолго до того и стал Свияжск…

Летом 1552 г. начался третий поход на Казань под предводительством самого Грозного. К тому времени встревоженный турецкий султан послал крымскому хану янычар и пушки и велел наступать на Москву.

Крымский хан послушно пошел в поход – но напоролся на двигавшуюся к Казани русскую армию, был быстро разбит и скоренько убрался на свой полуостров. Русским теперь ничто не мешало…

Твердой власти в Казани в то время не было. Там только что закончилось очередное «смутное время». Казанским царем до недавнего времени был Шигалей, которого на всякий случай охранял русский отряд из пятисот стрельцов. Антирусская партия затеяла очередной заговор, собираясь убить как Шигалея, так и русского посла князя Палецкого. В Крым отправили гонцов, но Шигалей этих гонцов перехватил, прочитал письма заговорщиков и решил, не мешкая, нанести ответный удар. Пригласил «верхушку» заговорщиков к себе на пир и в разгар веселья велел своей страже резать всех поголовно. Семьдесят человек было убито, какому-то количеству удалось сбежать. Они не стали воевать с Шигалеем, а отправили гонца уже на Русь, обещая перейти в полное подданство Ивану, если он уберет от них

тирана Шигалея. Шигалей, узнав об этом, почувствовал себя в Казани как-то неуютно. Как говорится, куда ни кинь – всюду клин. Либо его низложит Иван Васильевич, либо в конце концов зарежут обиженные казанцы. Он бросил престол и уехал в Свияжск, здраво рассудив, что при таком раскладе русские его не тронут, а казанцы уже не достанут…

Вот тут к Казани и стало приближаться русское войско. Казанцы выслали навстречу отряд, но его разбили черемисы. В Казань тем временем приехал родственник ногайского хана, астраханский царевич Едигер, объявил себя царем казанским, велел запереть ворота и отправил Грозному письмо, где ругал последними словами все и всех: и христианскую веру, и Ивана Васильевича, и Шигалея. А в заключение вызвал русских на бой.

Иван вызов принял… Казань обложило русское войско, в составе которого был и Шигалей со своими отрядами.

Казань была крепостью серьезной, ее окружали двойные дубовые стены, пространство меж которыми засыпали камнем и глиной, – тогдашние пушки с такими укреплениями справиться не могли. Ширина стен – восемь с половиной метров, высота – восемь. Под стенами был вырыт еще и ров. За воротами, чтобы уберечь их от ядер, установили набитые землей срубы («тарасы»). Гарнизон состоял из тридцати трех тысяч воинов, а в лесу под Казанью затаился тридцатитысячный конный отряд под командованием некоего Япанчи.

План татар заключался в том, чтобы одновременно ударить по русским с двух сторон – пехотой из Казани и конницей Япанчи. Русские этот план сорвали: отряд под командованием Горбатого-Шуйского (3000 конных и 15000 пеших) притворным отступлением выманил Япанчу из леса, окружил и уничтожил почти полностью.

Началась осада Казани, продолжавшаяся более двух месяцев. Все это время велись, говоря современным языком, саперные работы: вырыли две линии укреплений с артиллерийскими позициями, поставили башни с артиллерией и принялись обстреливать город. Некий мурза Намай, из шигалеевцев, сообщил Грозному, что осажденные берут воду из родника возле речки Казанки, куда добираются по прорытому из крепости подземному ходу. Русские десять дней вели туда подкоп, наконец, когда стали уже слышать голоса ходивших в тайнике татар, закатили одиннадцать бочек пороха и подпалили фитиль… Грохнуло на совесть, и осажденные остались без воды.

Потом заложили еще три подкопа. Вторым подорвали кусок городской стены у Арских ворот и Арскую башню, лишив осажденных выгодной позиции. Третий подкоп рыли 39 дней, он

был длиной 200 метров и вел к городской стене. Четвертый подвели под Ногайские ворота.

Руководили этим оставшиеся неизвестными по именам немецкие (и вроде бы английские) инженеры, но сохранились сведения, что в работах активно участвовали (и не простыми исполнителями) и русские: дьяк Иван Выродков, Алексей Адашев и князь Василий Серебряный.

Осажденные вовсю использовали нетрадиционные методы боя: по воспоминаниям одного из русских участников осады, ежедневно на восходе на стены выходили «казанские волхвы», кричали заклинания и рукавами халатов нагоняли на русский лагерь ливень. Русский очевидец, кстати, уверял, что казанское колдовство своей цели достигало и на лагерь обрушивался проливной дождь. Русские ответили аналогично: привезли из Москвы царский животворящий крест, которым Грозного благословляли на царство, освятили воду и стали кропить ею вокруг лагеря. Это превозмогло казанское колдовское искусство, и ливни прекратились. Насколько эта «экстрасенсорная дуэль» согласуется с исторической правдой, лично я судить не берусь – но ее участники с той и другой стороны все это применяли всерьез и верили в успешность своих действий…

2 октября взорвали бочки с порохом в обоих подкопах, и русско-татарское войско бросилось на штурм. Лучше всего это зрелище, думается мне, опишет очевидец и участник событий князь Курбский: «Пока мы были далеко от стен, никто не стрелял из ручниц или стрел, а когда мы подошли близко, тогда впервые на нас был пущен огненный бой со стен и башен; тогда стрелы летели густо, наподобие частого дождя: тогда летело бесчисленное множество камней, так что и воздуха не видно было; когда же с великим трудом и бедою подошли мы ближе к стенам, тогда начали нас поливать кипящим варом и бросать целыми бревнами».

Понемногу русские стали одолевать и ворвались в город. К некоторому прискорбию для нашей воинской славы вынужден уточнить, что, оказавшись в Казани, они самым вульгарным образом кинулись грабить ближайшие дома, и это приняло такой размах, что наступление как-то само собой захлебнулось. Татары, видя такое дело, ударили в контратаку. Начался беспорядок, паника, русские стали отступать, а называя вещи своими именами – драпать. Спас положение сам Грозный: он стал со знаменем у ворот и останавливал бегущих (надо полагать, произнося при этом вовсе не божественные и не возвышенные слова), а его отборный отряд бросился в город.

Казанцы, надо отдать им должное, дрались геройски – не

побоимся этого слова. Однако русские понемногу одолевали. Глава казанского духовенства, с саблей в руке защищавший подступы к мечетям, был убит. Около часа в царском дворце отбивался самозваный царь Едигер. Как сообщают очевидцы, когда русские все же выломали ворота и ворвались во дворец, Едигер использовал весьма оригинальный метод обороны: выставил вперед изрядное количество лучших казанских красавиц, одетых в усыпанные драгоценностями наряды. Рассчитывал, что штурмующие клюнут на драгоценности, да и красоток не обойдут вниманием, отвлекшись от военных действий.

Однако на сей раз русские сохранили дисциплину и на приманку не клюнули. Битва продолжалась. В конце концов часть казанцев вступила в переговоры и выдала Едигера, а часть пыталась прорваться из города, но была перехвачена русскими и перебита.

Казань была взята. Разъяренные победители в плен брали только женщин и детей, а мужчин резали поголовно – что по меркам того времени было, увы, обычным делом…

Грозный отдал всю казанскую добычу своему войску, а себе взял только пленного Едигера, знамена казанских царей и городские пушки. Забегая вперед, скажу, что на Руси Едигера никто не обижал: он крестился (вроде бы добровольно, хотя кто его знает…) и получил имя Симеон. Ему предоставили подворье в Кремле и даже бояр «для почету», женился он на русской боярышне, жил в довольстве и умер в 1565 г.

В ознаменование победы над Казанью в Москве был построен Покровский собор, который и сегодня может видеть каждый: это и есть храм Василия Блаженного.

Взятие Казани не означало *окончательного* покорения Казанского царства: еще пять лет продолжались мятежи и восстания, пытались даже восстановить прежнюю власть, пригласив ногайского князя Али-Акрама – но его в конце концов по каким-то своим причинам зарезали сами мятежники, и к 1557 г. со всяким сопротивлением было покончено.

Теперь Русь располагала общей границей с Астраханским ханством. В июне 1554 г. на юг двинулись русские войска под командованием князя Шемякина-Пронского. Произошло единственное сражение с астраханцами, после чего русские без боя заняли Астрахань, чей гарнизон предусмотрительно разбежался. Хан Ямгурчи бежал в Крым в такой спешке, что, как Абдулла в «Белом солнце пустыни», бросил весь свой гарем.

Строительство Покровского собора. 1555–1561 гг. Фрагмент из Летописного свода

Поначалу Грозный всего лишь принял от посаженного им на опустевший астраханский трон некоего Дервиш-Аливассальную присягу. Новый хан обязался ежегодно выплачивать дань – не только деньги, но и три тысячи осетров. Русских рабов держать в Астрахани отныне запрещалось, а имеющихся следовало немедленно освободить. Русские рыбаки получили право без всяких разрешений и платы ловить рыбу по Волге вплоть до Каспийского моря, в случае смерти Дербиш-Али астраханцы обязались не «искати» себе хана самим, а принимать предложенную Москвой кандидатуру. Русская армия покинула Астрахань, оставив небольшой отряд служилых казаков под командой Петра Тургенева.

Однако тишины и благолепия не получилось. Уже в следующем году приободрившийся Дербиш-Али «вышиб» из

Астрахани русский гарнизон и принялся тайно переписываться с крымцами. А там и вовсе начал нападать на русские отряды.

Решено было его укоротить – то ли на голову, то ли в переносном смысле. К Астрахани двинулось немаленькое русское войско. Нашкодивший Дербиш-Али, не ожидая для себя ничего хорошего, бежал в Крым, и русские заняли Астрахань без боя. Чуть попозже нагрянул Дербиш-Али с крымской конницей, но в окрестностях Астрахани был разбит и более претензий на трон уже не предъявлял. Летом 1566 г. Астрахань вошла в состав России.

Вот *теперь* Волга на *всем* протяжении стала русской рекой. Теперь русские получили возможность через Каспийское море выйти на персидские рынки и контролировали сухопутные маршруты из Крыма в Среднюю Азию.

Видя такое дело, вассальную зависимость от России признала степная Ногайская орда, а вслед за ней и башкиры. Еще до окончательного присоединения Астрахани в Москву прибыло посольство от хана Сибирского Едигера (не путать с казанским Едигером). Он признал себя вассалом России и соглашался платить дань (по соболю и белке с человека) при условии, что Россия будет защищать его ханство от среднеазиатских нападений. Правда, ничего толкового из этого тогда не вышло: Едигер платил дань нерегулярно и не в тех размерах, какие обещал, а Россия, в свою очередь, не могла тогда посылать войска против едигеровых врагов. Кончилось все тем, что из Бухары пришел известный хан Кучум, зарезал Едигера и стал «Сибирским царем» – но не прошло и двадцати лет, как за него взялся Ермак. Впрочем, эта история достаточно хорошо известна, и нет смысла ее здесь пересказывать.

Одним словом, русские получили Волгу в полное и безраздельное владение. Получили контроль над торговыми путями, а кроме того, стали осваивать обширные пахотные земли на только что присоединенных территориях.

Особо следует подчеркнуть, что Иван Грозный, вопреки кликушеству Сильвестра, не предпринимал ровным счетом никаких шагов, чтобы насильственно загонять завоеванные мусульманские народы в православие. На *веру* татарскую он во всяком случае не покушался, чего не было – того не было.

Тут непременно следует подробно рассмотреть сложный и, я бы даже так выразился, замысловатый вопрос об агрессорах и жертвах.

Была ли Россия в истории с завоеванием Казани агрессором? И да, и нет.

Была ли взятая штурмом Казань невинной жертвой? И да, и

нет.

Всё гораздо сложнее. По моему глубокому убеждению, понятие «агрессия» делится на две категории: «чистую» и «относительную». Агрессия первой категории весьма даже *виноватит* то или иное государство, второй – не особенно…

Примером «чистой» агрессии являются две войны, которые Франция вела против России в 1812 и в 1854 гг. Оба раза французские войска *перлись* невесть куда от своих рубежей, через всю Европу. То, что к 12-му году Россия с Францией уже несколько раз воевала, французов не извиняет – эти сражения как-никак происходили не на французской территории, так что речь, безусловно, не шла о необходимости защитить французские рубежи от иностранного супостата…

Точно так же Франция выступает «чистым» агрессором в отношении Германии – это французы в XVII в., напав на слабые германские государства, оттяпали исконно германский Эльзас. И в XVIII в. французы были агрессорами, когда вторглись в Пруссию – которая им, кстати, наваляла по первое число.

И наоборот. Невозможно отыскать «чистого» агрессора в долгих франко-испанских войнах, потому что цепочка взаимных обид и претензий уходит, безмерно удлиняясь, в столь глубокую древность, что просто невозможно доискаться, кто в незапамятные времена первым обидел соседа.

Англия является «чистым» агрессором по отношению к Ирландии – ирландцы в Англии с завоевательными целями никогда не высаживались, а вот англичане однажды захватили Ирландию и на сотни лет установили там жесточайший оккупационный режим, некоторые подробности которого ничем не отличаются от эсэсовских зверств, – скажем, милый обычай восемнадцатого века платить денежки тому, кто принесет голову ирландского учителя, который конспиративно обучал ирландских детей ирландскому языку.

Но едва речь зайдет о многовековых сварах Англии и Шотландии, как любая агрессия с той или иной стороны выглядит «относительной». Снова невозможно за давностью лет доискаться, кто первым начал красть соседских овец, насиловать соседских девок и грабить соседские деревни… Вполне возможно, что к этим светлым идеям сопредельные стороны пришли одновременно и начали претворять их в жизнь практически синхронно…

Одним словом, начинает вырисовываться нечто похожее на теорему: когда речь идет о соседях, «чистой» агрессии мы ни за что не найдем. Любая агрессия будет «относительной» – одни всегда имеют возможность заявить, что всего лишь мстили за

старые обиды, другие выищут обиды еще более древние, первые подсуетятся в архивах… И так – до бесконечности.

Я не говорю, что никто не виноват. Я всего лишь считаю, что в подобных случаях следует меньше бросаться терминами «агрессор» и «жертва». Оба хороши. Просто одному в конце концов повезло больше, вот и все…

С этой точки зрения, кстати, неплохо бы поумерить пыл и русским с поляками, взахлеб обвиняющим соседей в агрессивности, а себя выставляющим ангелочками. Здесь та же ситуация: оба хороши. С одной стороны, польско-литовские войска и в самом деле однажды здорово похулиганили в Москве. С другой – следует непременно помнить, что «чертовы ляхи» Москву не штурмом взяли, сломив героическое сопротивление защитников, а въехали туда без единого выстрела, поскольку часть родовитейших русских бояр просто-напросто решила избрать в цари польского королевича Владислава и должным образом ему присягнула. Полезно также вспомнить, что, когда войска Минина и Пожарского держали Москву в осаде, там среди «ляхов» пребывал и будущий государь юный Михаил Романов, и его папенька патриарх Филарет – и отнюдь не в качестве заложников или пленников, патриарх тогда именно на поляков ставил, это он позже стал радетелем русской национальной идеи…

Точно так же полякам не мешало бы помнить, что, во-первых, Польшу разделили не одни зловредные москали, а совместно с пруссаками и австрийцами. Во-вторых, что гораздо принципиальнее, на стороне каждого из трех «делителей» выступала нехилая кучка польской аристократии, по каким-то своим причина выбравшая именно такую линию поведения…

Одним словом, и русским, и татарам следовало бы на будущее воздерживаться от особенно резких телодвижений и особенно жутких терминов. Русско-татарские отношения, многовековые и запутанные, гораздо сложнее примитивной схемы «агрессор – жертва», и это касается *обеих* сторон. На всякую татарскую кривду, учиненную славянам, обязательно сыщется нешуточная обида, нанесенная татарам русскими, и наоборот, и наоборот…

Собственно говоря, рассуждая с долей здорового цинизма (а куда ж без него, когда речь идет об истории и политике?), мы наблюдаем, в сущности, крайне простую ситуацию. После распада Золотой Орды на ее территории возник ряд самостоятельных государств, бывших ордынских улусов – Московский, Крымский, Казанский, Астраханский, Ногайский. Все они, то враждуя, то заключая временные альянсы, чуть ли не двести лет боролись за

полную гегемонию – и у каждого улуса был свой шанс подгрести под себя остальные. Карта легла так, что верх одержал Московский улус. Только и всего…

Кстати, нельзя игнорировать тот очевидный исторический факт, что после 1557 г. не отмечено мало-мальски масштабных мятежей татар, имевших сепаратистские цели. Даже в жуткие времена Великой Смуты, когда на территории Руси куролесили сразу несколько властей (то есть не было никакой власти), казанские и прочие татары в массе своей, что любопытно, сражались обычно на стороне «центрального правительства», даже не заикаясь о воссоздании Казанского или Астраханского царства. Чистокровные славяне, между прочим, сплошь и рядом то полякам служили, то грабили русские же земли, то поддерживали и вовсе уж уродских самозванцев – а вот татары исправно служили России… Это позволяет думать, что с некоторых пор они себя без России не мыслили – ведь в Смуту пуститься в «самостоятельное плаванье» было бы легче легкого…

На этом мы и закончим рассказ о взятии Казани.

К концу пятидесятых годов шестнадцатого века на юге сложилось нечто вроде военно-стратегического равновесия. Крымское ханство было достаточно сильным, чтобы устраивать на Русь набеги (в 1571 г. Девлет-Гирей даже Москву взял и старательно выжег), но вот отобрать у русских Казань с Астраханью у Крыма уже была кишка тонка. А Московия, в свою очередь, завоевать Крым никак не могла – чтобы не столкнуться нос к носу с могучей Османской империей со всеми вытекающими отсюда для России печальными последствиями. Паритет, одним словом. На юге, можно сказать, устаканилось.

И тогда Иван Грозный решил прорваться к Балтийскому побережью. Для этого следовало завоевать *территорию* под названием Ливония.

Я не зря употребил именно такое определение. Потому что не существовало такой *страны* Ливонии, была именно *территория,* где происходила такая оперетка, что сам черт ногу сломит и без бутылки не разберется…

Судите сами. Главной силой в Ливонии был духовно-рыцарский Ливонский орден, именовавшийся еще орденом меченосцев – вовсе уж пережиток седой средневековой старины. Когда-то это была грозная сила, огнем и мечом покорившая Прибалтику, но с тех пор много воды утекло. Ливонские рыцари уже не горели особенным желанием класть животы свои за торжество святой христианской веры – и вместо былых крестовых походов порой совершали грабительские рейды в окрестные страны, в том числе и на русскую землю. В военном отношении

орден из себя уже ничего собственно, не представлял, господа рыцари жили со всеми удобствами и главным образом развлекались пирами и прочими увеселениями. Но как бы там ни было с упадком и ленью, орден сохранил все свои земли, крепости и замки и являлся главной силой в Ливонии.

Кроме ордена, в Ливонии имелось еще пять чисто духовных владык: архиепископ Рижский, епископы Дерптский, Ревельский, Эзельский и Курляндский. Все они владели кое-какими городами, замками и землями, признавали над собой власть только папы римского – а поскольку папа жил в значительном отдалении, на другом краю Европы, то контроля за пятеркой духовных лиц не было никакого, чем они и пользовались вовсю…

Кроме Ордена и пятерки духовных, существовало еще довольно многочисленное рыцарское сословие – человек примерно сто пятьдесят. Каждый владел замком и землями, каждый теоретически был вассалом либо ордена, либо кого-то из духовных владык – ну а на практике был относительно независим по причине общей неразберихи и отсутствия сильной власти.

Часть крупных городов, в том числе Рига, Ревель и Дерпт, где были резиденции помянутых духовных лиц, в то же время пользовались значительной автономией и самоуправлением – что частенько любили демонстрировать и епископам, и ордену по делу и без дела.

Единственным учреждением, кое-как объединяющим этот зоопарк, были вот уже сто пятьдесят лет так называемые Вольмерские ландтаги, некое подобие парламента, собиравшее в городе Вольмере уполномоченных от ордена, духовных владык, рыцарей и городов. Теоретически решения этих собраний были обязательными для всей Ливонии и для всех сословий, ну а в реальности, если кто-то начинал выступать, управы на него нельзя было найти никакой.

Были и еще кое-какие дополнительные обстоятельства, добавлявшие горючего материала. Во-первых, все вышеперечисленные сословия – рыцари, духовенство, горожане – состояли исключительно из немцев с небольшим процентом славян. А предки нынешних эстонцев, латышей и частью литовцев были поголовно крепостными и бесправными – готовыми при любой заварушке всадить немчуре вилы в бок. Что внутренней стабильности Ливонии не прибавляло. Во-вторых, часть ливонских городов примкнула к протестантам, и там начали громить католические церкви (а заодно, не делая особых различий, разнесли по камушкам и несколько православных церквей). Ко всем прежним сложностям добавилась еще грызня меж протестантами и католиками (которых поддерживали и

разозленные сносом своих храмов православные). Ну, а эстонцы, латыши и литовцы, крестившись исключительно для вида, втайне исполняли древние языческие обряды…

Как видим, Ливония была, как бы это поделикатнее выразиться, весьма экзотической территорией… К моменту взятия Грозным Астрахани там, упомянем уж кстати, случилась очередная заварушка: орден воевал с архиепископом из-за какой-то ерунды, дерптский епископ принял сторону ордена, выступив, таким образом, против своего собрата по церкви. Орденские кнехты совместно с солдатами архиепископа принялись воевать против епископа. Люди последнего взяли архиепископа в плен и посадили под замок. Тут кто-то, так и оставшийся неизвестным, ухлопал польского посла. Польский король пришел с войском и принялся колошматить всех подряд… Черт ногу сломит, одним словом. Кое-как утихомирились.

Грозный начал собирать войска…

Никак нельзя сказать, что русские имели права на *всю* Ливонию – но никто не мог отрицать, что когда-то *часть* ее была русскими владениями. Город Дерпт был в свое время основан Ярославом Мудрым и первоначально именовался Юрьевом, пока его не захватили в XIII в. пришлые тевтонские рыцари. Да и кроме Юрьева, были еще земли, на которые Московия могла претендовать всерьез.

Кроме того, Ливония на протяжении многих лет вела себя откровенно враждебно по отношению к России, пытаясь установить своеобразную блокаду, отрезавшую Москву и от Балтийского моря, и от Европы вообще, поскольку сама слабела с каждым годом и прекрасно понимала, к чему приведет усиление русских…

Тем более что ливонцы себя проявили отнюдь не добрыми соседями. О некоторых их милых добрососедских привычках писал историк того времени из Речи Посполитой Михалон Литвин: «У ливонцев московитов убивают, хотя московиты и не заняли у них никаких областей, будучи соединены с ними союзом мира и дружбы. Сверх того, убивший московита, кроме добычи с убитого, получает от правительства известную сумму денег».

Поведение необычное даже для того жестокого века. Даже наши исконные неприятели, поляки, так себя никогда не вели. Да и никто себя так не вел. Явление для Европы уникальное: в мирное время полагается награда тому, кто *просто так* убил жителя сопредельного государства…

Еще в 1501 г. ливонцы вторгались на Русь, захватили было Псков, но русский воевода Данила Щеня чувствительно им приложил, так что немцы запросили «вечного мира». Отыгрались

они в 1547 г., во время знаменитого «дела Шлитте».

Саксонец Шлитте, будучи в Москве, получил от молодого царя Ивана Васильевича задание – нанять в Европе и привезти на Русь мастеров, художников и прочих специалистов. Шлитте поручение выполнил и двинулся в Россию во главе «группы специалистов» из ста пятидесяти человек. Там были архитекторы, оружейники, литейщики, живописцы, скульпторы, каменщики, мельники, рудознатцы, слесаря и кузнецы, каретных дел мастера, типограф и органист, медики, аптекари и даже парочка католических богословов, которые тоже молодому царю зачем-то понадобились. Как видим, Иван Васильевич всерьез намеревался перенимать иностранный опыт как можно шире – задолго до Петра I, который якобы первым до такого додумался.

Ливонцы забеспокоились – им было совсем ни к чему, чтобы Московия перенимала передовые европейские технологии. В Любеке Шлитте под предлогом неуплаты какого-то старого долга задержали аж на два года, так что часть его специалистов к тому времени разбрелась кто куда. С оставшимися он попытался все же добраться до России – но, уже в Ливонии, его вновь перехватили и упрятали в тюрьму. Вдобавок ливонцы выхлопотали у германского императора указ, по которому имели право не пускать в Россию никаких «иностранных специалистов», даже если они туда ехали по собственному желанию и паспорта у них были в полном порядке. Из тюрьмы Шлитте кое-как освободился, но его люди, видя такое дело, разбежались окончательно, только считанные из них все же достигли России. Больше всех не повезло некоему «пушечному мастеру Гансу». Ливонцы его поймали на дороге в Россию и посадили в тюрьму. Ганс, должно быть, парень добросовестный и упрямый, из тюрьмы бежал – и вновь попытался добраться до Московии. Его поймали уже возле самой русской границы – и отрубили голову…

Одним словом, Ливонию никак нельзя было считать дружественным соседом. К тому же возник спор из-за неуплаченной ими дани. Полсотни лет назад, проиграв войну, ливонцы согласились платить Москве ежегодную дань с Дерптской волости, которая когда-то была русской Юрьевской, однако так и не заплатили ни гроша. За пятьдесят лет набежала приличная сумма, но ливонские послы, простодушно кругля глаза, стали упрашивать простить им старый должок: ну нету у них денег! На что русские дипломаты резонно отвечали: а обязательство-то? Сами подписали и печать приложили!

Ливонцы упросили подождать три года. Русские согласились. Через четыре года ливонцы заявились опять-таки без гроша – да вдобавок стали просить не только простить старые долги, но и

вообще отменить «Юрьевскую дань» как совершенно непосильную для бедного, нищего народа – кстати сказать, Ливония жила весьма даже зажиточно и славилась на всю Европу своими многонедельными праздниками, кутежами и гулянками. Не русские, а сами же ливонские летописцы прилежно описывали всю эту разгульную жизнь и уточняли: вино в Ливонии еще пили из скромных кубков, куда влезала всего-то бутылка-другая, а вот пиво хлебали из таких чаш, в которых «впору было детей крестить». Так что немцы откровенно прибеднялись, о чем им и заявили – а вдобавок припомнили многочисленные обиды, чинимые русским купцам, и разрушенные в полудюжине городов православные церкви. Послы разводили руками и твердили, что денег у них нету, а за протестантов они не ответчики.

Переговоры, таким образом, кончились ничем. Послы уехали. На прощанье им на званом обеде подали пустые блюда – мол, с пустыми руками приехали, из пустых тарелок и хлебайте…

В Москве взвешивали, прикидывали и рассуждали. По всему выходило, что особых сложностей из-за Ливонии с сопредельными государствами не предвидится. С Данией отношения были, в общем, традиционно нормальными. Литву надеялись заинтересовать военным договором против крымских татар (которые и Литве доставляли немало бед). Швеция только что фактически проиграла войну с Россией 1554–1557 гг.

В январе 1558 г. в Ливонию широким фронтом вторглась московская армия, состоявшая не только из русских, но и из отрядов касимовских и казанских татар и союзных России «черкесов» (как тогда скопом именовали некоторые кавказские народы). Командовал ею наш старый знакомый Шигалей, к тому времени ставший касимовским царем, а заместителями у него были дядя царя Михаил Глинский и брат царицы Данила Захарьин.

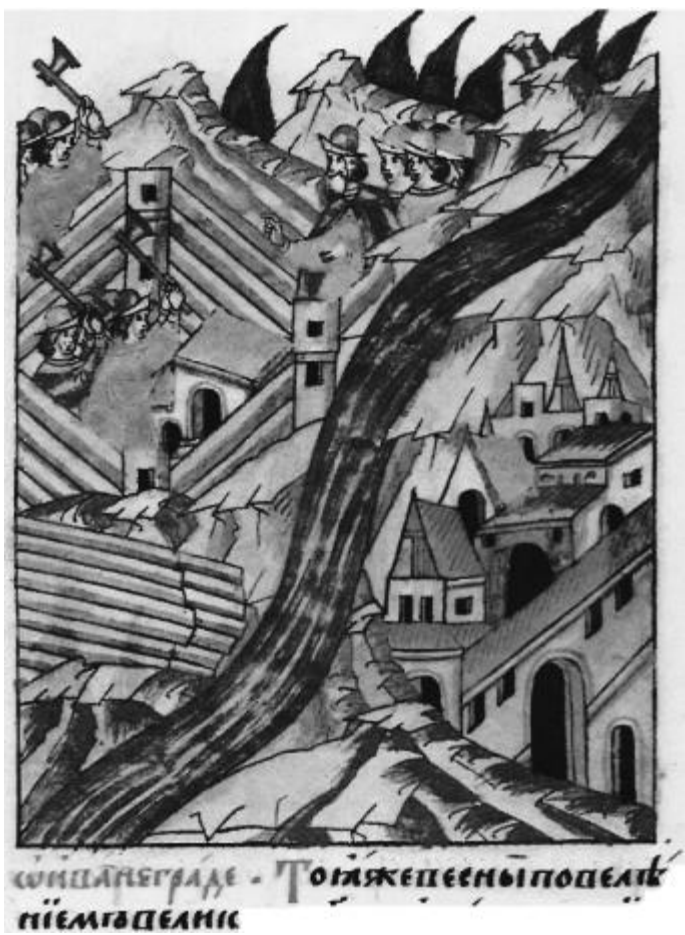
Сорокатысячная армия прошла Ливонию на сто пятьдесят верст в длину, рассыпавшись на сотню верст в ширину, взяла большую добычу и вернулась в Псков. Оттуда Шигалей послал ливонским властям грамоту, где писал (или за него написали), что государь Московский «присылал свою рать покарать ливонцев за их неисправление» и готов простить, если они как следует ударят челом.

Бить челом ливонцы кинулись с превеликой охотой и в величайшей спешке. Вопреки заверениям о своей непролазной нищете, быстренько собрали шестьдесят тысяч талеров и отправили в Москву посольство – каяться, пускать слезу и уверять о недопущении впредь любых безобразий.

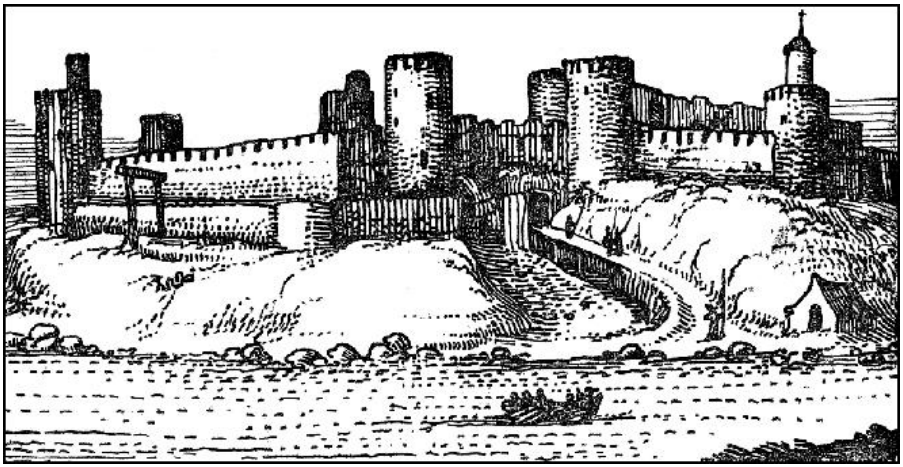
Однако, не успело посольство добраться до Москвы, как

ситуация резко изменилась – по вине самих немцев…

На левом, высоком берегу реки Наровы располагался город Нарва – ливонский, широко укрепленный, с пушками на стенах. На правом, значительно ниже, стояла поставленная еще Иваном III крепость Ивангород. Было время великого поста, и жители Ивангорода отправились в церковь. В Нарве обитали главным образом лютеране, которые в эту пору пили пиво и веселились. Потехи ради они стали со своего высокого берега палить по ивангородцам и нескольких убили. Русские, соблюдая перемирие, отвечать не стали, но послали гонца к царю. Царь, не раздумывая, отдал приказ: бей по еретикам! (Православные, как и католики, к протестантам относились крайне неодобрительно, и лютеранскому проповеднику, если ему жизнь дорога, в те времена на Руси появляться не следовало.)

Ивангород. 1492 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода

Вид Нарвы. Гравюра. XVIII в.

Воеводы Ивангорода обрадованно жахнули по Нарве изо всех пушек и пищалей. Немцы мгновенно протрезвели, прислали парламентеров, которые за все покаялись и объявили, что переходят в русское подданство.

Грозный отправил к новым подданным в качестве гарнизона отряд стрельцов. Но в Нарву тем временем подошло подкрепление в тысячу человек, и городские власти начали вилять: дескать, и стреляли спьяну, и о подданстве сказали спьяну, понарошку, а официальное руководство ничего такого не задумывало…

Тут в Нарве неизвестно отчего возник огромный пожар (должно быть, пьяные немцы баловали со свечками где-нибудь на сеновале). В городе началось смятение. Русские, усмотрев в этом отличный шанс, бросились на штурм. Гарнизон, для порядка постреляв, быстренько сдался в обмен на свободный выход из города. Разгорячившиеся русские с ходу взяли еще парочку городов и замков за Нарвой – к чему останавливаться, если карта прет? Вот так, достаточно неожиданно, в руках у Грозного оказалась Нарва, город-порт на Балтике, и царь стал в темпе устанавливать торговые отношения непосредственно с Европой, минуя ливонцев и посредников в лице Ганзейского союза. Планы у Грозного, как всегда, отличались дерзостью и размахом: прекрасно понимая, что без военного флота нормальной морской торговли не обеспечить, он стал вооружать пушками захваченные в Нарве немецкие суда и нанял целую группу опытных испанских, английских и немецких капитанов. Это был первый русский военный флот на Балтике!

В Нарве Грозный вовсе не думал зверствовать, грабить и тиранить новых подданных. Он искусно воспользовался тем, что

Нарва давным-давно враждовала с близлежащим Ревелем: Нарву ревельские купцы отодвинули от торговли с Москвой. Русские собрались осаждать ганзейский Ревель и Дерпт, а Нарве царь тут же объявил немалые привилегии: город освободили от постоя войск, разрешили свободу вероисповедания и беспошлинную торговлю по всей России, а в ближайшие ливонские деревни отправили зерно для посева, быков и лошадей. В Нарве все это приняли, нетрудно догадаться, с большим энтузиазмом.

Война началась *всерьез* – если действия Шигалея были не более чем обычным карательным *набегом,* а взятие Нарвы, в общем, случайностью, то теперь в Ливонию двинулись регулярные войска с артиллерией, методично занимая замки и города, которые сдавались очень быстро. Вскоре русские заняли Дерпт захватив там более пятисот пушек. Крепостные «чухонцы», видя такой поворот событий, возликовали и начали пырять немцев вилами в спину при малейшей возможности, где только удавалось. Многие рыцари, не собираясь щеголять воинской доблестью, при первых известиях о появлении в округе московитов бежали из своих замков, прихватив столовое серебро и чад с домочадцами. Русские войска, которыми руководили как московские князья, так и татарские царевичи, шли вперед…

Тут зашевелились сопредельные державы, все без исключения. Непосредственно прилегающие к театру военных действий в один голос закричали о вопиющей несправедливости, которую учинили «московские варвары». Несправедливость заключалась в том, что Русь посмела завоевывать Прибалтику для *себя,* а это, по мнению окрестных королей, было неправильно. По их просвещенному европейскому мнению, Прибалтика как раз исторически тяготела именно к их державам. Датчане стали громко вспоминать, что это они, собственно, и основали Ревель-Таллинн (и были, надо сказать, совершенно правы, потому что «Таллинн» и означает «датский город»). Шведы напирали на то, что в незапамятные времена, когда и Москвы-то не существовало, в Прибалтике уже высаживались доблестные шведские ярлы Эйнар Драные Портки и Эйрик Белая Горячка (и тоже, в принципе, не особенно врали – мало ли викингов, проплывая мимо, останавливались на бережку пожевать сушеных мухоморов и наловить чухонских девок). Поляки и литвины тоже поминали седую древность, но, разумеется, с упором на подвиги собственных витязей (которые, правда, не могли подтвердить документально).

Да и другие державы пришли, выражаясь языком психиатров, в состояние крайнего возбуждения. Срочно собрался княжеский съезд Священной Римской империи, и начался несусветный гвалт.

Больше всего старался Альберт Мекленбургский, чьи владения непосредственно примыкали к Ливонии. Он более других боялся, что русские и его ненароком завоюют, а потому, как водится, напирал на угрозу, которую «московский тиран» несет просвещенной цивилизованной Европе. Более всего его волновало уже упоминавшееся решение Грозного завести на Балтике свой военный флот. Ему вторил Август Саксонский: «Русские быстро заводят флот, набирают отовсюду шкиперов, когда московиты усовершенствуются в морском деле, с ними уже не будет возможности справиться…»

Решено было обратиться к нидерландским и английским властям, чтобы они перестали доставлять оружие и прочие товары «врагам всего христианского мира» (что ничуть не подействовало ни на голландцев, ни на англичан, которых события в Прибалтике напрямую не касались, зато торговать с Грозным было крайне выгодно). Провалилась и попытка привлечь к борьбе с Грозным Испанию – у той хватало своих забот, к тому же испанцы были добрыми католиками, а орали о московском варварстве и просили помощи большей частью протестанты…

И совсем скоро Ливония начала *рассыпаться,* как неумело сложенная поленница. Первым не без некоторого изящества ухитрился соскочить с тонущего корабля епископ Эзельский. Этот хитрован, недолго думая, попросту продал датскому королю свое епископство – остров Эзель и земли на материке. На что не имел никакого юридического права без согласия Ватикана и ордена – но в тогдашней Ливонии и не такие фокусы сходили с рук. Ссыпав денежки в мешок, епископ от греха подальше рванул в родную Вестфалию, где быстренько перешел в протестантство, женился и зажил помещиком. Датский король передал эти земли своему младшему брату Магнусу (о трагикомической судьбе этого клоуна я еще расскажу позже).

Ревельский епископ, узнав, какой великолепный гешефт только что провернул коллега, резонно решил: а я чем хуже? И быстренько продал свое епископство тому же Магнусу. Но вот тут датчане крупно просчитались, и честно уплаченные денежки пропали: город Ревель и прилегающая провинция отчего-то питали гораздо больше расположения к шведам, которым незамедлительно и отдались в подданство. Датчане, как любой на их месте, ужасно негодовали (денежки-то заплачены честно! и немаленькие!), но шведы в темпе высадили в Ревеле своих солдатиков и заявили, что знать ничего не знают ни о каких финансовых сделках – а воевать с ними у Дании кишка была тонка.

Видя вокруг такой бардак, магистр Ливонского ордена Кетлер

понял, что и ему необходимо срочно устраивать жизнь на новый лад, иначе непременно сожрут с потрохами и косточек не выплюнут. Голову он ломал недолго – у него был перед глазами великолепный пример магистра Тевтонского ордена, который лет тридцать назад ухитрился *прихватизировать* орден в точности так, как это в недавние времена в России проделывали с заводами и нефтяными скважинами. Воспользовавшись тем, что в Германии кипела Реформация и протестанты увлеченно дрались с католиками, магистр вдруг объявил, что в соответствии с изменившимися историческими условиями (отсутствие вокруг язычников и т. д.) орден он распускает, а вместо него создает вполне светское государство, герцогство с самим собой во главе. Германский император, осерчав, официально низложил новоявленного герцога, а папа римский вообще отлучил от церкви – но ни у того, ни у другого не было никакой возможности подкрепить свои грозные указы какими бы то ни было практическими мерами. И герцог, принеся вассальную присягу польскому королю, зажил припеваючи. Впоследствии именно из этого герцогства и возникло Прусское королевство.

Так что Кетлеру не пришлось особенно и напрягать фантазию. Бывшие орденские земли он объявил светским Курляндским герцогством, а герцогом, разумеется, назначил себя, утверждая, что никто лучше него не знает обстановку, и вообще… И тоже принес вассальную присягу польскому королю, за широкой спиной которого мог не бояться ни императора, ни папы…

Единственной независимой территорией в этом хаосе остался город Рига. Рижские немцы поначалу собирались оставаться суверенным государством, но очень скоро поняли, что в нынешней обстановке самостоятельно не выживешь, непременно кто-нибудь сожрет, не московиты, так шведы, не датчане, так поляки, да и Курляндия облизывается… В конце концов и они перешли под покровительство польского короля, выговорив себе некоторое самоуправление.

Одним словом, с прежней Ливонией было покончено.

Правда, намеченных целей Иван Грозный в Прибалтике не достиг. Еще двадцать лет, до самой его смерти, Россия воевала со шведами и поляками, по сути, продолжая Ливонскую кампанию, – и в конце концов лишилась многих приобретений. На этом основании иные критики Грозного до сих пор привычно талдычат о «бесполезной» Ливонской войне, а некоторые даже уверяют, что весь поход затевался якобы оттого, что Грозный «хотел пограбить Прибалтику» (судят, вероятно, в меру собственной испорченности). Ну, и хорошим тоном считается среди

ужасающейся «зверствами Грозного» либеральной публики талдычить о «неслыханных зверствах», которые русские совершили в Прибалтике.

Со всем этим следует разобраться подробно. Начнем с того, что зверств действительно хватало – во время *первого* этапа войны, похода Шигалея. Вот *это* действительно был не более чем глубокий рейд, а называя вещи своими именами, набег, имевший целью разорить и выжечь все, что только удастся.

Но в том-то и дело, что это не было «уникальными московскими зверствами». *Вся Европа* тогда воевала именно таким манером: благородные европейские полководцы, двинувшись на соседей, преспокойно выжигали и опустошали целые провинции – даже не из садизма или корыстолюбия, а просто потому, что так в те времена *было принято*. Документальных свидетельств на сей счет сохранилось столько, что их и цитировать не стоит.

(Кстати, те, кто в нашем отечестве возмущаются «зверствами Грозного в Прибалтике», старательно умалчивают о том, что Петр I на первом этапе войны со Швецией вел себя точно так же: русские летучие отряды вторгались на территорию Швеции исключительно для того, чтобы превратить те или иные районы в выжженную землю. Это проводилось и на государственном уровне – будущий фельдмаршал Шереметев, и даже в результате «частной инициативы: некий поп собрал ватагу добровольцев и немало покуролесил в Швеции, о чем одобрительно упоминал тогдашний официоз, первая русская газета «Ведомости», старательно перечисляя, сколько всего удалой батюшка сжег-порушил и сколько пленных привел на продажу. Но, как уже говорилось, Петр числится «прогрессивным» деятелем, а Грозный той же специфической публикой почитается за «безумного тирана»…)

На самом деле продвижение Грозного к Балтийскому морю, конечно же, было не блажью и не грабительским рейдом, а вызывалось насущнейшими государственными потребностями. России, как показали события последующих веков ее истории, жизненно необходимы были порты на балтийском побережье.

Другое дело, что Грозный, будем откровенны, серьезно просчитался. Во-первых, он не предвидел, что столкнется со столь яростным и последовательным сопротивлением со стороны почти всех прилегающих (и не особенно прилегающих) держав, за исключением разве что Дании, которой хватало и того, что она уже прикупила (отметим кстати, что датчане – единственные, кто честно покупал земли и расплачивался до копеечки, все остальные игроки попросту захватывали вооруженной силой все,

до чего могли дотянуться).

Ну что поделать. Просчитался Грозный – со всяким может случиться… Не впервые в мировой истории, и в русской тоже. Тому же Петру отчего-то восторженные почитатели не ставят в вину провал Прутского похода – а ведь редкостное по своему идиотизму и бездарнейше проигранное в военном смысле было предприятие, основанное опять-таки на оказавшихся глубоко ошибочными расчетах… Точно так же Россия Николая I ввязалась в Крымскую войну на основании ошибочных прогнозов: резидентура русской разведки в Париже вместо верной информации потоком гнала дичайшую лажу, которую выдавала за истину, – и в результате Петербург основывался на выдумках, не имевших ничего общего с реальностью…

Необходимо отметить, что, в противовес иным мнениям, в этом сплочении Запада против России не было и тени пресловутой русофобии. Просто-напросто тогдашние «великие державы» были крайне возмущены появлением нового игрока, осмелившегося подражать большим. Двести лет спустя европейские «старшие пацаны» точно так же дружно обрушились на прусского короля Фридриха Великого, когда он посмел, вот нахал, вести себя подобно «великим державам»: что-то завоевывать, на что-то в Европе влиять. В адрес «выскочки», нагло покусившегося на привилегии «старших», тоже было говорено немало пылких словес касаемо «тевтонских варваров», угрожающих «европейской цивилизации». Одним словом, «серьезные игроки» вели себя согласно русской пословице: «Что игумену дозволено, то братии – зась!» (т. е. запрещено). Отличие только в том, что Фридрих «защитников европейской цивилизации» чувствительно отвозил по мордам, а Грозному это не удалось… В мировой истории масса примеров, когда высшее руководство той или иной страны совершало промахи, просчеты, неправильно оценивало перспективы – вот только за рубежом как-то не принято с упоением лить помои и вешать всех собак на крупные фигуры прошлого…

Во-вторых, значительная доля вины за провалы в Ливонии лежит именно на Алексее Адашеве, который к тому времени давно уже забрал в свои руки иностранные дела. В любой военной кампании долю вины обычно несет не только верховный главнокомандующий и генералы, но и глава внешнеполитического ведомства – потому что дипломаты обязаны воевать на *своем* фронте, поддерживая усилия руководства страны и военной верхушки.

Вот этого-то как раз от Адашева и не дождались. *Свой* участок работ он завалил безнадежно. Он, как мы помним, был яростным

сторонником войны именно с Крымом, а ливонской кампании противился, как мог. В самый разгар Ливонской войны, когда на счету была каждая пушка и каждая сабля, он как раз и продавил каким-то образом лихую экспедицию своего брата в Крым, которая выглядела очень эффектно, но стратегического значения не имела, наоборот, едва не столкнула Москву лоб в лоб с военным гигантом – Османской империей. В условиях, когда Россия вела войну в Ливонии да вдобавок ожидала вторжения то ли шведов, то ли поляков, то ли и тех, и других вместе, только двинувшейся на север турецкой армии не хватало для полного счастья…

В Ливонии Адашев устраивал весьма странные «временные перемирия», которые были выгодны исключительно ливонцам. В конце концов, как уже говорилось, Грозный снял его со всех «гражданских» дел и вместе с братом отправил командовать войсками в Ливонию – но оба братца и там подвели. В январе 1560 г. русские войска начали широкомасштабное наступление, взяли Мариенбург, одну из сильнейший крепостей Прибалтики, к лету заняли после упорного штурма и замок Феллин, бывшую главную резиденцию орденских магистров, захватили почти всю орденскую артиллерию. По всей Эстляндии крепостные восстали против немцев, возник реальный шанс одним сильным ударом завершить войну…

Все рухнуло из-за того, что братья Адашевы, как деликатно выражается один известный историк, «не использовали благоприятной обстановки». За этими обтекаемыми формулировками скрывается то, что их войска так и простояли в непонятном бездействии, да вдобавок не выполнили прямого приказа Грозного идти на штурм Ревеля. Объяснение есть одно-единственное и довольно шаткое: якобы Адашевы опасались контрудара литовских войск, уж так опасались, так опасались, что предпочли не трогаться с места и нарушить приказы своего Верховного…

Золотой крест, изготовленный по велению царя Ивана IV в память о победе Руси в Ливонии. 1560 г.

В следующей главе я расскажу о кое-каких обстоятельствах, сопутствовавших топтанью Адашевых на месте, и мы убедимся, что история эта начинает выглядеть вовсе уж неприглядно…

В общем, когда Алексей Адашев и в роли военачальника провалил все, что только мог, Грозный… нет, «тиран» его не велел ни казнить, ни бросить в темницу. Всего лишь отправил комендантом в замок Феллин, а потом перевел в Дерпт-Юрьев под начальство тамошнего воеводы. Там-то Адашев и умер под арестом при обстоятельствах, которые тогда некоторые считали самоубийством. А поп Сильвестр, как уже говорилось, ушел в дальний монастырь. Избранная рада прекратила свое существование – но до сих пор гуляет легенда, что именно ее члены – гении, мудрецы и великолепные управленцы – как раз и придумали-провели все грандиозные реформы Грозного… Что истине не соответствует нисколечко. Хотя бы потому, что *без* Грозного они сами по себе мало что стоили и уж безусловно не могли проводить какие бы то ни было реформы, а значит, Грозный был как минимум крепким организатором, ставившим задачи и привлекавшим исполнителей…

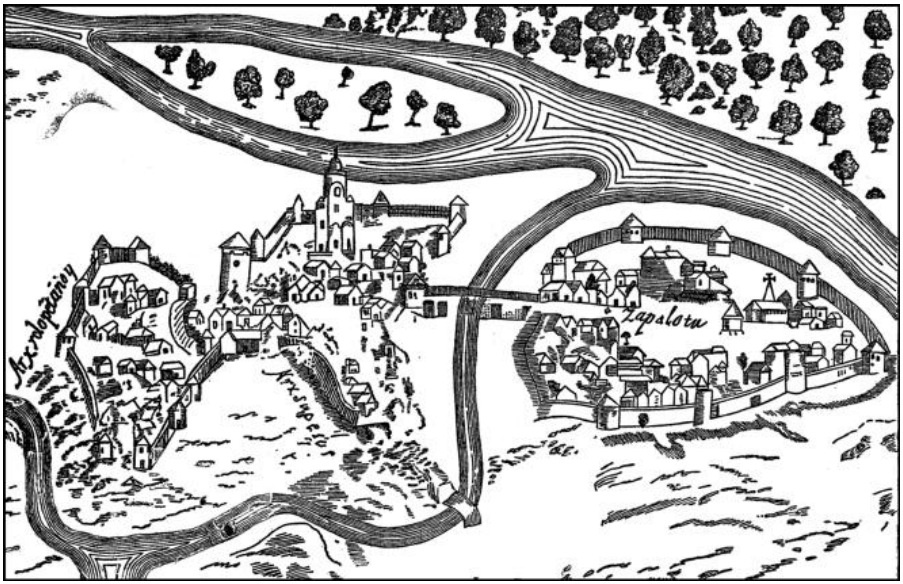
Вот так и вышло, что Ливонская война повлекла за собой другую, почти двадцатилетнюю, с поляками и шведами (главным

образом с поляками). Протесты германского императора по поводу появления русских в Ливонии сам Грозный, без посредства каких-то «мудрых советников», отразил, надо сказать, весьма изящно, не без здорового цинизма. Он велел передать императору, что начал войну против ливонцев из-за того, что они… впали в ересь и отказались от католицизма: «переступили Божью заповедь» и «впали в Лютерово учение».

Император озадаченно заткнулся. Он прекрасно понимал, что над ним тонко издеваются, но никак не мог *вслух* осуждать *эти* слова Грозного: поскольку сам боролся в Германии с лютеранством… Ну нечем было крыть! Ливонцы в самом деле значительной частью отпали от католичества, настолько, что епископы торговали своими епархиями, а магистр ордена приватизировал этот самый орден…

Решив тоже провести тонкую интригу, император стал усиленно склонять Грозного к совместному выступлению против Османской империи – но Грозный прекрасно знал, что увязшая в своих внутренних распрях Священная Римская империя быть полноценным союзником в столь серьезном деле попросту неспособна и русские в случае чего останутся со Стамбулом один на один. А потому предложение вежливо отклонил.

В 1569 г. Польша и Великое княжество Литовское, испуганные русскими успехами в Прибалтике, слились в одно государство – Речь Посполитую. Произошло это после того, как русские войска взяли Полоцк – в те времена мощную пограничную крепость, стоявшую на путях из Литвы в Ливонию и прикрывавшую столицу Литвы Вильно. Взятие считавшейся неприступной крепости заняло лишь две недели – но об этой блестящей победе русского оружия как-то и вспоминать не принято на фоне привычных проклятий в адрес «безумного тирана». Между прочим, «безумный тиран» особым указом предписал новым русским властям Полоцка, чтобы они при возникновении такой необходимости судили жителей не по законам Московского царства, а по *прежним* полоцким. Но и об этом мало кто помнит…

Вид-план Полоцка в XVI в. Рисунок. 1579 г.

Необходимо еще уточнить, что чуть ли не двадцатилетняя война Речи Посполитой против Москвы вовсе не была железной неизбежностью. *Здесь* дело не в каких-то просчетах Грозного, а исключительно в том, что на польский престол был избран умный, деятельный, способный военачальник Стефан Баторий, он же Штепан Боатори, трансильванский князь. Это и решило все. Окажись на троне слабая и бесцветная личность, война приняла бы совершенно иной оборот – все-таки *личность* в истории играет огромную роль. Кстати, знающим язык рекомендую упомянутую в библиографии «Альтернативную историю» – польские (весьма титулованные) историки в отличие от наших вовсе не считают ересью рассуждать о «развилках» истории с точки зрения «что было бы, если бы…» Поэтому открывается простор для исследования интереснейших тем: что было бы, если бы именно Ивана Грозного все же избрали в 1572 г. польским королем? Что было бы, если бы королем стал не Стефан Баторий? К сожалению, в рамках данной книги этих тем мы трогать не будем: она посвящена исключительно тому, что *было*…

Польский король Стефан Баторий

А поскольку я всегда старался упоминать не только о трагедиях, предательстве, измене и крови, то, чтобы немного позабавить читателя и отвлечься самому от интриг и крови, расскажу о фигуре, безусловно, комической – о так называемом ливонском короле Магнусе. Уж *эта* история – действительно юмористическая и служит хорошей иллюстрацией к рассказу о том хаосе, что стоял в Ливонии…

Мы недавно видели, как эзельский епископ (фамилию которого одни источники приводят как Менигхаузен, а другие как… Мюнхгаузен) продал свое епископство за приличную сумму датскому королю – а тот сделал герцогом этих земель своего младшего брата Магнуса. Вскоре Магнус прикупил и Ревель с окрестностями, но оттуда его быстренько выставили шведы, ничего не желавшие слышать о честной купле-продаже. И остался молодому Магнусу один Эзель…

Эзель – это довольно маленький островок. Там и сегодня, говорят, скучновато, а уж в шестнадцатом веке и вовсе была тоска кромешная. Молодой человек очень быстро понял, что в данных обстоятельствах его пышный герцогский титул звучит достаточно-таки издевательски. Но куда было податься? В Копенгагене сидел королем его старший брат, человек еще не старый и со своими детьми-наследниками. С *этой* стороны Магнусу ничего не светило. В Ревель ему настоятельно не рекомендовали соваться шведы, намекая на разные нехорошие случайности, – а шведы были ребята серьезные и крови не боялись. Тоска, хоть волком вой…

Тут-то к Магнусу, подняв воротники, с черного хода проскользнули два шустрых ливонских немца, господа Таубе и Крузе, и с ходу поинтересовались:

– Майн герр, вам тут не скучно?

Магнус, вероятнее всего, так тоскливо вздохнул, что вороны за окном шарахнулись.

Тогда немцы, приободрившись, вкрадчиво спросили:

– А вот, скажем, королем стать не хотите? Ливонским? Можем устроить…

Эти два мелких литовских дворянчика, надобно вам знать, нисколечко не шутили – поскольку были личными агентами Ивана Грозного и дело предлагали серьезное! Грозный, прекрасно понимая, что сам всю Ливонию завоевать ни за что не сможет, решил подыскать подходящую подставную фигуру, которую можно произвести в «короли», отправить завоевывать остальное – и, разумеется, держать своим вассалом. Сначала он хотел использовать для этой цели взятого в плен ливонского магистра Фирстенберга, но тот расхворался и помер – должно быть, от огорчения. Тут и подвернулись Таубе с Крузе, тоже пленные, безусловно, ловкачи и пройдохи, если ухитрились как-то обратить на себя внимание Грозного и завербоваться к нему в тайные агенты для особых поручений.

Сначала-то Грозный отправил их к магистру Кетлеру – но тот в короли не пошел. Он только что приватизировал Ливонский орден, превратив в герцогство Курляндское, ему и так было неплохо. Тогда немцы и использовали запасной вариант – Магнуса. Магнус, помиравший со скуки на своем унылом островке, за предложение уцепился с величайшим энтузиазмом. Тут же поспешил в Москву. Там Грозный обручил его со своей племянницей Ефимией (дочерью Владимира Старицкого), торжественно даровал титул ливонского короля (на что вообще-то не имел никакого права, но это было мелочью на фоне общеливонского бардака) и заставил присягнуть на верность. Дал денег, двадцать пять тысяч войска и отправил в Ливонию. Там Магнус объявил во всеуслышание, что он теперь не кто-нибудь, а ливонский король (стоять-бояться!) и стал зазывать к себе в войско.

К нему набежало немалое число немецких авантюристов, прекрасно понимавших, что король, вообще-то говоря, сомнительный, – но какая разница, если из этого может получиться что-нибудь путное? Магнус двинулся к отвергнувшему его Ревелю и, злопамятно хихикая, его осадил. Осада продолжалась более тридцати недель – но, как говорится, стены замка были крепки, бароны отважны. Ревельцы,

получавшие из Швеции морем припасы и подкрепления, успешно отбивались, крича Магнусу со стен всякие обидные слова. Магнусу пришлось отступить. Боясь царского гнева, он стал искать козлов отпущения – и быстренько таковых обрел в лице Таубе и Крузе: они, мол, обещали, что Ревель сам откроет ворота, а оно вон как обернулось!

Таубе и Крузе прикинули ситуацию и, не питая особенных надежд на милосердие Грозного, сбежали к польскому королю, наобещав и ему с три короба, как недавно Грозному: клялись, что подготовили в Дерпте разговор и город Дерпт в два часа перейдет под польскую корону. Однако и эта авантюра провалилась. Какова была дальнейшая судьба этих прохвостов, мне пока что не известно (но о них мы еще поговорим позже).

Магнус отступал от Ревеля, печально рассуждая, как же жить дальше. Шведы его терпеть не могли, в Польшу тоже нельзя было продаться – он еще несколько лет назад просил руки дочери польского короля, а заодно требовал в приданое и всю Ливонию, но поляки его подняли на смех…

В конце концов он, как ни страшно было, подался в Москву пред грозны очи царя Ивана Васильевича и горестно развел руками: молод и неопытен, мол, обмишурился… прошу не лишать высокого доверия, клянусь оправдать… Все эти мерзавцы, Таубе с Крузе…

Грозный великодушно махнул рукой: мол, с каждым по молодости бывает… Большая игра в Ливонии была еще не кончена, и «короля» не стоило пока что сбрасывать со счетов. К тому же Грозный тогда был с головой погружен в польские королевские выборы.

Подробное исследование этой истории – не тема данной книг. Упомяну лишь, что ситуация была достаточно интересная: кандидатуру Ивана на опустевший краковский трон (столицей Речи был еще Краков) поддерживала главным образом мелкая шляхта, наслышанная, как круто Грозный прижал русских магнатов – и рассчитывавшая, что он точно так же укоротит польских всемогущих вельмож. Означенные вельможи тоже в принципе были не против Грозного – при условии, если он будет охранять и крепить их магнатские вольности (как будто мало было хлопот Ивану со *своими* боярами).

В общем, дело расстроилось, и поляки вместо Ивана избрали Генриха Валуа (который очень скоро, едва присмотревшись к новым подданным, ужаснулся и тайком сбежал назад в Париж). А Иван, улучив свободную минуту, занялся Магнусом. Выдал за него княжну Марью Старицкую, младшую сестру Ефимии (которая к тому времени умерла), и торжественно отпраздновал

свадьбу, причем сам управлял хором певчих. И вновь отправил в Ливонию. На сей раз Магнус с отрядом татарской конницы и немецкими наемниками решил не связываться с суровыми шведами, а поискать добычу полегче. Он отправился в Ригу, занятую поляками. Однако и поляки от Магнуса отбились.

Как ни удивительно, но *кое-какое* королевство Магнус себе все-таки выкроил! Захватил кучу городков помельче, несколько замков… Как ни крути, а получалось что-то похожее на державу: города все-таки были настоящие и замки тоже. И тут, как писали классики, Остапа понесло. Магнус возомнил себя настоящим самодержцем и даже стал письменно требовать от Грозного, чтобы русские не беспокоили его «верноподданных». И завел какие-то шашни с поляками.

Как легко догадаться, Грозный взъярился. Отправился в «столицу» Магнуса Кокенгаузен и без лишних разговоров казнил там пятьдесят человек «приближенных и свиты» «короля ливонского». И велел передать «королю», чтобы немедленно явился к нему для отеческих наставлений.

Магнус, похоже, возгордился настолько, что потерял всякие представления о реальности. К Грозному явились его послы и, пыжась, заявили что-то вроде:

– Наш могущественный владыка, пресветлый и славный король Ливонский Магнус Первый, просил передать…

Грозный крикнул стражу и велел «послов» как следует высечь, что и было старательно исполнено. Потом вновь послал к Магнусу гонца: чтоб как лист перед травой!

Магнус быстренько перед Грозным предстал, трясясь, как устрица на вилочке. Грозный опять-таки зверствовать не стал, а всего лишь выругал Магнуса словесно: я, мол, тебя из грязи в князи произвел, кормил-поил, а ты, смертный прыщ… И ради профилактики велел посадить «короля» на пару дней под замок, в лачугу, на солому. Потом выпустил, простил и даже вернул несколько ливонских городков.

Но тут нагрянули суровые шведы и начали методично отбирать у Магнуса город за городом, при этом именуя его не королем, а совсем другими словами. Магнус окончательно лишился поддержки Грозного – кому нужен столь бесполезный субъект? – и, не видя для себя более никаких шансов, сбежал к полякам. Там он прожил еще десять лет в крайней бедности – но, по сохранившимся сведениям, любил через слово именовать себя королем и требовать от окружающих почтения. Окружающие посмеивались и шапок перед ним не ломали. Когда он умер, его вдова с дочкой вернулась в Россию и постриглась в монахини. Так и кончилась опереточная история первого и единственного

«ливонского короля», о котором датские историки упоминают лишь вскользь. А вот прохвостам Таубе и Крузе повезло гораздо больше – из-за легковерия и неразборчивости иных российских историков они через несколько сотен лет после смерти сделали блестящую, насквозь виртуальную карьеру, чему сами наверняка очень удивились бы…

Но не станем забегать вперед. Поговорим о серьезных вещах. Об интригах, заговорах, изменах и предательствах со стороны русских бояр. Всего этого в шестнадцатом веке было предостаточно.

Либералы-гуманисты, разумеется, громогласно уверяют, что все обвинения в изменах и заговорах, выдвигавшиеся против тех или иных видных фигур Московского царства, – «ложные обвинения». Мотивировки достаточно хлипкие: в который раз голословно утверждается, что Грозный был «безумцем», «тираном» и «садистом», а потому находил особенное удовольствие в том, чтобы возводить на честнейших людей самые грязные и фантастические обвинения. Действует этакая антилогика: человек объявляется невиновным исключительно на основании того, что его в измене обвинил Грозный.

Ну, а как же дело обстояло в действительности? Попробуем это рассмотреть достаточно подробно и беспристрастно, привлекая только те случаи, когда в измене и предательстве того или иного лица не сомневаются и историки (чьи книги, к сожалению, выходят крохотными тиражами)…

Глава восьмая. Кавалеры чугунной медали

Даже у Петра I иногда все же мелькали дельные мысли и толковые идеи. После того как украинский гетман Мазепа, «выбрав свободу», переметнулся к шведам, Петр распорядился изготовить особую «иудину медаль»: из чугуна, весом в десять фунтов (четыре килограмма), с изображением повесившегося на осине Иуды и валяющимся тут же кошелем, из которого просыпались полученные за предательство «иудины сребреники». В случае поимки предателя ему предполагалось повесить эту медаль на шею – почествовать, так сказать.

Идея, безусловно, хорошая – и, насколько я знаю, уникальная в мировой истории. К сожалению, Мазепа так и не попал в руки русским, и награда осталась неврученной (что с ней стало далее, мне неизвестно).

Так вот, об изменах и предательстве. Их – вполне реальных, а не вымышленных «злобными следователями» – при Грозном хватало. Понять это нетрудно: своевольная боярская орава, как не трудно догадаться, жила по своей собственной логике. По которой «вельможный пан», согласно принятому у тех же польских соседей правилу, в силу прочих необъятных вольностей имел право и заговор устроить, и в соседнюю державу непринужденно «выехать», и государственные секреты выдавать, и переходить на сторону любого противника… С вульгарным предательством это якобы не имело ничего общего.

Краткая хроника неприглядных деяний, далеко не полная.

1561. Арестован родственник царя по матери князь Василий Глинский. В чем заключалось дело, свидетельств не осталось, но весьма многозначительные выводы можно сделать из обязательства, которое царского родича заставили подписать: он обещал не «отъезжать» за границу и не выдавать посторонним содержание разговоров, которые велись на заседаниях боярской думы. Достаточно, мне думается, чтобы понять, что к чему. Если от человека требуют впредь чего-то не делать, значит, до того он именно это и делал… Глинскому, впрочем, даже пятнадцати суток не дали, отпустили восвояси после заступничества бояр и митрополита Макария.

1562. В Литву бежал князь Дмитрий Вишневецкий, опять-таки родственник Грозного по матери, ставший впоследствии основателем знатного католического рода, один из представителей которого даже был польским королем.

1562. На литовской границе бдительные тогдашние погранцы сцапали очередного титулованного нарушителя – и не кого-нибудь, а главу боярской думы князя Ивана Бельского (это как если бы в наши дни в Китай сбежал спикер Госдумы… да нет, пожалуй, по меркам шестнадцатого столетия Бельский был даже поважнее). При обыске у него нашли подробное описание дороги до границы, а также, что гораздо интереснее, «гарантийное письмо» от польского короля Сигизмунда-Августа, где говорилось, что князю непременно предоставят «политическое убежище». «Спикер» боярской думы опять-таки отделался легким испугом – дума своих в обиду не давала, что бы они ни наворотили…

В тот же год пытался драпануть в Литву смоленский воевода князь Курлятев, бывший член Избранной рады, «брошенный на периферию» после роспуска означенного учреждения. Курлятев после задержания усиленно прикидывался дурачком, уверяя, что никакой он не дезертир и не перебежчик – а попросту «заблудился» по скудоумию своему и плохому знанию географии, поскольку география не боярское дело, на то извозчики есть, везде довезут, куда ни прикажешь. Поехал, одним словом, на ближнюю мельницу со смазливой мельничихой перемигнуться, задумался, на дорогу не смотрел, глядь-поглядь – ух ты, Литва! При нем не обнаружилось, в отличие от Бельского, никаких компрометирующих документов, и потому Курлятев опять-таки отделался пустячком – отправили в монастырь на Ладожское озеро.

Особо следует подчеркнуть: в середине шестнадцатого столетия самочинные «отъезды» магнатов к соседним королям уже считались не обычным при феодализме делом, а преступлением. К тому же даже в те патриархальные времена, когда любой вассал мог в два счета покинуть своего сюзерена и перейти на службу к другому, *нормой* это считалось, если человек был *частным* лицом. Ну а если он состоял на военной или гражданской службе, то переход в *иное* подданство и во времена несказанных дворянских вольностей считался изменой и предательством: в самом деле, если беглец занимал серьезную должность, секретами владел, какие тут могли быть вольности?

1563. Уже не самостийные экскурсии на литовскую границу, а самый настоящий заговор, и серьезный. Измена обнаружилась со стороны двоюродного брата Грозного Владимира Старицкого, того самого инициатора «кремлевского мятежа» во время тяжелой болезни царя. История напоминала шпионский роман. Когда армия Грозного двинулась брать Полоцк, из «штаба» Старицкого, тоже принимавшего участие в походе со своими личными

дружинами, бежал его ближний дворянин, некто Хлызнев-Колычев – прямехонько к полякам, которым и выдал все сведения о предстоящем русском наступлении. Сразу же к Грозному поступила информация, что Колычев не сам по себе слинял, а выполнял поручение Старицкого. «Болезненно подозрительный тиран» этому не поверил и ограничился тем, что велел присматривать за двоюродным братом. Однако вскоре поверить пришлось. К царю стал рваться Савлук Иванов, удельный дьяк Старицкого (нечто вроде первого министра в вотчине Старицкого). Старицкий пытался перехватить опасного свидетеля, велел схватить на дороге и бросить в тюрьму. Однако наблюдавшие за Старицким агенты тут же донесли царю о происходящем. Царь распорядился немедленно Иванова освободить и привезти в Москву – где тот сообщил массу интересного про своего господина: действительно, Колычев не «инициативником» был, а выполнял поручение *барина*…

Вина Старицкого была столь неопровержимо доказана, что царь конфисковал его владения и отдал под суд. По своему извечному тиранству он, как лицо заинтересованное, от ведения суда уклонился и поручил это высшему духовенству во главе с митрополитом Макарием. Духовенство судило мягко: ну, нашалил князинька, с кем не бывает? Как-никак Рюрикович, имеет право и пошалить… Короче говоря, Грозный, получив такой приговор, скрепя сердце его утвердил. Старицкого простили и конфискованное вернули. Правда, царь распорядился постричь в монахини его матушку, властную, умную и энергичную княгиню Евфросинью – которая и была всегда «мотором» заговоров с участием недалекого и слабохарактерного сыночка. Правда, старуху-интриганку вовсе не заперли в мрачную келейку: монашествовала она, как и полагалось столь знатной особе, с большим комфортом. В Воскресенской женской обители ей отвели огромное поместье, разрешили взять с собой ближних боярынь и массу прислуги, так что Евфросинья не бедствовала и не нуждалась…

1564. В январе Грозный решил начать новое наступление на Литву. На заседании боярской думы был подробно разработан план кампании, и армия под командованием П. Шуйского двинулась к границе в строжайшей тайне, рассчитывая застать противника врасплох…

Однако неподалеку от речки Улы она попала в засаду. По русским, двигавшимся походным маршем, неожиданно ударили литовцы гетмана Радзивилла. Войска Шуйского были наголову разбиты и понесли огромные потери.

В Москве не сомневались, что провернуть такую операцию

литовцы могли при одном-единственном условии: если кто-то из членов боярской думы выдал им русские военные планы. Вскоре были казнены член думы боярин Кашин и его родственник. Материалы следствия до нас не дошли – но основания для такого приговора, надо полагать, были серьезными…

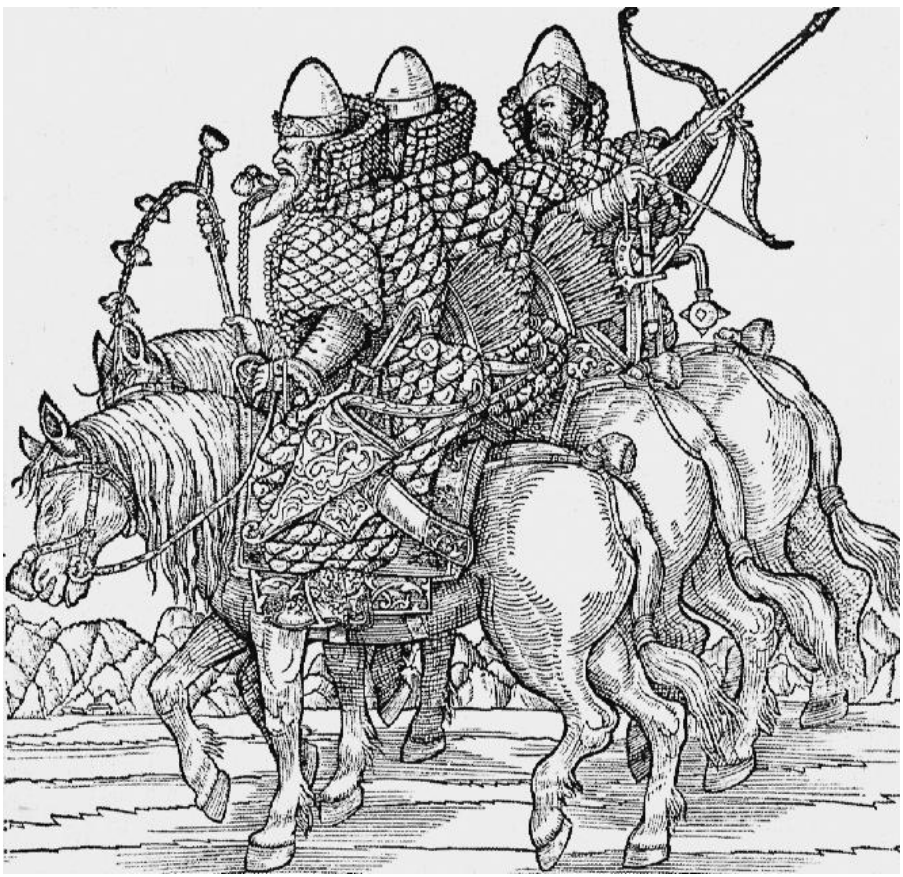
1567. Осенью Грозный задумал новый большой поход в глубь Ливонии, но вынужден был вернуться назад с полпути – в страшной спешке, под прикрытием многочисленной охраны. Историки давным-давно доискались до причин: через некоего Козлова польский король Сигизмунд-Август вступил в контакт с группой московских бояр, которые собирались захватить царя и выдать его полякам. Во главе заговора стоял, как и следовало ожидать, опять-таки Рюрикович, боярин Челяднин-Федоров, примыкали к заговору и близкие к царю люди, пользовавшиеся его полным доверием, например, князь Вяземский, а также высшие власти Новгорода, как духовные, так и светские (к этой истории мы еще вернемся позже).

Самое активное участие во всем этом принимал и Владимир Старицкий – сущая политическая проститутка. Сообразив, что шансов на успех очень мало, он решил извернуться и всех сдать. Отправился к Челяднину-Федорову и взял у него список заговорщиков под тем предлогом, что к заговору хотят примкнуть новые люди и следует вписать туда еще и их клятвы. И с бумагами в руках помчался к царю, похваляясь, какой он преданный и бдительный: всех выследил, всех разоблачил! Вот только, едва началось серьезное следствие, разобиженные заговорщики рассказали много интересного и о роли самого Старицкого. На этот раз Старицкий уже не вывернулся – и то ли был казнен, то ли выпил яд. Существует обстоятельная работа историка Рейжевского, в которой убедительно доказана как реальность заговора, так и участие в нем вышеназванных субъектов. Правда, она отчего-то десятилетия пылилась в архивах, еще в 30-е годы XX в. о ней писали как о «ненапечатанной». Вышла ли она в свет, мне неизвестно. Очень может быть, что и нет: в России с давних пор сплошь и рядом предпочтение отдается не серьезным трудам, а скорее беллетризованным памфлетам, старательно обличающим «безумного тирана»…

Есть и любопытное свидетельство *со стороны,* опять-таки не вызывающее сомнений в реальности заговора. Принадлежит оно автору «Нового известия о России времен Ивана Грозного» Альберту Шлихтингу. Этот тип, пленный ливонец, семь лет прожил в России в качестве помощника царского врача, а потом бежал в Польшу. Ни малейшей любви к России и Грозному не

питал – тем ценнее его сведения. Итак, Шлихтинг: «И если бы польский король не вернулся из Радошковиц и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана (имеется в виду Грозный. – *А. Б.)* все было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю».

1571 г. Крайне странно вели себя бояре-военачальники во время набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея. Навстречу несметной татарской орде выступила лишь немногочисленная опричная конница, погибшая поголовно. А воеводы, располагавшие более чем стотысячным войском, простояли в непонятном бездействии, так что Девлет-Гирей очень быстро прорвался к Москве и выжег ее практически дочиста…

Вооружение русских воинов. Гравюра из «Записок» Сигизмунда фон Герберштейна. XVI в.

1579. Воспользовавшись тем, что основные русские силы были задействованы в Ливонии, польский король Стефан Баторий неожиданно осадил Полоцк. Город продержался всего несколько недель, потом гарнизон сдался. Иные ненавистники Грозного не

упускают случая вновь лягнуть «безумного тирана», который по извечной своей подозрительности без всяких на то оснований назвал руководивших защитой Полоцка воевод изменниками…

Так вот, после сдачи Полоцка означенные воеводы – Телятевский, Волынский и Раков – практически моментально… перешли на службу к Баторию и получили от него большие суммы денег. Более того, то же самое произошло с частью гарнизона.

И что же, не было никакой измены? Ну да, романтики могут предполагать, что Баторий щедро наградил деньгами трех воевод и часть гарнизона «просто так», за красивые глаза. Велел их выстроить, умиленно оценил их выправку, бравый вид и орденские колодки, воскликнул: «Орлы! Соколы!» и распорядился зачислить к себе на службу, да еще золотом осыпать. А бравые вояки как ни в чем не бывало денежки взяли и на службу пошли без малейшего внутреннего сопротивления, опять-таки восхищенные бравым видом коронованного мадьяра…

Дурная какая-то романтика получается, совершенно нереальная. Гораздо разумнее считать, что все-таки были и измена, и предательство, что воеводы с подчиненными денежки получили как раз за умышленную сдачу крепости. Естественно, после этого на Руси оставаться они опасались, вот и пошли на службу к Баторию…

Я привел только самые *звонкие* примеры – а более мелких столько, что считать устанешь…

Но все эти субъекты, вместе взятые, даже Владимир Старицкий, по большому счету – мелочь пузатая. Разговор в этой главе пойдет о князе Андрее Михайловиче Курбском, которого смело можно назвать предателем и изменником номер один за всю историю России.

Сравнивать его попросту не с кем. Даже генерал Власов недотягивает – потому что подобных генералов у Сталина, пожалуй что, можно насчитать не одну сотню. А Курбский во многих отношениях уникален. Еще и оттого, что со временем превратился в фигуру культовую, фигуру знаковую, если пользоваться самой современной терминологией. Еще в девятнадцатом веке ему без всяких на то оснований создали имидж стойкого и последовательного борца с «тиранией Грозного», олицетворявшего своей персоною стремление к свободе, демократии и правопорядку. Позже, уже в советские времена, Курбского подняли на щит всевозможные диссиденты, усмотрев в нем «первого диссидента», «первого правозащитника на Руси», символ, олицетворение, буревестника, сокола свободы…

В кратком изложении сложный, устоявшийся, тщательно разработанный миф выглядит следующим образом: бывший член

Избранной рады князь Курбский вынужден был покинуть Россию, чтобы не стать очередной безвинной жертвой безумного тирана. Обосновавшись в Речи Посполитой он до самой смерти своей вел неустанную борьбу с российским произволом, своими яркими публицистическими памфлетами бичуя и клеймя тиранический строй, обличая Грозного как душителя свобод всего русского народа и кровавого палача. Началось это, повторяю, не вчера: еще Добролюбов считал Курбского «первым русским либералом»…

Увы, при ближайшем рассмотрении перед нами предстает далеко не столь романтическая и прогрессивная фигура. Точнее говоря, вовсе не романтическая и ничуть не прогрессивная. «Первый диссидент» – на самом деле всего-навсего яростный и страстный (и в том, и в другом ему не откажешь, как и в изрядной начитанности) защитник тех самых отживших феодальных порядков, против которых всю жизнь боролся Грозный. Защитник боярских вольностей, переходящих в беспредел. Все остальное – дешевая демагогия.

Но давайте по порядку. Только факты…

Итак, князь Андрей Михайлович Курбский, очередной Рюрикович, потомок бывших ярославских удельных князей, еще один знатнейший магнат, способный при удачных обстоятельствах претендовать на московский престол (и не без оснований). Почти ровесник царя Ивана Васильевича, друг детства, многолетний соратник, бессменный член Избранной рады…

Он был всего двумя годами старше царя – в год бегства к полякам, 1564-м, князю исполнилось 36 лет. Однако он в то время после роспуска Избранной рады не канул в безвестность, как другие,

и уж безусловно не угодил в опалу: царь назначил его главным наместником всей занятой русскими Ливонии и главнокомандующим имевшихся там русских войск. Как видим, ни о каком недоверии не может быть и речи: на подобные посты не определяют тех, кому доверяют мало…

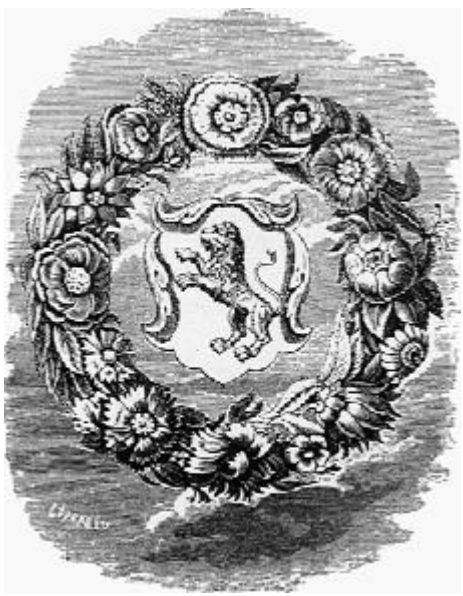
Бегство наместника и главнокомандующего за границу вовсе не связано с какими бы то ни было грозящими ему неприятностями.

Все обстояло гораздо более прозаично и очень грязно: князь вступил в тайную переписку с польским королем Сигизмундом Августом и недвусмысленно выразил намерение «передаться» полякам. Генерал Власов по крайней мере (что, конечно, его не оправдывает) был предварительно взят немцами в плен, а уж потом *скурвился.* Курбский затеял измену, пребывая на вершине власти, по собственной инициативе. Все равно как если бы к

наступающим немецким войскам перебежали из Москвы Молотов, или Жуков, или Берия…

Тайная переписка продолжалась полтора года: князь, как базарная торговка семечками, ожесточенно и старательно торговался над условиями своего перехода. Продешевить он никак не хотел и за пятак продаваться не собирался – Рюриковичи, знаете ли, стоят дороже, товарец первосортный…

Понемногу дело сладилось. В Юрьев-Дерпт князю тайком отправили не простую цидульку, а составленные по всем правилам грамоты с большими королевскими печатями, подписанные королем и скрепленные подписями высших официальных лиц: князю гарантировали и «королевскую ласку», и нешуточные материальные блага (впоследствии все эти документы и многие другие, касавшиеся Курбского, прекрасным образом сохранились в польских архивах и были опубликованы, что подпортило имидж «политэмигранта»).

Герб князя Курбского

Курбский драпанул неожиданно и второпях. Оснований для бегства, обставленного в лучших традициях романов Дюма (под покровом ночной тьмы спустился со стены по веревке), у князя, в общем, не было: никто его ни в чем пока что не подозревал, тянувшаяся полтора года тайная переписка осталась незамеченной тогдашней русской контрразведкой. Надо полагать, у Курбского, как у множества других предателей и до, и после него, не выдержали нервы, и он пошел «на рывок»…

Впрочем, никак нельзя сказать, что он бежал в

совершеннейшей панике и спешке. С собой он прихватил двенадцать сумок с добром и все деньги, какими располагал. А денег по тем временам было с избытком, сумма по тогдашним понятиям грандиозная: 30 золотых дукатов, еще 300 не уточненных по названию «золотых», 500 серебряных германских талеров и 44 русских рубля. Откуда дровишки? В те времена на Руси обращались только русские же деньги, иностранная валюта хождения не имела совершенно. Оказывается, хитрый князь еще за год до побега взял в Печорском монастыре крупный заем, который, конечно же, не собирался возвращать. Но и монахи могли располагать исключительно *русской* монетой. Остальное импортное золото и серебро, можно говорить с уверенностью, либо было награблено в Ливонии, либо получено в качестве аванса и путевых расходов от поляков (или и то, и другое).

Упаковав добро и денежки, Курбский с двенадцатью верными людьми темной ночью пустился в путь. Жену с малолетним сыном он, между прочим, оставил в Юрьеве…

К утру он добрался до первой «заграницы» – ливонского замка Гельмет, где «поборника свободы» ждал пренеприятнейший сюрприз: тамошние немцы, заслышав звяканье денежек, отобрали у Курбского все до копеечки (да так никогда и не вернули). Это гораздо позже немцы стали считаться символом законопослушания и честности, а в те времена, да еще в дурдоме под названием Ливония они особой честности не проявляли. Вдобавок Курбского, словно мелкого воришку, сволокли к местному начальству, которое его тщательно допросило (протокол тоже сохранился в рижских архивах).

Потом, правда, отпустили, и Курбский, бормоча под нос разные нехорошие слова, отправился дальше, в город Вольмар. Там вольмарские немцы исправили ошибку своих гельметских земляков, польстившихся только на деньги: отобрали у князя и его людей, лошадей и барахлишко, а вдобавок сняли с Курбского и богатую лисью шапку, а в ответ на его протесты предложили, надо полагать, жаловаться куда-нибудь, если есть такая охота… Ну разумеется, в тогдашних условиях жаловаться на ливонцев можно было только Господу Богу…

Вот таким и прибыл Курбский к своим друзьям-полякам: чуть ли не голым и босым. Поляки его утешили, напоили, накормили, а потом, как в таких случаях водится, пришли неприметные люди из столь же неприметной конторы, достали перышки и попросили вспоминать все, что только на ум придет…

Курбского не пришлось понукать. Он сам, с превеликой охотой, вывалил тогдашним польским спецслужбистам всю секретную информацию, какой только располагал, – а знал он

немало, в силу и последнего занимаемого поста, и многолетней близости к царю. Между делом он выдал полякам всех ливонских деятелей, ориентировавшихся на Москву (он сам с ними, как наместник и главнокомандующий, вел тайные *комбинации),* – а потом *заложил* и всех известных ему русских разведчиков при королевском дворе.

Король Сигизмунд-Август, надо отдать ему должное, перебежчика пожаловал *жирно:* предоставил Кревскую старостию (нечто вроде русского уезда), десять сел с примерно 4000 гектаров земли, город Ковель с тамошним замком и 28 сел на Волыни. Это была, в общем, не просто плата за предательство: изменникам обычно платят гораздо меньше. Сыграла свою роль самая что ни на есть классовая солидарность, хотя в те времена таких слов и не знали: Курбский был свой. Знатный ясновельможный пан, Рюрикович (то есть дальний родственник короля Сигизмунда Ягеллона, поскольку Ягеллоны тоже происходили от Рюриковичей). По тогдашним неписаным правилам следовало обойтись с *таким* перебежчиком очень даже душевно…

Впрочем, в щедрости поляков явно просматривались и корыстные мотивы: они связывали с Курбским очень большие надежды – бывшая правая рука царя и все такое прочее!

Однако поляки крупно прокололись, что поняли очень быстро. Курбский, как бывает со всяким предателем, из кожи вон лез: уже в следующем году он участвовал в походе литовского войска на Полоцк, а потом во главе отряда в пятнадцать тысяч человек вторгся в русскую Великолуцкую область, где сжег и разорил не только тамошние деревни, но и несколько монастырей (что выглядит особенно умилительно на фоне писаний иных авторов, которые представляют Курбского «защитником православия»). По его совету король Сигизмунд стал посылать гонцов к крымскому хану Девлет-Гирею и натравливать его на Русь, после чего хан в 1565 г. устроил набег на Рязань.

Но никаких таких *особенных* выгод поляки от Курбского и его усилий не дождались. Поход на Полоцк провалился, Великолуцкое разорение осталось обычным разбойничьим рейдом, а Девлет-Гирея перехватили под Рязанью и расколошматили боярин Алексей Басманов с сыном Федором…

Полякам стало окончательно ясно, что овчинка выделки не стоит. Не получилось от Курбского особенной выгоды, хоть ты тресни… А потому поляки к нему охладели и держали лишь в качестве этакого внештатного консультанта по русским делам (без официальной должности, чина и жалованья).

Курбский перед королем бил себя в грудь и кричал, что

обязательно всех раскатает. Пусть только ему дадут тридцать тысяч войска, и он непременно возьмет Москву, а Грозного приведет на аркане. Если поляки ему не верят, патетически восклицал князь, пусть они его прикуют цепями к телеге и окружат конвоем, он и при таких стесненных условиях будет командовать армией, и Москву возьмет, и Грозного сцапает! (Все документы, прилежно запечатлевшие этот бред, и сегодня хранятся в архивах.)

Но поляки уже сообразили, что представляет собой «ценное приобретение», и прекрасно понимали, что тридцатитысячная армия Москву не возьмет – да, пожалуй, и все войско королевства не управится. Князя вежливо отправили восвояси, и он, разобиженный на весь белый свет, засел в своих владениях.

Вот тогда-то он и принялся марать бумагу много и старательно. Как впоследствии будут поступать подонки вроде Гордиевского, Калугина и массы других, калибром помельче. По тому же шаблону. Всякому предателю и изменнику, понятное дело, как-то неудобно признаваться, что перебежал он из *шкурных* мотивов, – гораздо выгоднее себя представить убежденным борцом с «тоталитарной системой», с коммунизмом, с советской властью.

Точно так и Курбский, идейный предшественник всей этой сволочи, стал уверять всех и каждого, что Россию он покинул с самыми благородными целями: его, жертву политических репрессий, едва не казнил по надуманным обвинениям тиран и параноик Грозный – вот и пришлось, скрепя сердце, отправиться в эмиграцию. Князь исписывал кипы бумаги, выставляя себя борцом с произволом и тиранией, певцом свободы – а Грозного, естественно, палачом и сатрапом…

Вот так и возникла знаменитая переписка Грозного с Курбским, с которой читатель может ознакомиться в Приложении. По моему личному убеждению, коротенькие писульки Курбского – дешевая демагогия, с которой Грозный разделался обстоятельно и аргументированно. Однако всякий вправе иметь свое мнение – переписка приведена целиком, флаг в руки…

Как и полагается брехуну и демагогу, Курбский то и дело *проговаривался.* Рассуждения о том, что он болеет за свободу *всего* русского народа, стенающего под пятой царя-тирана, появляются от случая к случаю и выглядят притянутыми за уши. Основной упор Курбский делает как раз на защиту той самой «старины», никем и ничем не ограниченных вольностей боярских, с которыми боролся Грозный. Грозный ему ненавистен именно тем, что поломал старые порядки и лишил бояр прежнего всевластия.

Те, кто превозносят Курбского как «первого диссидента» и «певца гражданских свобод», такое впечатление, попросту не читали его опусов (как, впрочем, обстоит дело и с защитниками Радищева, фигуры жуткой).

И уж безусловно, не знакомы с подробным жизнеописанием Курбского в Польше. А оно заслуживает самого пристального рассмотрения. О человеке в первую очередь свидетельствуют не его словеса, а *поступки,* которые сплошь и рядом находятся в решительном противоречии со словами…

Так вот, в Польше Курбский вел себя как закоренелый феодал-крепостник, ухитряясь перещеголять тамошних вельможных панов (а это, сразу отмечу, сделать было непросто, поскольку означенные паны-магнаты произвол чинили фантастический и тягаться с ними было трудновато…)

Фокус в том, что предусмотрительный король польский не в «полное и безраздельное владение» дал Курбскому все вышеперечисленные земли, а назначил его не более чем королевским *управляющим* – разница, согласитесь, такая же, как между понятиями «государь» и «милостивый государь». Но Курбский высокомерно не обращал внимания на такие юридические тонкости: князь он или нет?!

Для начала он самовольно присвоил сам себе титул «князя Ковельского». Живет в Ковеле? Живет. Значит, князь!

Звание «старосты Кревского» он опять-таки носил совершенно незаконно – тут уж виноват польский король, опять-таки совершивший беззаконие: по тогдашним литовским законам, старостой, главой «староства» (волости) не мог быть иностранец, Рюрикович он там или кто еще…

Но Курбский, как уже говорилось, плевал на законы. Начал вести себя в Ковельской волости, как полновластный хозяин, который захочет – помилует, а захочет – казнит.

Против чего тут же стало выступать местное население. Потому что состояло не только из крестьян (действительно бесправных), но и из городских жителей (мелких шляхтичей, горожан-мещан, еврейских общин), надежно защищенных как Магдебургским правом, так и королевскими привилегиями. По старой русской боярской привычке всех «кормленщиков» Курбский попытался было ввести «чрезвычайные налоги» – но жители платить не стали, а пошли жаловаться и в городской магистрат, и королевским чиновникам, на что по закону имели полное право…

Обломившись, Курбский принялся рэкетировать ковельских евреев. Когда они платить отказались, он захватил нескольких, велел вырыть во дворе замка яму, налить туда воду, вывалить

корзину пиявок и посадить туда евреев – пока не выложат денежки, морды жидовские…

Дело опять-таки пошло в суд, а потом стало предметом разбирательства в Люблинском сейме, то есть областном парламенте. Буйная шляхта в Польше была все же не всесильна. Над своими «хлопами», крестьянским «быдлом», она могла издеваться безнаказанно, но вот *свободные* люди-горожане свои права знали назубок и отстаивать их умели…

Князя позвали на сейм. Самое трагикомическое, что Курбский, похоже, *искренне* не понимал, почему на него накинулись. Обложил население незаконными поборами? Так он же местный князь, имеет право! Евреев держит в пруду? Так то ж жиды! Какой там борец за свободу и демократию… Одно слово – *феодал* в худшем смысле этого слова…

Так ему и не втолковали, как ни пытались, что в Речи Посполитой существуют писаные законы, что вольные горожане, поляки они или евреи, находятся под охраной этих законов, и никто не имеет права изгаляться над ними так, как это делает Курбский. Князь смотрел на своих оппонентов, как баран на новые ворота, и твердил одно:

– Я же князь! А они кто!?

В конце концов сейм, ничего от князя не добившись, апеллировал к королю. Тот отправил Курбскому два указа: одним прямо запрещал тиранить евреев и прочих горожан, а другим напоминал: все имения князю даны лишь в пожизненное владение, пока он служит короне, а после смерти Курбского они отойдут в казну. Правда, «классовая солидарность» и тут не пропала: король уточнил, что, если у Курбского будет наследник мужского пола, имения отца он все же получит. Рюрикович не мог не порадеть Рюриковичу…

Курбский унялся, но не особенно. Слова о наследнике мужского пола ему в память засели крепенько, и он решил жениться, дабы этим наследником обзавестись. Вообще-то, как мы помним, у него имелась в России законная супруга… но князь он или кто!?

Присмотревшись к окружающим кандидатурам, он выбрал (скорее всего, даже наверняка, из-за несметных богатств) аппетитную вдовушку, Марию Монтолт-Козинскую, по происхождению княжну, которая до этого похоронила двух предшествующих супругов и состоянием владела огромным.

Неизвестно уж, как наш прощелыга ухитрился обаять тертую жизнью вдову, но она, вступая с ним в брак, записала на супруга все свое немаленькое имущество.

Вот только, женившись, Курбский влип в нешуточные дрязги

с жениными родственниками. А семейка у них была лихая, можно сказать, забубенная, вполне в духе тогдашних шляхетских вольностей развлекавшаяся. Мария и ее родная сестра Анна совместно владели богатым имением, которое по какой-то юридической закавыке нельзя было поделить пополам. А потому сестрички пакостили друг дружке со всей шляхетской непринужденностью: то Анна, верхом на коне и с сабелькой, во главе своих слуг налетит на Машенькины деревни, колошматя и грабя крестьян, то Мария, устроив засаду на большой дороге, перехватит Анечку и ограбит дочиста… Весело жили. По-родственному.

Теперь, когда имения перешли к Курбскому, вся ненависть жениных родичей сосредоточислась на нем: Рюрикович, черт его подери! Захапал все, увел из-под носа… Родичи стали налетать во главе вооруженных ватаг уже на «маентки» Курбского. Сыновья Марии от первых браков тоже развлекались, как могли: то подкупят княжеских слуг, чтобы выкрали у Курбского чистые бумаги с подписями и печатями (на них ведь можно много интересного написать), то пытаются подстеречь князя на дороге и ухайдокать к чертовой матери. Да еще доносы пишут и сплетни распускают. Жизнь у князя стала нервная. Именно тогда он в своих опусах начинает жалиться на приютивших его ляхов, именуя их «людьми тяжелыми и не-гостелюбивыми».

Ну а года через три супруги расстались – с долгими ссорами, скандалами и тяжбами. Князь письменно жаловался властям, что жена ему изменяет со слугой самого подлого сословия. Та в ответ ухитрилась через суд отобрать записанные на супруга имения обратно… Так и разбежались.

Сохранилась в архивах и жалоба ковельского боярина Порыдубского, печалившегося королю, что Курбский отнял у него имение, все движимое имущество, а самого с женой и детьми шесть лет держал в заключении, – и цел королевский указ, предписывающий князю вернуть награбленное и выплатить компенсацию за все притеснения.

Неподалеку от этих бумаг покоятся аналогичные: жалоба другого ковельского боярина, Осовецкого, на дом которого напали вооруженные слуги Курбского, избили плетьми жену хозяина и выгнали все семейство взашей, объясняя, что их имение теперь вовсе даже не их, а Курбского. И вновь рядом лежит королевская грамота, повелевающая ворюге возвратить хапаное.

Там же – жалобы ковельских крестьян на то, что Курбский отбирает у них земли и раздает своим людям (чтобы оценить в должной степени всю пикантность этого факта, следует учесть, что в то же самое время Курбский письменно порицал Грозного за

причиненные крестьянству страдания…) И снова – королевский указ: крестьян впредь не обижать и никаких новых податей из них не выколачивать…

Курбский женился в третий раз – теперь на молоденькой и небогатой (должно быть, учел печальный опыт второго брака), – и жена родила ему сына с дочерью.

Тут Сигизмунд-Август, мягкотелый дальний родственничек Курбского, помер – и Курбский, должно быть, пережил немало жутких минут, пока шли переговоры об избрании на польский трон Ивана Грозного. Но дело, как мы помним, сорвалось, и королем стал французский принц, очень быстро сбежавший из Польши. На его место пришел властный мадьяр Баторий, ни с какого боку Курбскому не родственничек. Очень может быть, о Рюрике никогда и не слышавший. Для него Курбский был какой-то мелкой провинциальной шантрапой, и не более того. А посему, когда началась новая война с Москвой,

Курбского самым вульгарным образом мобилизовали, как и прочую мелкоту. Не армию предложили возглавить, а прислали повестку обычного образцы: мол, изволь собрать со своего поместья вооруженный отряд и явиться в такой-то полк… И потащился наш герой на войну, где никаких лавров не снискал и почестей не добился – так, был на подхвате, и только…

Какое место он занимал в Польше, наглядно доказали последовавшие несколько лет спустя события: в Ковельскую волость нагрянул королевский ротмистр и без позволения хозяина стал набирать из его крестьян солдат. Курбский едва не помер от бешенства: по тогдашним польским реалиям, это означало, что его, князя и магната, приравняли к самой что ни на есть мелкой шляхте…

Был еще порох в пороховницах! По приказу Курбского ротмистра погнали взашей. Но тут пришел вызов на суд, где Курбского по жалобе обиженного ротмистра требовали на расправу, а заодно сообщали, что за «непослушание и сопротивление» королевской воле у него отбирают все чины и земли…

Чем это кончилось, в точности неизвестно. Вроде бы князю опять удалось вывернуться – но тут, как чертик из коробочки, возникла бывшая женушка Мария, обвинившая князя в «незаконном расторжении» брака с нею. Баторий рассудил, в общем, логично: вы все люди православные? Венчали вас по-православному? Вот пусть ваши склоки митрополит Киевский и разбирает, а мне недосуг!

О дальнейших событиях лучше всего свидетельствует новая жалоба королю на Курбского – теперь уже от митрополита

Киевского, который сообщал, что князь к нему на суд не идет, а митрополичьих посланников велит слугам бить и гнать со двора взашей… Ну никак не мог «певец свободы» и «борец с тиранией» жить нормально, по закону!

В конце концов князь с Марией как-то помирились. Последние годы его жизни совершенно скучны и неинтересны. Его бросили все те бывшие слуги, что когда-то бежали вместе с ним из России, – причем один из них, заведовавший княжеской казной, прихватил на память все деньги, золото и серебро…

Его наследники так и не получили ничего из земель, которыми князь владел в Польше. В конце восемнадцатого века, еще до разделов Польши, род Курбских (ставших нищей шляхтой) пресекся окончательно, и фамилия исчезла из истории.

Точнее говоря, с ней произошли очень интересные метаморфозы.

В 1656 г. в бою с поляками под Великими Луками русские взяли в плен некоего шляхтича-католика Каспара, который при ближайшем рассмотрении оказался внуком Курбского. В плену он принял православие и имя Кирилл, был на службе у царя Алексея Михайловича, но потом все же вернулся в Польшу, вроде бы без измены – надо полагать, наследственное… Его младший сын Александр в 1684 г. приехал в Россию, крестился, стал Яковом, опять-таки поступил на царскую службу, но девять лет спустя убил жену (снова гены?) и был сослан в Сибирь, где его следы теряются.

Его старший брат, тоже переехавший в Россию, жил там вполне мирно – но его фамилия «Курбский» со временем видоизменилась в «Крупский» – так и появились на Руси дворяне Крупские. Поскольку папенька супруги Ленина Надежды Константиновны как раз и был потомственным дворянином Крупским, нельзя исключать, что товарищ Ульянова – дальняя родственница князя Курбского. Увы, это не та генеалогия, которой следует гордиться. Во всяком случае, судя по поведению Константина Крупского, он-то точно сродни Курбскому: будучи офицером русской императорской армии, в нарушение присяги *путался* с польскими подпольными организациями, но сумел отвертеться от военного трибунала. Точно, гены!

Так и остался бы этот незадачливый подонок в Большой Истории исключительно как автор писем к Ивану Грозному и адресат ответов. Но он вдобавок оставил обширное, претендующее на правду сочинение – «Историю о великом князе Московском», в котором, потешая свою мстительную и злобную натуру, обрушил на недруга Ивана целую Ниагару грязи, приписал ему все мыслимые и немыслимые злодейства. И все бы

ничего, но уже в начале девятнадцатого века эту писанину стали использовать как «ценнейший исторический источник». Очень уж она пришлась ко двору тем самым сентиментальным либералам карамзинской школы. А потом – либеральной интеллигенции второй половины столетия. А потом – большевикам. А потом – кое-каким ремесленникам от истории уже нынешней России…

Нет числа людям, которые совершенно некритически переписывали наиболее смачные эпизоды из «Истории» Курбского – без малейших попыток подойти к ней с позиций строгого анализа. Никто как-то не задумывался, что заурядный предатель и изменник, прозябавший на чужбине, в глуши, стремился попросту свести счеты с Грозным. Предатель люто ненавидит как раз тех, кого предал, – старая истина, о которой на сей раз как-то не думали. И не принимали во внимание, что всякий подобный Курбскому подонок стремится прикрыть свое предательство мнимыми «благородными целями». Курбский, в данном конкретном случае, старательно *слепил* себе образ «борца с тиранией», а Грозного, соответственно, изобразил кровавым сатрапом, патологическим убийцей…

Следы некритического подхода к творениям Курбского ощущаются до сих пор. К примеру, «все знают», что Иван Грозный, будучи еще подростком, любил бросать с крыши царева терема кошек и собак, наслаждаясь страданиями бедных животных, а чуть позже, носясь верхом по Москве с компанией таких же юных негодяев, бил, увечил и грабил москвичей…

Единственный источник этих кровавых сенсаций, демонстрирующих якобы присущий Грозному с малолетства вкус с садизму и крови, – «История» Курбского. Никто больше ни словечком не заикнулся ни о чем подобном – даже те русские и иностранные авторы, что были к Грозному враждебны…

(Вообще-то дыма без огня не бывает. Не исключено, что юный царь и в самом деле носился со сверстниками на лихих скакунах по московским улочкам, как сейчас подростки носятся на мопедах. Вполне вероятно, кого-то озорники и потоптали конями по нечаянности. Но вот в *остальное,* зная Курбского, не верится нисколечко.)

Помните боярина Репнина, казненного за выдачу полякам военных тайн? Не кто иной, как Курбский сочинил о его смерти сказочку прямо-таки в голливудском стиле. Якобы в застолье Репнин отказался надеть на себя скоморошью личину и плясать перед царем вместе с другими – за что «кровавый тиран» и велел его тут же убить. Впоследствии автор «Князя Серебряного» А. К. Толстой эту басню, изменив только фамилии, включил в свой роман уже как сцену, основанную на «исторических

источниках»…

Кстати, Грозный, отвечая на обвинения Курбского по поводу смерти Репнина и Кашина, написал просто: «Таких собак везде казнят». И был совершенно прав: ни в одной стране мира высших государственных чиновников, во время войны выдающих врагу военные тайны, пряниками не кормят и медалями не награждают, вовсе даже наоборот…

Иногда случаются курьезы и похлеще. Вот как, если строго следовать за писаниями Курбского, предстает судьба князя Михаила Воротынского, известного военачальника и одного из создателей пограничной службы.

Сначала Михаила, сосланного по прихоти «тирана» на Белоозеро, привозят в Москву и подвергают лютой казни – жгут на медленном огне, причем садист Грозный сам подгребает посохом к бокам пытаемого угольки пожарче. От такого обращения Воротынский умирает. Потом покойник получает в управление и владение город Стародуб-Ряполовский, причем *одновременно* сидит в заточении в монастыре, откуда шлет жалобы царю. Интересный мертвец, не правда ли? Но и это еще не конец ужастика: прыткий покойник составляет устав пограничной службы и воюет с крымцами, причем окружающие ничем не выказывают своего ужаса, видя рядом с собой оживший труп, то с серпом в руке, то с сабелькой. И это еще не финал! Совершенно обезумевший Грозный, очевидно, забыв, что однажды уже запытал Михаила Воротынского до смерти, начинает истязать его вторично. Снова кидает в костер и лично подгребает угольки посохом. Воротынский умирает вторично… Но крепок наш князь, ох, и крепок! Дважды изжарившись до смерти, он воскресает и вновь, в стиле голливудских триллеров, объявляется при дворе, занимаясь государственными делами, в том числе и пограничными. И снова окружающие воспринимают дважды мертвеца, как живехонького, без страха и недоумения…

В чем тут дело? Да в том, что газет, телевидения и радио тогда не существовало и Курбский, оторванный от родины, довольствовался долетавшими из-за рубежа слухами и сплетнями. К тому же память стала подводить. И он сотворил – а вслед за ним и некоторые историки – *одну* «жертву деспотизма» из *трех* братьев Воротынских. Один из них и в самом деле побывал в опале, второй сидел в монастыре, а третий воевал. Причем *ни одного* из них никогда на костре не жгли…

Историки вслед за Курбским печалились о тяжкой участи Ивана Шишкина, которого «тиран» безжалостно казнил вместе с женой и детьми. Вот только снова случилось воскрешение мертвецов средь бела дня – согласно официальным документам

эпохи Грозного, через два года после своей казни Шишкин как ни в чем не бывало служит воеводой в городе Стародубе. И снова никто от него не шарахается с воплем: «Мертвые с косами стоят!»

Вот Грозный, по Курбскому, бросил в темницу очередную безвинную жертву, Ивана Шереметева, а выйдя из заключения, Шереметев спасся только тем, что постригся в монахи, но и там Грозный его в покое не оставил, выговаривая игумену за «послабления» бедолаге…

Теперь – реальность. Шереметев, пытавшийся бежать за границу, был схвачен и… прощен. Заседал несколько лет в боярской думе, командовал войсками, потом, на склоне лет, и в самом деле ушел в монастырь, но исключительно по собственному желанию, ни дня не сидевши в тюрьме. Письмо Грозного игумену того монастыря действительно существует – но гнев царя вызван исключительно тем, что новоявленный инок устроился в монастыре очень даже комфортабельно, ведет разгульную жизнь, совершенно не считаясь со строгим монашеским уставом и подавая дурной пример остальной братии…

Некоторые историки полагают, кстати, что все писания Курбского и его «борьба против тирании» была не чем иным, как примитивным предвыборным пиаром. Они не исключают, что Курбский с помощью каких-то неизвестных нам интриг пытался устроить очередной заговор или пристроиться к уже имевшимся с целью захвата трона. Не столь уж фантастическое предположение, особенно если вспомнить о диком честолюбии Курбского, который к тому же, как ни крути, был старше Грозного (он происходил по прямой линии от Рюрика и Владимира Крестителя по *старшей* линии, а вот Грозный – по *младшей*…). В активе Курбского числятся и какие-то так и оставшиеся непроясненными *шашни* со шведами и много чего еще…

Забыть бы предателя и наплевать, но беда в том, что, как я уже говорил, и в наши дни находятся, мягко говоря, своеобразные «исследователи», которые относятся к творениям изменника, как к Священному Писанию (прости, Господи!) Вот вам самый свежий пример рецидива «карамзинщины».

Завелся в отечественной исторической науке прыткий молодой человек по фамилии Володихин, личность мятущаяся и сложная. Сначала он пытался прогреметь в качестве писателя-фантаста. Романов наваял с десяток, но все они успеха у широкого читателя не имели и тиражами издавались мизерными. Тогда разочарованный беллетрист вспомнил, что когда-то заканчивал истфак, сдул пыль с диплома, где стояло «историк», и занялся уже «серьезной наукой». В частности, издал недавно

книгу с претенциозным названием: «Иван Грозный: бич божий».

Идейная направленность явствует из названия: хотя книга местами и недурственна, частенько на ее страницах один за другим мелькают те самые ужастики, что были сочинены либо Курбским, либо многочисленными иностранными Мюнхгаузенами, которых уже давным-давно разоблачили как бессовестных вралей *настоящие,* именитые историки…

По «косвенным» источникам, видите ли, «возможно» сделать вывод, что царь Иван Васильевич «склонялся к содомии», то бишь к педерастии. «Косвенные источники» -это очередное откровение Курбского, согласно которому Грозный велел казнить Овчинина-Оболенского за то, что тот-де обвинил царя в блуде с Федором Басмановым. Вообще-то причины казни Оболенского остаются до сих пор загадочными. Курбский – а за ним и последователи – полагал, будто Оболенский принял смерть за то, что, как в том анекдоте, выдал государственную тайну про царя и Басманова. А если все наоборот? И Оболенский действительно за эти слова и поплатился, но исключительно потому, что они были клеветническим оскорблением? Вряд ли сам Володихин, если ему принародно бросят в лицо известное русское словечко, свидетельствующее о принадлежности к той самой, не вполне традиционной сексуальной ориентации, снесет это с христианским смирением… Если Иван Грозный в чем и замечен, так это в повышенном интересе как раз к женскому полу.

Но это, в итоге, мелкие придирки. Гораздо более важен «творческий метод» Володихина, позволяющий понять, как именно работают мозги у тех, кто с детской наивностью принимает сочинения Курбского за чистую монету.

Вот Курбский в числе «безвинных», садистски уничтоженных ни за что ни про что «безумным тираном» поминает неких «воевод Дмитрия Ряполовского и Федора Львова».

Загвоздка в том, что таких воевод в русской истории *нет.* Ни малейших их следов в сохранившихся документах не обнаружено. *Сам* Володихин вынужден меланхолично признать: «Ни летописи, ни разрядные книги, ни синодики, ни боярские списки, ни «Тысячная книга», ни «Дворовая тетрадь», ни иные источники посередине XVI столетия не упоминают этих служилых аристократов так, как они поименованы в реестре». (Под «реестром» понимается то ли из пальца, то ли еще откуда высосанный Курбским «скорбный список» умученных «безумным тираном».)

Итак, никаких «воевод» *нет.* Что делает Володихин? Да с наивностью школьника, подгоняющего задачу под подсмотренный в конце учебника ответ, начинает *фокусничать,* с

помощью хитроумных вывертов подбирая кандидатов на роль загадочных «воевод». В итоге «доискивается», что Ряполовский – это то ли (!) боярин Хилков, то ли боярин Палецкий, а Львов – Федор Троекуров. Почему? А по кочану! Аргумент один, представляющийся пытливому изыскателю железным: «сам» Курбский свидетельствовал! А коли так, ошибки быть не может. Юноше и в голову не приходит, что Курбский (ничуть не отягощенный ни честностью, ни праведностью) мог в попытках повесить на Грозного всех собак глядеть на закопченный потолок в своей ковельской резиденции и именно там высматривать мифических «жертв». Как будто тогда существовали научные журналы и аттестационные комиссии, придирчиво проверяющие подлинность всех приведенных фактов. Как будто полякам, преследовавшим свои узкополитические цели, было невероятно важно иметь чистую истину и они непременно указали бы Курбскому на ложь и подтасовки… В общем, Курбский давным-давно умер, но дело его живет – трудами таких вот володихиных. К Володихинской книге мы еще вернемся как к собранию заскорузлых штампов и страшных сказок, почерпнутых из самых сомнительных источников, а в следующей главе поговорим о вещах посерьезнее.

В 1564 г., сытый по горло беспрестанными заговорами и изменами, окончательно обозлившийся на чванливую и ненадежную толпу бояр, Иван Грозный решает перейти к самым радикальным мерам.

Родилась *опричнина*!

Глава девятая. Измену выгрызают, аки псы…

3 декабря 1564 г. жители Москвы с большим недоумением наблюдали, как из города уезжает царь. Сами по себе отъезды Ивана Васильевича были делом привычным – то на богомолье, то на охоту, не говоря уж о войне. Но *теперь* творилось нечто непонятное, чего никогда не случалось прежде: за царем следовал огромный обоз с ценностями, в том числе и церковными, казной, всем царским добром. Царя, в противоположность прошлым отъездам, сопровождало множество бояр, дворян и приказных – причем многие из них везли с собой жен и детей. Царский поезд вдобавок двигался под охраной необычно большого числа вооруженной конницы, сплошь из «детей боярских», не только московских, но и съехавшихся из дальних городов. Все это, вместе взятое, не на шутку удивило жителей, но к царю ведь не подойдешь запросто и не спросишь: «Куда собрался, батюшка?»

Тягостная неизвестность продолжалась целый месяц. Известно было только, что царь обосновался не так уж и далеко от Москвы, в Александровской слободе.

А потом в Москву прискакал царский дьяк Константин Поливанов с несколькими грамотами за пазухой – и тут-то *грянуло* так, что оторопели ко многому привычные москвичи…

Государь *отказывался* далее быть царем. Вульгарно выражаясь, объявил: надоели вы мне все, ухожу я от вас, ослушников и супротивников… Примерно так.

В грамоте, адресованной митрополиту с духовенством и боярам, Грозный подробно перечислял «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей». Припомнил все: как устраивали заговоры, как расхищали казну во время его малолетства, как проигрывали войны и драли с народа три шкуры. И пожаловался: как только он хотел покарать изменников и воров за их художества, духовенство вместе с боярами их покрывало и упрашивало ограничиться чисто символическими наказаниями (что, кстати, истине полностью соответствовало). И посему, «не в силах их изменных дел терпети», царь оставляет престол и уходит жить, где Бог укажет…

Одновременно Поливанов вручил московским купцам, мастеровым и всему простому народу другую грамоту. В которой говорилось, что на *них* царь как раз не гневается.

Впечатление, произведенное этими посланиями, было столь ошеломляющим, что жизнь в столице замерла: опустели приказы,

прекратилась базарная торговля, встали мастерские. То, что произошло, затрагивало *каждого*…

Очень быстро в Александровскую слободу направилась огромная депутация из духовенства, боярства, дворян и приказных. Грозный их долго промурыжил у ворот, да и потом, допустив к себе, держался неприязненно и сурово. Все царские упреки сводились, в сущности, к одному: «Достали вы меня!»

«Депутаты» кряхтели и мялись, просили прощенья и упрашивали вернуться, каялись. В самом деле, ситуация небывалая: слыханное ли дело, чтобы царь бросал престол и державу? Ходили, правда, слухи, что «гишпанский» король ушел в монастырь, но тут было нечто другое, вселявшее откровенный ужас – с точки зрения тогдашних людей, не знавших ничего другого, кроме монархии, и привыкших видеть в государе помазанника божьего…

После долгих отнекиваний Иван Васильевич, уж так и быть, согласился вернуться на царство, но при одном-единственном условии: отныне он будет править совершенно по-другому, а как именно, вскорости узнают…

В начале февраля царь вернулся в столицу. Конечно, вся эта тщательно разыгранная Грозным *коллизия* была чистейшей воды *маневром* (я не пишу «комедией», потому что речь все же идет о чертовски серьезных вещах). Царь все это хорошо продумал и талантливо осуществил, полностью добившись своего: «депутаты» приглашали его вернуться на любых условиях, лишь бы и дальше не оставаться сиротинушками…

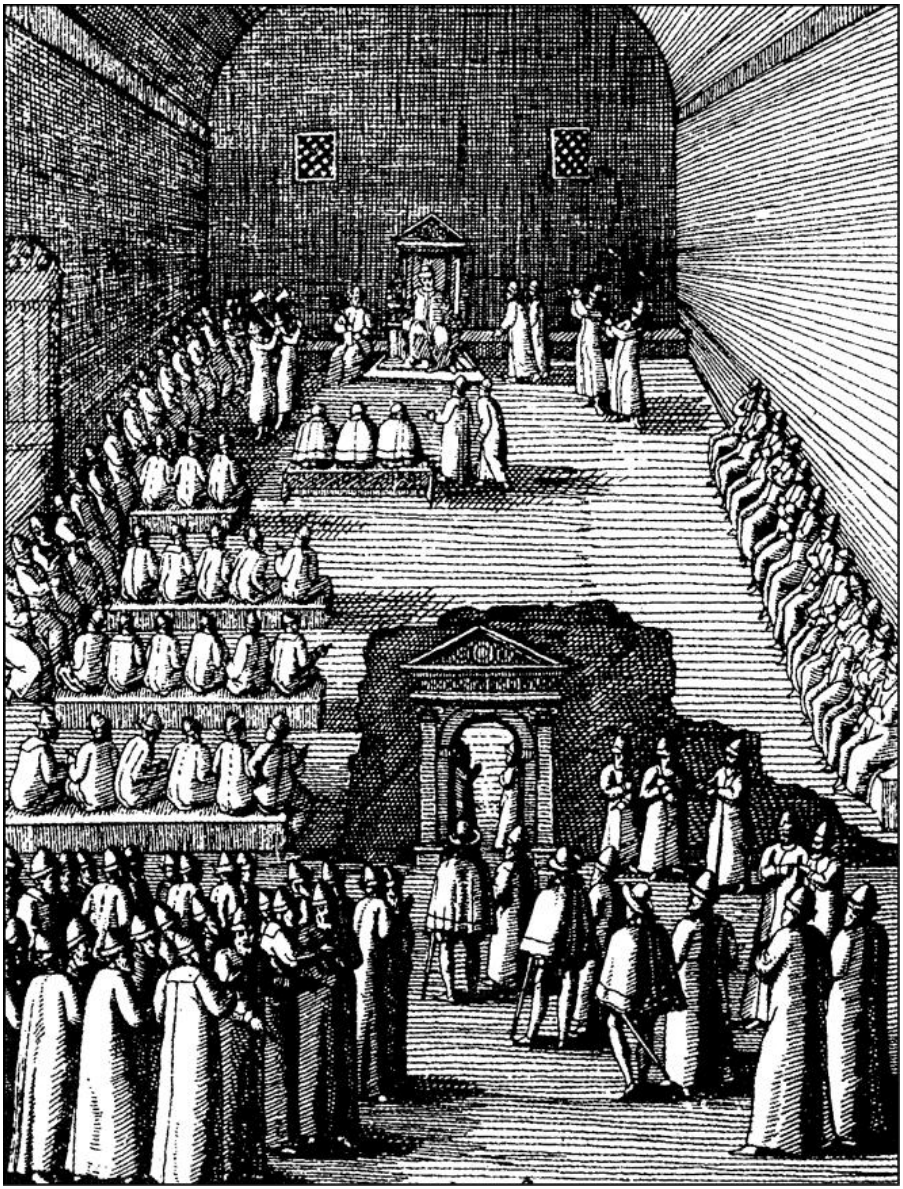
И все же, все же… Не подлежит сомнению, что этот месяц был для Грозного временем сильнейших стрессов и переживаний. Когда он вернулся, москвичи его *не узнали:* уезжал еще совсем не старый человек, всего-то тридцати пяти лет от роду, с аккуратными усами и бородой, волосами без малейшей седины. А в феврале в Москву въехал неузнаваемый, вмиг постаревший Иван Васильевич – мрачный остановившийся взгляд, волосы на лице и голове выпали полностью. Так что это была вовсе не комедия и не совсем игра: *так* не притворяются, *такого* не сыграть…

Грозный объявил, что вновь принимает на себя царские обязанности с тем непременным условием, что отныне он будет карать изменников, накладывать на них опалу, лишать имущества, а если понадобится, и головы уже без всяких «советов» с боярской думой и без «докуки и печалований» со стороны духовенства – иными словами, царь объявил о введении чрезвычайного положения, как это именовалось бы теперь.

И заявил, что разделит державу *надвое* – на «опричнину», где

будет распоряжаться исключительно сам, и «земщину», то есть все остальное. В самом этом слове нет ничего необычного или страшного: «опричь» по-русски означает всего-навсего «кроме». Еще в 1425 г. московский князь Василий Дмитриевич в своем завещании отдавал супруге пятьдесят два села «в опричнину», то есть в полное самостоятельное владение. «Опричниной» на пирах именовались и блюда, которые хозяин лично распределял между самыми приятными ему гостями.

«Земщиной» по-прежнему должны были управлять воеводы, наместники, судьи и сохранившиеся «кормленщики» – по прежним законам. В «опричнине» руководила только царская воля.

Прием царем Иваном IV иностранных послов в Александровской слободе. Гравюра из книги «Путешествие в Московию» Я. Ульфельда. XVII в.

Русский князь XVI – нач. XVII вв.

Даже в Москве появились «земские» и «опричные» районы (например, Арбат и Сивцев Вражек). Всех тамошних бояр, дворян и приказных, кто не был зачислен в опричнину, оттуда выселили на другие улицы. Так началась опричнина – один из самых сложнейших периодов в истории России, о котором и сегодня существуют самые противоположные мнения. Огромное число либеральных историков (не говоря уж о «прогрессивной интеллигенции» девятнадцатого века) видели в ней не более чем очередную кровавую потеху «безумного тирана». «Все знают», что разнузданные банды опричников сатанинским воинством носились по Руси, сжигая все подряд, грабя, насилуя и убивая. «Все знают», что к седлу они привязывали отрубленную собачью голову и метлу – в знак того, что грызут и выметают измену. Да мало ли какие ужасы «знают все»…

Тем более что исторические труды были проиллюстрированы и романами вроде «Князя Серебряного», и многочисленными живописными полотнами лучших художников. Именно такое сочетание обеспечивает массированное воздействие на умы, и

жуткая сказка очень быстро превращается в святую истину, известную «всякому образованному человеку».

Здесь и А. Васнецов с его «Московским застенком», от которого мороз по коже продирает, и некий мастер кисти рангом помельче, автор громадного полотна, изображающего разоренный дом боярина (ну конечно же, безвинного!) после налета опричников. Все вверх дном, все переломано, а в центре композиции возлежит юная боярышня, только что обесчещенная буйной ордой опричников: до чего изящно, надо сказать, возлежит, вполне в духе французской школы классицизма…

Вот картина живописца М. Авилова, без особых изысков названная «Царь Иван Грозный с опричниками». Грозный еще мало-мальски похож на человека, он всего лишь едет с видом хмурым и суровым. Но перед ним несутся какие-то монстры: разодеты пестро, как попугаи из тропической Амазонии, бородищи буйные, ухмыляются в сорок шесть зубов, горячат коней, подняв их на дыбы… Жуть! Московский богобоязненный люд, прижавшись к стенам, с ужасом взирает на эту «дикую охоту»…

Опричник

А. М. Васнецов. «Московский застенок»

Картина, кстати, истине ничуть не соответствует. Внешний вид опричников? Дьяк Иван Тимофеев, автор знаменитого «Временника», очевидец событий, изображает их совершенно иначе: «Всех их он (Грозный. – *А. Б.)* от головы до ног облек в темное одеяние и повелел каждому иметь у себя таких же, как и одежды, коней».

Описание, как видим, отличается довольно существенно от тех пестрых, как радуга, нарядов, которые в стиле тогдашних представлений о «сатанинском воинстве» изобразил Авилов. Выясняется, кроме того, что собачьи головы и метлы у седел – не более чем выдумка. В знак своей принадлежности к опричнине «порученцы» Грозного носили на поясе шерстяную *кисть* – это и был символ метлы, выметающей измену. Вообще «опричный корпус», как давным-давно отметили историки, имел много общего с духовно-рыцарскими орденами Европы – отобрав из опричников триста человек, царь назвал их «братией», а себя «игуменом», и в Александровской слободе они, в черных рясах, устраивали богослужения.

Представление об опричнине как нерассуждающей, жуткой силе, разившей правого и виноватого, превращавшей целые

города в пустыни, а села в выжженные пепелища, буянившей, грабившей, зверствовавшей, родилось не на пустом месте и, надо отметить, все же не в вывихнутых от природы мозгах наших либералов, демократов, интеллигентов, которые всего-навсего (и с ними, увы, немалое число историков) некритически восприняли «свидетельства очевидцев и участников»…

Об опричнине известно не так уж много – поскольку многие документы того периода не сохранились, а летописцы излагали события скудно. И потому суждения о «песье-главцах» строили главным образом на «ценнейших исторических источниках» – собственноручных мемуарах сразу трех активных деятелей опричнины. По крайней мере так этих субъектов именовали – да и посейчас именуют, не в силах отрешиться от штампов.

Грустнейший юмор ситуации в том, что три «ценнейших свидетеля и участника» никогда в опричниках не служили, а их «воспоминания» представляют собой дурные фантазии, сочиненные с сугубо корыстной целью…

Присмотримся к этим типам повнимательнее. Первый из них – «немец-опричник», как его именуют, Генрих Штаден, автор знаменитых «Записок». Фантастический был прохвост, настолько, что, знакомясь с его биографией, испытываешь нечто вроде восхищения…

И в исторических трудах, и в популярных книжках встречается каноническая фраза: «Один опричник хвастался, что выехал с одной лошадью, а вернулся с целым обозом награбленного добра». «Одним опричником» как раз и был Штаден, из мемуаров которого эту фразу и выудили. Кстати, именно Штаден пустил гулять по свету сказочку про собачьи головы и метлы у седел.

Генрих Штаден, родом из Вестфалии, родился в семье простого бюргера, то есть горожанина. Родители хотели, чтобы он стал священником, но юнец, когда ему стукнуло семнадцать, оказался запутанным в какой-то грязной истории. Что он там натворил, в точности неизвестно, но тюрьма ему грозила вполне реально, и несостоявшийся пастор пустился в бега. С тех пор его жизнь стала крайне бурной и полной всевозможных метаморфоз.

Поначалу он, будучи без денег и мало-мальски полезного ремесла, трудился землекопом в Любеке и в Риге, катал тачку и махал лопатой. Утомившись, стал служить лакеем у мелких ливонских дворянчиков, поднялся даже до управляющего какого-то затерянного в глуши именьица. Попытался заняться торговлей, но попался шведским ландскнехтам, которые его обчистили до нитки. Разочаровавшись, должно быть, в честном труде, Штаден вскоре объявился в занятом поляками городе Вольмаре,

пристанище многочисленных банд, которые, пользуясь сумятицей и безвластием, совершали набеги то на прилегающие русские земли, то на ливонские села, одним словом, грабили всех, кто подвернется. К одной из таких банд Штаден и примкнул. Однако у столь веселого и доходного промысла была и оборотная сторона: за подобными шайками гонялись все без исключения, потому что они всем надоели хуже горькой редьки. Вместе с корешками в тюрьму угодил и Штаден. Выйдя оттуда, он сообразил, что выбрал себе чересчур опасное ремесло, – и, поразмыслив, перебрался через границу на русскую территорию.

В России судьба двадцатидвухлетнего прыткого вестфальца изменилась самым волшебным образом. Во-первых, его принял толмачом (переводчиком) в Посольский приказ некий высокопоставленный дьяк. Во-вторых, Штаден получил от самого царя «лицензию» на право содержания кабака, а также винокурения, пивоварения и «ставленья» меда. И, кроме этого, занялся торговлей мехами. Друзей и покровителей способный юноша нашел себе очень быстро, и каких! Ему покровительствовали, улаживали его конфликты с москвичами и наделяли новыми привилегиями боярин Челяднин (глава боярской думы), Григорий Грязной, Алексей и Федор Басмановы (верхушка опричнины)…

Карьера, одним словом, фантастическая. Вот только одна существенная неувязка: обо всем этом феерическом взлете известно исключительно со слов самого Штадена. По документам проверить это невозможно: как и уверения Штадена, что царь Иван «произвел его в рыцари»…

На этом не кончилось. По словам Штадена, царь зачислил его в опричники и Генрих принимал участие в тех самых зверствах и грабительских походах, которые описывал прямо-таки со сладострастием.

Чтение, право слово, прелюбопытное. Вот Штаден видит, как за шестью опричниками гонятся аж триста «земцев». Не медля ни секунды, отважный вестфалец скачет наперерез и орет:

– Брысь отсюда, мать вашу!

Ну, или что-то вроде того. Вид у него настолько грозный, что триста нападавших разбежались во все стороны, как зайчики. Штаден, воодушевившись, ворвался в некий богатый дом, изрубил топором некую «княгиню», вломился в девичью светелку и всех там изнасиловал…

В самых приятельских отношениях Штаден был еще с одним высокопоставленным опричником, Алексеем Басмановым, на свадьбе которого был почетным гостем. Другой боярин, некий Федор Санин, настолько Штаденом очаровался, что предлагал

ему в жены свою дочь с огромным приданым – но Штаден отказался, поскольку денег у него у самого было хоть лопатой греби…

Когда на Москву пошел набегом крымский хан Девлет-Гирей, Штаден опять-таки проявил чудеса героизма: с тремя сотнями воинов бросился на крымский отряд в несколько тысяч всадников. Все триста (триста спартанцев?) погибли, остался в живых один Штаден, но татары отступили. Правда, после столь славных подвигов Штаден почему-то, как сам проговорился, оказывается всего-навсего владельцем мельницы где-то в захолустье. Все поместья у него по какой-то трагической случайности отобрали, никто из столь высокопоставленных покровителей не помог, и разобиженный Штаден навсегда покинул Россию…

Как вам история, читатель? Высшие сановники государства Российского отчего-то проникаются невероятной симпатией к рядовому ловцу удачи. Особенно впечатляет боярин (!), который на полном серьезе собирается выдать дочь за неведомо откуда приблудившегося чужестранца без роду-племени… *Второго* такого курьеза в отечественной истории не зафиксировано.

Все это больше напоминает сочинения достопамятного барона Мюнхгаузена – однако очень долго записки Штадена считались «ценнейшим источником по истории опричнины». Вероятнее всего, причина была в особом складе ума наших либералов-интеллигентов: *иностранец* свидетельствует! Немец! Сколько было импортных проходимцев, которым внимали, развесив уши, даже когда они плели явные небылицы…

В общем, почти двадцать лет назад за писания Штадена взялся Д. Н. Альшиц – профессор, доктор исторических наук, тот, кто первым ввел в научный оборот и Список опричников Ивана Грозного, и Официальную разрядную книгу московских государей, и многие другие документы того времени…

Тщательно проанализировав все несуразности, логические несовпадения, а также основываясь на реалиях того времени, коих профессор, как легко догадаться, большой знаток, Альшиц сделал безапелляционный вывод: врал Штаден, как сивый мерин. На Руси он, конечно, был, и кабак, не исключено, держал, и мехами поторговывал. Очень похоже, и видел *снаружи* опричный двор Грозного. Вот только сам в опричниках никогда не бывал и не принимал участия ни в одном из опричных предприятий… Ив «рыцари» его, конечно же, Грозный не посвящал. Просто-напросто, уехав в конце концов из России, прыткий вестфалец на манер Хлестакова сочинил авантюрный роман, который выдал за подлинные мемуары (подробное изложение выводов профессора

Альшица нетрудно найти в недавно вышедшей под прозрачным псевдонимом Даниил Аль книге – см. библиографию).

Дело тут не в одном лишь пристрастии к патологическому вранью. Причины имелись самые что ни на есть меркантильные. По неписаным законам того времени, человек, достигший в одном государстве каких-то постов, званий и титулов, мог, поступая на службу в другом государстве, претендовать на аналогичные титулы и звания. Таким образом, герр Штаден, субъект весьма низкого происхождения, именовал себя «рыцарем царя Московского» не из простого желания прихвастнуть или пустить пыль в глаза – теперь и в Германии он мог рассчитывать на признание его благородным дворянином, не просто Штаденом, а рыцарем фон Штаденом…

И ведь все точно рассчитал, паршивец! Очень скоро он уже в качестве *«фон* Штадена» маячит при европейских дворах и ухитряется заинтересовать своей персоной коронованных особ вроде короля Стефана Батория и императора Священной Римской империи Рудольфа II…

Он, правда, так и окончил свои дни полноправным «фоном», да и умер отнюдь не в нищете – вот только ровным счетом ничего серьезного не совершил, ни к каким важным историческим событиям не причастен. Поскольку, драпанув из Москвы, связался с неким высокородным господином, представлявшим собой фигуру безусловно комическую…

История сама по себе настолько занятная, что не упомянуть о ней просто невозможно.

Высокородный господин, к которому Штаден прибился, носил пышный титул: пфальцграф Георг Ганс, граф Фельдценский. Вот только владения его, затерявшиеся где-то в Эльзасе, были прямо-таки микроскопическими. Подобных «владык», едва ли не пожимавших друг другу руки из окон своих «резиденций», остроумный немецкий историк XIX столетия Бецольд окрестил «князьями-пролетариями». Поскольку иначе, как мелочью пузатой, назвать их невозможно.

Прокормиться в крохотном графстве было толком невозможно, и молодой граф Георг Ганс подался «в люди». Сначала воевал во Франции (то с гугенотами против католиков, то с католиками против гугенотов), потом обивал пороги европейских коронованных особ с самыми фантастическими проектами. Коронованные особы вежливо отправляли графа восвояси.

Объявившись в Священной Римской империи, граф выдвинул очередную светлую идею: построить могучий флот на Балтийском море, а адмиралом назначить его самого – ух, как он всех

раскатает, и датчан, и разных прочих шведов!

От прожектера и там вежливо отмахнулись, и граф нашел себе новое занятие – он стал первым зафиксированным в истории профессиональным борцом с «русской опасностью». Сочинял новые проекты, которыми заваливал императорскую канцелярию, призывал всей Европой дать отпор «московским варварам» – а заодно втолковывал всем, кто соглашался его слушать, что имеет права на шведскую корону. Прыткий был молодой человек, непоседливый и графоманистый – пол-Европы завалил своими брошюрами, «летучими листками» и неисчислимыми «меморандумами».

Вот тут к нему и прибился знаменитый московский рыцарь фон Штаден. Неведомо, уж как они познакомились, но оба моментально пришлись друг другу по душе. Именно во дворце графа Штаден и написал свои «Записки о Московии». А чуть позже оба уселись сочинять новый план – полной военной оккупации варварской Московии. Именно так, скромненько и со вкусом. Планы были, назовем вещи своими именами, полной шизофренией: намечалось, подняв всю христианскую Европу, захватить Московию и ограбить ее дочиста, потом заодно прихватить и польско-литовское государство, с помощью персидского шаха одолеть турецкого султана, ну и напоследок через покоренную Россию дойти до Америки, которую тоже захватить, не мелочась…

Очаровательно, не правда ли? Счастье еще, что в те времена не открыли Австралию, иначе парочка фантазеров и ее собиралась бы после Америки завоевать…

Исписав кучу бумаги, граф принялся мотаться по европейским дворам, повсюду разводя турусы на колесах и таская за собой отъевшегося, поважневшего Штадена, которого всем и каждому представлял как ведущего эксперта по московитским делам, который, ежели что, не даст соврать…

Штаден важно кивал и поддакивал: вся Московия, мол, ненавидит своего царя Ивана Грозного, которого за жестокость даже прозвали Васильевичем! Достаточно там появиться ограниченному контингенту европейских цивилизаторов, как русские сами своего варварского правителя приведут битым и связанным! Дело верное, не сомневайтесь, ребята! А уж добычи-то: в Белоозере – казна, на реке Мезени – серебряная руда, в Вологде – склад с собольими мехами, а по рекам семга – вкуснющая! А главное, от Вологды до Америки – рукой подать! В ясную погоду вот так видно!

Император, а также короли польский и шведский, князья прусские, курфюрсты саксонский и пфальцский, герцог

померанский и курфюрст бранденбургский, выслушав весь этот бред, с непроницаемым видом кивали, а потом вежливо выпроваживали Георга Ганса вместе с его экспертом по русским делам. К чести всех без исключения коронованных и просто владетельных особ, помрачением рассудка они не страдали и прекрасно соображали, что завоевать Россию – задача далеко не такая простая, как о том толкуют эти два балбеса. Отчаявшись, прожектеры поехали к людям попроще, ганзейским купцам, предлагая им то же самое. Но рассудительные немецкие купцы опять-таки знали, что Россия воевать умеет, и не рассчитывали покорить ее силами своего торгового дома…

В общем, вскоре графа перестали пускать в приличные дома – всякий раз выходил швейцар и говорил, что короля (или императора, или герцога) дома нету. На недельке, мол, как-нибудь зайдите… Граф, видя полный крах своих великих планов, вернулся в свое крохотное государство и окончил там дни, распродавая родовое имущество, а при особенно остром приступе безденежья разбойничал на большой дороге, точнее, на реке Рейн, беззастенчиво захватывая суда с товарами, плывущими из Италии в Нидерланды и обратно. За подобными занятиями он и помер. Куда делся Штаден и как он окончил свои дни, мне в точности неизвестно, да и неинтересно. В любом случае не бедствовал, заработав на своей репутации «эксперта по России» неплохой моральный и кое-какой материальный капиталец…

Творения Штадена серьезно воспринимались на Западе, где о загадочной Московии бытовали самые экзотические впечатления. Например, не кто иной, как знаменитый Скалигер, тот самый, что сугубо оккультными методами сочинил хронологию, немало страниц исписал, уверяя читателей со всем пылом своего научного авторитета, что в Московии произрастает полурастение-полуживотное «баранец»: самый натуральный барашек, у которого вместо ног стебель, коим он укореняется в земле. Когда этот баранец съест всю траву вокруг себя, то помирает с голоду, тут приходят московиты, обдирают с него шкурку и шьют себе шапки…

Ну а нам, коли уж речь идет о нашем прошлом, которое, в общем, довольно хорошо известно, следовало бы относиться критичнее к откровенным выдумкам. Впрочем, порой достаточно не знания исторических реалий, а простого логического анализа.

Взять хотя бы душещипательную историю, как Штаден лишился своих русских поместий, да вдобавок оказался еще и вычеркнут из некоей загадочной «боярской книги», о которой отечественным историкам ничегошеньки неизвестно. Ошибочка якобы произошла, как уверяет сам Штаден: «Все немцы были

списаны вместе в один смотренный список. Немцы предполагали, что я записан в смотренном списке князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом, немецком, смотренном списке. Так при пересмотре меня и забыли».

Вообще-то бюрократия всех стран и народов знает и не такие казусы. Однако… Штаден ранее уверял, будто лично известен самому царю, зачислившему его в знать, что поддерживает самые теплые отношения с главой боярской думы и верхушкой опричнины. Мог ли человек с его криминально-авантюрно-экстремальным жизненным опытом, узнав, что его по канцелярским недоразумениям лишили поместий, не броситься за помощью к своим высокопоставленным покровителям и самому царю? Да не раздумывая! Однако Штаден отчего-то смиренно молчит и, не вы-неся обиды, тихонечко уезжает из России – причем куда-то подевались все его несметные сокровища, которые он якобы награбил на опричной службе…

Заседание боярской думы в Грановитой палате. 1541 г. Миниатюра из Лицевого свода

И обратите внимание на пикантнейший нюанс: Штаден якобы мог оказаться записан в некую книгу *наравне* с князьями и боярами. А это вовсе уж дурные фантазии. При тогдашнем развитии местничества безродного немецкого бродягу не записали бы рядом и с самыми низшими чинами…

Но Штаден до сих пор всплывает то там то сям как «ценный свидетель» и «опричник». Меж тем в списках опричников его отчего-то не имеется (читатель может ознакомиться со списком в Приложении).

Как нет в этом списке наших знакомых, ливонских авантюристов Таубе и Крузе – эти, *сбежав* за границу, тоже потом уверяли, будто служили в опричнине. Мало того: имели

нахальство врать, будто Грозный сделал Таубе князем, а Крузе – боярином.

Это уже не лезет ни в какие ворота. Вообще-то в русской истории известны случаи, когда цари *жаловали* боярским чином своих подданных, – но речь всегда шла о старой русской знати. Да и случаи такие можно пересчитать по пальцам. Напомню, что всесильный в свое время временщик Адашев, о котором можно смело сказать, что он был вторым лицом в стране после царя, боярского чина так и не получил, оставаясь окольничим. Чтобы ввести в боярскую думу нужных людей, Грозный чаще всего *не возвышал* их до боярского чина, а *приравнивал* к боярам. Существовали специальные чины – думные дворяне и думные дьяки – позволявшие их обладателям участвовать в работе думы. Кстати, именно *участвовать,* а не заседать: *сидеть* имели право только бояре, а думные дворяне и думные дьяки должны были все время стоять… Одним словом, боярский чин был слишком почетным и значимым, чтобы походя одаривать им иноземных *шестерок,* пусть даже дворян, как Крузе.

И уж вовсе нереально было кому бы то ни было что при Грозном, что при его преемниках стать князем. Князем можно было только родиться. Других путей к этому титулу не существовало: были порядки, которые даже Грозный не решился бы поломать. Первое в отечественной истории пожалование княжеским титулом случилось только в 1707 г., когда Петр I одарил этим титулом Александра Данилыча Меншикова, – но это были уже совсем другие времена…

Однако все это вранье на Западе срабатывало сплошь и рядом: Таубе в конце концов получил в Германии баронский титул не в последнюю очередь оттого, что при любом удобном случае выставлял себя «русским князем»…

Но опричниками все трое, повторяю, не были никогда. Как бы на них ни ссылались в качестве «очевидцев и участников» иные простодушные авторы вроде того же Володихина, который недрогнувшей рукой выводит: «Немцы-опричники Крузе и Таубе, впоследствии изменившие…»

Да не были они опричниками! Всего-навсего исполнителями мелких поручений Грозного в Ливонии – с которыми не справились, а потому пустились в бега. Как не был опричником и Штаден – Альшица нужно читать…

Впрочем, Альшица-то как раз прыткий Володихин одолел. Однако повел себя предельно странно: принялся высокомерно объяснять, что-де работы Альшица имеют скорее «публицистическое», нежели научное значение…

К слову сказать, Таубе и Крузе, описывая поход опричников

на Новгород, в котором якобы сами принимали деятельное участие, помещают Новгород… на Волге! Хороши «очевидцы и участники»! И счастье еще, что до их мемуаров пока не добрался Фоменко, иначе использовал бы и эти строки в доказательство того, что Новгород – это и есть Астрахань…

Кроме трех вышепомянутых немецких фантазеров, еще многие иностранцы писали о России что их левой пятке удобно. Это и почитаемый некоторыми «видный английский историк Флетчер» – на самом деле обычный купчишка, чей антимосковский пасквиль был запрещен и в самой Англии как вздорный вымысел. И другой купец, Джером Горсей, которого сами англичане прозвали «Фальстафом» – по имени героя шекспировских комедий, записного враля. Часть «свидетельств» об имевших якобы место лютых опричных зверствах поступила от лиц, которые сами в России никогда не бывали, да к тому же были настроены против нее: например, незадачливый «ливонский король Магнус» или польский воевода Радзивилл. Наконец, немало этаких баек в оборот запустил и Курбский.

Иногда приходится полагаться не на «научный метод», а на обычную логику и здравый смысл. Вот, скажем, «Новое известие о России времени Ивана Грозного», принадлежащее перу Альберта Шлихтинга, о котором я уже мельком упоминал: еще одного ливонского военнопленного, прижившегося в Москве. В отличие от троицы земляков-фантазеров, он не заверял, будто был опричником и стал за то боярином или князем – честно признавался, что семь лет проработал помощником царского врача-итальянца (на самом деле, скорее всего, голландца Арнольда Лензея, потому что именно он служил врачом при дворе, а никаких медиков-итальянцев у Грозного не было вовсе).

Так вот, записки Шлихтинга – весьма причудливая смесь реальных фактов, о которых он знал (как-никак семь лет прожил на Москве), и откровенных «жутиков»…

История с двумя бывшими пленниками на пиру у Грозного как раз крайне похожа на правду, услышанную от кого-то осведомленного, быть может, от того же Лензея.

Два русских князя, Щербатый и Борятинский, во время войны попали в плен к полякам, а потом были обменены на двух польских знатных воевод. После их возвращения в Москву Грозный позвал обоих на обед, подарил каждому по куньей шапке и подбитому соболями парчовому кафтану, а потом стал расспрашивать о польских делах – в шестнадцатом веке военнопленные такого ранга не в земляной яме томились, а пользовались относительной свободой, так что могли узнать немало интересного. Борятинский, очевидно, желая примитивно

польстить Грозному, стал плести откровенный вздор: якобы польский король и его воеводы так боятся Грозного, что стоит на сопредельной стороне объявиться русскому отряду с развернутым знаменем, как поляки, сколько бы их ни было, разбегаются в ужасе…

Грозный не мог не понимать, что это полная брехня. Но слушал с непроницаемым лицом. Наслушавшись вдоволь, покачал головой и сказал насмешливо:

– Жаль мне польского короля, что он такой трус…

Борятинский, ободренный успехом, приготовился врать дальше, но Грозный, схватив свой знаменитый посох, чувствительно отвозил им фантазера, приговаривая что-то вроде:

– Ой, не лги, ой, не лги царю!

Этой выволочкой «тиран», правда, и ограничился, даже не стал отбирать дареные наряды. К слову, второй князь на вопросы Грозного отвечал обстоятельно, серьезно и по делу, без патриотических баек, за что удостоился похвалы.

Вот *это* очень похоже на Грозного.

Зато можно сказать с уверенностью, что другая история Шлихтинга выдумана самым беззастенчивым образом.

«В зимнее время, как только какая-нибудь кучка людей соберется по обычаю на площадь для покупки необходимых предметов, тиран тотчас велит тайком выпустить в середину толпы диких медведей. Люди при виде медведей, от неожиданности и не подозревая ничего подобного, разбегаются, а медведи преследуют бегущих и, поймав людей, валят их и, растерзав, забивают насмерть». Это, мол, утеха для царя и царевичей, которые таким образом развлекаются.

Обратите внимание: из контекста недвусмысленно следует, что так происходит *постоянно.* А вот уж в это никак не верится: ну кто стал бы в здравом уме и твердой памяти раз за разом собираться на конкретную базарную площадь, зная, что туда регулярно выпускают диких медведей? Да и непонятно, кстати, каким образом медведей можно «тайком» выпустить в «середину» толпы. Впрочем, не исключено, что по приказу «тирана» медведи сначала переоделись простыми москвичами, приклеили бороды и в таком виде замешались в толпу, а потом сбросили маскарад и проявили зверскую натуру. Чего не сделаешь из страха перед «безумным тираном», одинаково страшным как для людей, так и для медведей…

А если серьезно, историйка сомнительная. И больше напоминает дошедший через третьих лиц рассказ о каком-то *случайном* инциденте с вырвавшимися на свободу медведями. Следует учитывать, что в Москве очень модно было держать во

дворе ручных медведей и на богатых подворьях косолапых имелось множество…

Вообще повествование Шлихтинга об опричных зверствах изобилует абстракциями: среди жертв «один сын некоего знатного человека», «один крестьянин», «московский воевода», наконец, некий «воевода Владимир», которого, как ни бейся, невозможно идентифицировать (пусть этим занимается Володихин). Что опять-таки доверия к Шлихтингу не прибавляет…

Короче говоря, слишком многое из того, что принято считать «историческими источниками», сочинено либо людьми, которых, как говорится, и близко не стояло, либо врагами Грозного, либо, наконец, проходимцами и авантюристами, которые преследовали свои меркантильные цели. Об этом следует помнить, прежде чем полагаться на иные «свидетельства»…

Ну а если взглянуть в корень, то опричнина, конечно же, была устроена не ради кровавой потехи, а для того, чтобы расправиться без юридических формальностей с изобличенными изменниками, заговорщиками и прочими бунтарями, от которых, такое впечатление, было не протолкнуться…

Примечательный пример. В 1577 г. отрубили голову князю Ивану Куракину. Очередная безвинная жертва? Не спешите. Куракин в свое время участвовал в том самом заговоре Владимира Старицкого, направленном на то, чтобы схватить царя и выдать его полякам. Тогда Куракин отделался легким испугом – жалостливые отцы духовные отстояли. Куракина даже назначили воеводой города Вендена – но когда этот город явились осаждать поляки, Куракин, вместо того чтобы командовать гарнизоном, как ему по должности и полагалось, ударился в запой. Поляки город взяли. После чего Куракина и укоротили на голову…

Да, вот, кстати. Крымский хан Девлет-Гирей, тот, что спалил Москву, пришел на Русь не обычной большой дорогой, а тайными тропами провел свое войско в обход пограничных застав – потому что путь ему указали русские знатные изменники во главе с Кудеяром Тишенковым. А командующие более чем стотысячным земским войском, как я уже говорил, очень уж странно бездействовали. Многие из казненных по этому делу тоже попадут потом в «безвинные»…

Вот несколько дел, когда опричникам приходилось вмешиваться – причем заканчивалось без кровопролития…

1577 г. Воеводы Ноздреватый и Салтыков осаждают ливонский город Смилтин, но операцию проводят спустя рукава: о содержании переговоров воеводы царю не сообщают, да вдобавок намеревались вульгарно ограбить жителей до нитки,

если те сдадутся. Дошло до царя. Грозный отправил разбираться опричника Проню Балакирева, сына боярского. Тут случился еще один конфуз: заслышав ночью топот копыт Прониного отряда, бравые воеводские вояки решили, что их атакует неприятель, и разбежались из лагеря кто куда.

Балакирев быстро выяснил, что к чему – и доложил царю. Тот послал опричника чином повыше, Деменшу Черемисинова. Черемисинов быстренько навел порядок: приструнил воевод, провел переговоры о почетной капитуляции, ливонцы ушли из города со всем имуществом. Ноздреватого по царскому приказу выдрали плетьми на конюшне, а Салтыков и вовсе отделался пустяком – царь всего лишь не наградил его шубой со своего плеча, как собирался раньше…

Тот же год. Воеводы, посланные брать город Кесь, встали в чистом поле и принялись упоенно местничать, забрасывая царя челобитными. Царь дважды писал князю Тюфякину, что тот «дурует». Князь не унимался. В конце концов приехал опричник Даниил Салтыков с царским указом в кармане, отстранил воевод и сам повел войска к цели…

На сей раз «тиран» даже никого плетьми не выпорол, хотя следовало бы…

Кстати, в 1572 г. с крымцами Девлет-Гирея, вздумавшими повторить набег, разделалось как раз опричное войско под командованием молодого воеводы князя Хворостинина. Опричники даже захватили в плен командующего крымцами Дивея-Мурзу.

В общем, опричнина – весьма сложный и неоднозначный процесс, ничуть не укладывающийся в страшную сказочку о разбойничьей банде с отрубленными собачьими головами и метлами у седел, только тем якобы и озабоченной, как бы ограбить побольше безвинных бояр, изнасильничать побольше боярышень, а потом «сшить» дела и погнать невиновных на плаху.

Кровавыми и жестокими мерами (а других тогдашняя практика просто не знала) Грозный, если доискаться до сути, *наводил* порядок в государстве. Если обратиться к реалиям того невероятно сложного времени и судить не по нашим сегодняшним представлениям, а глядя в корень явлений, то выяснится: когда царь хотел, чтобы все, от знатнейшего боярина до последнего пахотного мужика, были «царскими рабами», он думал не о воскрешении античного рабовладения, а попросту добивался, чтобы *все до одного* жители страны подчинялись государству, то есть не нарушали законов, не предавали, не своевольничали. В *те* времена людям сплошь и рядом приходилось вдалбливать в голову эти простые истины

посредством плетей. Слишком мало времени прошло с тех пор, как вместо единого государства преспокойно существовал буйный конгломерат независимых княжеств – и москвичи продавали в рабство суздальцев, рязанцы грабили и жгли ярославцев, знать плевала даже на те скудные писаные законы, что имелись, а устраивать заговоры против своих князей и перебегать на службу к заграничным королям считалось прямо-таки правилом хорошего тона…

Да, головы летели. И порой головы эти, никакого сомнения, принадлежали безвинным. Да, хватало злоупотреблений. Но покажите мне страну, которую превращали в единое государство *иначе*… Занятно будет послушать.

Я не собираюсь ни оправдывать, ни «реабилитировать» Ивана Грозного. Я не говорю, что он был хорош. Но я просто обязан снова и снова повторять, что он был прав. Потому что не лил кровь по безумной прихоти, а крепил единое государство, за которое чувствовал себя ответственным. Точно так же, раньше или позже, поступали по всей Европе короли и их первые министры – но европейские историки все же меньше тешатся жуткими сказками и больше стараются *понимать* некую неизбежность, стоящую за теми или иными казнями и репрессиями… (Хотя и за кордоном хватает своих «черных легенд».)

И наконец, решительно непонятно, отчего презумпция невиновности, столь почитаемая в нормальном суде, совершенно перестает работать, когда речь заходит о том же Иване Васильевиче Грозном.

На него сплошь и рядом вешают всех собак бездоказательно. К примеру, матерый заговорщик, князь Владимир Старицкий, если смотреть как раз с юридической точки зрения, «жертвой» Грозного считаться никак не может. Историки просто-напросто *домыслили,* что Грозный его казнил. Точных сведений нет. С определенного момента Старицкий исчезает из русской писаной истории, вот и все. А версии могут быть самыми различными: либо князь и в самом деле казнен (между прочим, вполне заслуженно, учитывая его привычку встревать в любой заговор, имевший целью свержение Грозного), либо, как о том глухо упоминают иные источники, принял яд, оказавшись в совершенно безвыходном положении после провала очередной «измены». Поскольку *точных* данных нет, нельзя отдавать предпочтение какой-то одной версии, а следует непременно упомянуть, что существуют и другие. К сожалению, сплошь и рядом на «безумие тирана» привычно сваливают все, что только возможно.

Как это было, например, со знаменитым походом опричников

на Новгород под предводительством самого Грозного. Вновь частенько звучат приевшиеся штампы: мол, «тиран» настолько ненавидел «вольный» город, что в конце концов не выдержал и пошел на него войной. Якобы кровавому сатрапу невыносимо было видеть, как совсем неподалеку от его рабовладельческой империи существует «оплот свободы», где все население демократически выбирает себе руководство…

Уже говорилось о том, что сказка про «всенародное вече», где каждый, самый замурзанный новгородец якобы имел голос, сказка и есть. Не было никакого «оплота свободы». Было довольно-таки тираническое независимое государственное образование, где реальная власть принадлежала самым знатным и богатым – а простонародье собирали исключительно для декорации, чтобы «смешанным гулом» одобряло решения элиты…

Если опять-таки *зреть* в корень, то Новгород, объективно говоря, не просто был костью в горле у Московского государства (кто бы таковым государством ни руководил), а еще и в некоторых случаях творил такое, что, безусловно, шло в ущерб всей остальной Руси.

Как это было, например, с хваленными ушкуйниками, начавшим разбойничать на Волге еще в XIV в. Совершеннейший аналог викингов Скандинавии или флибустьеров Карибского моря. Многочисленные, прекрасно вооруженные дружины отправлялись по Волге-матушке исключительно затем, чтобы пограбить и повеселиться. Новгородские бояре их втихомолку снабжали оружием и деньгами, за что получали процент с добычи – а потом, когда из-за лихих походов возникали международные осложнения, разводили руками и уверяли, что не в состоянии повлиять на ситуацию: мол, молодежь балует, и нет с ней никакого сладу, хоть ты тресни…

Дело в том, что новгородцы в первую очередь грабили богатые города Золотой Орды – а татарские ханы, не в силах посчитаться с далеким Новгородом, возлагали вину на русских вообще. И ответные удары обрушивались на области, к Новгороду не имевшие никакого отношения. Русские князья и градоначальники, мимо владений которых взад-вперед плавали ушкуйники, ничего не могли поделать с этой вольницей, многочисленной, хорошо вооруженной и готовой к любому зверству. «Борьбой против татарского ига» тут и не пахло: новгородцы, если не удавалось поживиться в Орде, с тем же пылом жгли и грабили русские города и убивали русских воевод, пытавшихся окоротить речных пиратов…

Вечно так выходило, что Новгород жил как-то *наособицу* от Русской земли: вел свои собственные частные войны то с

ливонскими рыцарями, то с северными народностями, на свою беду богатыми на меха и серебро. (Между прочим, ушкуйники вовсю торговали в тех самых «бусурманских землях» захваченными в набегах *русскими* пленниками.) В XV в. князей к себе новгородцы приглашали главным образом из Великого княжества Литовского, что не прибавляло к ним симпатии в Москве.

А впрочем, с тем же успехом новгородцы воевали и с соседним Псковом. Правда, псковичи тоже были не ангелы и уж никак не воители за Святую Русь: в 1442 г. они ходили войной на Новгород в союзе с ливонскими рыцарями (вообще, новгородско-псковские войны – история прямо-таки бесконечная, как песня табунщика).

В середине XV в. Новгород заключил-таки с Москвой договор, в котором признавал себя вассалом московского великого князя, – но с оговоркой о соблюдении «старины». «Старина» как раз и заключалась в том, что кучка новгородских *бояр* распоряжалась в своих вотчинах, как хотела, без оглядки на писаные законы, права человека и прочие глупости – тот самый феодализм чистейшей воды, который потом будет ломать через колено Иван Грозный…

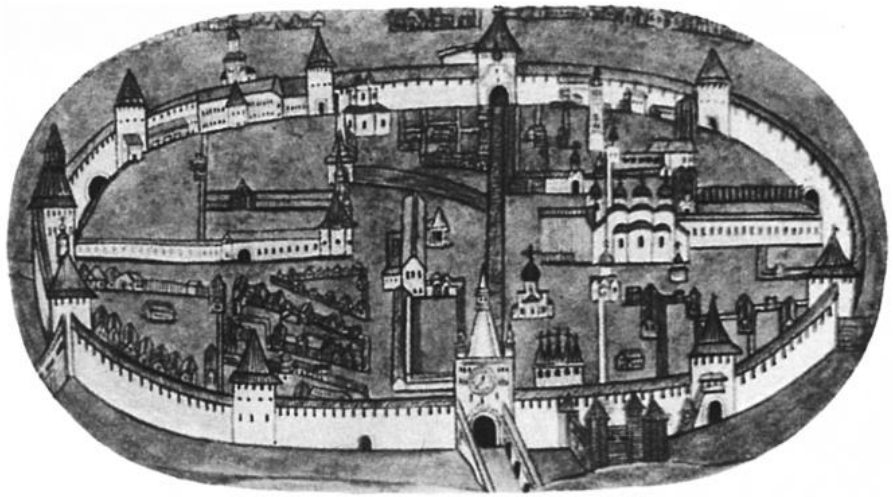
Ну а в 1470 г. новгородские бояре, ревнители веры православной, без малейших колебаний собрались передаться «латынцу», королю польскому и великому князю литовскому Казимиру. Стоявшие у «штурвала» знатные особы, боярыня Марфа Борецкая и ее отпрыски, по всей форме заключили с королем договор, где признавали Новгород вассалом польско-литовской короны.

И вот тут уж на Новгород вновь двинулись московские полки, усиленные псковскими дружинами… Новгород с треском проиграл четыре сражения подряд, причем московско-псковские рати наголову разносили противника, превосходившего их по численности в несколько раз: на реке Шелони десятитысячный московский отряд разбил вдребезги и пополам сорокатысячное новгородское полчище… Примерно так обстояло и в других случаях. Рядовые новгородцы (да и тамошнее высшее духовенство) не особенно и горели желанием воевать (король Казимир благоразумно в эту свару вмешиваться не стал вообще), а кучку «подписантов» великий князь Московский отправил на плаху…

Так вот, поход Грозного на Новгород состоялся после того, как к нему явился некий Петр Волынец и сообщил, что новгородцы, как в прежние времена, собрались перейти в польское подданство, грамоту об этом вместе с «лучшими людьми города» подписал архиепископ Новгородский Пимен, и она

хранится в Софийском соборе за образом Богоматери.

Грозный отправил с Волынцом в Новгород тайных агентов. За иконой и в самом деле нашли грамоту, потихонечку ее изъяли и привезли в Москву. Подписи оказались подлинными.

Новгородский кремль. Деталь иконы XVI в.

Мало того, дальнейшее расследование показало, что ниточки из Новгорода тянутся к князю Владимиру Старицкому, без которого не обходилась ни одна заварушка. Планировалось, что Старицкий, свергнув царя и заняв его место, в обмен на новгородскую поддержку вернет Новгороду прежнюю самостоятельность – и все заживут по любезной сердцу «старине».

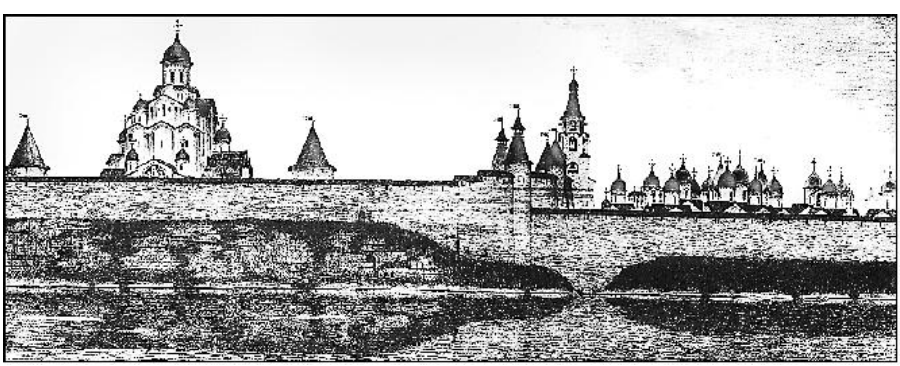
Это – официальная версия событий, исходящая от царского двора. Как и следовало ожидать, либеральные историки вроде Соловьева подвергли ее прежестокой критике, утверждая, что никакой грамоты не было, а если и была, то ее состряпал обиженный за что-то на новгородцев Петр Волынец, с необычайным искусством подделавший все до единой подписи.

Вообще-то сама грамота до историков не дошла, бесследно сгинув еще в шестнадцатом веке – а потому опять-таки имеют право на существование обе версии. Как можно безоговорочно утверждать и подложность, и подлинность документа, которого никто не видел и в руках не держал?

Но если, подобно «либералам», качать на косвенных, то придется признать, что новгородцы *могли* совершить именно то, в чем их обвинял Грозный: такое, в конце концов, с ними случалось не впервые, да и Старицкий, каждая собака знала, спал и видел во сне русский престол…

Короче говоря, опричное войско в глубочайшей тайне выступило в Новгород, надежно его блокировало – и началось… Никто в принципе не отрицает, что в Новгороде происходили массовые казни и прочие зверства. Сомнения вызывает только их *размах*. Поминавшийся уже Джером Горсей, не моргнув глазом, уверял европейскую общественность, что «тиран» уничтожил в Новгороде *семьсот* тысяч человек (при тогдашнем населении Новгорода в тридцать тысяч).

Реальное число погибших, вероятно, все же близко к тем трем тысячам, о которых пишут многие историки. Все другие цифры, значительно завышенные, а также утверждения, что террор и грабеж был поистине *тотальным,* доверия не внушают – потому что принадлежат Штадену, Таубе и Крузе, чья репутация в качестве независимых экспертов весьма сомнительна. И уж безусловно, речь не шла о «патологических зверствах безумного тирана» – поскольку происходившее ничуть не напоминало слепую резню: будь Грозный тем самым примитивным садистом, он с тем же тупым сладострастием выжег бы и Псков, а всех жителей перерезал. Но в том-то и штука, что Псков, куда опричное войско направилось после Новгорода, практически не пострадал. Грозный велел, правда, изрядно пограбить город – но казней там *не было* (что скрепя сердце признал даже истовый сторонник версии о «безумном тиране» Соловьев…). Ну а потом, когда Грозный вернулся в Москву, началось следствие о сношениях новгородского архиепископа и «лучших людей» с московским боярством. Казнено было немало, но сто восемьдесят человек, привлеченных по этому делу, реабилитировали полностью и не оштрафовали даже на копейку…

Псков. Панорама города из-за реки Великой. XV–XVI вв.

К сожалению, материалы расследования до нас не дошли. Однако, сдается мне, вышеописанное течение событий позволяет выдвинуть *версию,* лишенную каких бы то ни было «тиранических

безумств». Все выглядит вполне реалистично и жизненно. Обычный заговор, один из многих. В Новгороде Грозный, надо полагать, не только тешил душеньку злодействами, но и вел вдумчивое следствие – и заинтересованные лица выложили немало интересного. На основе полученной информации с псковичами, в заговоре не замешанными, обошлись, в общем, мягко, в Москве с замешанными разделались, как полагается, а невиноватых не тронули. Подобных заговоров в мировой истории пруд пруди. А беллетристика – она и есть беллетристика, идет ли речь о трех мушкетерах Дюма или князе Серебряном Толстого.

Вот, кстати, Дюма. «Три мушкетера», часть первая, глава вторая. В приемной де Тревиля горячится Портос…

«Кардинал выслеживает дворянина, он с помощью предателя, разбойника, висельника похищает у него письма и, пользуясь все тем же шпионом, на основании этих писем добивается казни Шале под нелепым предлогом, будто бы Шале собирался убить короля и женить герцога Орлеанского на королеве!»

И у читателя поневоле оседает в подсознании, что гнусный кардинал по ложному обвинению казнил некоего благородного человека по имени де Шале… Вот только через тридцать лет *сам* Дюма напишет новый роман о том времени, основанный уже не на фантазиях, а на строгой истории. И окажется, что кардинал не столь уж гнусен, а де Шале не так уж и благороден. Черт его знает, как там обстояло дело с королем, но вот кардинала Ришелье означенный де Шале и в самом деле собирался убить. Пригласить к себе в гости и там зарезать. Потому что кардинал, мерзавец этакий, смеет покушаться на исконные вольности дворянства, требует подчинения королю, о государстве талдычит… Де Шале был настолько глуп и неосторожен, что подробно излагал свои замыслы в письмах друзьям, которых собрался вовлечь в свою затею. Письма перехватили. И суд приговорил их автора к отсечению головы. Не столь уж и «нелепый» предлог…

К сожалению, среди наших авторов исторических романов, порой вульгарно переписывавших Штадена, Таубе, Крузе и прочих баснописцев, подобного здравомыслия что-то не отмечено. И родилось немало творений, обличающих «безумного тирана» – что самое грустное, вполне талантливых…

Вот роман не самого бездарного писателя (которого я с детства люблю и уважаю за другие его книги, поэтому фамилию и название опущу): Иван Грозный с опричниками, заливаясь безумным хохотом, разоряют деревню, имевшую несчастье оказаться в «земщине». Несчастных баб и девок раздели догола, выпустили в поле и стреляют по ним из луков…

Это наш автор, не особенно и задумываясь, почерпнул у Генриха Штадена.

Вот пьеса А. Н. Островского «Василиса Мелентьева»: свирепствует зловещий глава опричников Малюта Скуратов, хватая честных людей направо и налево прямо в царском дворце (безвинных, разумеется!) а кровавый тиран Грозный вовсю крутит роман с дамочкой Василисой, которую по садизму своему велит, конечно же, потом заре-зати…

«Жену Грозного Василису Мелентьеву», по некоторым данным, выдумал не кто иной, как известный фальсификатор древних рукописей Сулукадзев, из сочинений которого, выдаваемых за подлинные «антики», она и попала в иные научные труды. А глава опричников Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, кстати, погиб честной солдатской смертью, командуя штурмом ливонской крепости Пайда – ив реальности вовсе не был монстром…

И так далее, и тому подобное. Иногда – беззастенчивое переписывание сочиненных черт-те кем сказок, а иногда и чуточку поизящнее – умолчание, полуправда. Частенько встречаются стенания по поводу тяжкой участи безвинных бояр, дворян и прочего народа, который Грозный безжалостно выселял из опричных земель, – вот только не упоминается, что все выселяемые получали соответствующую компенсацию – такие же земли только в других местах, подальше. Потому что интрига заключалась отнюдь не в том, чтобы «ограбить», – господ феодалов просто-напросто *отрывали* от насиженных мест, от личных армий, с которыми они то и дело норовили устроить очередную заварушку, от преданной дворни, от многочисленных вассалов и прочей челяди. С вульгарным грабежом это имеет мало общего. Ну и, наконец, добросовестными историками с документами и цифрами в руках давным-давно доказано: при разгромах прежних боярских уделов страдали главным образом особы *приближенные* – дворяне и дворня, холопы и личные дружинники. *Крестьян* репрессии Грозного как раз практически не затрагивали (неизбежные в таком деле злоупотребления не в счет) – иначе не сочиняли бы они потом песен и сказок о мудром и справедливом царе Иване, не одобряли бы его расправ с боярами.

Иван Грозный, отправляясь в поход на Казань, молится перед иконой Владимирской Божией Матери. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в. Прорись

Казань XVII в. Гравюра из «Путешествия» А. Олеария

что же о усп ѣхѣ мъ кромѣ о погибели

Выступление русского войска во главе с Иваном Грозным из Москвы. Миниатюра из списка «Казанской истории». Нач. XVII в.

Ну, а поводы для критики в адрес Грозного могут быть самыми разными. Вот *подлинная* песня тех времен.

Ты куда, куда собираешься,
Православный царь, из Москвы в Казань?
Не один-то православный царь собирается,
Берет, доброго молодца, и меня с собой.
А мне, доброму молодцу, ехать не хотелося,
Хотелося в Москве пожить,
В Москве пожить, при дворце служить,
При дворце служить государевом…

Не нужно быть семи пядей во лбу или дипломированным историком, чтобы сказать с уверенностью: тоскующий герой песни – уж никак не крестьянин, не простой горожанин и даже, пожалуй, не рядовой дворянин: ведь наш добрый молодец, коли уж служит при дворце, не из простых. Но вот не хочется ему на войну, хоть ты тресни. Там тяжело, там и убить могут. Вот бы и дальше обретаться в Кремле, в сытости и почете…

Уж если ты «добрый молодец», так будь любезен, изволь служить, сукин кот, если Родина требует, наверняка ведь здоров и силен. Но наш лирический герой печалится о разлуке с родным батюшкой, родной матушкой, молодой женой – и, кроме них, ничего более не видит. Ему бы и дальше при Кремле… А между прочим, молодой царь Иван Васильевич, как раз и оставив молодешеньку беременную супругу, без всяких стенаний сам ведет войска под Казань и не с безопасного отдаления любуется баталией, а находится возле стен осажденного города, где пули, стрелы и ядра венценосцев от простых смертных не отличают…

Но это так, к слову. Ради иллюстрации отдельных, имевших место умонастроений «добрых молодцев» боярского сословия – положительно, неведомый автор песни далеко не из простых…

Глава десятая. Призрак и тьма

Особо следует подчеркнуть, что никогда не существовало «единого фронта» западноевропейских держав, который сплоченными рядами выступал бы с осуждением «московского варвара» и рассказами о превосходстве «европейских ценностей».

Ну, начнем с того, что никаких таких «европейских демократических ценностей» тогда не существовало, разве что Европа кое в чем опережала Россию по части законодательства и парламентаризма.

Но прослеживается четкая закономерность: в истерике по поводу «московского тирана» добросовестно бились, главным образом, лица крайне заинтересованные, то есть ливонские немцы и поляки с литвинами – непосредственные соседи России, имевшие все основания опасаться ее армий. Священная Римская империя вела себя – в лице императора и элиты – гораздо более спокойно, вполне вменяемо: для империи российские дела были, в общем, чем-то абстрактным, непосредственно ее не затрагивающим. Более того, именно имперский посол в Москве фон Бухау в своих мемуарах кровавыми ужасами не увлекался, безумцем Грозного не считал, а наоборот, писал: «Надобно полагать, по всему, что он ума необыкновенного». Фон Бухау был не авантюристом, озабоченным собственным процветанием, а дипломатом, обязанным поставлять на родину не сказки, а информацию о реальном положении дел с четкими характеристиками руководителя «страны пребывания»… Даже Джером Горсей (которого иные источники именуют почему-то «Джоном»), любитель прихвастнуть, кроме жестокости царя, писал о его остроумии, привлекательной внешности, красноречии и огромном опыте в управлении государством.

А его земляк, английский морской капитан Ченслер, оставил шокирующий либералов отзыв о казнях при Грозном: «Дай Бог, чтобы и наших упорных мятежников научили таким же способом обязанностям по отношению к государству». Осуждения ни капли, наоборот, призыв брать с «безумного тирана» пример. Ченслер достаточно насмотрелся на свистопляску на собственной родине: в Англии тогда полыхали многочисленные бунты вельможной знати, которой не по нраву была твердая королевская власть. Тон задавали буйные бароны Пограничья, но и обитатели более близких к столице краев не отставали. Как ни *тяпала* головы королева Елизавета, титулованные лорды устраивали все новые заварушки…

Не особенно усердствовали в обличении «тирана» и шведы –

потому что их всегда можно было ткнуть носом в собственные достижения и припомнить короля Эрика XIV, который еще в 1520 г. одним махом казнил в Стокгольме 94 сенатора, патриция и епископа (о чем Иван Грозный, повзрослевши, не мог не слышать). Король Эрик опять-таки не был «безумным тираном» – казненные сановники немало нагрешили против государственных интересов и твердой власти. Другое дело, что после смерти Эрика взошедший на трон его младший брат Иоанн (которого Эрик долго держал в тюрьме за причастность к заговорам) решил отплатить и с помощью либералов из своего окружения создал страшную легенду о «безумном тиране Эрике», который казнил безвинных и карал незапятнанных…

Порой совершенно умалчивается, что Иван Грозный был образованнейшим человеком своего времени, блестящим публицистом и даже… поэтом. Правда, он писал не «стихи», как сморозил недавно какой-то невежа, а *стихиры* – тексты для церковных песнопений (и сам пел в церковном хоре, что требует определенного таланта). Казнями и репрессиями царствование Грозного далеко не исчерпывается: при нем, как я уже говорил, получили дальнейшее развитие законы, расширилось местное самоуправление со всеобщими выборами должностных лиц, созывались Земские соборы, где заседали представители всех слоев общества. Не стоит видеть в них, конечно, начатки английского парламентаризма, соборы были чисто совещательным органом – но *подлинный* тиран как раз избегал даже таких собраний. Не зря Земским соборам в России положил конец не кто иной, как тиран номер один российской истории Петр I…

Кстати, книгопечатание в России впервые завел опять-таки Грозный, пригласив мастера Ивана Федорова. Которого, замечу в скобках, изгнали из страны, обвинив в «колдовстве», те самые церковные иерархи, которыми иногда принято умиляться. (В этом, правда, нет никакой «русской отсталости» – когда французский король Людовик XI первым завел у себя печатный двор, печатников изгнало из королевства духовенство, усмотревшее в их ремесле колдовство…)

Между прочим, сказочника Флетчера, написавшего о России вообще и об Иване Грозном конкретно немало благоглупостей, одергивала лично королева Елизавета – женщина была умная, хлебнувшая досыта заговоров и мятежей, а потому склонная скорее подписаться под мнением капитана Ченслера…

Как и жизнь, смерть Ивана Грозного оказалась окутанной многочисленными жуткими легендами. Началось все с Джерома Горсея: он вспоминал, как царь незадолго перед смертью,

пригласив его осмотреть сокровищницу, взял в руку бирюзу и сказал: «Видишь, как она изменяет цвет, как бледнеет? Это значит, что меня отравили». Потом продемонстрировал скипетр из рога единорога (считалось в те времена, что он обладает целебными свойствами), показал, как скипетр убивает пауков, и заметил грустно: «Поздно. Теперь меня не спасет и единорог». Далее Горсей рассказывает еще более интересные вещи…

Один из самых близких к царю бояр, Богдан Бельский, решился обратиться к колдуньям из Лапландии, которых по его приказу привезли в Москву чуть ли не два десятка. Они и указали день смерти царя – 18 марта 1584 г. К середине этого дня Бельский пришел туда, где содержались бабки-ведуньи, и напомнил, что предупреждал их: если предсказание не подтвердится, всех сожгут. Колдуньи ответили ему, что день, собственно говоря, еще не закончился и до вечера далековато. Ближе к вечеру царь сел играть в шахматы с Бельским – и вдруг упал, опрокинув доску. Он прожил ровно столько, чтобы успеть принять монашескую схиму, и до полуночи все было кончено.

Горсей, конечно, сочинял и фантазировал так же легко, как другие щелкают семечки, – но в том-то и казус, что он может оказаться прав. По крайней мере *частично.* Неизвестно, случилась ли в реальности история с северными колдуньями или ее выдумали позже, но о том, что Грозный был отравлен, заговорили не вчера, и подозрения остаются серьезные…

Сторонники этой версии напоминают, что еще за полтора года до смерти Грозного папский дипломат А. Поссевин говорил, будто «московскому государю осталось жить недолго» – при том, что резкое ухудшение здоровья царя наступило перед самой смертью, до этого он *прихварывал,* но не настолько, чтобы окружающие думали о смертельной угрозе для здоровья. И умер он, кстати, не за игрой в шахматы, а за государственными делами.

В 1963 г., после вскрытия гробницы в Архангельском соборе Кремля и исследования скелетов, выяснилось, что в костях Грозного и его сына Ивана – аномально высокое содержание ртути (как и в останках Елены Глинской). Обычно это принято объяснять тем, что в результате разгульного образа жизни Грозный подхватил сифилис, который как раз и лечили ртутными препаратами. Но и на это заявление есть свои контраргументы: во-первых, ничего не известно о «венсзаболеваниях» Елены Глинской и царевича Ивана, во-вторых, есть информация, что ртутные препараты против сифилиса, изобретенные знаменитым врачом Парацельсом, стали широко распространяться в Европе лишь после смерти Грозного.

А самое интересное – в свое время убеждение в том, что Иван Грозный погиб насильственной смертью, было прямо-таки повсеместным…

Сразу после смерти Грозного в Москве отчего-то вспыхнул народный бунт, участники которого уверяли, что «царя отравил Бельский» (по другой версии – задушил подушкой). Подобные утверждения не единожды появляются в трудах русских летописцев, как современников Грозного (Иван Тимофеев), так и близких к нему по времени. Иностранцы чуть ли не все поголовно уверенно пишут о насильственной смерти Грозного… Такое единство мнений заставляет задуматься.

Кому выгодно? Во-первых, недорезанным оппозиционным боярам. Во-вторых, польскому королю Баторию, готовившемуся к новой войне с Москвой. В-третьих, папскому легату Поссевину, озабоченному предотвращением русско-польского столкновения. Так что кандидатов в убийцы достаточно.

Хотя, с другой стороны, нельзя исключать, что версия о насильственной смерти Грозного от рук Богдана Бельского и Бориса Годунова родилась уже позже, когда боярская вольница *валила* ставшего царем Годунова и боролась с Лжедмитрием I, одним из активных сподвижников которого как раз и был Богдан Бельский. Слишком много сплетен, слухов и политических интриг и слишком мало достоверной информации.

Поэтому я не буду уделять много места этому, пусть и интереснейшему, вопросу – исключительно потому, что он не уместится в рамках одной главы. Чем глубже я зарывался в ту эпоху, тем сильнее убеждался: нужна отдельная книга о промежутке меж смертью Ивана Грозного и захватом трона (именно так!) Романовыми. Книга такая будет.

Пока что можно с уверенностью сказать: в описаниях того периода очень уж явственно просматривается серьезная работа, проведенная с целью некоторого искажения истории этого времени. И за этим «проектом», полное впечатление, стояли как раз первые Романовы, лица, крайне заинтересованные в «подправлении» истории.

Давным-давно известно (хотя особенно и не поминается), что никакого такого «всенародного избрания» юного Михаила Романова на царство не было. Собственно, даже «всемосковского» голосования не было. Просто-напросто, когда встал вопрос о кандидатуре нового царя, именно Михаила поддержали «превеликим шумом» казачьи отряды – у казаков висели на поясах крайне убедительные аргументы, они были более организованной силой, чем сторонники других кандидатов (подчас гораздо более знатных, чем худородные Романовы).

По крайней мере в первые годы царствования Михаила положение его было крайне шатким. Настолько, что польский король (к слову, тоже не особенно и древний родом) отказывался даже именовать его «царем», а обращался как к «князю Романову». И дело тут было не в польско-русской враждебности: как-никак в царском титуле поляки никогда не отказывали не только своему лютому ненавистнику Ивану Грозному, но и Борису Годунову. А вот Михаил Романов в их глазах такого именования не заслуживал никак.

Единственный аргумент в пользу «законности» Романовых на престоле – их родство с первой женой Грозного Анастасией. Аргумент весьма хлипкий и мог быть признан убедительным лишь при наличии под рукой казачьих отрядов, вооруженных до зубов…

И потому Романовы отчаянно нуждались в срочной разработке исторических мифов. Каковые очень быстро и принялись сочинять – в первую очередь сказку о «кроткой голубице» Анастасии, якобы все тринадцать лет брака только и смирявшей тиранию венценосного супруга. Пока Анастасия сдерживала людоедские порывы тирана, в стране якобы царили покой и благолепие, но стоило ей, благодетельнице, умереть, как Грозный, оставшись без благотворного влияния жены, и показал свою кровавую натуру…

Это, конечно, шито белыми нитками. В первую очередь потому, что *реальный* Грозный ничуть не похож на человека, который позволил бы кому бы то ни было, даже любимой жене, мягко и ненавязчиво им руководить. Чересчур был решителен и крут… Вмешательства в государственные дела он бы не допустил и со стороны Анастасии. Церковных иерархов он еще слушал – но это совсем другое дело. Феминистки, конечно, ужаснутся, но в те времена русская женщина, даже боярыня, даже царица, занимала чересчур скромное место в тогдашней жизни, чтобы к ее мнению прислушивались. Это было *мужское* столетие. А о роли женщины в общественной жизни свидетельствует как раз книга под названием «Домострой» (которую, кстати, написал не кто иной, как один из ближайших советников Грозного поп Сильвестр).

О царице Анастасии нам известно крайне мало, но, учитывая исторические реалии, смело можно предположить, что она была не более чем, говоря на современный манер, домохозяйкой, чьи функции и права не поднимаются выше котлет и штопки носков. «Ангелом», смирявшим гнев Грозного, она, однако, просто *обязана* была стать под пером романовских историографов – поскольку именно этот ее образ и работал на укрепление династии. Родственники-потомки *любимейшей* жены царя,

единственной из всех его многочисленных супруг влиявшей на государственные дела, – это, согласитесь, нехилый *имидж*.

И чуть позже Исаак Масса, впервые приехавший в Россию в 1601 г. и оставивший интересные, хотя и не свободные от непременной дозы вранья и легковерия записки, уже утверждал со всей уверенностью: «Отец ее (Анастасии. – *А. Б.)* Роман Захарьевич был самым знатным в этой стране после Великого князя».

Самым знатным после великого князя был его двоюродный брат Владимир Старицкий – а кроме того, имелось несколько *сотен* Рюриковичей, Гедиминовичей и Чингизидов, знатностью неизмеримо превосходивших Романа Захарьина. Так что Масса крупно ошибся – но он ведь не сам это выдумал, а наверняка слышал от кого-то, заинтересованного распространять через иноземцев именно такую генеалогию. Свои записки Масса составил в 1610–1611 гг., еще до венчания на царство Михаила – следовательно, уже за пару лет до того кто-то старательно создавал легенду и о невероятной знатности Захарьиных.

Этот «кто-то» вычисляется крайне легко: сто против одного, что это глава русской церкви митрополит Филарет, отец юного царя, человек большого ума, бешеной энергии – и крайне неразборчивый в средствах политик, который получил тогдашние высшие церковные титулы сначала от первого Лжедмитрия, потом от второго и, наконец, сам себя назначил патриархом всея Руси (впоследствии получивший такое влияние, что в царских указах сначала значился «государь патриарх», а потом уже «государь Михаил Федорович»). Не подлежит сомнению, что проталкивать сына на опустевший трон он начал *заранее*.

С этой точки зрения, учитывая настоятельную потребность Романовых в сочинении целого блока удобных для них исторических мифов, следовало бы и рассматривать события, происшедшие после смерти Ивана Грозного. Нельзя исключать, что царь Федор Иоаннович был далеко не так слабоумен, как о том писали при Романовых – да и личность Бориса Годунова следует рассматривать с непременным учетом того, что его реальный образ могли исказить в те же времена. Давным-давно известно: чтобы новый царь (особенно если это основатель новой династии, чьи права, мягко скажем, легковесны) представал особенно толковым, его предшественники прямо-таки обязаны выглядеть скопищем недоумков, тиранов, вообще отрицательных личностей. На фоне такого паноптикума новый правитель выглядит крайне выигрышно.

Легко догадаться, что самого Грозного Романовым трогать не следовало – как-никак они были родичами не его самого, а его

жены, и потому, например, те самые сомнения в подлинно царском происхождении Грозного, о которых я упоминал, при Романовых наверняка преследовались с особенным рвением. Ведь если Грозный – не урожденный Рюрикович, а сын Ивана Оболенского (что вообще-то не следует отрицать безоговорочно), то и Анастасия автоматически становится не супругой Рюриковича, что для Романовых, конечно же, влечет некоторые сложности. Сколько ни руби голов, а на всякий роток не накинешь платок.

А впрочем… Создается впечатление, что к развитию черной легенды о «безумном тиране» Грозном Романовы все же были прямо причастны. Как-никак именно при Романовых в середине XVII в. был составлен так называемый Пискаревский летописец, основанный большей частью на воспоминаниях очевидцев правления Ивана Грозного. Что интересно, опричнина там получила самую отрицательную оценку. Именно в Пискаревском летописце и берут начало получившие впоследствии большое развитие штампы о «безумном тиране» и «ужасах опричнины», якобы направленной исключительно на бездумный террор против правых и виноватых… Создание Пискаревского летописца – вполне умышленная акция, имевшая поддержку на самом верху. Некоторые историки считают, что все поношения в адрес опричнины свидетельствуют о том, что он создавался по заказу князей Шуйских – но, думается мне, заказчиков стоит поискать и повыше.

Для Романовых Грозный, не стоит забывать, оказывался очень удобным *громоотводом.* Той самой демонической фигурой, на которую можно было кивать в ответ на все обвинения в «жестком курсе»: мол, вспомните Грозного и посмотрите, какова была «настоящая» тирания…

Когда на троне оказался Петр I, судя по всему к Грозному относившийся с симпатией, «черная легенда» понемногу стала отходить в забвение. Во второй половине XVIII в. Татищев в своей «Истории» ее полностью игнорирует. А Ломоносов именует Грозного вполне уважительно: «Сей бодрый, остроумный и храбрый государь был чрезвычайно крутого нраву». Правда, и Михайло Василич уже вовсю пользуется загруженными в общественное сознание штампами: и царица Анастасия – тихий ангел, тринадцать лет смирявшая гнев Грозного, и царевича Ивана убил Грозный собственной рукой. Зато другие суждения Ломоносова как раз и противоречат черной легенде: «Особливо что многие бояре, желая дочерей своих или сродниц видеть за государем в супружестве, разными смутами так дух его обеспокоили, что наподобие внезапной бури восстала в нем

безмерная запальчивость».

Между прочим, эти строки Ломоносова – едва ли не единственное упоминание о весьма загадочном периоде российской истории, последовавшем за смертью царицы Анастасии. Ни одна из множества исторических книг, которые мне пришлось перечитать, не упоминает об этом «боярском соревновании» за право пробить свою кандидатку на роль царицы. Хотя Ломоносов, безусловно, на каких-то сведениях основывался. Что-то было, должно было быть. Не зря Грозный в конце концов женился второй раз не на русской, а на дочери кабардинского князя Кученей (в крещении – Марии). Вероятно, на такой шаг его подвигли именно боярские интриги…

Ну а с началом столетия девятнадцатого пришел Карамзин – сентиментальный беллетрист, никоим образом не профессиональный историк, называя вещи своими именами – попросту очередной светский бездельник, уже в восемнадцать лет оставивший государственную службу. И черная легенда получила новый толчок. Николай I, умнейший человек, *этому* направлению в историографии хода не давал – но его сын, государь и фельдмаршал Александр II, постарался на славу…

(Вот, кстати. Я нисколько не оговорился, назвав сего самодержца, никогда не командовавшего армиями, фельдмаршалом. Дело в том, что этот кумир либералов однажды, более чем за столетие до Л. И. Брежнева, произвел сам себя в фельдмаршалы неведомо за какие военные заслуги. В воспоминаниях близких ко двору современников эта история подробно описана: сначала государь (опять-таки неведомо за какие заслуги) сделал фельдмаршалами двух великих князей, а вскоре и его самого с превеликим удивлением узрели в фельдмаршальских эполетах…)

Если вернуться в 1862 г., к памятнику «Тысячелетие России», то следует уточнить: отсутствие на нем Грозного – отнюдь не либеральная самодеятельность молодого скульптора Микешина. Слишком уж серьезным, государственным было событие, чтобы позволить ваятелю единолично решать, кого изобразить, а кого лишить такой чести. 129 фигур, имеющихся на памятнике, отбирала специальная комиссия из высших сановников, а окончательный список утверждал император.

Сильвестр с Адашевым на памятнике есть. Есть там и князь Михаил Воротынский, и царица Анастасия, и Ермак. А вот Грозного нет. Нельзя, конечно, списывать со счетов и определенно проявившую себя злопамятность новгородцев: один из участников открытия памятника, не скрываясь, назвал Грозного «царем кровавой памяти, о которой новгородский

памятник не без намерения молчит». Но если бы Александр II пожелал восстановить историческую справедливость и внести в список Ивана Грозного, кто посмел бы ему возражать? Однако ж – не внес. Большой был либерал – а камер-юнкером и флигель-адъютантом при нем состоял А. К. Толстой, внесший весомый вклад в создание черной легенды о Грозном и своим романом, и драматической трилогией. *Главному* либералу его неуклюжие попытки гламурненько подправить российскую действительность в конце концов вышли боком, в государя императора шарахнули бомбу юные монстрики, порожденные как раз *корявыми* императорскими реформами. Но осталась орава либералов пониже чином, и они старательно малевали картины с «безумным тираном» и читали студентам лекции о «кровожадных опричниках»…

А меж тем, как неоднократно повторялось, современники Ивана Грозного были о нем *другого* мнения. Как-то почти забылось, что вскоре после кончины Ивана его изображали *святым* на иконах, оформленных согласно всем канонам…

Из немногих сохранившихся портретов Грозного царя наиболее достоверным считается так называемый «копенгагенский портрет», явно прижизненное изображение царя, увезенное в Данию датской посольской миссией. Этот портрет – *икона.* Созданная по всем канонам московской иконописной школы.

Иконописный портрет Ивана IV. XVI в.

В конце XVI в., уже при Федоре Иоанновиче, в Грановитой палате Московского Кремля была написана фреска, где Грозный изображен с *нимбом.* Еще два изображения, где Грозный предстает с нимбом вокруг головы, – икона «Моление царя Иоанна Грозного с сыновьями Феодором и Дмитрием перед иконой Владимирской Божией матери» и фреска в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря. Икона относится к концу XVI в., фреска – к XVII в. Неуклюжие объяснения, якобы именно так «полагалось» изображать царей в силу их сана, истине не соответствуют – Михаил Федорович и Алексей Михайлович, к примеру, изображались без нимбов…

Разумеется, *всецерковной* канонизации Грозного не было, но упомянутые изображения с нимбами, в иконописном стиле позволяют судить, что он почитался как *местночтимый* святой, то

есть – московский (в других городах были свои местночтимые святые, это было достаточно широко распространено на Руси). До нас просто-напросто не дошли письменные свидетельства о признании Ивана местночтимым святым, вот и все. Кстати, его сын Федор Иоаннович тоже был московским местночтимым святым – и документы сохранились, и иконописное изображение с нимбом.

Еще о Романовых. Добротному изучению эпохи Грозного помешало еще и то, что один из ценнейших источников эпохи, Стоглав (обширный труд, подводящий итоги Стоглавого собора), был в 1667 г. запрещен патриархом всея Руси Никоном как… еретическое сочинение! И упрятан в архивы почти на двести лет, став недоступным для историков.

Еще о Новгороде. Стоит уточнить, что по какому-то загадочному стечению обстоятельств именно оттуда испокон веков на Руси расходились всяческие ереси, добавлявшие духовной отравы в умы. Так уж почему-то сложилось. Иногда упаковка их выглядела вполне привлекательно, например, требование к церкви отказаться от мирских владений и коммерческой деятельности – но всякий раз они сопровождались столь еретическими нападками на основы церковной жизни и богослужебные правила, что к добру и пользе послужить никак не могли…

Еще о медведях. В новгородской летописи упоминается некий буян и проказник с типичным для того времени имечком Субота Осетр, который, повздорив из-за чего-то с дьяком Бартеневым, не просто обругал его и поколотил, а еще и спустил с цепи своего ручного медведя. Дьяк кинулся спасаться к себе в приказ, мишка вломился следом без всякого почтения к государственному учреждению и, прежде чем чиновный народ успел повыскакивать в окна, кой-кого потрепал (не особенно жутко, без увечий). Узнав об этом казусе, Грозный посмеялся – и взял Осетра вместе с его четвероногим питомцем к себе в скоморохи. Не подобные ли случаи «впаривали» доверчивым иностранцам как достоверный рассказ о привычке Грозного травить москвичей медведями?

(Во всяком случае мне, как и многим сибирякам, приходится и в наши дни сталкиваться не только с доверчивыми иностранцами, но и вполне русскими обитателями

Европейской части России на полном серьезе интересующимися: а не гуляют ли до сих пор медведи по улицам Красноярска, Новосибирска или Хабаровска? Уж будьте уверены, всякий раз любопытствующие получают крайне живописные и увлекательные рассказы о проделках топтыгиных на улицах сибирских городов…).

Еще о смерти – или убийстве? – Грозного. Татищев, основываясь на некоей не дошедшей до нас летописи, писал, что Богдан Бельский на исповеди покаялся, что убил царя по наущению Бориса Годунова. Священник тайну исповеди нарушил и донес патриарху, а тот передал все Годунову, после чего разъяренный Годунов и отправил Бельского в ссылку. Никто этой летописи после Татищева не видел, но интересно, что мотивы, по которым Годунов после смерти Грозного упрятал Бельского в ссылку, нынешним историкам так и остаются неизвестными…

В год смерти Грозного, в январе, над Москвой стояла комета. Сохранились упоминания, что Грозный считал ее предвестницей своей смерти. Неизвестно, правда это или очередная легенда, но комета действительно была. Самое время вспомнить Шекспира:

> В день смерти нищих не горят кометы,
> Лишь смерть царей огнем вещает небо…

Менее чем через год после смерти Грозного, в сентябре, в Париже родится мальчик. Когда мальчик вырастет, он станет кардиналом Ришелье – и на протяжении восемнадцати лет будет заниматься буквально тем же, что делал Грозный. Он *собьет* из скопища феодальных уделов Французское государство, заставит уважать писаные законы, сроет укрепленные замки вельможной знати, а самых непокорных без всяких колебаний будет отправлять на плаху. Происходившее тогда во Франции порой до ужаса будет напоминать недавние российские смуты: брат короля, в точности как наш Владимир Старицкий, ради завладения троном станет устраивать бесконечные заговоры с участием сопредельных стран…

Вот только во Франции никто, в общем, из серьезных историков не называл Ришелье «безумным тираном», а заговоры – вымышленными. Кардинала люто ненавидели, высмеивали – но, в отличие от нашей горластой интеллигенции, всегда усматривали в его поступках смысл и понимали цели, которые он преследовал. А что до жестокости – *век* был крайне жесток. Век-волкодав… До всеобщей гуманизации, «прав человека» и прочих приятных вещей оставалась еще пара-тройка столетий.

Так умно ли судить людей, живших по законам *своего* века, по меркам века *нынешнего?*

Стоглав. Титульный лист. 1600 г.

Глава одиннадцатая. Айн-цвай-драй, шике-шике швайне…

Эта песенка очаровательной девушки Глюкозы ко мне форменным образом привязалась во время работы над книгой, то и дело вертелась в голове, особенно когда приходилось читать записки фантазеров и сказочников, начиная с ливонской немчуры. В самом деле, удивительно точное определение для людей определенного пошиба…

Хорошо еще, что хватало более умных, относившихся к Грозному с безусловным *пониманием.* В первую очередь следует помянуть добрым словом того самого морского капитана Ричарда Ченслера. На страшные сказки он не велся, а старался докопаться до истины. Причиной тому, конечно – весьма существенная разница меж ним и немцами. Если Штаден, Таубе, Крузе открыто выполняли «социальный заказ», то преследуя собственную выгоду, то идеологически обеспечивая «отпор московским варварам», перед Ченслером стояла совершенно другая задача. Его записки – краткий, но чрезвычайно емкий и точный отчет разведчика, каковым он, безусловно, и был помимо основной работы на капитанском мостике. В те времена еще жила добрая старая средневековая традиция, по которой практически любой путешественник, торговец, ученый книжник был тайным агентом. Ко времени Грозного англичане стали работать иначе, они первыми в мире создали разведслужбу с постоянным штатом, который (в отличие от деятелей прошлого, сегодня по приказу монарха занимавшихся разведкой, а завтра искавших руды или строивших мосты) уже профессионально занимался исключительно разведкой и контрразведкой. Впрочем, прежние традиции действовали вовсю, и каждый «первопроходец» непременно составлял по возвращении отчет для какого-нибудь неприметного домика, где сидели неприметные господа, не любившие публичности.

Ченслер, несомненно, был как раз из таких «привлеченных». Но суть не в том, а в его отношении к увиденному. Вот он подробно описывает систему распределения поместий на Руси…

«Во всей стране нет ни одного земельного собственника, который не был бы обязан, если великий князь потребует, поставить солдата и работника со всем необходимым. Точно так же, если какой-нибудь дворянин или земельный собственник умирает без мужского потомства, то великий князь немедленно после его смерти отбирает его землю, невзирая ни на какое

количество дочерей, и может отдать ее другому человеку, кроме небольшого участка, чтобы с ним выдать замуж дочерей умершего. Точно так же, если зажиточный человек, фермер или собственник состарится или несчастным случаем получит увечье и лишится возможности нести службу великого князя, то другой дворянин, нуждающийся в средствах к жизни, но более годный к службе, идет к великому князю с жалобой, говоря: у вашей милости есть слуга, неспособный нести службу вашего высочества, но имеющий большие средства; с другой стороны, у вашей милости есть много бедных и неимущих дворян, а мы, нуждающиеся, способны хорошо служить. Ваша милость пусть посмотрит на этого человека и заставит его помочь нуждающимся. Великий князь немедленно посылает расследовать об имении состарившегося. Если расследование подтвердит жалобу, то его призывают к великому князю и говорят ему: «Друг, у тебя много имения, а в государеву службу ты негоден; меньшая часть останется тебе, а большая часть твоего имения обеспечит других, более годных к службе». После этого у него немедленно отбирают имение, кроме маленькой части на прожиток ему и его жене».

И что же, заезжий англичанин порицает это «варварское установление»? Наоборот! У Ченслера вырывается искреннее пожелание: «О, если бы наши смелые бунтовщики были бы в таком же подчинении и знали бы свой долг к своим государям!» Капитан, как недвусмысленно явствует из его записок, ярый государственник и сторонник крепкой центральной власти – поскольку не из благородных магнатов. К русским он относится с нескрываемой симпатией, а если о чем и сожалеет, так только о том, что русские еще «не понимают своей силы», иначе давно показали бы всем соседям кузькину мать. Не раз Ченслер сравнивает английские порядки с русскими, причем следует, что русские обычаи для него – *пример*.

«Русские не могут говорить, как некоторые ленивцы в Англии: «Я найду королеве человека, который будет служить ей за меня или помогать друзьям оставаться дома, если конечное решение зависит от денег». Судя по контексту сравнение опять-таки не в пользу Англии. И вовсе уж интересно отношение Ченслера к русской юридической системе. По его убеждению, как раз «достойно одобрения» то, что каждый русский сам ведет свое дело в суде, составляя все необходимые документы, а не пользуется услугами «специалистов-законников», которые стоят немалых денег. И явственно проскальзывает некоторое удивление русскими законами: эти странные московиты за *первое* преступление не вешают виновника – в то время как в Англии это

случается сплошь и рядом…

Нескрываемое уважение звучит и в рассказе Ченслера о русских военных, привыкших к самым суровым походным условиям. «Много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц? Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными (речь идет о приученных терпеть лишения боевых конях. – *А. Б.)*. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн? Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям (наверняка имеются в виду польский король и германский император. – *А. Б.)* было бы не под силу бороться с ним».

Ченслер в своей книге не приводит *ни единой* страшной сказки, которые уже тогда имели большое хождение. Остается только жалеть, что ему не удалось пожить дольше и написать о России больше, что он, несомненно, сделал бы – Ченслер на обратном пути из России попал в шторм у берегов Шотландии и погиб вместе со своим кораблем, но навсегда вошел в историю как человек, первым проплывший из Англии в Россию Северным путем (вообще-то предприятие он задумал еще более дерзкое, Северным морским путем добраться в Индию и Китай, но потерял два корабля из трех в бурю, а третий вынесло в Белое море, к русским берегам). Правда, исторической справедливости ради нельзя не отметить: Ричард Ченслер, что в те времена было самым обычным, оказался человеком с авантюрной жилкой. Причалив к русским берегам и нуждаясь в помощи, он, не моргнув глазом, в ответ на расспросы местных властей, выдал себя за королевского посла, специально, дескать, и направленного в Россию с целью установления контактов. Эта маленькая ложь как раз и позволила завязать постоянные русско-английские связи. В конце концов, Ченслер не ради собственной выгоды малость погрешил против истины, в отличие от ливонских сказочников.

К которым мы, увы, вынуждены вернуться. Потому что речь далее пойдет о тех самых «ужастиках» и о том, как они формировались. Следует обязательно рассмотреть несколько самых известных мифов – с детальным разбором таковых…

Вот, например, реальный исторический факт: разгром отрядом опричников под личным командованием Ивана Грозного Немецкой слободы, района московского «компактного проживания» иностранцев, немцев, главным образом. Давайте

разберемся…

То ли в 1578-м, то ли в 1580-м посреди ночи в Немецкую слободу ворвался конный отряд «песьеглавцев» под командой «безумного тирана», прихватившего с собой обоих сыновей, Ивана и Федора, чтобы, подобно садисту-папаше, набирались опыта в самых разнузданных зверствах. И началась сущая вакханалия с леденящими кровь подробностями. Честных немецких девиц насиловали скопом, а потом, сатанински хохоча, убивали их на глазах царя. Сам Иван пронзал несчастных опозоренных фройляйн копьем и сбрасывал в реку – не обделяя подобным обращением и мужчин. Богатые купцы предлагали выкуп, чтобы остановить кровопролитие, но Иван отказался, а когда они стали обличать кровавого тирана вслух, Иван распорядился пытать несчастных. Их били кнутами, вырывали ногти, а потом, когда они начали молиться, отрезали и языки – и, перебив в конце концов, дотла сожгли изуродованные трупы, пронзая их добела раскаленными железными копьями. Младший царевич, Федор, не выдержал всех этих ужасов и, причитая в лучшем карамзинском стиле, ускакал из слободы, зато его брат Иван, гораздо более черствый, участвовал в пытках, казнях и изнасилованиях наравне с прочими…

Вам не страшно, читатель? Если страшно, успокойтесь. Ничего этого не было. А то, что было, происходило совсем не так…

Страшилку эту подробно расписал в своей книге померанский пастор Одерборн, который, что немаловажно, сам не был свидетелем погрома в Немецкой слободе. Зато у него были основания не любить Грозного – ранее Одерборн оказался в составе делегации протестантских духовных лиц, которые неведомо с какого перепугу явились к Грозному и стали его уговаривать совместно с протестантами выступить против католиков.

Встретили они такой прием, что едва нашли дверь, а потом в страшной спешке драпали к границе. На Руси католиков, как я уже упоминал, не особенно и любили – но еще более не терпели протестантов за их милые привычки разрушать церкви, крошить в щепу иконы, осквернять утварь для богослужения. Что русские считали совершенно недопустимым, пусть даже речь шла о «латынских» храмах – но, как я уже писал, увлекшиеся лютеране и православных церквей в Ливонии порушили немало. В общем, после всего этого попытка натравить Грозного на католиков была с их стороны форменным идиотством…

Погром в Немецкой слободе был вызван не очередной прихотью «кровавого безумца», а вполне здравыми, житейскими,

понятными причинами, о которых подробно написали в том числе и независимые иностранные наблюдатели…

Но давайте по порядку. Немецкая слобода была устроена еще Василием III. «Иностранные специалисты» очень быстро ее превратили в рассадник самого натурального алкоголизма – о чем осталось немало *западных* свидетельств.

Адам Олеарий, дипломат из голштинского посольства, так излагает историю Немецкой слободы: «Эта часть построена Василием, отцом тирана, для иноземных солдат, литовцев и поляков, и немцев, и названа, по попойкам, «Налейками», от слова «Налей!» Это название появилось потому, что иноземцы более московитов занимались выпивками, и так как нельзя было надеяться, чтобы этот привычный и даже прирожденный (! – *А. Б.)* порок можно было искоренить, то им дали полную свободу пить. Чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских (эти последние также весьма склонны к пиршествам и выпивкам, но в течение целого года им разрешается напиваться лишь в немногие дни – в самые большие праздники), то пьяной братии пришлось жить в одиночестве за рекою».

Очаровательно, не правда ли? *Иностранец,* а не какой-нибудь «квасной патриот» свидетельствует, что русские пили мало, а вот западные люди отличались не то что привычкой, а *врожденной* тягой к неумеренному потреблению спиртного. Вообще-то Олеарий побывал в России позже, в середине XVII в., но он переписал сведения о Немецкой слободе из книги императорского дипломата Сигизмунда Герберштейна, который в России с посольствами бывал дважды, прекрасно знал русский, оставил подробнейшие воспоминания и сказок не сочинял…

Вынужден разочаровать тех, кто талдычит о якобы «врожденном» пьянстве русских, неумеренном, повсеместном и непрестанном. *Такое* началось только при Романовых, а до того Русь вела довольно трезвый образ жизни, безнадежно отставая в этом плане от «продвинутой» заграницы. Как верно пишет Олеарий, только пять-шесть раз в году, во время особенно больших праздников, русским позволялось употреблять спиртное сколько душе угодно – и они, как легко догадаться, в эти дни *отрывались* на всю катушку, чего уж там. Нельзя исключать, что на окраинах (а то и в больших городах) потихонечку, за закрытыми ставнями русские люди ее, родимую, все же потребляли, но, повторяю, до конца XVI в. антиалкогольные строгости на Руси были такие, что знаменитая горбачевская кампания за «сухой закон» им в подметки не годится.

Иные кивают на свидетельство англичанина Флетчера, в самом деле неприглядное.

«В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и проч. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму… Там, кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке двадцать, тридцать, сорок рублей и более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они (по словам их) в честь господаря, или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют *нагими).* Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода».

Ну, что тут скажешь? Что ни слово – святая правда. Вот только это свидетельство Флетчера относится к гораздо более поздним временам, даже не Федора Иоанновича, а *Годунова.* При Грозном на всю Россию был единственный предназначенный для русских кабак – в Москве, но предназначался он не для всех желающих, а исключительно для опричников (этакая офицерская столовая, устроенная, надо полагать, для того, чтобы пили среди своих и не выболтали во хмелю посторонним государственных тайн…) Кабаки «для всех» появились только при Годунове – а впоследствии, усмотрев прекрасную возможность пополнить казну, «христолюбивые» Романовы это дело поставили на широкую ногу. Вот тогда-то пьянство и стало повседневным, постоянным, всеобщим. Вот тогда-то и побрели из кабаков совершенно голые, пропившиеся в буквальном смысле слова до нитки гуляки, прикрывая срам ладошкой, если только хватало на это соображения. А тех, кто пытался увести пьянчугу из кабака, будь то его жена и дети, по призыву кабатчика немедленно хватали (ущерб, говорят государеву делу!) и отрубали руки-ноги. Так что споили Россию как раз Романовы, и опровергнуть этот суровый факт решительно невозможно…

Вернемся к Немецкой слободе. Французский капитан Жак Маржерет, несколько лет провоевавший в России (за кого он только не воевал в Смуту, непоседа!), оставил подробное описание Немецкой слободы и указал те причины, по которым она подверглась разгрому…

«Иван Васильевич… пожаловал взятым в плен ливонцам, последователям Лютера, две церкви в Москве и дозволил им открыто совершать обряды своей веры; позже, однако, за дерзость и тщеславие их приказали эти церкви разрушить, а ливонцев, невзирая ни на пол, ни на возраст, выгнать на улицу в зимнюю

стужу и оставить их в чем мать родила. Ливонцы сами виноваты. Забыв минувшее несчастье, лишившись отечества и имущества, сделавшись рабами народа грубого и жестокого, под правлением царя самовластного, они, взамен смирения вследствие своих бедствий, проявляли гордость, держали себя так высокомерно, одевались с такой роскошью, что казались принцами и принцессами; женщины, отправляясь в церковь, одевались не иначе, как в бархат, атлас, камку; самая бедная женщина носила тафтяное платье, хотя бы ничего более и не имела. Главный доход они имели от права продавать хлебное вино, мед и другие напитки: при этом они получали прибыли не по 10 на 100, а по 100 на 100; это кажется невероятным, но тем не менее справедливо».

Вот где собака зарыта! Нищие пленники быстро разбогатели, поскольку получили от «тирана» смачную привилегию на изготовление и продажу спиртных напитков. Которые, следует уточнить, имели право продавать исключительно *своим,* то есть иностранным подданным. Однако, как это частенько случается, «водочным королям» показалось мало обычной прибыли – и они принялись из-под полы продавать хмельное и русским. Из Немецкой слободы в город хлынуло море разливанное горячительных напитков, и Немецкая слобода превратилась в некое подобие «цыганского квартала», которые в нынешней России имеются во многих городах и где любую *дурь* можно приобрести круглосуточно. В конце концов высшее православное духовенство, не на шутку обеспокоенное распространением отравы и ширившимся среди москвичей пьянством, надавило на Грозного, требуя прекратить это безобразие Еще из Маржерета: «Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены в Россию только для того, чтобы выказывать свою гордость и кичливость, хотя не посмели бы сделать этого в собственном отечестве по строгости законов и правосудия». Да уж, тогдашняя Западная Европа гуманизмом не страдала: преступников там живыми в кипящем масле варили, кишки из живых вытягивали, кожу драли в прямом смысле, а в Англии еще и медленно раздавливали, неспешно наваливая на грудь распятого на полу приговоренного тяжеленные камни…

Одним словом, опричный рейд против Немецкой слободы был всего-навсего обычной полицейской операцией против торговцев *дурью.* Во всех странах мира подобные операции против наркопритонов проводятся без малейшего уважения к правам человека и сопровождаются пинками под ребра и вразумлением посредством автоматных прикладов…

Въедливый критик может уточнить, что капитан Маржерет

появился в России только в 1601 г. и свидетелем событий не был. А либеральный гуманист возопит: «Но как же быть с пытками и прочими зверствами!?»

А не было никаких зверств, хорошие мои! Не было! По своей циничной творческой манере главное я приберег на потом. Извольте получить свидетельство доподлинного *очевидца,* наблюдавшего события как раз с немецкой стороны…

Некий немец Бох из города Любека приехал в Москву по делам, оставшимся историкам неизвестными. Остановился на жительство у соотечественника в Немецкой слободе. И, что называется, попал под раздачу…

Так вот, именно этот Бох оставил полное описание происшедшего, ничуть не походившее на «ужастики» Одерборна. Да, опричниками командовал сам Грозный. Да, при нем находились и оба царевича. Да, дома разграбили, а их обитателей голыми выгнали на улицу. Да, несмотря на приказ только грабить, а не бить, опричники хлестали плетьми направо и налево. Но это – *всё!* Не было ни единого изнасилования, ни единого убийства, ни единой пытки. Что, согласитесь, решительным образом меняет картину. Да, имели место и конфискация имущества, и побои – но, напоминаю, речь шла вовсе не о безвинных мирных жителях, чистых перед законом, а о нелегальных торговцах спиртным, нарушивших писаные законы. Бох прямо пишет, что именно митрополит московский, встревоженный массовым пьянством русских, настоял, чтобы Грозный «зачистил» слободу. У Боха, кстати, не было ни малейших причин после всего происшедшего любить русских – он получил сполна свою долю зуботычин и плетей. Однако человек, судя по всему, был честный: не стал, в отличие от Одерборна, сочинять страшные сказки, а изложил все так, как оно обстояло в действительности… Вот только его небольшое сочинение вышло в свет на латыни и крохотным тиражом, а Одерборн свой опус сочинил по-немецки и распространял широко… Спонсорами его книги, кстати, стали поляки, которым подобные пропагандистские изыски пришлись как нельзя более по душе.

Даже у серьезных историков можно встретить упоминания о разнузданном сексуальном терроре, сопровождавшем «зверства безумного тирана»: женщин и девушек в городах и деревнях раздевали догола и, невзирая на лютый мороз, выстраивали вдоль дорог, по которым ехал царь с опричниками. Особо невезучих царь с опричниками долго и увлеченно насиловали, а потом, утонченного зверства ради, вешали в их собственных домах, то на воротах, то даже над обеденными столами, и настрого запрещали родным неделями снимать трупы, так что бедным мужьям и

отцам приходилось жить и обедать в комнате, где под потолком висел разлагающийся труп…

Так вот, *единственный* источник, откуда черпались все эти ужасы, – опять-таки сочинение Одерборна, о чем порой забывают современные володихины…

Кстати, ливонцев из Немецкой слободы не по тюрьмам распихали, а, проучив как следует, выделили им другое место для жительства, где разрешили построить не только дома, но и лютеранскую церковь. Вот только их поселили уже на значительном отдалении от Москвы, чтобы впредь не имели возможности торговать сивухой…

Особый разговор – о личной жизни грозного царя. Вокруг нее опять-таки наворочено столько выдумок и самых безответственных фантазий, что мимо этой темы никак нельзя пройти и следует попытаться внести ясность. Боже упаси, я не претендую на то, чтобы «закрыть тему», но и этот вопрос нужно подробно изучить, чтобы *отшелушить* самые фантазийные выдумки, чтобы меньше по страницам популярной литературы гуляло перлов вроде попавшегося мне недавно. Там, говоря о «безудержном разврате» Грозного, автор мимоходом употребляет восхитительный оборот: «Костомаров и Соловьев *свидетельствуют».*

Костомаров и Соловьев – историки девятнадцатого века, а значит, никак не могут «свидетельствовать» о событиях, происходивших за триста лет до них (при том, что оба вроде бы не замечены в спиритических сеансах с вызыванием духа Иоанна Грозного). Свидетельствовать могут только участники и наблюдатели событий – а вот как раз с ними-то дело обстоит печально. Свидетелей и участников можно по пальцам пересчитать – зато несть числа переписчикам (а то и сочинителям) самых дурацких слухов и сплетен, имя которым – легион…

Вообще-то личная жизнь Грозного, какой бы она ни была, не должна иметь никакого отношения к изучению его деятельности. Поскольку, о ком бы ни шла речь, неприглядные детали в жизни того или иного заметного человека (пьянство, бабы на стороне, незаконные дети, казнокрадство и прочие прегрешения) к серьезному историческому анализу никаким боком не подходят и должны кормить лишь желтую прессу. Классический пример – история (кажется, невымышленная) со Сталиным, которому высокоморальные доброхоты донесли, что блестящий маршал Рокоссовский, вот ужас, спит иногда не в одиночестве, а в компании симпатичных особ женского пола. И вопросили: «Что делать будем?» Сталин пыхнул трубочкой, подумал и сказал:

– Что делать будем? Что делать… Завидовать будем!

Прежде чем перейти к реальным и мифическим женам Грозного, следует обязательно сказать, что царь, и в этом нет никаких сомнений, всю сознательную жизнь *избегал* связывать себя браком с женщинами, имевшими отношение к родовитому боярству. Это просматривается настолько четко, что в доказательствах не нуждается.

Проще всего дело обстоит с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой – с ней не связано никаких разночтений, мифов и загадок, за исключением ее смерти: ведь почему-то сам Грозный считал, что ее отравили.

Второй женой царя в 1561 г. стала крещеная кабардинская княжна Мария (Кученей), дочь князя Темрюка. Вот как раз ей крупно не повезло: давным-давно стали кружить россказни, что она была невероятно жестокой и до предела развращенной. Порой приходится читать сущие *романы,* делающие честь мужским журналам, эротоманские повествования про то, как Мария, оказывается, старательно поставляла мужу всевозможных девиц легкого поведения, а сама в то время, пока ее муж развлекался с доступными красотками, соответственно, блудила с молодыми придворными красавцами. За что разъяренный Грозный ее в конце концов и отравил… «Плейбой» отдыхает.

На самом деле даже иностранные фантазеры ничего подобного не сочиняли. «Свидетельства» о распутстве Марии Темрюковны, о якобы царящей во дворце сексуальной распущенности, даже о жестокости характера кабардинки все до единого, если докапываться до корней, основаны на неизвестно кем пущенных слухах и неведомо кем сочиненных сплетнях…

Впрочем, смерть Марии нельзя назвать случившейся при *стопроцентно* ясных обстоятельствах. Она ездила с царем в Вологду и там заболела. Грозный вынужден был уехать, оставив больную жену на попечение одного из князей Вяземских, – как раз дошли известия о том самом «новгородском заговоре». Вскоре после прибытия в Александровскую слободу Мария умерла. Крайне соблазнительно было бы заявить, что ее отравили бояре, ненавидевшие «чужачку» Марию не менее, чем Анастасию, – но придется воздержаться, поскольку нет ничего, что могло бы сойти за доказательства. Боярскую ненависть к делу не подошьешь… Хотя сам Грозный и здесь видел преступление – но точных сведений о том, что заставило его так думать, не оставил.

Мария умерла в 1568 г., и вскоре Грозный, как и двадцать лет назад, устроил «всероссийские смотрины», на которые собрал красавиц со всего царства-государства. На сей раз в конкурсе участвовали уже не одни только девицы из благородного

сословия – Грозный выбрал себе в жены дочку обычного новгородского купца Марфу Васильевну Собакину.

(По логике событий именно она появляется в гайдаевском фильме, молоденькая робкая красавица: «Марфа Васильевна я…»).

Юной Марфе не повезло больше всех: буквально через неделю после венчания (или через две, это не существенно) она умерла, что, безусловно, загадочно. Попадаются утверждения, что Марфа Васильевна уже выходила за царя, будучи опасно больной, но верится в это плохо: царский брак был событием огромного государственного значения, царице выпадала важнейшая функция – стать матерью наследника, – а потому, никаких сомнений, девушку, проявившую малейшие признаки нездоровья, моментально бы «сняли с конкурса». В следующем столетии на царских смотринах одну из кандидаток, уже, по сути, «утвержденную» царем, все же исключили из списка, как раз за то, что она при всем народе упала в обморок (позже оказалось, что интриганы-завистники из числа папаш-конкурентов подкупили служанок и те зачесали девушке волосы в узел так туго, что она от боли и потеряла сознание – но поздно было что-либо менять…).

Сам Грозный практически моментально заявил во всеуслышание, что Марфу отравили. Если чуть раньше, после смерти Марии Темрюковны, репрессий не последовало, то теперь очень быстро начались казни бояр, в числе которых почему-то оказался и брат покойной Марии князь Михаил Черкасский… Так что история, безусловно, темная. Особенно если учесть последующие события. В 1930 г. был снесен Вознесенский девичий монастырь, где хоронили русских цариц, а их могилы принялись изучать археологи. И тут обнаружилось удивительное: Марфа Васильевна лежала в гробу «как живая», разве что бледная, совершенно не тронутая разложением, хотя прошло ни много ни мало триста шестьдесят лет. По некоторым данным, подобное может происходить в результате попадания в организм большого количества мышьяковидных препаратов… Одним словом, никак нельзя исключать, что кто-то, недовольный привычкой царя жениться на «рабах», предпринял потихоньку свои меры…

Дальше как раз и начинается *туман.* Грозный обратился к высшему духовенству за разрешением на новый брак (в те времена жениться разрешалось только трижды). Чтобы дело прошло легче, Грозный уверял, будто «не успел» осуществить свои супружеские права и Марфа так и умерла девственницей, что делает третий брак, с точки зрения царя, как бы и «небывшим». Разумеется, есть сильные подозрения, что Грозный

лукавил насчет «небывшего» брака…

В 1572 г. Грозный ведет к алтарю некую Анну Колтовскую, в отношении которой историки до сих пор не пришли к согласному мнению: то ли она была дочерью кого-то из придворных, то ли происходила из столь уж худородной семьи, что ее родителей после свадьбы дочери даже ко двору приглашать не стали (хотя купцы, родные Собакиной, ко двору попали и чинами были жалованы). Более того, подвергается сомнению даже сам факт церковного венчания Грозного с Колтовской. Как бы там ни было, М. В. Ломоносов (а он был гораздо ближе к тем временам, чем историки последующего, девятнадцатого столетия) в числе официальных жен Грозного Колтовскую все же упоминает.

Колтовская вроде бы была пострижена в монахини – то ли через год, то ли через три после венчания (если только оно было). И вот тут-то начинается форменное баснословие…

Якобы царь приближает к своей опочивальне неких Василису Мелентьеву и Анну Васильчикову. По одной версии, друг с другом они не «состыковались». По второй, соперничали друг с другом за царскую любовь. По третьей, никакой Василисы Мелентьевой не существовало вообще, а летописную запись о ней подделал Сулакадзев, мастер на такие штуки.

Совершеннейший мрак! Вроде бы Суздальская летопись говорит, что в суздальском Покровском женском монастыре похоронена «супруга царя Ивана Васильевича Анна» – но это, тут же восклицают оппоненты, может касаться как раз Анны Колтовской, благо имена одинаковые. Им возражают: Анна Колтовская похоронена в Тихвинском монастыре…

Летописи – источник, мягко говоря, своеобразный. Даже если не подвергать сомнению их подлинность и признавать, что их создатели следовали за реальностью. Как прикажете поступить со следующим казусом: источник под названием «Мазуринский летописец» сообщает, что специально созванный Собор дал царю разрешение на *четвертый* брак с «царицей Анной» (речь тут может идти исключительно о Колтовской). Однако *два года* спустя была написана «Новгородская вторая летопись», где сказано, что царь только что женился *третьим* браком на Марфе Васильевне Собакиной. Четвертый брак, согласитесь, никак не может *предшествовать* третьему. Обе летописи, безусловно, подлинные. Вот такая неразбериха царит в описаниях Иоанновых браков…

Ну а что же фантазеры? Они внесли свой вклад, можете не сомневаться! Джером Горсей поведал землякам, что «тиран», оказывается, *развелся* с женой-черкешенкой, заточил ее в монастырь, после чего «выбрал себе в жены из многих своих

подданных Наталью, дочь князя Федора Булгакова, славного воеводы, пользовавшегося большим доверием и опытного на войне. Но вскоре этот вельможа был обезглавлен, а дочь его через год пострижена в монахини».

Никто, кроме Горсея, ни о какой «Наталье Булгаковой» не упоминает, да и существование «князя Федора Булгакова» вроде бы под большим вопросом. Но Горсей, похоже, послужил первопроходцем в сомнительном мероприятии по фабрикации вовсе уж мифических «жен Грозного». Его последователи таковых наплодили несметное количество: Авдотья Романовна, Анна Романовна, Марья Романовна, Марфа Романовна (дались им эти Романовны!), а также Амельфа Тимофеевна и Фетьма Тимофеевна. Все до одной – персоны вымышленные.

Наиболее добросовестные мемуаристы (например, И. Масса), не желавшие плодить фантазий и сами в них путавшиеся, писали обтекаемо: «Жен у царя было много».

Другие… Другие, не унимаясь, выдумали то ли жену, то ли любовницу Грозного Марию Долгорукую – и сочинили сцену, опять-таки достойную Голливуда. Якобы Грозный после первой ночи с новой пассией, обнаружив, что досталась она ему уже не девственницей, рассвирепел несказанно. Велел связать несчастную, положил ее в повозку, хлестнул лошадей, и «бедная Маша» утонула в реке. Некоторые, правда, уточняют – не в реке, а в озере. А Горсей, без которого и тут не обошлось, присочинил еще более жуткие подробности: оказывается, утопили бедняжку Марию в том самом озере в Александровской слободе, куда обычно Грозный и велел сваливать замученных жертв – а потом вместе с опричниками лакомился жирной рыбкой, отъевшейся мертвечиной. Бумага, она, знаете ли, все стерпит.

Разумеется, никакой Марии Долгорукой, как и ее ужасной кончины, в реальности не существовало. Это не более чем ходячая легенда, в разных вариантах которой, кроме «Марии Долгорукой», фигурирует еще с полдюжины разных имен…

В 1580 г. Грозный вступил в *несомненный* законный брак с Марией Федоровной Нагой (Нагих). Она его пережила (и именно она стала матерью загадочно погибшего в Угличе царевича Дмитрия).

Таким образом, получается, что жен у Грозного было юридически пять (Анастасия, Мария Темрюковна, Марфа, Анна Колтовская и Мария Нагая), а фактически четыре. Так что и в этом случае Мария Нагая *выглядит* все же незаконной, так что ее потомство не вправе претендовать на престол…

Но тут-то и кроется очередная загадка. Борис Годунов, из «правителя» России ставший русским царем, как раз и имел все

основания к тому, чтобы представить Марию Нагую и ее сына совершенно незаконными, неправильными. А значит, уже с его подачи с документами могли и поработать надежные люди, добавив Грозному лишних жен, дабы Мария и Дмитрий предстали персонами, никаких прав на престол не имеющими…

Ну нет полной ясности, хоть ты тресни! Есть летописи, почти все сочиненные гораздо *позже* событий, есть заинтересованные лица, вполне способные летописи подправить, есть сказочники, по тем или иным причинам разводившие турусы на колесах… А истина, полное впечатление, безнадежно затерялась в минувших веках.

Грозный, без сомнения, женщин вниманием не обходил. Но вторая половина его жизни отображена настолько туманно, что руки опускаются в попытках отделить правду от сказок. Куда уж дальше, если даже Валишевский, немало потрудившийся для разрушения многих идиотских мифов о Грозном, однажды написал следующее: *«Вполне возможно,* что даже опричники служили для удовлетворения таких наклонностей и вкусов его страстной и неумеренной природы, которых *по-видимому,* не могли ослабить в нем ни старость, ни болезни. *Возможно,* что этот привычный разврат принимал иногда самые отвратительные и жестокие формы» (курсив мой. – *А. Б).* Уж если такое писал один из самых объективных биографов Грозного, чего можно было ожидать от тех, кто слепо мифам следует, предпочитая их реальности?

Теперь – о знаменитом убийстве Иваном Грозным своего сына Ивана, о котором опять-таки «все знают» (благо «каноническая версия» поддержана известнейшей картиной Репина…)

Согласно канонической версии, дело выглядело так. Иван Грозный, от нечего делать болтаясь как-то по дворцу, зашел без стука в покои супруги царевича и увидел, что она лежит из-за жары в одной только тонкой сорочке, что по нормам того времени было недозволенным нарушением приличий. Разъяренный ревнитель морали принялся колотить беременную невестку посохом, а прибежавшего на шум и пытавшегося защитить жену царевича Ивана шарахнул в висок острым концом посоха, отчего Иван и скончался (что и изображено на полотне Репина). Очередное зверство безумного садиста, одним словом…

И. Е. Репин. «Иван Грозный и сын его Иван» 1885 г.

Знатоки русской истории и русских обычаев давно уже косились на эту историю крайне неодобрительно. Дело, надобно вам сказать, происходило в *ноябре* – не самое подходящее время для того, чтобы расхаживать в одной сорочке (а тогдашние здания отапливались не настолько хорошо, чтобы в них стояла курортная температура). Мало того: более-менее знатная или зажиточная женщина (не говоря уж о супруге царевича и наследника трона) обычно обитала в «тереме», женской половине, которая всегда запиралась на ключ, а ключ лежал у мужа в кармане. Кремлевский дворец русских царей ничуть не походил на коммунальную квартиру, и даже самодержец всероссийский не смог бы ненароком *забрести* на женскую половину. Где к тому же имелась уйма служанок, которые не допустили бы к полуодетой хозяйке никого постороннего…

В общем, эту «кухонно-коммунальную» версию запустил в свое время итальянец Поссевин, мягко выражаясь, отнюдь не благожелатель Грозного. А «смертельный удар жезлом» живописал не к кто иной, как Горсей, что данное «свидетельство» несколько обесценивает.

Сентиментальный Карамзин историю с «растелешенной» супругой наследника обходит молчанием, зато живописует, как «тиран» уже не в приватной обстановке, а при свидетелях

безжалостно убил сына посохом. За что? А якобы за его просьбу послать его с войском отвоевывать у неприятеля Псков. Услышав такую просьбу, царь, по Карамзину, решил, что царевич хочет свергнуть его с престола – и рассвирепел…

В некоторых версиях фигурирует не удар жезлом, а пощечина, после которой царевич (нервный, надо полагать, как гимназистка) расстроился настолько, что умер от обиды…

Царевича, к слову, разные *сказители* и изображают по-разному, в зависимости от своих целей. То твердят, что он не уступал отцу в тиранстве и разврате, что они с отцом якобы даже менялись любовницами (но поскольку последнее обстоятельство появилось в книге Одерборна, веры ему мало). Другие, наоборот, уверяют, что царевич был этаким благороднейшим и гуманнейшим оранжерейным цветочком – потому и вызвал гнев сурового отца, садиста и деспота…

Был ли удар посохом *вообще? Достоверно* это утверждать невозможно. Дошедшие до нас русские летописи о «роковом ударе» молчат. Разве что во Втором архивном списке Псковской летописи упоминается, что царь сына «поколол» посохом после ссоры из-за Пскова – но предваряется это многозначительным оборотом: «Говорят некоторые, якобы…» Однако по той же летописи, смерть царевича последовала лишь два месяца спустя после ссоры, и летописец никак не связывает одно и другое…

Помянутый Мазуринский летописец – единственный русский источник, который как раз связывает ссору и смерть, – но и там, во-первых, употребляется оборот «по слухам», а во-вторых, Мазуринский летописец проникнут явно антимосковскими настроениями, что тоже следует учитывать…

И. Масса, автор, не склонный следовать дешевым сенсациям и сплетням, написал интересную фразу: «Иван умертвил или *потерял* своего сына». Столь уклончивый оборот свидетельствует, что кружили разные версии, и осмотрительный голландец не торопился выбирать какую-то одну…

Жак Маржерет, в русских делах осведомленный, тоже пишет осторожно: да, «ходит слух», что старшего сына царь убил собственной рукой, но «умер он не от этого». По Маржерету, удар если и был, то не опасный для здоровья, а скончался царевич во время поездки на богомолье (причем вовсе не следует, что туда он отправился, будучи серьезно раненым).

И наконец, при исследовании в наше время останков царевича Ивана в них тоже обнаружено аномальное количество ртути. Либо вновь без всяких документальных оснований твердить, что «царевича лечили от сифилиса», либо…

Нет полной ясности даже в вопросе о количестве жен

царевича. По одной версии, беременная супруга, из-за которой якобы и разгорелся сыр-бор, была у него третьей. По другой – второй (причем о ее беременности не упоминается). Ломоносов называет только *двух* жен царевича – и пишет, что *обе* еще при жизни царевича пострижены в монахини. Тогда откуда взялась третья, беременная Наталья Шереметева? Неразбериха совершеннейшая…

Лично меня настораживает *другой* аспект этой загадки. Практически все иностранцы (которые уж никак не могли сговориться) пишут о некоем *конфликте* меж отцом и сыном. О серьезном конфликте, а не ссоре из-за полуодетой жены, более подходящей для коммунальной квартиры. Практически все о нем да упоминают: и «фантазеры», и люди более серьезные. Правда, причины приводят разные, но тенденция налицо: между отцом и сыном случился некий крайне серьезный конфликт…

Я не вывожу из этого обстоятельства никаких версий – исключительно потому, что разобраться в происшедшем вообще невозможно. Меня просто настораживает *такой* поворот дела: серьезный конфликт, за которым последовала смерть царевича. Никаких версий, никаких намеков: я что-то такое *чую,* а доказать и обосновать не берусь. Очень похоже, что мы далеко не все знаем о той давней истории и никогда уже не узнаем правды.

Если вернуться к знаменитой картине Репина, то и с ней связано немало интересного. Сам Илья Ефимович вспоминал: «Я работал завороженный. Мне минутами становилось страшно. Я отворачивался от этой картины, прятал ее. Но что-то гнало меня к этой картине, и я опять работал над ней».

Для умирающего царевича позировал писатель В. М. Гаршин – который впоследствии сошел с ума и покончил с собой. Для Грозного – живописец Г. Г. Мясоедов (сейчас я пытаюсь проследить его судьбу и обстоятельства кончины – есть у меня смутные подозрения…)

Лев Толстой (еще один либерал!) Репина хвалил: «Молодец Репин, именно молодец. Тут что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель. Хорошо, очень хорошо. Забирайте глубже и глубже». Но совершенно другого мнения был один из выдающихся русских интеллектуалов (не путать с интеллигенцией!), глава Святейшего Синода Победоносцев. Он сообщал Александру III: «Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на нее без отвращения. Удивительное ныне художество: без малейших идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения». Император, к либералам относившийся без малейшей симпатии, а интеллигенцию заслуженно припечатавший «гнилой», меры принял: картина Репина была

запрещена для публичного показа. Когда ее вновь выставили при Николае II, некий молодой человек изрезал ее ножом. Его поторопились объявить сумасшедшим, не вдаваясь в подробности, так и сегодня пишут. Но если учесть, что этот молодой человек, Абрам Балашов, был старообрядцем и по профессии иконописцем, то, очень возможно, дело тут вовсе не в нарушениях психики, а, наоборот, в здоровой реакции на очередную либеральную выходку… Кстати, у Репина вскоре после завершения работы над картиной необъяснимо стала сохнуть правая рука. Причину врачи так и не определили…

Ну а если вернуться во времена Ивана Грозного, то там, без преувеличения, загадка на загадке. Чего ни коснись. Возьмем, скажем, первопечатника Ивана Федорова, который при Грозном «изладил» первые на Руси печатные книги, но после того как науськанная духовными лицами толпа сожгла его мастерскую, бежал из Москвы…

Стоп, стоп! Это опять-таки одна из версий. Что именно произошло тогда, мы не знаем. Сам Федоров выражался уклончиво: мол, нашлись на Москве люди, которые «зависти ради многие ереси умышляли, желая благое в зло превратить и Божие дело вконец погубить», почему и пришлось Федорову «от земли и отечества и от рода нашего быть угнанными и переселиться в иные, незнакомые страны».

Есть очень похожее на правду предположение, что «духовные», выражаясь современным языком, просто-напросто «мочили конкурента». В те времена очень неплохие деньги зарабатывали переписчики книг, в первую очередь церковных – а книгопечатание, как легко догадаться, очень скоро пустило бы их по миру. Вот и оказалась печатня Федорова разоренной.

Упоминание Федорова насчет «иных, незнакомых» стран – очередная загадка. Переселился он в Польшу – а

Польша для него никак не могла быть «незнакомой» страной, поскольку именно там он учился в краковском Ягеллонском университете, каковой и окончил успешно со степенью бакалавра…

Как он там оказался? Тайна. Место рождения Федорова неизвестно. Происхождение – тоже. Да он, собственно говоря, никакой и не «Федоров». На одной из его книг, изданном уже в польском Львове «Апостоле», печатник именуется несколько иначе: «Иван *Федорович* друкарь москвитин». Москвитин – это, похоже, фамилия… или просто тогдашний аналог слова «москвич»?

А приведенный в «Апостоле» «издательский знак» Ивана Федорова, как его именуют в отечественной литературе, –

натуральнейший герб. Загадка на загадке…

И коли уж речь зашла о духовных лицах, думается мне, следует упомянуть еще один миф, связанный с Грозным, – о злодейском убийстве митрополита Филиппа, якобы совершенном по приказу «безумного тирана» лично Малютой Скуратовым. В девятнадцатом веке эта история, как и многие другие вымышленные злодеяния Грозного, была соответствующим образом проиллюстрирована (мне, право, лень было уточнять, кем). Картина в лучших традициях соцреализма (о котором тогда и не слыхивали) рисует последние минуты трагедии: митрополит, чуя смертный час, вдохновенно молится, а в приоткрытую дверь с гнусной улыбкой на обезьяньей роже уже заглядывает злодей Малюта…

На самом деле и это, полное впечатление, вздор. Хотя бы потому, что гуляли *две* версии мученической кончины Филиппа: по первой, его задушил Малюта, по другой – замучил на горящих углях сам Грозный. Это доказывает, что мы имеем дело со сплетней, слухом, выдумкой. Если имеются две «достоверных» версии, ничуть друг на друга не похожие, значит, нет ни одной.

А «свидетельствуют» об умучении митрополита то ли Малютой, то ли Грозным наши старые знакомцы Таубе и Крузе, чье «свидетельство» обрадованно подхватил князь Курбский (ну как же без «ковельского затворника»?) и принялся распространять по белу свету. Свидетели, прямо скажем, сомнительные…

«Апостол» – первая датированная книга, напечатанная Иваном

Федоровым в Москве. 1564 г.

«Житие святого Филиппа», на которое порой ссылаются как на исторический источник (там тоже поддерживается версия об «умучении»), сочинено, как признают многие историки (достаточно назвать Скрынникова и Яхонтова), через несколько десятилетий после описываемых событий, уж безусловно не очевидцами, более того, оно известно в *разных* вариантах. Один многозначительный пример: Грозный, якобы, рассвирепев на обличавшего опричнину митрополита, послал ему отрубленную голову его родного брата, окольничего Михаила Колычева. Однако вот незадача: окольничий умер через три года после описываемых событий (хотя вполне может оказаться, что тиран Грозный и его, как других, убивал дважды, а то и трижды).

В действительности, очень похоже, митрополит вовсе не был «обличителем опричнины», и Малюта его, соответственно, не убивал (и Грозный тоже). Митрополита объединенными усилиями низложили, а потом отправили в заключение (где он и в самом деле умер при непроясненных обстоятельствах) его, так сказать, коллеги по цеху, высшие церковные иерархи, известные, в общем поименно: митрополит новгородский Пимен, епископы Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский, а также многочисленные сподвижники калибром помельче. Грубо говоря, случилась очередная внутрицерковная разборка – а через много лет, воспользовавшись удачным моментом, свалили и этот грех на «душегуба» Грозного, который к тому времени протестовать уже не мог…

Вполне возможно, что таким образом духовная власть сводила счеты с властью светской за прошлые обиды: в свое время исключительно по боярскому «хотению» согнали с места митрополитов Иоасафа и Даниила…

Церковь тогдашняя, повторю еще раз, была в определенном смысле рядовым крупным феодалом – со всеми вытекающими отсюда последствиями. То она активнейшим образом участвовала в сугубо светских политических интригах, то, разделившись на враждующие группировки, хлесталась уже друг с другом. Вполне естественно, что порой некоторые высокопоставленные люди в церковном облачении претерпевали массу неудобств – но не в качестве «страдальцев за веру», а исключительно как крупные политические интриганы, сделавшие неверный ход в большой игре… (Обо всех интригах, внутренних распрях, ересях, коммерческих делах можно написать толстенную книгу, но этого как раз я делать не собираюсь – не стоит в наше непростое время, когда и без того не продохнуть от сатанизма и атак как на

христианство, так и на ислам, подбрасывать полешки в огонь…)

Кстати, новгородские церковные иерархи в свое время, если можно так выразиться, идеологически окормляли тамошних сепаратистов. Еще в начале XV в. они организовали целую серию «чудес» и «видений», которые были направлены на прославление «древней и самобытной новгородской особости». При Иване III даже пытались отделить новгородскую церковь от общерусской: как ни в чем не бывало отправили гонцов к «латинцу» королю Казимиру, прося, чтобы именно он назначил им митрополита из находившейся под юрисдикцией польской короны западнорусской православной епархии. В новгородских церквах то икона Богородицы «роняла слезы», то кровь выступала на гробах прежних новгородских митрополитов – а потом появлялись духовные лица и сноровисто толковали эти чудеса и знамения в том смысле, что слушать надо не Москву, а Казимира.

Но вышло так, что противник этой идеи сыскался на самом верху – новгородский архиепископ Феофил с Москвой рвать не захотел и «под латинца» не перешел. В бою на реке Шелони личный полк архиепископа воевать против московской рати отказался. Потом Феофил, правда, ввязался в московские интриги, за что Иваном III был смещен и отправлен в монастырь.

Ничего уникального – то же самое наблюдалось во всех европейских странах. Католические иерархи частенько лезли в большую политику, за что порой получали серьезные неприятности. Не за веру страдали от «тиранов» иные князья церкви, что католические, что православные, а мешались в дела, которыми им по сану и увлекаться бы не следовало.

Однако из книги в книгу кочует история про то, как благочестивый митрополит Филипп взялся обличать в голос ужасы опричнины, за что «безумный тиран» Грозный с ним и разделался…

Давайте сменим тему. В книге о Грозном никак нельзя обойти молчанием столь загадочную и увлекательную историю, как поиски знаменитой библиотеки Ивана Грозного, якобы таившей в себе невероятные книжные редкости. Ищут эту библиотеку уже около ста лет, время от времени средства массовой информации о ней вновь вспоминают, когда нет под рукой иных звонких сенсаций…

Но возникает вопрос: можно ли найти то, чего никогда и не существовало?

Глава двенадцатая. Миражи и фанатики

Главная ошибка тех, кто рассчитывает отыскать все же пресловутую «библиотеку Ивана Грозного», в том, что они, собственно говоря, ищут не *библиотеку,* то есть энное количество книг, собранных вместе, а некое собрание *уникумов,* которое якобы у Грозного имелось…

Но давайте по порядку. Кто первым *поднял волну,* известно достоверно. В 1827 г. Николай I дал разрешение изучать в Московской патриаршей библиотеке древние рукописи российскому немцу из города Дерпта, профессору правоведения и заядлому библиофилу Клоссиусу. Получив высочайшее соизволение и даже некоторые денежные суммы, обстоятельный немец четыре года работал в книгохранилищах: не только в Москве и Петербурге, но и в Новгороде, Пскове и Киеве.

Он-то и обнаружил, что в некоторых старинных описях упоминаются сочинения античных авторов, которые во всем мире считаются утраченными. Интрига завязывалась…

Источник, из которого на Русь попали ценнейшие манускрипты, считался превосходно известным: в 1493 г. великий князь Иван III женился на Софье (Зое) Палеолог, дочери Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора. Сам император погиб при штурме турками Константинополя, а Фома, занимавший пост правителя в одном из регионов, успел покинуть страну, мало того, увез с собой огромное количество древних книг, которые Софья потом и привезла в Москву.

Библиотека эта перешла к Василию III, о чем сообщал ученый монах Максим Грек. Ну а что же с ней стало потом?

Ответ Клоссиус обнаружил в старой «Ливонской хронике», написанной в XVI в. бывшим рижским бургомистром Ниенштедтом, после всех ливонских пертурбаций оставшимся не у дел…

Хроника гласит: после взятия Дерпта Иван Грозный переселил в Россию немало ливонцев. Среди них оказался и пастор Иоганн Веттерман, сумевший познакомиться с царем и произвести на него хорошее впечатление своей книжной ученостью. Как человеку понимающему, Грозный показал пастору свою «либерею», как тогда именовались библиотеки. Хранилась она в подвалах под Кремлем и состояла из латинских, древнегреческих и древнееврейских книг, полученных некогда в дар от константинопольского патриарха.

Потом Веттермана позвали к себе три весьма высокопоставленных деятеля: один из ближайших советников царя дьяк Щелкалов, казначей Фуников и печатник (это не типографщик, а хранитель большой государственной печати) Висковатый. И предложили, чтобы Веттерман еще с несколькими учеными немцами перевел для царя одну из книг.

Условия для работы предлагали хорошие – хоромы, еда и питье, жалованье, почет… Однако Веттерман и другие немцы отказались: испугались, что одной книгой дело не ограничится и Грозный, любитель книжной словесности, еще, чего доброго, заставит их перетолмачивать всю библиотеку и придется до конца жизни просидеть в Москве.

И потому немцы стали уверять, что люди они не такие уж образованные, как о том царю наболтали, языки знают исключительно со словарем, а потому не справятся. Царю лучше подыскать кого-нибудь поученее.

Самое смешное, что именно того же опасалась троица сановников: что царь заставит их до конца жизни приглядывать за переводчиками – а оно им надо? Вельможи отправились к царю и уверили его, что немцы в самом деле какие-то малограмотные, серьезное дело им поручать нельзя и проще всего отправить их восвояси, чтобы не вводили казну в лишние расходы. Царь их послушался.

(Тут в нашей истории появляется *первая* неувязка, одна из превеликого множества. В «Сказании» о Максиме Греке утверждалось, что библиотеку привезла Софья Палеолог, а в «Ливонской хронике» – что она получена от патриарха константинопольского. Веттерман уверял, что подвал с библиотекой впервые за последние сто лет отперли для него, – но тогда каким образом книги мог увидеть Максим Грек, почти современник Веттермана!

Клоссиус этими неувязками не особенно заморачивался. Напав на след, он шел по нему целеустремленно, как хорошая гончая. И вскоре наткнулся на сущую бомбу: так называемый список Дабелова. Немецкий юрист из Мекленбург-Шверинского герцогства барон Христофор Христиан фон Дабелов (фамилия недвусмысленно указывает на славянские корни, таких дворян в Германии было немало, известен даже фон *Белов)* был за несколько лет до Клоссиуса зван читать в Дерптском университете курс лекций по гражданскому праву. Барон-юрист писал большую книгу по истории Ливонского права, а потому письменно просил архивы прибалтийских городов присылать ему старинные документы. Архивисты пошли навстречу, посылая не только то, что касалось юриспруденции, но вообще все старинные

рукописи, какие имелись…

Сокровище поступило из маленького городка Пярну. Два пожелтевших от времени листа, список книг, составленный неким безымянным немецким пастором, допущенным «русским царем» в библиотеку и даже переложившим две книги на русский.

Это была *бомба!* Пастор писал, что в царской библиотеке насчитывалось не менее восьмисот рукописей, которые он частью купил, частью получил в дар. Но главное, имена, имена и названия!

«Ливиевы истории, которые я должен был перевести. У всякого понимающего человека начинала кружиться голова: из ста сорока томов трудов древнеримского историка Тита Ливия сохранилось лишь тридцать пять. БЫТЬ МОЖЕТ, В БИБЛИОТЕКЕ Грозного сыщутся недостающие, хоть сколько-нибудь?!»

Цицеронова книга «Де република» и восемь книг «Историарум»…

Тут уже не голова кружилась, а дыханье в зобу спирало! От шеститомной цицероновой «Республики» остался только маленький кусочек, а восьмитомный «Историарум» до нашего времени не дошел вообще…

«Тацитовы истории»… Из двенадцатитомного труда римского историка Тацита сохранилось четыре с небольшим тома.

«Оратории и поэмы Кальвуса»… Означенный поэт был современником Цицерона, но от его работ не сохранилось ни строчки.

И еще несколько десятков названий, от которых Дабелов приходил в экстаз: что ни возьми, либо безвозвратно утрачено, либо сохранилось в качестве жалких фрагментов… Бомба!

Дабелов снял копию с этого списка и опубликовал статью. Однако бомба не рванула: иностранные ученые отчего-то дружно… как бы это поделикатнее… засомневались в подлинности списка. Разобиженный Дабелов оставил библиофильские изыскания и целиком сосредоточился на юриспруденции.

А через несколько лет к нему ворвался Клоссиус и вопреки хваленой немецкой невозмутимости насел, как крыловский медведь из басни на крестьянина: где оригинал списка? Оригинал где, доннерветтер? Событие мирового значения… бесценные книги… где оригинал?

Дабелов пожимал плечами: он, мол, давным-давно отправил оригинал назад в Пярну. Клоссиус рвал и метал: ну как так можно было – отослать назад бесценный документ? Но поправить уже ничего было нельзя. Клоссиус, как любой на его месте, помчался в Пярну, подгоняя кучера матом и подзатыльниками.

Однако старенький пярнский архивариус разводил руками: он не помнил, куда подевались эти самые старинные бумаги – и, кроме того, клялся, что никакого «списка» в глаза не видел, хотя знает все рукописи своего архива… Ну не видел такого списка, и все тут!

Клоссиус вернулся несолоно хлебавши. И принялся искать книжные сокровища по всем русским книгохранилищам, какие только существовали. Продолжалось это семь лет. Ни следа уникальных книг так и не обнаружилось, и Клоссиус с болью в сердце признал свое поражение. В статье, подводившей итоги напрасных поисков, он написал с горечью: «Если библиотека и была взята царем в слободу (Александровскую. – *А. Б),* то она погибла во время смятений при Лжедмитриях, или, может быть, при страшном пожаре Москвы в 1626 г.». И навсегда оставил надежду отыскать библиотеку, чем более не занимался. На несколько десятков лет воцарилась тишина, о «либерее» Грозного, содержавшей бесценные сокровища, начали забывать.

Вновь интерес к ней вспыхнул только в последнем десятилетии XIX в. В 1893 г. видный историк Н. П. Лихачев сделал доклад в Обществе любителей древней письменности. К Клоссиусу он не высказывал никаких претензий – не за что было, а вот в научной честности Дабелова сомневался. Точнее говоря, Дабелову он не верил ни на копейку, считая, что вся эта история выглядит крайне подозрительно: во-первых, настораживает, что некоторые сведения Дабелова удивительным образом совпадают с публикациями в зарубежной научной литературе – сначала за границей подробно изучили эту тему, а уж потом появилась статья Дабелова… Во-вторых, странным выглядит поведение Дабелова, преспокойно отославшего бесценный документ назад в провинциальный архив, вместо того чтобы гордо предъявить научному миру. Элементарная добросовестность требовала «список пастора» показать серьезным историкам. И наконец, не странно ли, что архивариус из Пярну категорически отрицал, что в его учреждении вообще имелся такой документ? В-третьих, настораживало, что Дабелов «забыл» имя пастора: оказалось, пастор был вовсе не безымянным, он подписал свои бумаги, вот только Дабелов его фамилию забыл, не записал по рассеянности… Лихачев писал прямо: «Самая забывчивость Дабелова относительно имени пастора с скептической точки зрения объясняется осторожностью человека, знакомого с тщательностью, с которой немцы разрабатывали свою историю: у немцев и пасторы XVI столетия могли оказаться на счету».

Словом, вывод следовал неутешительный: «список пастора» с перечислением уникальных книг, якобы сохранившихся в

библиотеке Грозного, – измышленная Дабеловым подделка…

Другой видный историк того времени, С. А. Белокуров, известный тем, что в своих работах часто и много полемизировал с Лихачевым, на сей раз полностью соглашался со своим постоянным оппонентом. Он тоже считал «список пастора» подделкой Дабелова, более того, развивая тему, привел ряд новых аргументов в пользу именно такой точки зрения: из «записок пастора», строго говоря, *вообще* непонятно, о *котором* именно русском царе идет речь. Ни имен, ни подробностей. «Записка» составлена так неопределенно, что ее можно отнести и к шестнадцатому веку, и даже к восемнадцатому…

Правда, Белокуров проявил больше великодушия, чем Лихачев: он допускал, что Дабелов не был фальсификатором, а оказался введен в заблуждение «неизвестным лицом». Но главный вывод был тот же: «список пастора» – фальшивка. Нет ни малейших доказательств, что в «либерее» Грозного имелись перечисляемые сокровища.

Белокуров обратился к прибалтийским ученым. Те предприняли обширные поиски с привлечением средств массовой информации – но никаких следов «записок пастора» не обнаружили. Мало того, в ходе поисков обнаружились еще более пикантные сведения: оказалось, что еще в 1776 г. библиотекарь русской Императорской Академии наук Бакмейстер подвергал сомнению и подлинность рассказа пастора Веттермана…

А кроме того, обнаружилось, что и Клоссиус в свое время увлеченно дополнял известные ему сведения плодами собственной фантазии: хотя из «списка», как только что говорилось, невозможно понять, с каким именно царем имел дело «пастор», Клоссиус без всяких на то оснований решил, что это был Василий III… И корыстные мотивы у Клоссиуса имелись: «список Дабелова» он использовал, чтобы добиться от царя разрешения на осмотр русских книгохранилищ и написать капитальный труд, который должен прогреметь. Так что, если Клоссиус и сомневался в подлинности дабеловского документа, то сомнений вслух не высказывал…

После выступлений Белокурова и Забелина ученый мир, в общем, не пришел к единому мнению. Одни соглашались, что «записка пастора» – подделка, другие в ее подлинность верили. Одни считали, что библиотека Грозного – в которой не было никаких уникумов – сгорела во время многочисленных московских пожаров (вариант: уникумы были, но тоже сгорели), другие – что она (опять-таки без всяких уникумов) естественным образом оказалась разрозненной и книги «расползлись» по самым разным учреждениям, где большая их часть пребывает и поныне.

Немногочисленные сторонники гипотезы о библиотеке, и посейчас покоящейся в каком-то подземном тайнике, вспоминали о широко известной в свое время истории, когда по велению Петра I не один год искали загадочные кремлевские подземелья.

История такова. В 1724 г. некий Конон Осипов, бывший пономарь одной из московских церквей, подал обширное «доношение», в котором уверял, будто «есть в Москве под Кремлем-городом тайник, а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками… а те палаты за великою укрепою: у тех палат двери железные, поперек цепи в кольца преогромные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, а у тех палат по одному окошку, и в них решетки без затворов… а ныне тот тайник завален землею, за неведением».

Эти сведения якобы по дружбе Осипову поведал некий дьяк Макарьев, которого еще царевна Софья в свое время посылала исследовать кремлевские подземелья. Дьяк вроде бы отыскал подземный ход, дошел по нему до помянутых «палат», заглядывал через решетку и видел сундуки, которыми комнаты уставлены были до потолка. Однако Софья, которой дьяк доложил о результатах поисков, отчего-то совершенно не заинтересовалась тайником и приказала в те подземелья больше не ходить.

Прошением заинтересовался сам Петр и быстро отдал приказ: искать! Московскому губернатору был отправлен на этот счет сенатский указ, подписанный людьми не последними – князьями Репниным и Юсуповым, графами Апраксиным и Толстым.

Получив столь грозную бумагу, московские власти без промедления взялись за дело. По сохранившимся документам, на земляные работы в Кремле было истрачено пятьдесят один рубль шесть копеек – по тем временам сумма солидная. Однако продолжавшиеся долго раскопки ни к чему не привели. Вроде бы и наткнулись на вход в некое подземелье, но продвинуться по нему не смогли (Забелин предполагал, что тогда наткнулись не на ведущий в «тайник» подземный ход, а на остатки потайного колодца для добывания воды из Неглинки, построенного еще при

Иване III, – подобные потайные колодцы в крепостях и замках издавна устраивали во всем мире).

Потом умер Петр, а его наследники тайником уже не интересовались. Однако неугомонный пономарь уже в 1734 г. подал на высочайшее имя новое прошение: в нем он повторял прежнюю историю о дьяке и тайнике, но ни словечком не упоминал, что десять лет назад поиски уже проводились, но безуспешно.

В чем был интерес Осипова, понять нетрудно: пока шли поиски, он в качестве главного эксперта получал неплохое

содержание – а поскольку жил бедно, то собрался на сей раз какое-то время прокормиться уже за счет государыни Анны Иоанновны.

Самое интересное, что *точного* места пономарь не указывал, а называл целых четыре: у Тайницких ворот; у Константиновской пороховой палаты; под лестницей церкви Иоанна Спасителя; поперек дороги от Ямской конторы до Коллегии иностранных дел. Тем не менее и в этот раз Сенат распорядился начать поиски. Для надежности копать взялись не в четырех указанных местах, а в пяти. Однако, хотя старательно рылись две недели, ничего не нашли: «И той работы было не мало, но токмо поклажи никакой не отыскал».

Работы прекратили, справедливо сомневаясь в их пользе. К тому времени кто-то добросовестный поинтересовался Осиповым и быстро обнаружил, что пономарь, во-первых, злостный неплательщик налогов, а во-вторых, что гораздо существеннее, он, сукин кот, скрыл, что десять лет назад уже обращался в Сенат, что тогда же велись безрезультатные поиски, стоившие казне немалых денег.

Осипова постановлено было подвергнуть наказанию – какому именно, не указывается, но, скорее всего, зная нравы того времени, можно утверждать, что пономарь был дран плетьми… На том история и закончилась – для восемнадцатого века.

В конце девятнадцатого, после шумной дискуссии о дабеловском списке и библиотеке Грозного, директор Исторического музея князь Щербатов предпринял попытку пройти по следам жуликоватого пономаря Осипова. Очень уж заманчивым выглядело описание тайника. Что бы ни было в загадочных сундуках – царская библиотека, архивы или драгоценности, – при удаче был шанс найти что-то серьезное: ради пустяка никто бы такой тайник под Кремлем не заводил…

Щербатов добился разрешения на раскопки в Кремле. По устоявшейся традиции успехом они не увенчались. Нашли несколько старинных подземных ходов, парочку подземных комнат – но заваленных землей и мусором. После этого поиски прекратили.

Подводя итоги, «Журнал министерства народного просвещения» в 1899 г., на исходе века, писал: «После подробного и обстоятельного исследования Белокурова вопрос о царской библиотеке может считаться исчерпанным. Отыскивать следы мнимых рукописных сокровищ Ивана IV станет только ученый, обладающий беспочвенным воображением и не доверяющий исторической критике».

Поскольку свято место пусто не бывает, довольно быстро

именно такой ученый (впрочем, это слово следовало бы взять в кавычки) выпрыгнул, как чертик из коробочки. Он не добился ровным счетом ничего, но производил невероятный шум на протяжении долгих десятилетий…

Более сорока лет этот субъект, практически ничего не сделавший в исторической науке, будоражил умы и стал даже героем известного приключенческого романа, которым многие, в том числе и автор этих строк, зачитывались в детстве…

Будем знакомы: Игнатий Яковлевич Стеллецкий. Сын сельского учителя (имевшего, впрочем, личное дворянство). Поступил учиться в Киевскую духовную академию. Во время учебы как раз и заразился двумя маниями: во-первых, горячей любовью ко всем и всяческим подземельям, во-вторых, стремлением отыскать что-нибудь *эдакое.* Неважно что, но *эдакое.* Чтоб весь ученый мир вздрогнул!

По Киеву давным-давно ходили мифы, что легендарные варяги Аскольд и Дир, перед тем как отправиться в поход на Царьград, закопали где-то в пещерах под Киевом все свои сокровища, награбленные в Европе, – несколько возов драгоценностей. Первым «археологическим свершением» юного студента стали поиски этого клада. Безуспешные.

Потом Стеллецкий столь же старательно искал «клад гетмана Мазепы», якобы перед бегством последнего к шведам замурованный в подвале гетманской столицы Батурина. С тем же успехом.

Несмотря на кладоискательские дела, наш герой все же ухитрился закончить академию и был отправлен в Палестину в качестве инспектора тамошней православной духовной миссии «Палестинского общества». Толковой работы от новоиспеченного инспектора не дождались: в Палестине имелась масса древних подземелий, по которым Стеллецкий увлеченно лазал несколько лет – опять-таки без малейших результатов для науки. Вернувшись из Палестины, он уже твердо знал, что его призвание – археология. И закончил Московский археологический институт. Надо отдать Игнатию Яковлевичу должное: он был человеком дьявольски энергичным, работоспособность его превосходила все границы, он владел многими языками и начитан был невероятно. Вот только все эти достоинства оказались посвящены пустой гонке за миражом, призраком…

Все, что он делал после окончания Археологического института, выглядит как-то… пустенько. Вел там и сям раскопки, ничем путным не завершившиеся. Защитил диссертацию касаемо одного из тех узкоспециальных вопросов, что интересуют лишь кучку таких же узких специалистов.

И *заболел* «библиотекой Ивана Грозного», в которую поверил фанатично, слепо – как другие влюбляются насмерть в роковых красавиц. Воображение у него было буйное, фантазия – неукротимая…

Очень быстро Стеллецкий, презрительно игнорируя «консерваторов», вроде Белокурова, Забелина и иже с ними, разработал собственную гипотезу «либереи». О чем писал подробно – и эти писания оставляют удручающее впечатление… Однажды твердо приняв за незыблемую аксиому, что библиотека *была,* Стеллецкий принялся подгонять под свою версию абсолютно все и вся. Легкомысленно выражаясь, если исторические факты и исторические персоны отказывались в его версию укладываться, Игнатий Яковлевич их туда загонял коленом, как они ни пищали и ни упирались… Словно шурупы молотком вколачивал с бодрой песней: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!»

Свою неистовую любовь к книжным древностям он, не особенно и задумываясь, *перенес* на Фому Палеолога и его дочь Зою-Софью. По Стеллецкому, Фома, когда империя рушилась под ударами турок, только тем и занимался, что спасал исключительно книги из императорской библиотеки, забыв обо всем остальном (чему, в общем, нет никаких исторических подтверждений).

Вот типичный образец рассуждений Стеллецкого. Документально подтверждено, что, прибыв в Рим из рухнувшей империи, Фома привез с собой семьдесят повозок с какими-то ящиками. Стеллецкий: «Очевидцы полагали, что это сундуки с царским добром. А на самом деле это были ящики с драгоценным грузом: с книгами и рукописями византийской царской и патриаршей библиотек!»

Повторяю: нет ни *малейших* документальных подтверждений тому, что в поклаже Фомы была хотя бы одна-единственная книга. Но Стеллецкий знал лучше, чем тупые «очевидцы». Логика (точнее, не побоимся этого слова, навязчивая идея) была проста: что спасал бы сам Стеллецкий, окажись он на месте Фомы? Книги, естественно! Значит, и Фома, наплевав на презренный металл, только книги и спасал!

И далее он продолжал в том же духе: что он сам делал бы на месте царевны Зои после смерти ее отца? Книги берег бы, как зеницу ока! Значит, так Зоя и поступала. Стеллецкий сплел сказочку, по красочности не уступавшую «Тысячи и одной ночи»: по его утверждениям, Зоя для того и согласилась выйти замуж за Ивана III, чтобы спасти бесценные книжные сокровища, увезти их из беспокойной Европы на край света, в русские снега, в

безопасное местечко. Летописи упоминают, что Зоя прибыла в Москву с обозом – следовательно, там и были книги! А что ж еще, по-вашему?

Совершенно по «Золотому теленку»: гири, Шура, золотые! Почему? А какие же они еще, по-вашему?

И ведь это, господи ты боже мой, высказывалось *всерьез*… Великий князь пригласил в Москву итальянских зодчих и велел построить ему каменные здания? Так это он в первую очередь заботился о том, чтобы уберечь от пожаров бесценную библиотеку! Почему об этом ни словом не упоминается ни в русских, ни в иностранных источниках? Вы что, дети малые? Секретность следовало блюсти!

Да и главный итальянский зодчий Аристотель Фиораванти, по Стеллецкому, в Москву поехал исключительно затем, чтобы построить подземные тайники для уникальной библиотеки. Почему об этом обстоятельстве никогда в жизни не упоминал ни сам Фиораванти, ни те, кто о нем писал? Потому что итальянец умел хранить тайны! Фиораванти строил в Кремле грандиозный Успенский собор? Исключительно для отвода глаз, чтобы отвлечь внимание от своей настоящей миссии: оборудования подземного тайника…

Я не шучу и не преувеличиваю: Стеллецкий все это *нес* во всеуслышание, приписывая свои мысли и стремления людям шестнадцатого столетия – без малейшего, хотя бы словечком, подтверждения в исторических источниках, исключительно на основе своей буйной фантазии, подгоняя все на свете под свою версию. После знакомства с его «трудами» приходишь к выводу, что академик Фоменко в сравнении со Стеллецким – корифей исторической науки…

Как легко догадаться, ученые историки относились к откровениям пылкого киевлянина весьма прохладно и числили его по одному ведомству с изобретателями вечного двигателя и сторонниками плоской Земли. Как он ни бомбардировал соответствующие инстанции просьбами о разрешении на раскопки в Кремле, инстанции не разрешали.

Тут Стеллецкого ненароком занесло в город Пярну, чей архив сыграл огромную роль в истории с «либереей». Первым делом Стеллецкий туда и помчался.

И случилось настоящее чудо: Игнатий Яковлевич отыскал в грудах пыльных бумаг тот самый подлинник «списка пастора, за которым в свое время безуспешно охотился Клоссиус, который не могли разыскать у себя сами архивисты… Сенсация?

Не спешите… Вернувшись в Москву, Стеллецкий предъявил не подлинник, а собственноручно сделанную им *копию,* научная

ценность которой, как легко догадаться, равнялась нулю. Да и показал он эту копию одному-единственному человеку, который только и выслушивал благосклонно его фантазии: профессору Цветаеву (отцу знаменитой поэтессы). Тут даже Цветаева, надо полагать, проняло, и он категорически отсоветовал Игнатию публиковать *этакое*…

Потом Стеллецкий вспоминал: «Скопировав наполовину с трудом разбираемый на немецком языке документ, я взглянул на подпись. Была как будто В (Веттерман?); первое мгновение я был ошеломлен. Я поспешно свернул связку, с тем чтобы вскоре приехать опять и сфотографировать драгоценную находку».

Почему Стеллецкий не сфотографировал подлинник сразу? Он объяснял, что не было денег. Хотя стоило это тогда сущие копейки, а в Пярну Стеллецкий был командирован Московским археологическим обществом и Архивом министерства юстиции «для изучения подземных ходов и осмотра старинных архивов». Что, командировочных ему столь серьезные конторы не выделили? Или одолжить рубль для фотографа не у кого было? Сказочки…

Почему Стеллецкий не объявил о сенсационной находке там же, в Пярну? Он объяснял: чтобы не опередил какой-нибудь прохвост, не выхватил из-под носа уникальные материалы…

В общем, нет никаких сомнений, что Стеллецкий никакого подлинника не видел, а «копию» изготовил самостоятельно – что, вероятно, моментально понял Цветаев. Наш герой поступил так не из вульгарной корысти, он был фанатиком – но разве это служит оправданием? Бескорыстный фанатизм в иных случаях опаснее корыстных стремлений…

Грянула Первая мировая, потом революция. Уже при советской власти Стеллецкий совершил свое, пожалуй, единственное научное достижение, которое имеет какой-то смысл: раскопал останки нескольких мамонтов. Скелет самого крупного был установлен в Киевском институте геологии (в Отечественную его сперли немцы и увезли в Германию, был ли он возвращен, мне неизвестно).

Ну а попутно Игнатий Яковлевич по своей всегдашней привычке снова малость подурковал. Обнаружил, ни много ни мало… бесследно пропавшие останки Богдана Хмельницкого! То есть это он так объявлял. На самом деле наш «археолог» попросту откопал в развалинах замка Хмельницкого обгорелые человеческие кости неведомо какого столетия и торжественно провозгласил их останками Хмельницкого. Аргументация была типичной для Стеллецкого: в документах XVII в. мельком упоминается, что поганец гетман Чаргецкий пытался отыскать

могилу Хмельницкого, выкопать останки и сжечь. Кости обгорелые? Обгорелые. Значит, это доподлинный Хмельницкий.

Историки отнеслись к этой сенсации… ну, именно так, как они всегда к Стеллецкому и относились. Разобиженный Стеллецкий, последними словами ругая консерваторов и невежд, сложил «останки Хмельницкого» в мешок и вместе с прочим барахлом увез в Москву, когда перебрался туда на постоянное жительство. Дальнейшая судьба этой ценнейшей археологической находки мне неизвестна. Да и выяснять не тянет…

В Москве Стеллецкому наконец-то повезло. Он не один год бомбардировал теперь уже советские инстанции пылкими посланиями, призывая отыскать бесценную библиотеку Грозного. Впрочем, планы у него были грандиознее: посредством газеты «Известия» он провозглашал, что «очередной задачей переизбранных пролетарских жилтовариществ старых домов в Москве должно быть тщательное, в кровных интересах науки и реальной жизни, обследование подвалов и погребов».

Вообще-то некоторый здравый смысл в этом имелся. Незадолго до этого по чистой случайности обнаружили тайник, в котором семейство Юсуповых перед бегством за границу спрятало огромные ценности: золотые и серебряные изделия, полотна старых мастеров, скрипку Страдивари. И это был не единственный случай обнаружения подобных тайников.

Но на первом месте у Стеллецкого стояла, конечно же, библиотека Грозного. Он носился по Москве, словно Карлсон с пропеллером, обследуя все подземелья, которые только обнаруживались при прокладке метро и прочих работах. Но находил лишь хлам. О том, как выглядел его «домашний музей подземной Москвы», оставил воспоминания историк архитектуры Виноградов: «Все стены его комнаты и даже потолок были разрисованы изображениями черепов со скрещенными костями и даже целых скелетов. Рядом с рисунками гвоздями были прибиты к стене настоящие черепа и кости, найденные им при разных раскопках и производившие, конечно, довольно зловещее впечатление, самого хозяина это, впрочем, ничуть не смущало. Он охотно объяснял, где и когда они были им извлечены».

Ну что же, Игнатий Яковлевич всю свою сознательную жизнь был человеком, мягко выражаясь, весьма и весьма своеобразным…

Но я собрался говорить о том, как ему в конце концов крупно повезло…

В начале декабря 1933 г. его вызвали к коменданту Кремля и объявили, что разрешают вести раскопки в Кремле, искать бесценную библиотеку Грозного.

Это, конечно же, было следствием того, что Сталин прочитал обширное письмо, направленное ему Стеллецким в ЦК. В этом послании Стеллецкий опять-таки дал волю фантазии, подробно живописуя, как к вывезенным в Рим бесценным книжным сокровищам стал злодейски «подбираться Ватикан». И брат покойного императора решился на… Впрочем, слово самому Стеллецкому: «Тогда Фома решился на героический шаг: выдать дочь замуж за полумифического князя в далеком Московском Залесье, а с нею вместе отправить туда и библиотеку «на хранение», до поры до времени».

Неизвестно, интересовался ли Сталин в свое время дискуссией девятнадцатого века о судьбе библиотеки Грозного. Как бы там ни было, он получил хорошее образование в духовной семинарии, не слышать о ней не мог. Тем более что Стеллецкий умело нагнетал страсти: «Советская и мировая общественность наших дней вправе знать подлинную историческую правду по такому кардинальному вопросу европейской культуры, как исчезнувшее бесследно в тайниках Московского Кремля собрание раритетов письменности». Ну, а для пользы дела не гнушался примитивной лестью: «В вас я усматриваю человека, способного глубоко судить и видеть далеко вперед и вглубь, подобно Грозному».

Ну, на вульгарную лесть Сталин никогда не был падок. Однако для данного случая ход его мыслей восстановить нетрудно: в случае успеха это и впрямь будет достижение советских ученых мирового значения, а при неудаче… Деньги, в итоге, требуются небольшие.

Сбылась мечта идиота! Получив постоянный пропуск в Кремль, людей и технические средства, Стеллецкий взялся за дело с величайшим энтузиазмом. Он копал, копал и копал…

Как ни бился, а получалась какая-то, уж простите, хреновина: остатки каких-то древних стен и ходов, разрушенные лестницы, коровьи черепа, обгоревшее зерно, битые горшки… Ничего интересного, словом. Но Стеллецкого это не смущало. Наткнувшись на очередную кучу кирпича или обломок мрамора, он, как угорелый, несся на телеграф и посылал из Москвы в Москву телеграммы Сталину вроде вот этой: «Поздравляю двести лет запакованным тайником Аристотеля Фиораванти. Поиски на верном пути. Блестящие условия научной работы гарантируют достижение исторической цели».

«Верный путь» оказался очередной пустышкой – очередным заброшенным подвалом, еще в стародавние времена засыпанным песком и мусором. Стеллецкий не унывал. Подгонял рабочих и, наткнувшись на очередной пустячок, посылал Сталину очередную

«молнию» о скорых успехах…

Постепенно рабочие, видя, что трудятся впустую, стали относиться к мартышкину труду прохладно. Стеллецкий честил их вредителями и саботажниками: «Кто есть вредитель? Кто тайно идет против видов и распоряжений правительства. Таков Суриков. Прикрываясь Тюряковым, под предлогом опасности, он хотел тайно похерить дело Сталина и мое… вообще, я заметил в нем тайные тенденции к реставрации».

И посылал наверх жалобы и докладные – в которых, никаких сомнений, приводил те же обвинения, не задумываясь, *как* в те времена будут восприняты *такие* ярлыки… Я же говорю – фанатичный бессребреник, одержимый научным поиском интеллигент может натворить зла больше, чем десяток алчных авантюристов…

И снова Стеллецкий копал, и копал, и копал… С тем же успехом – то есть отсутствием каких бы то ни было успехов. В конце концов на Стеллецкого обратили внимание (и чертовски запоздало) врачи кремлевской больницы и стали, вредители и саботажники, деликатно намекать на явное переутомление и необходимость подлечиться на курорте. Не в соответствующей личности Стеллецкого больничке, а в общем санатории.

Стеллецкий послал врагов по матушке и письменно доложил об очередных происках Сталину. Врачи робко отступили…

К великому сожалению, мне пришлось иметь дело с записками Стеллецкого, безбожно сокращенными и явно почищенными от особенно пикантных мест – но и в обрезанном варианте они рисуют картину неутешительную: уже начавший сдвигаться умом фанатик, видящий вокруг сплошных саботажников, вредителей и заговорщиков, гробящих «дело Сталина и мое».

Комедия эта продолжалась с 1 января по 3 октября 1933 г. Потом собрали представительную комиссию для оценки проделанной работы. Инициатива наверняка исходила от Сталина. Сталин был величайшим прагматиком и более всего ценил результат. Многомесячные обещания «вот-вот», «завтра же» преподнести сенсационные достижения, повторявшиеся много раз, никак не могли его удовлетворить. И все же он не вышиб Стеллецкого за кремлевские ворота, а назначил комиссию из историков и архитекторов.

Комиссия, заседавшая 3 октября 1933 г., вовсе не была этаким карающим судилищем. Одни из ее членов высказывали здравые мысли: «Вопрос о библиотеке Грозного весьма спорный. Ее никто не видел. Иван Грозный не мог собрать тысячи книг. Если у него и были отдельные книги, они разошлись по

библиотекам» (В. К. Клейн). Другие (впрочем, и Клейн тоже) соглашались, что само по себе исследование подземелий Кремля – задача для науки интересная, и раскопки следует продолжать.

Еще пару месяцев работы по инерции продолжались – опять-таки без всяких достижений для науки. Потом Стеллецкого все же удалось выпихнуть в санаторий подлечить нервы, а когда он вернулся весной следующего года, в Кремль его уже не пустили. Тем дело и кончилось.

В последующие годы Стеллецкий ничем выдающимся себя не проявил: был консультантом по спелеологии Наркомата обороны (результаты неизвестны), был консультантом при съемках художественных и документальных фильмов, был директором библиотеки. Умер в 1949 г. Еще в начале войны он отмочил свое последнее чудачество, прося похоронить его на знаменитой Лысой горе, куда, согласно поверьям, слетаются ведьмы: «Похоронить меня завещаю без кремации, на родной Украине, на Лысой горе, под г. Лубнами, в разрытой скифской могиле и водрузить каменную бабу с надписью: «Спелеолог Стеллецкий. 1878– 194…»

Вдова похоронила его на Новодевичьем или Ваганьковском. Могила пришла в забвение и не найдена.

Вот такая печальная история – еще один пример того, куда заводит безудержный фанатизм, не подкрепленный ни здравым смыслом, ни серьезным подходом к историческим источникам.

И все же, как там обстояло дело с фамильной библиотекой Палеологов?

Не исключено, что некоторое количество старинных книг Фома все же вывез в Рим – в те времена книги представляли нешуточную рыночную ценность. Вот только…

Есть сильные подозрения: либо сам Фома, либо его дети Андрей и Зоя непременно распродали бы книги там же, в Риме – поскольку жили в крайней бедности, на скромный пенсион, выделенный папой Сикстом и кардиналами. От безденежья Фома даже принялся распродавать итальянским монастырям привезенные с родины христианские реликвии: руку Иоанна Предтечи, некий «клобук» с драгоценными камнями…

Сын Андрей поступил и того беззастенчивее: поскольку у него и пенсиона не имелось, он стал торговать по Европе… своими правами на константинопольский трон. Для того времени сделка была совершенно законная и привычная: с точки зрения тогдашней Европы, он был законным претендентом на константинопольскую корону, а значит, имел полное право ее продать. Именно так в свое время поступили с титулом «короля Иерусалимского». После того как сарацины выставили

крестоносцев из Палестины и Иерусалимское королевство фактически прекратило свое существование, с юридической точки зрения титул продолжал существовать – и его еще лет двести продавали и перепродавали тем знатным честолюбцам, которым приятно и престижно было именоваться «королем», пусть и без королевства.

Андрей, выражаясь по-современному, развел типичное кидалово: сначала он продал права на трон французскому королю, а потом отправился в Испанию и провернул ту же сделку (разумеется, не сообщая испанскому монарху о парижской негоции). Как оба новоиспеченных византийских императора уладили дело, мне пока что неизвестно, но как-нибудь постараюсь докопаться – обожаю подобные исторические скандалы…

Теперь задумаемся: неужели этот Андрюша, будучи в безденежье, не распродал бы и вывезенную его отцом библиотеку? Думается мне, не особенно и терзаясь угрызениями совести: в книголюбстве и тяге к ученым знаниям он замечен не был, что бы там ни нафантазировал Стеллецкий.

Тем более следует учитывать, что римский папа Сикст IV был ценителем и покровителем искусств и большим книголюбом. Узнав о бесценных книгах, привезенных византийцами, он непременно попытался бы заполучить столь уникальное собрание. Однако о «константинопольских книгах» не упоминает ни один итальянский источник того времени. Прикажете верить, что о содержимом сундуков много лет проживших в Риме Палеологов так никто и не узнал? Да двадцать почти лет? Ну-ну…

Достоверно известно как раз другое: Зоя Палеолог была *нищей* бесприданницей. За московского князя она вышла как раз потому, что никто больше не брал. Для сына герцогов Гонзаго подыскивали невесту, обратили было внимание и на Зою – но герцогская чета решила с бесприданницей не связываться. По той же причине помолвка Зои с богатым князем Каррачиоло так и не продвинулась дальше обручения. В третий раз ее пытались *пристроить,* выдав за епископа Лузиньяна, незаконного сына кипрского короля (епископ он был чисто «титульный», так что жениться мог) – но в последний момент объявилась соперница, с состоянием и видами на будущее, и Зоя вновь осталась у разбитого корыта.

Книги, повторяю, тогда стоили очень и очень дорого. Будь они у Зои, ее никто бы «бесприданницей» не именовал. Ну а то, что она горела благородным желанием укрыть подальше библиотеку византийских императоров – опять-таки фантазийные

домыслы Стеллецкого, ничем и никем не подтвержденные.

Лихачев (тот, дореволюционный) писал убедительно: «Сведения о Софье Палеолог имеются точные: все разработано Пирлингом. Это – бедная невеста с приданым от папы. Эпоха наибольшего искания греческих рукописей – эпоха ее отъезда: каждая рукопись была на счету, и библиотека не могла уйти из Рима незамеченной, поскольку была в силе частная собственность. При дворе были греки, которые значение библиотеки могли оценить. Важно определить иконы, прибывшие вместе с Софьей Палеолог. Определение собраний ее рукописей – вопрос безнадежный».

Если учесть, что пресловутый «список пастора», то есть Дабелова – фальшивка несомненная, то дело становится предельно ясным. Какая-то библиотека у Грозного, книжника, книголюба, безусловно, имелась – но наверняка там не было никаких «уникумов», о которых столько насочинял Дабелов. Обычная библиотека высокопоставленного книжника того времени, со «стандартным набором» литературы – а это совсем другое…

Слухи о «бесценном собрании Грозного» ходили уже к 1600 г. наряду с прочими сказками, на которые век был так щедр. Но в свое время их практически одновременно взялись проверить и польские сановники, и римский кардинал Сан-Джорджио через своих агентов. Быстро установили (и те, и другие), что имеют дело с очередной басней – и навсегда успокоились.

Остался лишь роман Г. Гребнева «Пропавшее сокровище», которым в свое время зачитывались автор и его одноклассники – но и в нем после череды лихих приключений герои обнаружили лишь пустой тайник, в полном соответствии с исторической правдой. Да и финал не особенно оптимистичен:

«Но Стрелецкий (персонаж, списанный со Стеллецкого. – *А. Б.)* уже взял себя в руки. Он оглядел всех внимательно и как-то даже задорно.

– Ну что же, друзья мои! – сказал он. – Мы не нашли библиотеки Ивана Грозного, но мы не успокоимся, мы будем искать ее…

– И найдем! – сказала Тася, поглядев на Волошина ясными вопрошающими глазами. – Правда, Ваня?

– Не знаю, Настенька, – сказал Волошин. – Но если мы и не найдем ее, то все же узнаем, что случилось с этим пропавшим сокровищем».

Ваня Волошин, парень неглупый, был гораздо осторожнее в суждениях, чем его подруга, ясноглазая Настенька, но и он проявил излишний оптимизм, заявляя: не найдем, так хоть

узнаем… Впрочем, это не его вина: парень наслушался Стрелецкого-Стеллецкого и простодушно считал библиотеку все же существовавшей когда-то.

А это, увы, исторической правде нисколько не соответствует. Правда для любителей загадок станет разочарованием – после вдумчивого изучения всего, что нам известно об этой истории, следует признать: никакой «тайной библиотеки» Ивана Грозного, состоявшей из «уникумов», никогда не существовало. Какая-то часть *обычной* библиотеки Грозного, вполне возможно, и погибла во времена многочисленных московских пожаров, ну а часть наверняка уцелела и преспокойно сейчас стоит на полках книгохранилищ.

Бессмысленно искать то, чего никогда не было.

Эпилог

Многие события шестнадцатого века – даже крайне масштабные – остались за пределами этой книги, потому что я вовсе не собирался писать подробную биографию Грозного (их и так предостаточно). То, что вы сейчас прочитали, – попытка осмыслить, а главное, *понять* давным-давно умершего человека, споры о личности и делах которого, есть такое подозрение, далеко не кончены. Меня интересовала исключительно та сторона деятельности Грозного, что четко просматривалась в виде упорной, непрекращающейся и яростной *линии:* борьбы царя за единое крепкое государство, где нет места феодальной вольнице и произволу вельмож, именно ради этой сверхзадачи Грозный не щадил ни себя, ни других. Все, что он делал, имело смысл и цель. И старинные противоречия вовсе не исчезли с бегом лет, они остались прежними. В конце концов, если отвлечься от терминологии и научно-технического антуража нашего века, президент Путин делал то же самое, что Иван Грозный и Ришелье. Это всего-навсего констатация факта. И не один Путин. Многие государственные деятели прошедшего века, по сути, тем и занимались, что строили своих баронов, лордов и бояр, которые с аргамаков пересели в лимузины, вместо парчи наряжались в смокинги – но *суть* процессов оставалась прежней. Собственно, по большому счету, пресловутая «глобализация» – это очередная попытка «новых баронов» установить времена, напоминающие Русь до Грозного, Францию до Ришелье,

Англию до Генриха VIII. Суть та же. Вот только история нас учит, что бароны проигрывали всегда, рано или поздно… Как только приходил соответствующий король, царь или первый министр…

Первое, что прямо-таки бросается в глаза при изучении личности Грозного и его жизни – насколько он был несчастен и одинок. Со всех точек зрения. Когда у человека подряд умирают три жены, достаточно молодые – это не только печаль, но еще и реальная причина для далеко идущих выводов… Когда верные соратники один за другим предают, изменяют, впутываются в заговоры или просто оказываются не в состоянии понять во всей полноте планы лидера – это опять-таки тоска… и причина для того, чтобы однажды осатанеть (см. соответствующие воспоминания о Сталине).

Грозный – крайне редкий пример в истории человечества! – каялся и страдал. Насколько мы можем судить, то и другое он делал вполне осмысленно, согласно потребности души, а не

играл на публику…

Вообще, он вел себя совершенно не так, как обычно поступают *настоящие* сатрапы и тираны. Тот же Ченслер с нескрываемым удивлением вспоминал, как ехал в Москву с Русского Севера. Насмотревшись на великолепные палаты правителей в Холмогорах и Ярославле, он ожидал увидеть в Кремле еще более потрясающую роскошь – и обнаружил, что царский дворец гораздо скромнее. Конечно, на торжественных мероприятиях придворные сверкали золотой парчой, на пирах извлекалась массивная посуда из чистого золота, но в быту Грозный жил *скромнее* своих «губернаторов»…

Некие полумистические странности связаны и с нынешними границами Российской Федерации. *Романовские* «приращения» остались только в Сибири и на Дальнем Востоке. Те четырнадцать республик, что пятнадцать лет назад кинулись в «свободное плавание», как раз и есть романовские приобретения по европейскую сторону Уральских гор. Однако Россия не потеряла ничего из того, что *прирастил* Грозный…

При Грозном Россия во многом отставала от Европы – но многое из того, чем он это отставание преодолевал, уничтожили как раз его наследники. Окончательно закрепостили крестьян как раз Романовы. Покончили с Земскими соборами (безусловными зачатками парламентаризма) и выборным самоуправлением на местах как раз Романовы. Наживаться на народном пьянстве начали как раз Романовы. Наконец, именно Романовы довели дело до церковного раскола, явления жуткого и до сих пор не рассмотренного подробно, – а ведь, не исключено, как раз Раскол и стал для России *гибелью,* а то, что мы видим сейчас, несмотря на внешние признаки жизни, является не более чем посмертным бытием в какой-нибудь Нави…

Еще в 1863 г. одна из тогдашних энциклопедий меланхолически констатировала в статье «Право»: «Право русское не существует как наука самостоятельная, потому что жизнь представляла явления, прямо задержавшие развитие этого права; крепостное состояние лишало гражданских прав и возможности развития огромное большинство русского народа. Вследствие рабства между жизнью и правом явился разлад, и наше право стало не общенародным правом, а правом части народа привилегированной».

Кто довел Россию до такого состояния, вопреки пути, по которому двигался Грозный, я уже говорил. Вот только в отношении Грозного действует та же ублюдочная методика, что и в отношении Сталина: все дельное, толковое, прогрессивное было, оказывается, сделано «вопреки» царю-тирану

реформаторами и демократами из «умных советчиков». Доходит до парадоксов: в одной из своих книг эмигрант А. Янов сначала превозносит «Великую Реформу 1550-х» (это он пишет оба слова с большой буквы), а потом без всякого перехода всячески порицает «тирана» Грозного, загубившего будущие ростки парламентаризма и прочих европейских свобод. Но ведь инициатором Великой Реформы и был как раз Грозный… Однако Янов чрезвычайно полезен в качестве одной из тех подопытных морских свинок, на которых биологи изучают *весь* вид. Он не один такой, а именно что «типичный представитель» определенного типа мышления, который именуются интеллигентским.

Земельная реформа 1551 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Парламентские свободы вообще штука опасная – в определенное время. Об этом никто не написал лучше И. Солоневича: «К Великому Князю Владимиру Красное Солнышко скачут гонцы: «Княже, половцы в Лубнах». Великий Князь Владимир Красное Солнышко созывает конгресс и сенат. Конгресс

и сенат рассматривают кредиты. Частная инициатива скупает мечи и отправляет их половцам. В конгрессе и сенате республиканцы и демократы сводят старые счеты и выискивают половецкую пятую колонну. Потом назначается согласительная комиссия, которая ничего согласовать не успевает, ибо половцы успевают посадить ее на кол».

И продолжает: «Этот пример несколько примитивен, но он точен. Нация, находящаяся в состоянии военной опасности, не может позволить себе роскоши парламентской волокиты».

Добавлю от себя: и роскоши уважения к неприкосновенной частной собственности. Описанный Ченслером способ «раскулачивания» не способных более служить помещиков родился не от хорошей жизни. И продиктован не «произволом», а необходимостью содержать на средства с земель сильную армию. Потому что на юге подпирает не обычный воинственный сосед вроде Польши или Швеции, а Крымское ханство, у которого весь смысл жизни заключается в грабеже и угоне пленных в рабство. Для борьбы с *таким* противником страна должна быть превращена в военный лагерь – что вовсе не обязательно в «обычных» русско-польских, русско-шведских или русско-ливонских войнах. Находись столетиями у англичан под боком схожий супостат, еще неизвестно, на что они променяли бы парламентские свободы и священное право частной собственности. А впрочем… Те же англичане (да и не они одни) активнейшим образом применяли принцип, в общем-то, противоречащий правам, свободам и незыблемости частной собственности: только один из сыновей получал отцовское поместье, а остальные с тощим кошельком в кармане могли отправляться к чертовой матери. Не вполне справедливо, но жизненно необходимо: если бесконечно дробить поместья по числу наследников, экономика в конце концов обрушится ниже плинтуса (что и наблюдалось в России во второй половине XVIII и первой половине XIX столетий, когда «по справедливости» наследство делили по количеству наличных ртов…)

Но оставим это. Царствование Грозного – тема неисчерпаемая, можно сказать, фрактальная (математики меня поймут). Одно цепляет за собой другое, и так можно до бесконечности. Поэтому не стану впадать ни в мажор, ни в минор, а скажу просто: я, как уж удалось, пытался понять Иоанна Васильевича Грозного, первого русского царя, и развеять иные из дурацких мифов, не имеющие с реальным прошлым ничего общего. Как уж получилось.

Страшный был человек Иван Васильевич. Не его вина, что ему выпал такой век. По крайней мере он сделал все, что мог, а

это, господа мои, не каждому дано…

Красноярск, февраль 2007

Библиография

А. Азимов. История Англии. М. Центрполиграф, 2005 Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. М. Ладомир, 1998

Ю.Алексеев. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука,1991 Д. Аль. Иван Грозный: от легенд к фактам. СПб. Нева, 2005 Д. Альшиц. Начало самодержавия в России. Л. Наука, 1978 А. Андреев. История власти в России. М. Евролинц, 2003 М. Арзаканян, А. Ревякин, П. Уваров. История Франции. М. Дрофа, 2005

А. Ахиезер. Россия. Критика исторического опыта, т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997

Р. Баландин, С. Миронов. Тайны смутных эпох. М. Вече, 2003

В. Балязин. Иван Грозный и воцарение Романовых. М. Олма, 2006

В. Г. Белинский, т. 1. М. Огиз, 1948

Л. Беляев. Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М. АСТ, 2005

Г. Бобенко. Ногою твердой стать при море… СПб. Книжный мир, 2005

Н. Борисов. Иван III. М. МГ, 2003

Н. Борисов. Повседневная жизнь Средневековой Руси накануне конца света. М. МГ, 2004

А. Боханов. Русская идея: От Владимира Святого до наших дней. М. Вече, 2005

А. Брайант. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб. Евразия, 2001

К. Булычев. Тайны Руси. М. Дрофа, 2003 Я. Буркгардт. Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск. Русич, 2002

К. Валишевский. Иван Грозный. М. Икпа, 1989 Вестник Европы, т. 5. М. 1871 Г. Вернадский. Киевская Русь. М. Аграф, 1996 А. Висковатов. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб, 1994

М. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. Феникс, 1995

Военная энциклопедия, т. 10, 14. СПб. Т-во Сытина, 1912 Д. Володихин. Иван Грозный: бич божий. М. Вече, 2006 Временник Ивана Тимофеева. СПб. Наука, 2004 Всемирная история: Развитие государств Восточной Европы. Минск. Харвест, 2002

Всемирная история (1500–1650). СПб. Брокгауз-Ефрон. 1911 Р. Гейденштейн. Записки о московской войне.

А. Гейтли. Дива никотина. СПб. Амфора, 2005

М. Геллер. История Российской империи, т.1. М. Мик, 2001 Т. Георгиева. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М. Высшая школа, 2006

С. Герберштейн. Записки о Московии. М. МГУ, 1988 Ф. Гизо. История цивилизации во Франции, т. 3. Рубежи XXI, 2006

В. Гитин. Всемирная история без комплексов и стереотипов. Торсинг, 2005

Т. Гоббс. Левиафан. М. Госсоцэкгиз, 1936 И. Гобри. Лютер. М. МГ., 2000

С. Горяйнов, А. Егоров. История России IX–XVIII в. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996

Г. Гребнев. Пропавшее сокровище. Мир иной. М. Детгиз, 1961 Ф. Гримберг. Династия Романовых: загадки, версии, проблемы. М. НЦ ЭНАС, 2005

Л. Гумилев. Древняя Русь и великая степь. М. АСТ, 2004

Р. Дарнтон. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. НЛО, 2002

В. Демин. Русь летописная. М. Вече, 2003

К. Джонс. Париж: Биография великого города. М., СПб, 2006

Ч.Диккенс. История Англии для юных. М. НГ. 2001 О. Дмитриева. Елизавета Тюдор. М. МГ. 2004

С. Домников. Мать-земля и царь-город: Россия как традиционное общество. М. Алетейа. 2002

Жизнь Бенвенуто Челлини. М. ГИХЛ, 1958 М. Зарезин. Последние Рюриковичи и закат Московской Руси. М. Вече, 2004

А. Зимин, А. Хорошевич. Россия времен Ивана Грозного. М. Наука, 1982

А. Зимин. Россия на пороге Нового времени. М. Мысль, 1972

Е. Разин. История военного искусства. XI–XVI вв. СПб. Полигон 1994

Иван IV Грозный. Сочинения. СПб. Азбука-классика, 2000 Из глубины столетий. Казань, 2004 Д. Иловайский. Собиратели Руси. М. Чарли. 1996 Д. Иловайский. Царская Русь. М. Чарли, 1996 И. Исаев. История государства и права России. М. Юристъ, 2006

Исторические песни и баллады. М. Современник, 1986 История государства и права зарубежных стран, т. 1. М. Норма, 2007

История Дании. М. Весь мир. 2007

История Испании и Португалии. М. Монолит, 2002

История Польши. М. Монолит, 2002

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М. Высшая школа, 1999

История России с древнейших времен до конца XVII в. М.

Эксмо, 2007

С. Казаков. Загадки и легенды русской истории. Ростов-на-Дону, Феникс. 2005

Н. Казакова, Я. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI веков. М.-Л. Изд-во Академии наук, 1955

Н. Карамзин. История Государства Российского, кн. 2. М.АСТ, 2004

И. Карацуба, И. Курукин, Н. Соколов. Выбирая свою историю. Колибри, 2006

А. Кастело. Королева Марго. М. МГ. 1999 И. Клулас. Диана де Пуатье. М. МГ, 2004

Книга для чтения по истории Средних веков. М. Т-во Сытина, 1912

Е. Князев. Власть отвратительна. М. Сампо, 2000 С. Князьков. Допетровская Русь. М. Вече, 2005

В. Козлов. Тайны фальсификации. М. Аспектпресс, 1996

Р. Дж. Коллингвуд. Идея истории: Автобиография. М. Наука, 1980

В. Колобов. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб. Алетейя, 2004

Ж. М. Констан. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. М. МГ, 2005

Н. Коняев. Подлинная история Дома Романовых. М. Вече, 2006

И. Коротков. Иван Грозный: Военная деятельность. М. Воениздат, 1952

Н. Костомаров. Земские соборы. М. Чарли, 1995

С. Кравченко. Кривая империя. М. Быстров, 2002

Б. Кричевский. Митрополичья власть в Средневековой Руси. СПб. Искусство, 2003

И. Кузнецов. История государства и права России. М. 2007 С. Куняев. Русский полонез. М. Алгоритм, 2006 К. Линдсей. Разведенные, обезглавленные, уцелевшие жены короля Генриха VIII. М. Кронпресс, 1996

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М. МГУ, 1994

М. В. Ломоносов, т. 6. М-Л, изд-во Академии наук, 1952 В. Манягин. Правда грозного царя. М. Алгоритм, 2006

С. Масси. Земля жар-птицы. Краса былой России. СПб. Лики России

В. Меденков. Русские: история, психология, судьба. М. Русская книга, 2003

С. Мельгунов. Религиозно-общественные движения XVII–

XVIII вв. М. Задруга, 1922

Ю. Мизун, Ю. Г. Мизун. Ханы и князья: Золотая Орда и русские княжества. М. Вече, 2005

Л. Милов. По следам ушедших эпох. М. Наука, 2006 П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. 1, 2. М. Прогресс, 1993

Мир русской истории: Энциклопедический справочник. М. Вече, 1997

Л. Морозова. Затворницы. М. АСТ, 2002 Г. Мурашев. Титулы, чины, награды. М. АСТ, 2006 Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3 т. СПб. Типография Безобразова и Ко. 1864

Н. Никольский. История русской церкви. Минск. Беларусь, 1990

А. Олеарий. Описание путешествия в Московию. М. Российские семена, 1996

Н. Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М. Наука, 1988 М. Пастуро. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М. МГ. 2001

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. Наука, 1993

Р. Пересветов. По следам находок и утрат. М. Советская Россия, 1963

Р. Пересветов. Тайны выцветших строк. СПб. Авалон, 2006 Д. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М. Соцэкгиз, 1937 М. Пинегин. Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005 С. Платонов. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, Фолиум, 1996

С. Платонов. Борис Годунов. М. Вече, 2006 М. Покровский. Русская история, т. 1. СПб. Полигон, 2001 Н. Полевой. История русского народа. М. Вече, 2006

А. Поссевин. Исторические сочинения о России XVI в. М. МГУ, 1983

Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб. Алетейя, 2005

Н. Пронина. Иван Грозный: «мучитель» или мученик? М. Яуза, 2006

Ж.-К. Птифис. Железная маска. М. МГ, 2006 Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М. Наука, 1986

Россия XVII века: Воспоминания иностранцев. Смоленск. Русич, 2003

Россия XVI века: Воспоминания иностранцев. Смоленск. Русич, 2003

Россия на путях централизации. М. Наука, 1982 Россия и

степной мир Евразии. СПб. Университет. 2006 Русская артиллерия от Московской Руси до наших дней. М. Вече, 2006

Русское православие: Вехи истории. М. Политиздат, 1989 Е. Рыбина. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М. МГУ. 1986

С. Рязанцев. Рога и корона. СПб. Астрель, 2006 М. Серяков. Любовь и власть в Древней Руси. М. Яуза, 2005 М. Серяков. Любовь и власть в русской истории. М. Олма, 2002

Р. Скрынников. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. М. Наука, 1991

Р. Скрынников. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, Русич, 1996

Р. Скрынников. Иван III. М. АСТ, 2006 Р. Скрынников. Василий Шуйский. М. АСТ, 2002 Р. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Л. Наука, 1973

Р. Скрынников. Россия в начале XVII в.: «Смута». М. Мысль, 1988

М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера. М.-Л. Изд-во Академии наук, 1947

А. Смирнов. Морская история казачества. М. Яуза, 2006

В. Смирнов. Загадки колдунов и властителей. М. Вече, 2006

С. Соловьев. История России 1054–1462. М. Астрель, 2001 С. Соловьев. Учебная книга русской истории. М. АСТ, 2003 С. Соловьев. История России с древнейших времен: Избранные главы. М. Олма, 2004

Б. Соловьев. Русское дворянство. СПб. Полигон, 2003 И. Солоневич. Народная монархия. М. Эксмо, 2003

А. Спасский. Лекции по истории Западноевропейского Средневековья. СПб., 2006

Средние века: Книга для чтения по истории. М. Астрель, 2006 И. Стеллецкий. Поиски библиотеки Ивана Грозного. М. Сам-по, 1999

Сто великих диктаторов. М. Вече, 2004 Н. Сычев. Книга династий. М. АСТ, 2005

В. Татищев. История российская, т. 3. М. АСТ, 2002

С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование. М. АСТ, 2006

Т. Тимошина. Экономическая история России. М. Филинъ. 2000

А. Торопцев. Рюриковичи: От Ивана Калиты до Ивана Грозного. М. Олма, 2006

Д. М. Тревельян. История Англии: От Чосера до королевы Виктории, Смоленск. Русич, 2001

Р. Уортман. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии т. 1. М. ОГИ. 2004

Протоиерей Г. Флоровский. Пути русского богословия. Изд-во Белорусского экзархата, 2006

Б. Флоря. Иван Грозный. М. МГ. 2002 Э. Фромм. Бегство от свободы. М. АСТ, 2006 Д. Хоскинг. Россия: народ и империя. Смоленск, Русич, 2000 Хрестоматия по истории России. М. Проспект, 2007 Хрестоматия по истории Средних веков. М. Соцэклитиздат. 1963

Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М. Владос. 2004

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М. Проспект, 2007

Хроники и документы времен Столетней войны. СПб. Университет. 2005

Царь Иван IV Грозный. М. Русский мир. 2005 С. Цветков. Узники Тауэра. М. Армада-пресс, 2001 С. Цветков. Иван Грозный. М. Центрполиграф, 2005 В. Цечоев, В. Власов. История отечественного государства и права. Ростов-на-Дону, Феникс, 2003

Д. Чекалов. Иоанн Грозный: звезды и числа. М. Эксмо, 2006 З. Черниловский. Всеобщая история государства и права. М. Юристъ, 1996

У. Черчилль. Рождение Британии. Смоленск, Русич, 2002 В. Шамбаров. Бей поганых! М. Алгоритм, 2005 В. Шапошник. Иван Грозный, первый русский царь. Спб, Витанова, 2006

Ж. Шастенэ. Лукреция Борджа. М. МГ. 2004 А. Широкорад. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М. АСТ, 2007

А. Широкорад. Русь и Орда. М. Вече, 2004 А. Широкорад. Путь к трону. М. АСТ, 2004 А. Широкорад. Русь и Литва: Рюриковичи против Гедимино-вичей. М. Вече, 2004

А. Шишов. Иван Калита. М. Вече, 2006

А. Шлихтинг. Новое известие о России времен Ивана Грозного.

Е. Шмурло. История Росиии. М. Аграф, 2001 Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань. Александрия, 2005

А. Штекли. Томас Мюнцер. М. МГС, 1961 Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона, т. 11, 24, 32. СПб. 1898

Ф. Эрланже. Резня в ночь святого Варфоломея. СПб. Евразия, 2002

А. Юрганов, Л. Кацва. История России XVI–XVIII вв. М. Мирос, 1996

М. Яблочков. История дворянского сословия в России. Смоленск, Русич, 2003

Л. Яковер. Занимательные истории из русской истории. XVI–XVII вв. М. Сфера, 2000

А. Янов. Россия: у истоков трагедии 1462–1584. М. Прогресс-Традиция, 2001

Alternatiwna historia. W Bellona. 2005

A. Donimirsky. Niezwykle kobiety w dziejach. W I.W.Z.Z. 1988 Z. Ryniewicz. Bitwy Swiata W. WP. 1995

J. Widacki. Detektywi na tropach zagadek historii. Katowice. «Slansk», 1988

Приложения

Указатель имен опричников Ивана Грозного

[3]

Агафонов Игнашко 12
Адамов Гаврило Матвеев сын 14
Айгустов Афонасей 21
Александров Семейка 10 об.
Алексеев Илюша 15 об.
Аликеев Иван 1 об.
Андреев Михей 17 об.
Аникеев Поздяк 25 об.
Линии Ачексен 20
Арапышев Куземка 27 об.
Арапышев Юшко Микитин 27 об.
Арсеньева Васюк Григорьев сын 24 об.
Артаков Сулеш 1 об.
Архимандричь Анисим 29 об.
Архипов Иванко Иванов сын 6 об.
Архипов Ивашко Васильев сын 8 об.
Атмашиков Андрей 6 об.
Бабкин Богдан Федоров сын 1
Бабкин Васка Микитин сын 6 об.
Бабкин Игнат Данилов сын 6
Бабкин Ментик Гаврилеч сын 5 об.
Бабкин Микифорен Микитин сын 7 об.
Бабкин Никодим Олексеев сын 3 об.
Бабкин Павлец Олександров сын 6
Бабкин Романец Григорьев сын 7 об.
Багаев Тимофей 22
Бакланов Микифор 9 об.
Балакирев Проня 6
Бастанов Васка Вололимеров сын 4
Бастанов Иванец Гутманов сын 7 об.
Бастанов Ишук Иванов сын 3
Бастанов Ларка Гутаманов сын 8
Бастанов Нагай Иванов сын 2 об.
Бастанов Олексей Володимеров сын 3
Бастанов Осиф Гутманов сын 6
Бастанов Пентей Власьев сын 1 об.
Бастанов Сергей Володимеров сын 3
Бастанов Темеш Иванов сын 2
Бастанов Янклыч Володимеров сын 4

Батурин Семейка Михайлов 24
Батюшков Пятой 29 об.
Баушов Третьяк 30 об.
Безобразов Васка Михайлов сын 5
Безобразов Васка Шарапов сын 8
Безобразов Володимер Матвеев сын 2
Безобразов Гриша Микифоров сын 4
Безобразов Елка Володимеров сын 4 об.
Безобразов Захарья Иванов сын 3
Безобразов Иван Михайлов сын 3
Безобразов Меркур Иванов сын 4 об.
Безобразов Митка Шарапов сын 4 об.
Безобразов Михайлов Игнатьев сын 5
Безобразов Михалко Володимеров сын 4 об.
Безобразов Олеша Иванов сын 7
Безобразов Онтон 6 об.
Безобразов Осипко Игнатьев сын 5
Безобразов Романец Федоров сын 5
Безобразов Семенец Володимеров сын 6
Безобразов Степан Осипов сын 4 об.
Безобразов Федор Михайлов сын 3
Безобразов Яков Иванов сын 3
Безобразова Васильевы дети Микифор 2 об.
Безобразова Васильевы дети – Ондрей 2 об.
Безобразова Осиповы дети – Иван 3 об.
Безобразова Осиповы дети – Истома 3 об.
Безобразова Осиповы дети – Кузма 3 об.
Белского Богдан Сидоров сын 2
Белского Горчаковы дети – Иван 3 об.
Белского Горчаковы дети – Никита 3 об.
Белского Давыдко Нежданов сын 3 об.
Белского Казаринко Данилов сын 7 об.
Белского княж Петровы дети Григорей 3 об.
Белского княж Петровы дети Тимофей 3 об.
Белского Марья Малютина жена 1
Белского Меншик Зубатого сын 4 об.
Белского Офонасей Васильев сын 2
Белского Степан Ашеметов сын 3
Белской Богдан Яковлев сын 1
Белской Булгак Данилов сын 3
Белской Верига Третьяков сын 2
Белской Григорей Горчак 3 об.
Белской Григорей Нежданов сын 2
Белской Дмитрей Горчаков сын 4

Белской Ивашко Богданов сын 4
Белянкин Васка 32 об.
Берестеников Семейка 10
Бирин Юшко 39 об.
Бисеров Неупокой 22
Благово Аврам Володимеров 3
Благово Богдан Блудов сын 3
Благово Борис Веригин сын 2
Благово Володимер Веригин сын 2
Благово Гриша Шемякин сын 3 об.
Благово Елизарей Шемякин сын 3
Благово Иван Блудов сын 2
Благово Иван Шемякин сын 3
Благово Ивановы дети – Иван 3 об.
Благово Ивановы дети – Офонасей 3 об.
Благово Нечай Федоров сын 3 об.
Благово Ондрей Федоров сын 3 об.
Благово Остафей Фендриков сын 3
Благово Пронка Поздяков сын 8
Благово Степан Федоров сын 3
Благово Яков Поздяков сын 6
Бобанин Ивашко Ондреев сын 23 об.
Бобров Василей 6 об.
Богатков Фетко Фомин 24
Богданов Ждан 6
Богданов Юрьи 5 об.
Боков Захар 37 об.
Болотников Гриша Булгаков сын 7 об.
Болотников Дмитрей Данилов сын 4
Болотников Иван 29
Болотников Ивашко Коверин сын 6
Болотников Истома Коверин сын 5 об.
Болотников Матюша Лобанов сын 3
Болотников Миня Будаев сын 3
Болотников Муромец Семейкин сын 3
Болотников Небелой Рудаков сын 3
Болотников Ондрей Коуров сын 2
Болотников Утеш Микитин сын 6
Болотников Харьяк Галактионов сын 6
Болотникова Коуровы дети – Олеша 6 об.
Болотникова Коуровы дети – Федка 6 об.
Болтин Тиун Данилов сын 6
Борец Ондрюша 6 об.
Борисов Ивашко 10

Борисов Меншик 25
Борисов Рудачко 30
Борисов Федор 23
Борисов Фетко 39
Боровлев Иван 22 об.
Босово Кудаш 6
Боташев Поликарп 23 об.
Бренков Богдашко Данилов 24 об.
Бренков Ивашко Лобанов 24 об.
Бренцов Гриша 25
Брудастого Митка Иванов 24
Брудастого Олеша Иванов 24
Брюхов Оладья Михайлов сын 8
Брянцов Олеша Анфимов 25 об.
Брянцов Офоня 24
Брянцов Посничко 25 об.
Бугримов Левка 28 об.
Бугримов Семейка 29
Будатников Костя 17 об.
Будилов Сенка 29 об.
Будиха Василей 15
Бузаев Ишкей 5 об.
Бузин Васюк 23
Булатов Ивашко 23
Булгаков Борис Посников сын 20 об.
Булгаков Иванец Сюлменев сын 4 об.
Булгаков Кузма Посников сын 21
Булгаков Левонтей Постников сын 20
Булгаков Сулемен Тимофеев сын 1 об.
Булыгин Васка 18
Булыгин Илья 11 об.
Бунаков Богданец Дмитреев сын 4 об.
Бунаков Дмитрей Богданов сын 2 об.
Бунаков Иванец Дмитриев сын 7
Бунаков Ивашко Васильев сын 7 об.
Бунаков Матвеец 5 об.
Бунаков Микита Богданов сын 2 об.
Бунаков Семен Тимофеев сын 4
Бунков Ждан Чюдинов сын 5
Бунков Левка Чюдинов сын 5
Бунков Ондрюша Чюдинов сын 7 об.
Бунков Шерап Чюдинов сын 5
Бурнаков Иван 29
Бурнаков Лобан 32

Бурнаков Тулуп 29
Бут Иван 14 об.
Бутиков Григорей Борисов сын 1 об.
Бутиков Семен Григорьев сын 1 об.
Бутиков Фетко Петров сын 4
Быкасов Ондрей 19
Быкасов Постной 19
Быкасов Юрьи 20 об.
Быкасов Яков 20 об.
Быков Таврило 9
Быков Девятой 9
Быков Лука Костянтинов сын 8 об.
Быков Олексей Костянтинов сын 8 об.
Быков Семен Костянтинов сын 8 об.
Вавилин Суворец 18 об.
Вавулин Осипко Григорьев 24
Ванеев Третьяк 32
Ванеев Фуфляй 32
Вантеев Безсон 13 об.
Васильев Агей 22
Васильев Богдан 13 об.
Васильев Брага 4
Васильев Василей 16
Васильев Гаврило 7
Васильев Гриша («Истобники столовые») 10 об.
Васильев Гриша («Уксусники. По 2 рубля») 29 об. Васильев Девятой 15 об.
Васильев Ждан («Колпачники») 15 об.
Васильев Ждан («Подключники») 32
Васильев Ивашко («Государевы Царевичевы стадные конюхи…») 28
Васильев Ивашко («Стадные конюхи…») 27 об.
Васильев Илейка 18
Васильев Исачко 17 об.
Васильев Истомка 27 об.
Васильев Куземка 10 об.
Васильев Максимко 34 об.
Васильев Матюша 19 об.
Васильев Матюшка 21 об.
Васильев Мелех 29 об.
Васильев Михайло 32
Васильев Ондрюшка 12
Васильев Онтонко 28 об.
Васильев Петруша 24

Васильев Петрушка («Свечники восковых свечь») 29 об.
Васильев Петрушка («Стадные конюхи…») 27 об. Васильев Потапко 17 об.
Васильев Пронка 27
Васильев Серешка 27 об.
Васильев Сидорко 18 об.
Васильев Старой 6
Васильев Фетко 24
Васильев Филат 11 об.
Васильев Фомка 27 об.
Васильев Шемела 28 об.
Васильев Шестак 6
Васильев Ширяй («Портные мастеры») 15
Васильев Ширяй («Подключники. По 4 рубли») 36 об.
Васильчиков Иванец Олексеев сын 7
Васильчикова Борисовы дети – Григорий 1 об.
Васильчикова Борисовы
дети – Назарей 1 об.
Васильчикова Ондреевы
дети – Григорий 2
Васильчикова Ондреевы
дети – Илья 2
Ватутин Замятница 24
Вахрамеев Образец Семенов сын 7
Вахромеев Ивашко Михайлов сын 7
Вахромеев Михайло Васильев сын 5
Вахромеева Семеновы
дети – Иван 3 об.
Вахромеева Семеновы
дети – Лева 3 об.
Ведерка Ивашко 30
Вельяминов Останя Сидоров 24 об.
Верещага Иван Никитин 14
Верещевской Ондрей 12 об.
Верхоглядов Богдашко Юрьев 24
Весяков Иван 29
Ветошников Ондрюша 34
Висков Афонасей 31 об.
Власов Васка 34 об.
Власов Ивашко 27 об.
Власов Микитка 24
Власов Петруша Иванов сын 24 об.
Внуков Всячинка Васильев сын 36 об.
Внуков Ивашко Васильев 22 об.

Внуков Никифор Васильев сын 36 об.
Внуков Осипко Васильев 24
Воеводин Филка 24 об.
Воейков Баим Васильев сын 1 об.
Воейков Богданец Борисов сын 4 об.
Воейков Данилко 5 об.
Воейков Десятой Мамышев сын 5 об.
Воейков Звяга Тимофеев сын 4 об.
Воейков Иван Васильев сын («По 15 рублев») 6 об.
Воейков Иван Васильев сын («По 40 рублев») 2
Воейков Иванец Борисов сын 7
Воейков Игнашко Звягин сын 7 об.
Воейков Матвей Васильев сын 1 об.
Воейков Митка Звягин сын 7
Воейков Олеша Иванов сын 6
Воейков Ондрюша Семенов сын 5
Воейков Офонка Звягин сын 7
Воейков Офоня Иванов сын 5
Воейков Петрок Мамышов сын 3 об.
Воейков Сенка Иванов сын 6
Воейков Третьяк Иванов сын 5
Воейков Учиш Злобин сын 5 об.
Воейков Федко Булгаков сын 7
Воейков Федко Васильев сын 7
Воишев Тренка Федоров сын 30 об.
Волжинский Тимошка Ондреев сын 7 об.
Волжинского Юрьевы дети – Тимошка 5 об.
Волжинского Юрьевы дети – Фетко 5 об.
Волжинской Васка Горигорьев сын 6
Волжинской Верига Юрьев сын 5 об.
Волжинской Воин Тимофеев сын 5 об.
Волжинской Гриша Тимофеев сын 5 об.
Волжинской Елка Иванов сын 6
Волжинской Иванец Игнатьев сын 4 об.
Волжинской Иванец Тимофеев сын 5 об.
Волжинской Ивашко Иванов сын 8
Волжинской Матвей Ондреев сын 6
Волжинской Олеша 21 об.
Волжинской Офонка Иванов сын 7 об.
Волжинской Путилец Иванов сын 7 об.
Волжинской Семейка Иванов сын 5 об.
Волжинской Темка Игнатьев сын 5 об.
Волков Василей Ильин сын 3
Волков Васюк Иванов 23 об.

Волков Воинко 26
Волков Кондратко Матвеев 25 об
Волков Матюша 25 об.
Волков Олеша 24
Волков Степан Ильин сын 3 об.
Волков Тютя 23 об.
Волков Федор Ильин сын 1 об.
Володимеров Филя 35 об.
Володимеров Юшко 23 об.
Володин Степанко 18
Володин Фетко 30
Волосатого Петр Иванов сын 5
Волосатого Самсон Ондреев сын 6 об.
Воробьев Ондрей 29 об.
Воронин Митя Григорьев 25 об.
Воронов Васка Шыршиков сын 6 об.
Воронов Ефим Ширшиков сын 2 об.
Воронов Захар Меншиков сын 2 об.
Воронов Иван Истомин сын 4 об.
Воронов Ивашко Юрьев сын 6
Воронов Митка Облезов сын 6
Воронов Митка Юрьев сын 5
Воронов Облез Истомин сын 6 об.
Воронов Фетко Серово сын 6
Воротников Левка 33 об.
Воротников Фетко 33
Воротынов Малентей 31 об.
Воротынов Неждан 32
Востинской Ивашко Гаврилов сын 7
Востинской Микита Васильев сын 5
Востинской Федосейко Гаврилов сын 7 об.
Вошкин Истома 26 об.
Боткин Максим 27
Всеславин Гриша Меншой Яковлев сын 4 об.
Всеславин Данило Дементьев сын 2 об.
Всеславин Иванец Иванов сын 7
Всеславин Иванец Яковлев сын 6 об.
Всеславин Левонтей Дементьев сын 5
Всеславин Семенец Иванов сын 7
Всеславина Игнатьевы дети – Субота 6 об.
Всеславина Игнатьевы дети – Яковец 6 об.
Вырубов Гриша Михайлов сын 3 об.
Вырубов Иван Остафьев сын 4 об.
Вырубов Иванец Леонтьев сын 7 об.

Вырубов Курбат Иванов 7 об.
Вырубов Левонтей 19
Вырубов Лобан Остафьев сын 8
Вырубов Митка Иванов сын 7 об.
Вырубов Петруша Федоров сын 7 об.
Вырубов Семейка Смирного сын 7 об.
Вырубов Семен Остафьев сын 3 об.
Вышеславцов Иванец Федоров сын 5 об.
Вьюков Семейка Сергеев сын 37
Вялово Фетка Зиновьев 24 об.
Гаврилов Григорей 6
Гаврилов Гриша 34
Гаврилов Дениско 27 об.
Гаврилов Тренка 30
Гаманин Ондрюша 21 об.
Гарасимов Кузма 37 об.
Гаютин Девятой 6 об.
Герасимов Смирной 6 об.
Гиневлев Богомил Богданов сын 5
Гиневлев Гриша Михайлов сын 7
Гленской Иван княж Михайлов сын 1
Гневашов Гриша 6 об.
Гнидин Якуш 32 об.
Годунов Борис Федоров сын 2
Годунов Яков Афонасьев сын 2
Головин Григорей 20
Головин Ондрюша Меншой 23 об.
Головин Якуш 6
Головленков Василей Григорьев сын 3 об. Головленков Иван Васильев сын 3 об.
Головленков Офонасей 4
Голубин Дружина 32 об.
Голчеев Всполох 22
Гомзяков Семейка 6 об.
Горбунов Безсон 33
Горбунов Васюк 27
Горбунов Ивашко 33 об.
Горбунов Тренка 33 об.
Горемыкин 32
Горлов Митка Некрасов 24
Городетцкого Иван Сеитов 1
Горяйнов Верешага 19 об.
Горяйнов Ивашко 23 об.
Горяйнов Третьяк 18

Горячкин Юрьи 29
Готовцов Васка Вазаков сын 3 об.
Готовцов Васка Ураков сын 3
Готовцов Давыд Ураков сын 3
Готовцов Митка Федоров сын 3 об.
Готовцов Сенка Федоров сын («По 6 руб.») 8 об. Готовцов Сенка Федоров сын («По 7 рублев») 4 Готовцов Фетко Федоров сын 3 об.
Граворонов Васка 37 Греков Михайло 29 об. Грешной Володка Клементьев сын 2
Грибанов Василей 32
Грибанов Известной 30 об.
Григорьев Володка Иванов сын 37
Григорьев Гриша 40
Григорьев Замятия 5 об.
Григорьев Ивашко 28
Григорьев Истома 4 об.
Григорьев Лешук 8
Григорьев Матюша 38
Григорьев Мещанко 32 об.
Григорьев Микифорко 18 об.
Григорьев Митка 30
Григорьев Михайло 21
Григорьев Олеша 36
Григорьев Олешка 34 об.
Григорьев Ондрюша 23 об.
Григорьев Онтонко 26
Григорьев Офонка 27 об.
Григорьев Петр 1
Григорьев Сенка 27 об.
Григорьев Соловко 33
Григорьев Тренка 30
Григорьев Третьяк 32 об.
Григорьев Фадейко 18
Григорьев Фетко 17 об.
Григорьев Филка 18 об.
Григорьев Шарапко 32
Гриденков Таврило 19
Гриденков Кузма 19
Гришин Еремка 30
Громоздов Первуша 26
Губарев Семейка 30 об.
Губастого Иван 21 об.
Губастого Митя 21 об.

Гунина Девятко Семенов сын 24 об.
Давыдов Офонка 18 об.
Давыдов Семак 26
Давыдов Филат 35
Данилов Дмитрей 36
Данилов Иван 22
Данилов Первуша 38 об.
Дементьев Первуша 28
Дементьев Тараско 24
Демидов Иван 13 об.
Демидов Савка 33 об.
Демидов Худяк 6 об.
Демьянов Афонасей 1 об.
Демьянов Микитка Игнатьев сын 3 об.
Денисов Васюк 25 об.
Денисов Нежданко 38
Денисов Филка 30
Десятого Русинко 30 об.
Дмитреев Васюк Купреянов 27 об.
Дмитреев Герасимко 24
Дмитреев Ивашко Михайлов 24
Дмитреев Оброс 15
Дмитреев Тренка 30
Дмитриев Митка 18 об.
Долматов Фетко 27 об.
Домнин Булат 23 об.
Домрачеев Замятия 21
Домрачеев Иван 21
Дорофеев Лева 11
Дрожжин Волк 35 об.
Дрожжин Волк Меншой 33
Дубасов Замятия Гаврилов сын 5
Дубасов Иван Семенов сын 4 об.
Дубасов Микита Яковлев сын 5
Дубасов Ондрюша Федоров сын 7
Дубасов Петруша Федоров сын 7 об.
Дубасов Сенка Федоров сын 5
Дубасов Федор Иванов сын 3
Дубасов Федор Семенов сын 2 об.
Дубасов Фетко Иванов сын 7 об.
Дубинин Иван 36
Дураков Рада Окдреев сын 8
Дурляев Васюк Некрасов 24
Дурляев Пятой 23

Дурляев Русинко 23 об.
Дурляев Четвертой 22
Евреев Иван Баташев сын 5
Евреев Иванец Петров сын 6 об.
Евреев Мосей Борисов сын 2 об.
Евреева Денис Григорьев сын 6 об.
Евсеев Фетко 28 об.
Екимов Иванко 28 об.
Елдезин Василий 29 об.
Елизаров Степан 21 об.
Елизарьева Тихонко Васильев сын 24 об.
Един Куземка Захарьин 23 об.
Елчанинов Григорей 3
Елчанинов Данило 3 об.
Елчанинов Иван 2
Елчанинов Иван Офонасьев сын 3 об.
Елчанинов Офонасей Офонасьев сын 4
Елчанинов Федор 2
Еремеев Безсонко 28
Еремеев Ивашко 9 об.
Еремеев Рюма 31 об.
Еремеев Тренка 30
Еремеев Фетко Леванисов сын 30 об.
Ермаков Ивашко 39
Ермолин Ивашко 38
Ерофеев Ивашко 23
Ерофеев Левка 27 об.
Ерофеев Ондрюша 23
Есипов Петрок 30 об.
Есипов Смага 21 об.
Ефимов Богдан 35 об.
Ефимов Иван 25
Ефимов Карпик 28
Ефимов Тимошка 24 об.
Ефимов Якуш 25 об.
Ефимьева Кубас Игнатьев сын 8
Ефремов Богдашко 28
Жданов Тимошка 34
Жерлицын Гриша 29 об.
Жерлов Ивашко 25
Жехов Васюк Дмитреев 23 об.
Жирохин Бугрим 40
Жихорев Петруша 5 об.
Жовкин Тимоха Власов 24

Жуков Таврило 22 об.
Жуков Митка Семенов 23 об.
Жуков Офонасей 31
Жуков Пешек 5 об.
Жуков Фетко 23 об.
Жухов Иванко 40 об.
Загарин Мора 40
Загорской Сенка Ермолин 24 об.
Заиграев Юшко 29 об.
Заломов Васка 29 об.
Заломов Михалко 31
Захаров Игнашко 39
Захаров Олеша 39 об.
Захарьин Постник 16 об.
Зверинцов Третьяк 13 об.
Зворыкин Гриша Яковлев 24 об.
Зеленя Васка 30
Зикеин Онтонко Иванов 23 об.
Злобин Нечайко 39 об.
Злобин Смердюга Иванов 24
Золотускаго Гриша 24 об.
Зыков Серой 28
Зюзин Василей Григорьев сын 1
Иванов Бажен 15
Иванов Безсон 31 об.
Иванов Богдан («Крестовые дияки») 12 об.
Иванов Богдан («По 30 рублев») 2
Иванов Василей 13
Иванов Васюк («Государыни царицы конюхи и колымажные мастеры. По пол 4 рубля…») 28
Иванов Васюк («Новики взяты в умерших место») 28 Иванов Таврило 4 об.
Иванов Гриша («Свечники восковых свечь») 29 об. Иванов Гриша («Сторожи постелные») 11
Иванов Гриша («Маслеики») 39
Иванов Гриша («Хлебенного ж дворца помясы недоросли») 38 об.
Иванов Денис 16
Иванов Ерофейка 28
Иванов Жданко 38
Иванов Ивашко («Мастеры седельные. По 2 рубля») 26 об.
Иванов Ивашко («Стадные конюхи…») 27 об. Иванов Ивашко («Сытные сторожи») 30
Иванов Ивашко («Помясы. По 2 рубля без чети») 38 об.

Иванов Игната 18
Иванов Игнашко 34
Иванов Карпик 19
Иванов Кирилко 25 об.
Иванов Крячко 12 об.
Иванов Лесук 17 об.
Иванов Лопало 30
Иванов Малах 30
Иванов Мартинко 39 об.
Иванов Матюшка 27 об.
Иванов Меншик 33
Иванов Митка 9 об.
Иванов Митя 32
Иванов Михайло 8 об.
Иванов Михалко 10
Иванов Наумко 17 об.
Иванов Неверной 6 об.
Иванов Невзор 28
Иванов Неклюдко 33
Иванов Неупокой 14 об.
Иванов Олеша («По 13 рублев») 5 об.
Иванов Олеша («Скатертники») 36
Иванов Омельян 16
Иванов Онанья 11
Иванов Ондрюша («Подключники») 35
Иванов Ондрюша («Сторожи постелные») 11
Иванов Ондрюша («Сторожи царевичевы») 11 об. Иванов Онисим 17 об.
Иванов Ортюша 39
Иванов Осипко 27 об.
Иванов Офоня 39 об.
Иванов Полуня 17 об.
Иванов Стахей 2
Иванов Степанко 11 об.
Иванов Судок 25 об.
Иванов Терентей 14
Иванов Тишка 11 об.
Иванов Тренка 28
Иванов Устинко 40 об.
Иванов Федка 27 об.
Иванов Фетко («По 2 рубля с четью») 38 об.
Иванов Фетко («Сторожи») 39 об.
Иванов Шарап 19 об.
Иванов Юмшан 26 об.

Иванов Юшко 30
Иванов Якимко 34 об.
Иванов Якушко 12
Ивановы дети – Василей 4 об.
Ивановы дети – Данило 4 об.
Ивановы дети – Ондрей 4 об.
Ивашев Ивашко Ильин сын 31
Ивашев Игнатко 29 об.
Ивашов Шестак 31 об.
Иверенев Васка 29 об.
Игнатьев Игнатей 13 об.
Игнатьев Мартын 19 об.
Игнатьев Митка 24 об.
Игнатьев Подунай Митка 27
Игнатьев Юшка 18 об.
Игнатьев Яков 35
Игнумнов Онтонко Федоров 27
Иевлев Иванко 16 об.
Иевлев Корнилко 27 об.
Иевлев Олеша 11 об.
Иевлев Паня 38
Иевлев Степанко 17 об.
Иеатев Фефилко Васильев сын 23 об.
Извеков Гневаш Яковлев сын 2
Извеков Гриша Иванов сын 3 об.
Извеков Иван Болшой Петров сын 2
Извеков Олеша Петров сын 3
Извеков Ондрей Яковлев сын 5 об.
Извеков Улан Захарьин сын 4
Извекова Петровы дети – Иванец 4
Извекова Петровы дети – Сенка 4
Ильин Данилко 25 об.
Ильин Петелка 18 Ильин Федко 27 об.
Ильин Шарапко 19
Ильин Широкий 16
Инюшин Ивашко Федоров 27 об.
Исаев Ивашко Васильев 23
Исаев Муратко Русинов сын 31
Искренской Михайло 22
Искренской Ондрюша 23
Истленьев Григорей 36
Истленьев Казарин 36 об.
Истленьев Низовец 36 об.
Истобников Васка 18 об.

Истомин Никитка 17 об.
Истомка 16 об.
Кабардеев Гриша 5 об.
Кадников Васка 11
Кадников Карамыш 11
Казанец Иван 13 об.
Казнаков Ермола Иванов сын 2 об.
Казнаков Петрок Михайлов сын 7
Казнаков Филимон Михайлов сын 3
Калабродов Степан Игнатьев 22
Калитин Фетко 34 об.
Канчеев Воин Кутлуков сын 4 об.
Канчеев Микита Кутлуков сын 2
Канчеева Кутлуковы дети – Степан 2 об.
Канчеева Кутлуковы дети – Федор 2 об.
Карбышев Семейка 6
Карпов Миня 11 об.
Карпов Михайло 14
Карпов Фомка 11 об.
Качалов Борис Поздяков сын 6 об.
Качалов Таврило Федоров сын 7 об.
Качалов Елизарко Неклюдов сын 2 об.
Качалов Ивашко Михайлов сын («По 15 рублев») 6 об.
Качалов Ивашко Михайлов сын («По 9 рублев») 7
Качалов Ивашко Серово сын 6
Качалов Истома Ондреев сын 5
Качалов Клим Левонтьев сын 6
Качалов Куземка Юрьев сын 6
Качалов Михайло Олександров сын 2 об.
Качалов Рачай Федоров сын 4 об.
Качалов Семейка Неклюдов сын 6
Качалов Семейка Третьяков сын 5
Качалов Фетко Александров сын 6
Кашин Василей 9
Кашин Замятия 9 Кашин Июда 8 об.
Кашин Степан 9
Кашин Третьяк 9
Киндырев Воин Васильев сын 1
Киндырева Григорьевы дети – Гриша 2
Киндырева Григорьевы дети – Иванец 2
Кипреянов Гриша 27 об.
Киреев Давыд 7
Кирилов Овдокимко 27 об.
Кирилов Фрол 28

Кирин Ганя Ильин сын 9 об.

Кирин Илья 9 об.

Киясов Тихон 2

Клементьев Истома 24 об.

Клементьев Митка 30

Клешнин Ондрей Сверигин сын 4 об.

Клешнин Федор Веригин сын 4 об.

Климов Волошанин Михалко 17

Князков Дружина 29 об.

Князков Михайло 29 об.

Кобыла Ондрюша 9 об.

Кобылин Мокшеев Глеб Иванов сын 2 об.

Кобылина Мокшеева Ивановы дети – Богдан 3 Кобылина Мокшеева Ивановы дети – Степан 3 Кобылского Григорьевы дети – Офонасей 5 об. Кобылского Григорьевы дети – Федор 5 об. Кобылской Семой Григорьев сын 8

Ковезин Митка Степанов сын 4

Козел Богдашко Костянтинов 27

Козлов Гриша Суботин 26

Козлов Молчан Суботин сын 23 об

Козловского княж Григорьевы дети – Данило 3 Козловского княж Григорьевы дети – Иван 3 Козловского княж Григорьевы дети – Ондрей 3 Козловского княж Семеновы дети – Иван 1 об. Козловского княж Семеновы дети – Юрьи 1 об. Козловского Федор княж Тимофеев сын 3 об. Кознаков Митка Иванов сын 2 об.

Кознаков Роман Михайлов сын 4 об.

Кокорев Бархат Иванов сын 7 об.

Кокорев Ивашко 10

Кокорев Тимоха Иванов сын 5

Кокошкин Пятой 13

Колмак Иван 37

Колобов Богдашко Истомин сын 4 об.

Колобов Воин 5 об. Коломнин Семен 37 об. Коломнин Шестачко 39

Колычев Василей Жданов сын 2

Колычев Иван Федоров сын 2

Колычев Олексей Микитин сын 2

Колычов Венедихт Борисов сын 2

Колычов Григорей Григорьев сын 1

Колычов Игнатей Федоров сын 1 об.

Колычов Михайло Васильев сын 1

Колычов Осип Иванов сын 2

Комаров Василей 37 об.

Комаров Тиша 38

Комсин Постник 29 об.
Конанов Федор 32
Кондратов Васюк 27
Коптеев Нечай 21
Коркин Васка 10 об.
Корнилов Тренка 34
Корнилов Фомка 33 об.
Коробов Евсюк Личанов сын 31
Коробов Ермола Федоров сын 3 об.
Коробов Олексей 28 об.
Коровин Матвей 6
Корчемкин Путилко 29 об.
Коситакий Богдан Юрьев сын 2 об.
Коситцкого Иван Григорьев сын 6 об.
Коситцкого Ондрюша Юрьев сын 6 об.
Коситцкого Шестаковы дети – Крячко 6 об. Коситцкого Шестаковы дети – Микифор 6 об. Коситцкой Елизарей Михайлов сын 8
Коситцкой Илейка Борисов сын 5
Коситцкой Михайло Борисов сын 5
Коситцкой Паук Званов сын 2 об
Костин Данилко 18
Костин Ларя 26
Костин Меншичка Федоров 24 об.
Костин Онтропко 27 об.
Костин Уланко Федоров 24
Костянтинов Ивашко 24
Костянтинов Кузма 32 об.
Костянтинов Урак 8
Косяк Федко 31 об.
Кошкин Иев 36 об.
Краснослепов Иваыко Семенов сын 7
Краснослепов Непущей Неклюдов сын 5 Краснослепов Ондрей Неклюдов сын 5 об. Краснослепов Ондрюша Неклюдов сын 6 об. Краснослепов Офоня Семенов сын 6
Краснослепов Яков Неклюдов сын 5
Краснослепова Романовы дети – Данило 5 Краснослепова Романовы дети – Михайло 5 Крекшин Дмитрей Будаев сын 4
Крекшин Петрок Будаев сын 5 об.
Кретцкой Иван 29 об.
Кривой Митка Ларин сын 40 об.
Крутиков Рохман 36
Крутиков Степанец Семенкин сын 31
Крюков Титко 33

Кубасов Ивашко 38 об.
Кубасов Истома 37 об.
Кубасов Кузма 40
Кубасов Нефедко 38
Кубкеев Данило Мурза 2
Кудрин Ждан 23 об.
Куземка 16 об.
Кузмин Васюк 25 об.
Кузмин Гриша 28 об.
Кузмин Ивашко 28
Кузмин Л арка 27 об.
Кузмин Микита 14 об.
Кузмин Олеша 18 об.
Кузмин Онисимко 18 об.
Кузмин Паня 18
Кузмин Сорока 34 об.
Кузмин Фетко 18 об.
Кул <ташов?> Степанко Микитин сын 4 об.
Култашев Иван Зубок Федоров сын 6
Култашев Иван Семенов сын 3 об.
Култашев Иван Федоров сын 5
Култашев Неустрой Нечаев сын 3
Култашев Никита Игнатьев сын 5 об.
Култашев Ондрюша Федоров сын 5 об.
Култашев Полянин Семенов сын 6
Култашев Сенка Микитин сын 5 об.
Култашов Богдашко Игнатьев сын 7
Култашов Богдашко Ильин сын 8
Култашов Гость Богданов сын 7 об.
Култашов Гриша Петров сын («По 9 рублев») 7
Култашов Гриша Петров сын («Ниже всех статей») 8
Култашов Иван Богданов сын 7
Култашов Иванец Федоров сын 8
Култашов Казаринко Петров сын Семенова 7 об.
Култашов Макар Семенов сын 8
Култашов Митка Федоров сын 7
Култашов Михалко Микитин сын 7 об.
Култашов Олеша Иванов сын 7
Култашов Ондрюша Федоров сын 7
Култашов Отучьи Иванов сын 6 об.
Култашов Офоня Васильев сын 7 об.
Култашов Петруша Семенов сын 5 об.
Култашов Поминко Васильев сын 7
Култашов Семейка сын 7

Култашов Сенка Богданов сын 7
Култашов Степанко Андреев сын 7 об.
Култашов Черемисинко Иванов сын 7 об.
Култашов Яковец Федоров сын 7
Култашова Петровы дети – Данило 8
Култашова Петровы дети – Микита 8
Купреянов Важен 18 об.
Курачов Иванко 30
Курбатов Алексей 8 об.
Курбатов Русинко 10
Куршишкин Ивашко 27 об.
Курьянов Гриша 19
Курьянов Иванко 30
Курьянов Постничко 30
Кусков Фетко 34 об.
Кушелев Ляпун Федоров сын 5 об.
Кушелев Матвей Данилов сын 5 об.
Кушелев Смирной Федоров сын 5 об.
Кушников Девятой 23
Кушников Никита 29 об.
Лабутин Безсон 6
Лаврентьев Боголюб 30 об.
Лаврентьев Ивашко 30 об.
Лаврентьев Сурка 31
Лазарев Баженко 34 об.
Лазарев Кирилко 39
Ланин Васка 39 об.
Ларин Ивашко 38
Ларин Ромашко 18
Ларионов Ивашко 33 об.
Лбовской Внук 5 об.
Леверьев Глеб 29
Леверьев Григорей Никифоров сын 35
Леверьев Мансур 28 об.
Леверьев Митка Григорьев сын 30 об.
Леверьев Олеша 29 об.
Леверьев Офоня 29
Левонтьев Васюк Иванов 24
Левонтьев Третьяк 40 об.
Левушин Постник Борисов 23 об.
Левшин Васка Семенов сын 7
Левшин Микита Яковлев сын 5 об.
Легасов Петруша Борисов 26
Легасов Пьянко Борисов 23 об.

Леонтьев Аврам 18 об.
Леонтьев Васка 17 об.
Леонтьев Китайко 18 об.
Леонтьев Тишка 11 об.
Лехчанов Володка Федоров сын 5 об.
Лехчанов Куземка Власьев сын 7 об.
Лехчанов Лука Васильев сын 5
Лехчанов Микула Федоров сын 7 об.
Лехчанов Олеша Булатов сын 8
Лехчанов Постник Васильев сын 5
Лихачев Фетко 37
Лихачев Дружина Нечаев сын 7 об.
Лихорев Рудак Ильин сын 23 об.
Лобанов Васка 9 об.
Логвинов Михайка 38
Логвинов Фомка 38 об.
Лоза Иван 9 об.
Ломнетин Иванко 13
Лошаков Колычев Матвей Третьяков сын 1 об.
Лукин Володя 5 об.
Лукьянов Демка 12
Лукьянов Иванко 18
Лукьянов Пашко 28 об.
Лукьянов Петруша 17
Лукьянов Семен 35
Лукьянов Якуш 27 об.
Лутовинин Тугаринко Иванов 23 об
Лыков Василей Федоров сын 2 об
Лыков Иванец Семенов сын 4
Лычов Зинов 31
Лычов Иван 30 об.
Ляля Фетко 28
Магусов Яков 29 об.
Макаров Грачь Прокофьев сын 5
Макаров Олексей Семенов сын 4 об
Максимов Иван 4
Максимов Нестерко 28 об.
Максимов Ондрюша 18
Максимов Офоня 30
Максимов Юда 15
Малафеев Нестер Вахрамеев сын 36 об.
Малого Богдашко Истомин сын 29 об.
Малой Даня 29 об.
Малцов Гриша 18

Малцов Позняк Ондреев сын 8
Малыгин Пятой Архипов сын 23 об.
Малыхин Василей Власьев сын 4
Маматов Гриша Юрьев сын 7 об.
Манасеин Иван 21 об.
Мансуров Яков Давыдов сын 2
Мантуров Гриша 33
Марков Карпик 40 об.
Мартынов Иванко 17 об.
Мартынов Фетко 29 об.
Маслов Чюдин 6 об.
Маслов Якуш 6
Матвеев Важен 35 об.
Матвеев Богдашко 12
Матвеев Булгачко Ондреев 23 об.
Матвеев Иванко 4 об.
Матвеев Омельянко 28 об.
Матвеев Третьяк («Повары») 35
Матвеев Третьяк («Шатерники») 12
Матисов Василей 28 об.
Матус Молчанка Третьяков сын 30 об.
Матусов Васка Третьяков сын 31
Матусов Гриша 29 об.
Матусов Дружина 29 об.
Махренов Сутор 6 об.
Мачюпруновы Замятия да Сутор 29 об.
Машнин Петруша Третьяков 23 об.
Мелентьев Калинка 26 об.
Мелехов Родка 30
Мелнов Верещага 23 об.
Меншиков Давыдко 38
Меншиков Ивашко 33 об.
Меншиков Максим 20
Меншиков Первуша 28
Меншиков Поминко 34
Меншиков Якуня 4 об.
Меншой Шаршава Черкасов 33
Микитин Безсонко 27 об.
Микитин Богданко 24
Микитин Василей 37
Микитин Ивашко («Скорняки») 16 об.
Микитин Ивашко («Помясы. По 2 рубля с четью») 38 Микитин Илейка 27 об.
Микитин Онкифейко 24 об.

Микитин Онтонко 39 об.
Микитин Серешка 35 об.
Микифоров Васюк Истомин 23 об.
Микифоров Владимир 35 об.
Микулин Гриша 3
Микулин Иван 16 об.
Микулин Меркурко Утешев сын 7 об.
Микулин Оксенко 33 об.
Микулин Олеша 12 об.
Микулин Первуша 15
Микулин Сенка 18 об.
Милославского Володка Рудаков сын 4 об. Милославского Фетка Васильев сын 6
Милославской Ондрюша Рудаков сын 6
Минин Ивашко 24
Минин Степан 26
Митрофанов Богдашко 39 об.
Митрофанов Мартинко 11 об.
Митрофанов Онцыфорко 28
Михайлов Аврам 35
Михайлов Агапко 38 об.
Михайлов Аристко 12
Михайлов Баженко 34 об.
Михайлов Безсон («Подключники») 34 об.
Михайлов Безсон («По 7 рублев») 29 об.
Михайлов Васка 30
Михайлов Гриша 19 об.
Михайлов Ерш 19
Михайлов Ивашко («Кормового ж дворца… Сторожи») 34 об.
Михайлов Ивашко («Сторожи столовые») 11 об. Михайлов Ивашко Гаврилов 24
Михайлов Микита Семенов сын 32 об.
Михайлов Митя 23
Михайлов Овсяник 11 об.
Михайлов Петрушка 12 об.
Михайлов Пятой 29 об.
Михайлов Савлук 13
Михайлов Сидор 18 об.
Михайлов Спиря 17
Михайлов Тимошка 34
Михайлов Третьяк 32
Михайлов Фома 27 об.
Михайлов Фрол 23
Михайлова Иванец Семенов сын 36 об.

Михеев Таврило 2
Мишаков Гаврилко 31
Мишаков Кирилко 31
Мишаков Меншик 29 об.
Мишаков Постничко Ондреев сын 36 об.
Мокеев Богдашко Юрьев 23
Мокеев Васка Истомин сын 7
Мокеев Васка Наумов сын 8
Мокеев Ждан Петров сын 7
Мокеев Ивашко Григорьев сын 7 об.
Мокеев Ивашко Романов сын 7
Мокеев Казаринко 4 об.
Мокеев Меншичко Иванов сын 7 об.
Мокеев Наум Данилов сын 3
Мокеев Неустрой 4
Мокеев Савин 4
Мокеев Сенка Григорьев сын 5 об.
Мокеев Фетко 29 об.
Мокеев Фетко Наумов сын 7 об.
Мокеев Яков Федоров сын 6 об.
Моклоков Богдашко Григорьев сын 3 об.
Моклоков Воин Григорьев сын 2 об.
Моклоков Гриша Григорьев сын 6
Моклоков Данило Григорьев сын 6
Моклоков Денис Дмитриев сын 2
Моклоков Дмитрей Второго сын 6 об.
Моклоков Иванец Дмитреев сын 3
Моклоков Митка Иванов сын 6 об.
Моклоков Нерык Семенов сын 3 об.
Моклоков Ондрюша Третьяков сын 5 об.
Моклоков Третьяк Петров сын 5
Мокшеев Борис Александров сын 2 об.
Мокшеев Карп Иванов сын 6
Мокшеев Семен 6
Мокшеев Семен Дорофеев сын 6 об.
Молафеев Ивашко 23 об.
Момотов Бориско Злобин сын 24 об.
Морин Максим 38
Морозов Василей 37
Моховиков Данило 40
Мошнин Микифорко Прокофьев 23 об.
Мундуков Иван 10
Муранов Берсен 31
Муранов Богдан 31 об.

Муранов Васка Григорьев сын 31
Муранов Иван 29 об.
Муранов Лева 29 об.
Муромцев Левка 30 об.
Муромцов Иванко 31
Муромцов Климко 31
Мякишев Семейка 37
Нагаев Андрей Степанов сын 6 об.
Нагай Офоня 6 об.
Нагибин Григорей 37 об.
Нагибин Назар 37 об.
Назаров Митка 28
Накропин Мишка 35 об.
Налетов Гриша 21
Наполского Ивашко Русинов 24
Наумов Ивашко Григорьев 24 об.
Наумов Степанко 39
Наумов Якуш 30
Нафанайлов Давьщ 37 об.
Невежин Ивашко Федоров сын 4
Невежин Ондреец Иванов сын 4
Неверов Третьяк 32
Неворотов Таврило 6 об.
Недюрев Меншик 28 об.
Неклюдов Васюк 25 об.
Неклюдов Ивашко 9
Неклюдов Степанко 9
Неклюдов Яковец («Дети боярские…») 4 об. Неклюдов Яковец («Пол 6 руб.») 8 об.
Нелюбов Гриша Васильев сын 36 об.
Немцов Иванец 20 об.
Немцов Семейка 20 об.
Немцов Шемяка Прокофьев 23 об.
Непоставов Десятой 16 об.
Непоставов Панко 6 об.
Непоставов Угрим 16 об.
Неронова Дениско Родивонов сын 24 об.
Нестеркин Ждан 17
Нестеркин Митя 17
Нестеров Данилко 40 об.
Нестеров Истомка 27 об.
Нестеров Мамайко 6 об.
Неупокоев Дружина 15
Нефедов Офрем 18

Нефедьев Неклюд 8 об.
Нечаев Степанко 28
Никитин Богдашко 29 об.
Никитин Васюк 24
Никитин Ворыпай 34 об.
Никитин Дорога 29 об.
Никитин Матвей Иванов сын 23
Никитин Нечайко 28
Никитин Никифорко Русинов сын 31
Никитин Ондрей 29 об.
Никитин Филипп 30 об.
Никитин Яким 18
Никифоров Сенка 18 об.
Никонов Михалко 11
Никонов Фетко 18
Новокрещенов Атман 17 об.
Новокрещенов Башенда 4 об.
Новокрещенов Ивашко Федоров 23
Новокрещенов Митка 23 об.
Новокрещенов Ондрюша 23
Ножнев Постник 23 об.
Ножнев Русин 23
Нос Иван Юрьев 12 об.
Облязов Ивашко 29 об.
Оболдуев Давьщ 19 об.
Оболдуев Шестак 19 об.
Обросимов Иванко 30
Обросимов Шестачко 38
Обрютин Семейка Олександров сын 2 об. Овдокимов Меншик 17 об.
Овдокимов Онтон 15 об.
Оверкеев Иванко Иванов сын 33 об
Оверкеев Ивашка 33
Оверкеев Тараско 33
Оверкеев Третьячко 34
Оверкеев Филка 33 об.
Оверкиев Ивашко 27 об.
Оверкиев Ивашко Федоров 25
Овцын Ждан Остафьев сын 3
Овцын Иван Степанов сын 5 об.
Овцын Ивашко Васильев сын 7 об.
Овцын Иев Офонасьев сын 3
Овцын Мосей Иванов сын 4
Овцын Ондрей Матвеев сын 3

Овцын Ондрей Федоров сын 3
Овцын Ондрюша Матвеев сын 6
Овцын Петр Степанов сын 6 об
Овцын Юрьи Дмитреев сын 2 об.
Овцына Ивановы дети – Василей 4 об.
Овцына Ивановы дети – Данило 4 об.
Овцына Офонасьевы дети – Василей 4 об.
Овцына Офонасьевы дети – Петр 4 об.
Овцына Семенова дети – Иван 3
Овцына Семеновы дети – Григорей 4
Овцына Семеновы дети – Михайло 4
Овцына Семеновы дети – Ондрей 4
Одинцов Данило 20 об.
Одинцов Федко 9 об.
Ожгибоков Третьячко 23 об.
Ожегов Иван 3
Ожегов Степанец 3
Окатьев Седой 17
Оксенов Филка 34 об.
Окулов Матюша 30
Оладьин Шарап Борисов сын 7 об.
Олександров Ивашко 24 об.
Олександров Проня 4 об.
Олександров Салтычко 6
Олексеев Баженко 25
Олексеев Бориско 34 об.
Олексеев Васюк 26
Олексеев Говор 18 об.
Олексеев Гриша 31
Олексеев Кирилко 12
Олексеев Микифор 38 об.
Олексеев Офоня 34 об.
Олексеев Парфен 31
Олексеев Савка 28
Олексеев Степанко 34 об.
Олешник Тренка 33 об.
Олферьев Офоня 5 об.
Олябьев Голова Офонасьев сын 2
Олябьев Савка Головин сын 7
Омельянов Гриша 30
Онаньин Васка 38 об.
Онаньин Митя 40
Ондреев Божен 17 об.
Ондреев Василей 12 об.

Ондреев Васка 17
Ондреев Гатилко 40 об.
Ондреев Замятия Злобин 23
Ондреев Иван 12 об.
Ондреев Ивашко 15 об.
Ондреев Костя 18
Ондреев Куземка 28
Ондреев Микифор 32
Ондреев Орапко 39 об.
Ондреев Сенка 38 об.
Ондреев Сотник 14 об.
Ондреев Тренка 30
Ондреев Фетко 11
Ондреев Чаадай 19
Ондронов Гриша 27 об.
Оникеев Фомка 27 об.
Оникеев Якуш 34 об.
Онисимов Сенка 40 об.
Онкифьев Федко 27 об.
Онкудинов Онтонко 39
Онкудинов Фетко 12
Оносов Меншик 37
Онтипин Ивашко 10 об.
Онтипин Истома 40
Онтипин Никифорко 39
Онтонов Ромашко 17 об.
Онтропов Жданко 27 об.
Онтропов Ивашко 28
Онфимов Смага 31 об.
Опачинин Федор 37
Ортемов Баженко 28
Ортемов Гриша 24
Ортемов Жданко 26 об.
Ортемов Иевко 18 об.
Ортемов Микита 37
Ортемов Нечайко 31 об.
Ортемъев Дружинка Григорьев 24 об.
Ортемьев Михалко 15 об.
Ортемьев Черемисин 7
Осеин Гриша Григорьев сын 31
Осенев Васка 15
Осипов Васка 36
Осипов Гришко 12
Осипов Степанко 34

Осорьин Иванец Иванов сын 7
Осорьин Тимошка Суботин сын 1 об.
Остафьев Малафейко 27 об.
Остафьев Серешка 12
Остафьева Васюк Михайлов сын 24 об.
Офонасов Панкратко 12
Офонасьев Васка 18 об.
Офонасьев Грущ 11
Офонасьев Ивашко 39
Офонасьев Матюша 18
Офонасьев Наумко 18
Офонасьев Офоня 16
Офонасьев Сенка 39 об.
Офонасьев Тимошка 18
Офремов Иванко 40 об.
Павлов Васюк 26 об.
Павлов Олеша 15 об.
Павлов Пронка 30
Павлов Сопрышко 27 об.
Павлов Третьяк 19 об.
Панафидин Васка Ондреев сын 6 об.
Панафидин Гриша Ондреев сын 6 об.
Панафидин Федко Ондреев сын 7
Панафидина Измайловы дети – Ратман 5 Панафидина Измайловы дети – Третьяк 5
Панин Лукьянко 12 об.
Панин Меншой Панкратьев сын 1об.
Панин Митка Матвеев сын 2 об.
Панин Ондрюша Меншого сын 5 об.
Панин Сенка Матвеев сын 2 об.
Панин Федор Пятого сын 4
Панина Давыдовы дети – Жданко 5 об.
Панина Давыдовы дети – Ивашко 5 об.
Панина Меншого дети – Федор 2
Панина Меншого дети – Фома 2
Панов Митя 4 об.
Панов Таир Иванов сын [Благово] 8
Панфилов Иванко 30
Папин Офонасей Гаврилов сын 22
Папин Офонасей Иванов сын 22 об.
Парской Васюк 6 об.
Парфеньев Агаш 25
Пасеин Иванец Матвеев сын 19 об.
Патрехов Васка 40

Патрехов Худяк 40
Патрикеев Ондрюша 11
Патрикеев Ортем 21 об.
Перестрог Замятия 6
Перфильев Меншик 34
Перфильев Ортемко 32 об.
Перфирьева Ондрюша Ондреев сын 3
Пегелин Митка Михайлов сын 3 об.
Петелин Пятой 31 об.
Петелин Федор 31
Петелин Фторой Красной Офонасей 31 об.
Петелин Фторушка Богданов сын 31
Петров Богдашко 33 об.
Петров Васка («По 5 рублев») 33
Петров Васка («Шатерники») 12
Петров Ганус 19
Петров Ивашко 10
Петров Митка 12
Петров Михалко 12
Петров Ондрей Микулин сын 3 об.
Петров Тимоха 30
Петров Треня 10 об.
Петров Утеш Микулин сын 3 об.
Писчиков Степан Иванов сын 2
Пичеев Третьячко Иванов 24
Пишулин Волк 37 об.
Плишкин Ждан 21
Плишкин Ивашко 20 об.
Плишкин Ивашко Гаврилов 21
Поздеев Ждан 36 об.
Поздеев Иван 40 об.
Поздеев Паня 23 об.
Полотцкой Идейка 24 об.
Полочанинов Гриша 40 об.
Полоченин Иван 15 об.
Полуехтов Богдашко Федоров 24
Полуехтов Иван 13 об.
Полуехтов Первушко 38
Полунин Богдашко 10
Полунин Ивашко 10 об.
Полунин Костя 10
Полунин Меншик 10
Полянской Максим 24
Помогалов Собинка 28

Попов Васка 33
Попов Олеша Спиридонов 24
Поретцкой Иван 29 об.
Поретцкой Фетко 31
Портаев Костянтин 37
Портомоин Данилко 28
Портомоин Фетко 28
Поспелов Григорей 26
Потапов Василей 13
Потапов Ивашко Оникеев 23 об.
Потапов Истома 13
Потапов Митка 34
Потапов Наум Васильев сын 24
Потапов Ондрюша 24
Потапов Постник 13
Потопчин Елизар 36 об.
Прокофьев Захарко 39 об.
Прокофьев Матюша 30
Прокофьев Никифор 35
Прокофьев Олексей 19 об.
Протасов Вавилка 18
Протасов Осип 29 об.
Протасов Тимошка 30 об.
Протасов Юрьи 29 об.
Протопопов Олеша 29 об.
Пузырев Истома 31 об.
Пулов Бориско 34
Пулов Куземка 34
Пулов Третьяк 35
Пустобояров Докучай 29
Пустобояров Пятой 29 об.
Пустобояров Третьяк 32
Пустобояров Фторышка 31
Пылаев Простой Семенов сын 4 об.
Пыхичев Василей Родивонов сын 6 об.
Пыхичев Зотик Овчининсын 4
Рагозин Матюша 31
Рагозин Федор 22
Раковской Мурат 22 об.
Ракотин Ондрюша 4 об.
Ракотин Федко 6 об.
Растовской Палка 33
Растовской Субота 32 об.
Ребровского Лашук Кузьмин сын 4 об.

Ревякин Ивашко 25
Редриков Игнатей 40
Резанец Левонтей 36
Робов Иванко 29
Рогов Булыга 40
Рогожского Олеша Тимофеев 26
Родионов Олеша 17 об.
Родионов Юрьи 15
Розвозов Лютик Чегодаев сын 7
Розвозов Матюша Чегодаев сын 4 об.
Розвозов Чаадай Дмитриев сын 5
Розгилдеев Нагай 16
Ромаданов Бисера 22 об.
Ромаданов Данило 21
Романов Богдашко 26
Романов Васко 30
Романов Володя 29 об.
Романов Ивашко Тиханов 23
Романов Сенка 11
Росляков Герасимко Мосеев 23 об.
Ртищев Пятунка Степанов сын 31
Рублев Меншик 26
Рубцов Булгак 21 об.
Рубцов Рюма 20 об.
Рудаков Василей 40 об.
Рупосов Микифор Ширяев сын 5
Рупосов Рахманинец Федоров сын 6
Рупцов Куземка 25
Рыжков Иванко 6 об.
Рыкунов Семейка 32 об.
Рыскунов Васка 18
Рябой Офоня 17
Рязанцов Олексей 18 об.
Сабанчеев Исеш 5 об.
Сабуров Рюма 29
Савелов Дружина 40
Савин Богдашко 28
Савин Иван 17
Салков Василей 21
Самсонов Иван 14
Самсонов Филка 27 об.
Самыгин Ерофейко 27 об.
Самыгин Илюха 30
Санин Вешнячко 24

Санин Поспелко Петров сын 31
Сеткин Шибанко 20
Саткин Шихманко 20
Свиридонов Иванец Иванов сын 2 об.
Свиридонов Ивашко Володимеров сын 2 об. Свиридонов Михалко Ондреев сын («По 11 рублев») 6
Свиридонов Михалко Ондреев сын («По 12 рублев») 3 об.
Свиридонов Юшко Иванов сын 4
Свиридонова Володимеровы дети – Васка 3 об. Свиридонова Володимеровы дети – Олешка 3 об. Свиридонова дети – Демка 3 об.
Свиридонова дети – Ивашко 3 об.
Северицын Пьянко 29
Севрюков Яска 8
Селиверстов Сухой 17 об.
Селин Митка Федоров 24
Селянинов Ондрей 21 об.
Селянинов Петруша 26 об.
Семенов Иванко («По 4 рубли…») 17
Семенов Иванко («Сторожи») 39 об.
Семенов Ивашко 27 об.
Семенов Кирилко 12
Семенов Меншичко 27 об.
Семенов Нежданко 39 об.
Семенов Немчин Михалко 18 об.
Семенов Русин 24 об.
Семенов Стряпко 5 об.
Семенов Тренка 34 об.
Семенов Федко Яковлев 24
Семенов Фомка 38
Семенов Юрьи 6 об.
Семичев Борис 29
Семичев Илья 29
Семичов Ондрюша Ширяев сын 31
Семичов Семейка Ширяев сын 30 об.
Сергеев Богдашко 24 об.
Сергеев Гриша 25 об.
Сергеев Грязнуха 16 об.
Сергеев Данилко 27 об.
Сергеев Иван 16
Сергеев Мочало 34 об.
Сергеев Пафом 16 об.
Сергеев Степанко 28
Серков Иван 36 об.

Серков Петрок 30 об.
Сертаков Микита 22
Сидоров Баженко Офонасьев сын 23 об.
Сидоров Богдан 37 об.
Сидоров Дема 24
Сидоров Дружина 6 об.
Сидоров Ивашко 10
Сидоров Куземка 24 об.
Сидоров Меншичко 27 об.
Сидоров Митка 27
Сидоров Осипко 33
Силин Иван 32 об.
Скобеев Рахман 22 об.
Скобелцын Григорей Собакин сын 2 об.
Скобелцын Архип Юрьев сын 5
Скобелцын Васка Злоказов сын 3 об.
Скобелцын Данило Иванов сын 5 об.
Скобелцын Дмитрей Собакин сын 3
Скобелцын Елизарко Судоков сын 6
Скобелцын Ждан Иванов сын 5 об.
Скобелцын Залешанин Путилов сын 6
Скобелцын Захар Данилов сын 3 об.
Скобелцын Иван Матвеев сын 3 об.
Скобелцын Иван Микитин сын 6 об.
Скобелцын Казарин Иванов сын 5 об.
Скобелцын Костянтин Собакин сын 2
Скобелцын Марко Девятого сын 7 об.
Скобелцын Матвей Юрьев сын 5 об.
Скобелцын Микита Нестеров сын 3
Скобелцын Михайло Иванов сын 7
Скобелцын Олеша Казатулов сын 7
Скобелцын Ондрюша Данилов сын 7 об.
Скобелцын Ондрюша Злоказо сын 7
Скобелцын Ондрюша Микитин сын 7
Скобелцын Ондрюша Юрьев сын 5
Скобелцын Петрок Данилов сын 5 об.
Скобелцын Петрок Ивановсын Нестеров 7 Скобелцын Постничко Иванов сын 7
Скобелцын Прокофей Юрьев сын 7
Скобелцын Ратай Муратов сын 5
Скобелцын Самойлик Злоказов сын 7 об. Скобелцын Селянин Муратов сын 7
Скобелцын Семен Микитин сын 3
Скобелцын Степанко Федоров сын 7

Скобелцын Тимошка Муратов сын 7 об.
Скобелцын Шеврик Казатулов сын 6 об.
Скобелцын Яков Микитин сын 6
Скрыпящаго Олеша 6 об.
Славного Смирной 5 об.
Слащев Орефица Иванов 28
Смагин Иван 14 об.
Смолин Петруша Ортемьев сын 7 об.
Собакин Иван 29
Собакин Ишка 33
Сокольников Куско Иванов 24
Сомов Михалко 27 об.
Сорока Яким 10 об.
Сосновской Лазарец Костянтинов сын 31
Сохнов Урак 28 об.
Спиров Васюк Иванов 24
Спиров Васюк Тимофеев 23
Спиров Филип Тимофеев 20
Спячего Третьячка 31
Стародубов Дружина 13 об.
Стародубов Федор 29
Степанов Безсонко Игнатьев 24 об.
Степанов Беляй 6
Степанов Бориско 18 об.
Степанов Васка («По 4 рубли…») 17
Степанов Васка («Сторожи постелные») 11 Степанов Васка («Хлебенного ж дворца… Сторожи») 39 об.
Степанов Васюк («По 3 рубли…») 24 об.
Степанов Васюк («У государевых лошадей у стряпни. По 4 рубли…» 25 об.
Степанов Гриша 27 об.
Степанов Ивашко 26
Степанов Митка («По 3 рубли») 33
Степанов Митка («Стряпчие конюхи. По 3 рубли…») 24 об.
Степанов Молашко 27 об.
Степанов Петеляй Игнатьев 24 об.
Степанов Савка 11 об.
Степанов Юшко 27 об.
Страхов Второй 6
Страхов Иван 6 об.
Суботин Ивашко 16
Суворов Постник 1
Суворов Сема 29
Судимантов Илья Федоров сын 6 об.

Судимантов Максак Федоров сын 4 об.
Сукманов Проня 4 об.
Сумароков Микифор 20
Сумороков Иванец 31
Сумороков Федор 20 об.
Сундуков Замятница Иванов 24
Супонев Федор Ондреев сын 1 об.
Сурин Севрюк 6
Сутырин Третьяк 29
Сухой Тишко Васильев 27 об.
Сухонос Ивашко 25
Сухопаров Гриша Никитин сын 36 об.
Сушин Богдан Микулин 14
Сыроежин Ивашко Семенов сын 36 об.
Сырой Петрок 5 об.
Сысоев Дядищо 37 об.
Сытин Васюк Матвеев 26
Тарасов Куземка 19
Тарасов Фетко Степанов 27 об.
Таратин Ивашко Пятого 24
Таратин Казарин Борисов 23
Тарханов Петруша 9 об.
Татищев Игнатей Петров сын 1 об.
Татищев Кирило Михайлов сын 3
Татищев Матвей Васильев сын 3
Татищев Михайло Волков сын 2 об.
Татищева Ивановы дети – Афонасей 3
Татищева Ивановы дети – Иван 3
Ташаков Богдашко 39
Ташаков Василей 40
Ташаков Ивашко 38 об.
Ташлыков Офонасей 19 об.
Ташлыков Фетко 4 об.
Ташов <?> 6 об.
Телегин Федко Игнатьев 23 об.
Телешев Яков Ворыпаев сын 23 об.
Теличеев Костя 6
Терехов Офонасей 40 об.
Терпигоров Ивашко Федоров сын 8
Тимофеев Важен 14 об.
Тимофеев Гриша 6
Тимофеев Данилко 39
Тимофеев Денис 6
Тимофеев Ермачко 38 об.

Тимофеев Митка 38 об.
Тимофеев Овдоким 18
Тимофеев Степанко 34 об.
Тимофеев Федор 32
Тимофеев Филка 28
Тимофеев Юдка 18
Тиронов Василей 29
Тиронов Данило 29 об.
Тиронов Федор 29 об.
Титов Второй 28
Титов Меншичко 28
Титов Ромашко 39
Титов Уланец 31
Тиханов Офонасей 37 об.
Тихонов Нечайко 12 об.
Тоболин Михалко 24
Толбузин Ондрей Гаврилов сын 3 об.
Толмачев Ивашко 21 об.
Толмачев Ивашко Васильев сын 36 об.
Толмачь Гриша 6 об.
Толстого Богдан Иванов сын 30 об.
Толстого Юшко 40 об.
Томилов Булат 18 об.
Томилов Кирило Романов 22 об.
Торусин Муха 17
Торусин Офоня 17
Тотаров Пронка Иванов сын 5
Третьяков Куземка 34 об.
Трофимов Некраско 30
Трофимов Подосенко 34 об.
Трофимов Трепка 34
Трофимов Фетко 34
Трофимов Шарапко 34 об.
Трубников Серой Иванов 24
Трусов Третьячко 23 об.
Труфанов Ивашко 24 об.
Труфанов Матюшка Иванов сын 9 об.
Тулубьев Гриша 29 об.
Тулупов Борис княж Давыдов сын 1
Тулупов Иван княж Володимеров сын 1
Тулупов Микита княж Володимеров сын 3
Тулупов Ондрей княж Володимеров сын 2 об. Тургенев Володка 31
Тургенев Степанко Васильев 24 об.

Туров Ждан Воронцовсын 3 об.
Туров Фетко Воронцов сын 4
Турова Третьяковы дети – Иван 4
Турова Третьяковы дети – Федор 4
Тырнов Сергей 20 об.
Тютрюмов Васка 35 об.
Тютрюмов Микифор 33
Тютрюмов Олешка 33 об.
Тяглов Нечай 24
Угримов 20
Уздник Василей 37
Ульянов Олеша 27 об.
Умного Колычев Василей Иванович 1
Уполотцкой Василей 30 об.
Ураков Матюша 18 об.
Ураков Мотой 18
Ураков Федко 6
Урпенев Кузма 29 об.
Уского Борис Федоров сын 4 об.
Уского Гаврилко Тимофеев сын 8
Уского Злоба Иванов сын 5 об.
Уского Куземка Семенов сын 8
Уского Салтанко Григорьев сын 8
Уского Семен Иванов сын 4
Усолцов Таврило 10 об.
Усолцов Ондрюша 23
Устинов Баженко Васильев 26
Устинов Васюк 25
Уткин Митя 18
Утробин Олеша 26
Ушаков Богдан 29 об.
Ушаков Григорей 31 об.
Ушаков Звяга Харитонов 23 об.
Ушаков Микита Михайлов сын 5
Ушаков Никитка Федоров сын 30 об.
Ушаков Офоня 11
Ушаков Саня 34 об.
Ушаков Таирко Иванов 24
Фаев Иванко 35 об.
Федоров Баженко 28
Федоров Бутачко 34 об.
Федоров Васка («Бронники. По 5 рублев…») 17
Федоров Васка («Сторожи постелные») 11 об.
Федоров Васка («Хлебенного ж дворца… Сторожи») 39 об.

Федоров Гриша («Стрелник») 18 об.
Федоров Гриша («Сторожи столовые») 11 об.
Федоров Грязной 14
Федоров Данило 13
Федоров Ивашко («По пол 4 рубля…») 17 об.
Федоров Ивашко («Помясы. По пол 2 рубля») 34
Федоров Ивашко («У царевичевы седелные казны сторожи») 27
Федоров Ивашко («Помясы. По 2 рубля с четью») 38
Федоров Илейка 17 об.
Федоров Казарин 21 об.
Федоров Калина 18
Федоров Кирилко 25 об.
Федоров Кондрашко 24 об.
Федоров Митрофан 14 об.
Федоров Никифорко 29 об.
Федоров Ондрюша 39 об.
Федоров Ортюша 10 об.
Федоров Офонка 11 об.
Федоров Рудачко 35 об.
Федоров Сергей 21 об.
Федоров Тренка 26 об.
Федоров Третьяк 18 об.
Федоров Янка 18
Федосеев Васюк 27 об.
Федотов Девятой 25
Федотов Меншичко 36
Федотов Молчан 14 об.
Федотов Потапко 30
Федотов Яким 22
Федотьев Василей Степанов сын 20 об.
Федотьева Федор Степанов сын 20
Фетчиков Петруша 6 об.
Фефилов Гаврилко 11 об.
Фефилов Федор Родивонов сын 7 об.
Филатов Фетко 11 об.
Филипов Гриша 34
Филипов Иван 14
Филипов Левка 30
Филипов Сергейка Иванов 24 об.
Фомин Баженко 33 об.
Фомин Васка 34
Фомин Гаврилко 23 об.
Фомин Илейка 34 об.

Фомин Исачко 30
Фомин Спеш 39
Фомин Фетко Нечаев 24 об.
Фофанов Иван Семенов сын 4
Фролов Васка 31 об.
Фролов Давыд 30 об.
Фролов Иванко 17 об.
Фролов Семейка 24
Фролов Степанко 24 об.
Фуфаев Василей 9
Фуфаев Ивашко 9 об.
Харзеев Ивашко Григорьев сын 31
Харилов Дружина 32
Харитонов Тренка 30
Харитонов Фетко 24
Харитонов Фетко Меншой 24
Хвоин Захарко Тимофеев 24
Химин Юшко («Помясы. По 5 рублей») 38
Химин Юшко («Хлебники, которые у царицы… По 5 рублев») 40
Ходин Гриша 25 об.
Ходин Семейка 25 об.
Холопов Богдашко 18
Холопов Митка Иванов 23 об.
Хомутов Богдан 29
Хомутов Васка Неверов сын 30 об.
Хохол Павлик Васильев сын 33 об.
Хохол Юдка 37 об.
Хренов Немятой 40 об.
Хренов Олеша 26 об.
Хренов Шарапко 24
Хрипунов Гриша Давыдов сын 6 об.
Хрипунов Захар Первого сын 5
Хрипунов Ивашко Ондреев сын 7 об.
Хрипунов Осипко Давыдов сын 8
Хрипунов Степан Иванов сын 5
Хрипунов Степанко Иванов сын 8
Хрипунов Тимошка Меншого сын 5
Черевесинский Докучайко 24
Черкасов Шершава 33
Черкашенин Степан Васильев сын 2 об.
Черной Михайло 6 об.
Черной Немчин Юшко 26 об.
Чернцов Ивашко 36 об.

Чертков Рудак Иванов сын 7 об.
Четвергов Васка 6
Четвертаков Яшко 33 об.
Чеусов Микита 17
Чижов Богдан 32 об.
Чорной Иванча 17
Чортков Никифор 32 об.
Чулков Томило 10 об.
Чулков Якуш 25
Чюбаров Безсон Иванов сын 6
Чюбаров Иван Федоров сын 2
Чюбаров Михайло 1 об.
Чюбаров Степан Григорьев сын 5 об.
Чюваков Истома 28
Шадрин Иван 10 об.
Шадрин Митя 7 об.
Шалимов Василий 5 об.
Шапкин Иван 29 об.
Шапкин Казарин 29 об.
Шарапов Богдан 8 об.
Шарапов Максимко 10
Шатов Васка Олександров сын 7
Шахов Ондрюша Иванов 24 об.
Шахов Юрьи Васильев 22 об.
Шевригин Истома 6
Шевырев Безсонко Захарьин сын 31
Шевырев Семейка 32
Шершнев Василей 32 об.
Шершнев Ларка 34
Шетерин Василей 14
Шетнев Григорей Федоров сын 2 об.
Шешковской Васюк 24
Шешковской Гриша 24
Шешковской Космак 23
Шибнев Некраско 23 об.
Шилов Григорей 13
Шилов Юшко 5 об.
Широково Баженко 16
Ширяев Тимоха Васильев сын 8 об.
Шишикин Роман 6 об.
Шишкин Василей 10
Шишкин Микифорко Иванов сын 23 об.
Шишкин Пронка Иванов 28
Шоков Треня 29 об.

Шолохов Ивашко 10 об.
Шорстов Богдан 29
Шорстов Ждан 30 об.
Шорстов Ондрей 29 об.
Шорстов Фетко 31
Шубин Грязной 6
Шулгин Василей 32
Щеголь Некрас 19 об.
Щедрин Матюша 6 об.
Щеколдин Федор 5 об.
Щелин Фетка 33
Щенок Нечай 37
Щепин Иванко Никитин сын 37
Щепин Ондрей Никитин сын 37
Щипунов Аминь 23 об.
Щипунов Погошка Дмитреев 24 об.
Щупликов Богдан Михайлов сын 7 об.
Юдин Ганя 9
Юдин Митка 34
Юдин Семейка 31 об.
Юрасов Второй 21
Юрасов Григорей 25
Юрасов Молчан 22
Юрасов Ондрюша Селин 26
Юркин Гриша 24 об.
Юров Осип 32 об.
Юров Федор 32 об.
Юрьев Ермолка 34
Юрьев Иванко 34 об.
Юрьев Овдоким 35 об.
Юрьев Петруша 28 об.
Юрьев Юшко 34 об.
Ягунина Пятунка Семенов сын 24
Якимов Волошанин Проня 17
Якимов Федор 36
Яковлев Дениско 34 об.
Яковлев Иван 11
Яковлев Куземка 35
Яковлев Лучка 12
Яковлев Мансур 29
Яковлев Матюша 30
Яковлев Олешка 12 об.
Яковлев Ондрей 15
Яковлев Онуфрейко Ефимов 24 об.

Яковлев Петруша 28
Яковлев Простой 6 об.
Яковлев Тимошка 28
Яковлев Третьяк 29 об.
Яковлев Угримко 30
Яковлев Фетко Суря 28
Янсеитов Семен 5 об.
Янчюрин Иван 1 об.
Ярцов Замятия Дмитреев 22 об.
Яскин Давыд 4 об.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским

Первое послание Курбского Ивану Грозному

ГРАМОТА КУРБСКОГО ЦАРЮ ГОСУДАРЮ ИЗ ЛИТВЫ

Царю, Богом препрославленному и среди православных всех светлее явившемуся, ныне же – за грехи наши – ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более сказанного говорить обо всем по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного решусь сказать тебе, царь, хотя бы немногое.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не сдались ли тебе крепости немецкие, по мудрости их, им от бога дарованной? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими?7 Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным судьей – надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все прегрешения власти их, как говорится: «Он есть Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, – судья между мной и тобой».

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их, и горем еще объята душа моя. Но обо всем вместе скажу: до конца всего

лишен был и из земли божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою – непримиримой ненавистью. И кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед богом моим. Бог читает в сердцах: я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была моим свидетелем, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел – в чем же я перед тобой согрешил. Полки твои водил и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела господня одерживал для твоей же славы и никогда полков твоих не обратил спиной к врагам, а напротив – преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет трудился и много пота пролил и много перенес, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым господь мой Иисус Христос свидетель; а как часто ранен был варварами в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю их, что Бог их еще лучше ведает. Он ведь, Бог, за все это воздаст и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь, думаю, лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского владыки мать – надежду мою и заступницу, владычицу Богородицу, и всех святых, избранников Божьих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли, и истреблены тобою без вины, и заточены и изгнаны несправедливо, и не радуйся этому, гордясь словно суетной победой: казненные тобой, у престола Господня стоя, взывают об отомщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны взываем день и ночь к Богу, обличая тебя. Хвалишься ты в гордости своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляя на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, словно жрецы Крона. И обо всем этом здесь кончаю. А письмишко это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу

положить, перед тем как идти с тобой на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в городе Волмере, владении государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его королевской, а особенно с помощью Божьей.

Знаю я из Священного Писания, что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист, и ныне вижу советника твоего, всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который и сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже столько сильных в Израиле, что по делам своим он и есть антихрист. Не должно у тебя, царь, быть таким советникам. В законе Божьем в первом написано: «Моавитянин и аммовитянин и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божью не входят» и прочая.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому

БЛАГОЧЕСТИВОГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕЯ РУСИ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКОЙ РОССИИ ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВ, КНЯЗЯ КУРБСКОГО С ТОВАРИЩАМИ, ОБ ИХ ИЗМЕНЕ

Бог наш Троица, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются и властители пишут правду. Богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова Божия победоносная и во веки непобедимая хоругвь – Крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова Божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за

Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды деда нашего, великого князя Ивана и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас, смиренных, скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим Бога за безмерную его милость, ниспосланную нам, что не допустил он доныне, чтобы десница наша обагрялась кровью единоплеменников, ибо мы не возжелали ни у кого отнять царства, но по Божию изволению и по благословению прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и Божиим повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали. Этого истинно православного христианского самодержавия, многою властию обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же – отступнику от честного и животворящего Креста Господня и губителю христиан, и примкнувшему к врагам христианства, отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все священные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образы, подобно Исавру, Гноетезному и Армянину, их всех в себе соединившему – князю Андрею Михайловичу Курбскому, изменнически пожелавшему стать Ярославским князем, – да будет ведомо.

Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; ради чего же за тело душой пожертвовал, если устрашился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями, и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных и посему возводя на нас многочисленные поклепы и оскорбления. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо – разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело – человек, даже в царскую порфиру облеченный, а

другое дело – Бог. Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; если где и руками не дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла.

Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев! Когда же зима наступает, еще больше жестокостей совершается. И разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев? Это ли считаешь благочестием – совершать такие злодейства? Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами – германцами и литовцами, то это – совсем не то. Если бы и христиане были в тех странах, то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно бывало; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких церковных служителей и тайных рабов господних. Кроме того, и война с Литвой вызвана вашей же изменой, недоброжелательством и бессовестной нерадивостью.

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе пророческие слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе – злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению». Воззри на него и вдумайся: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу – тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти – противится Богу! Тот же апостол

Павел говорит (и этим словам ты не внял): «Рабы! Слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». На это уж воля Господня, если придется пострадать, творя добро. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?

Но ради преходящей славы, из-за себялюбия, во имя радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом ты попрал, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему, когда же воссияло знойное солнце, – тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался ты искушению, и отвергся, и не вырастил плода; из-за лживых слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там истинную веру в Бога и преданную службу нам и подчинил тебя своей воле. Потому и все божественные писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы – господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего дьявола, всякое лживыми словами своими сплетаешь, будто бы бежал от меня ради веры, то – жив Господь Бог мой, жива душа моя – в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут нас обвинить. Но более всего уповаем – воплощения Божьего слова и Пречистой Его Матери, заступницы христианской, милостью и молитвами всех святых – дать ответ не только тебе, но и тем, кто попрал святые иконы, отверг христианскую божественную тайну и отступил от Бога (ты же с ними полюбовно объединился), обличить их словом, и провозгласить благочестие, и объявить, что воссияла благодать.

Как же ты не стыдишься раба своего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил свое благочестие, перед царем и перед всем народом стоя, у порога смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя всячески и вызываясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то незначительного гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков, – ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили до своей смерти и завещали вам, своим детям, служить детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушив крестное целование, присоединился к врагам христианства; и к тому же еще, не сознавая собственного злодейства, нелепости говоришь этими неумными словами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить подобно

ему перед своим господином.

Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд ты спрятал под языком своим, поэтому хотя письмо твое по замыслу твоему и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «Слова их мягче елея, но подобны они стрелам». Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд, подобно бесу? Начало своего письма ты писал, замышляя наватскую ересь, думая не о покаянии, а – подобно Навату – о том, что выше человеческой природы. А когда ты про нас написал: «среди православных и среди пресветлых явившемуся», – то это так и есть: как в прошлом, так и сейчас веруем верой истинной в истинного и живого Бога. А что до слов «сопротивным, разумеющий, совесть имеющему прокаженную», то тут ты по-наватски рассуждаешь и не думаешь об евангельских словах, вещающих: «Горе миру от соблазнов. Трудно не поддаться соблазнам, горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Лучше было бы, если бы ему привязали на шею точильный камень, и утонул бы он в глубине морской». И совершенно ослеп ты в своей злобе, не способен видеть истину: как мнишь себя достойным стоять у престола всевышнего, и всегда служить с ангелами, и своими руками заклать жертвенного агнца для спасения мира, когда все это вы же попрали со своими злобесными советниками, нам же своим злолукавным коварством многие страдания принесли? Вы ведь еще со времени моей юности, подобно бесам, благочестие нарушали и державу, данную мне от Бога и от моих прародителей, под свою власть захватили. Разве это и есть «совесть прокаженная» – держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли «против разума» – не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли «православие пресветлое» – быть под властью и в повиновении у рабов?

Это все о мирском; в духовном же и церковном если и есть некий небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены; кроме того, и я – человек: нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; а не так как ты – считаешь себя выше людей и равным ангелам. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! И этого в своей озлобленности не смог ты понять, считая благочестием, чтобы самодержавие подпало под власть всем известного попа и под ваше злодейское управление. А это по

твоему рассуждению «нечестие», когда мы сами обладаем властью, данной нам от Бога, и не хотим быть под властью у попа и вашего злодейства! Это ли мыслится «сопротивно», что вашему злобесному умыслу тогда – Божьей милостью, и заступничеством Пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и родительским благословением – не дал погубить себя? Сколько зла я тогда от вас претерпел! Обо всем это подробнее дальнейшие слова известят.

Если же ты вспоминаешь о том, что в церковном предстоянии что-то не так было и что игры бывали, то ведь это тоже было из-за ваших коварных замыслов, ибо вы отторгли меня от спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня едва переносимое бремя, а сами и пальцем не шевельнули, и поэтому было церковное предстояние не твердо, частью из-за забот царского правления, вами подорванного, а иногда – чтобы избежать ваших коварных замыслов. Что же до игр, то, лишь снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли своими коварными замыслами, устраивал я их для того, чтобы он нас, своих государей, признал, а не вас, изменников, подобно тому, как мать разрешает детям забавы в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут, то откажутся от них сами или по советам родителей, к более достойному обратятся, или подобно тому, как Бог разрешил евреям приносить жертвы – лишь бы Богу приносили, а не бесам. А чем у вас привыкли забавляться?

В том ли «сопротивным явился», что я не дал вам погубить себя? А ты зачем против разума душу свою и крестное целование ни во что счел, из-за мнимого страха смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но всего более этими и оскорблениями и укорами, которые вы как начали в прошлом, так и до сих пор продолжаете, ярясь как дикие звери, вы обнаруживаете свою измену, – в этом ли состоит ваша усердная и верная служба, чтобы оскорблять и укорять? Уподобляясь бесноватым, дрожите, предвосхищая Божий суд, и прежде его своим злолукавым и самовольным приговором, со своими начальниками, с попом и Алексеем, осуждаете меня, как собаки. И этим вы стали противниками Богу, а также и всем святым и преподобным, прославившимся постом и подвигами, отвергаете милосердие к грешным, а среди них много найдешь падших и вновь восставших (не позорно подняться!), а подавших страждущим руку, и от бездны грехов милосердно отведших, по

«Апостолу», «за братьев, а не за врагов их считая», ты же отвернулся от них!

Так же как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий гнуснее кала? Или, по-твоему, праведно поступили твои злобесные единомышленники, сбросившие монашескую одежду и воюющие против христиан? Или готовитесь ответить, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Разве не говорил Иоанн Лествичник: «Видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее, чем постригшиеся добровольно»? Что же вы этому слову не последовали, если благочестивы? Много было насильно постриженных и получше Тимохи – даже среди царей, а они не оскверняли иноческого образа. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло – их ждала еще худшая гибель, душевная и телесная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри на благочестие его княгини: когда он захотел освободить ее от насильственного пострижения, она не пожелала преходящего царства, а предпочла вечное и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, разграбил святые церкви и монастыри, игуменов, попов и монахов истязал и в конце концов не удержал своего княжения, и даже имя его забыто. Много было таких случаев и в Царьграде: одним были отрезаны носы, другие же, которые сбросили монашескую одежду и вновь заняли царский престол, на этом свете умерли мучительной смертью, а на том их ждут бесконечные муки, ибо совершили это из гордости и честолюбия. Так было с государями, а что же говорить о подданных! Ждет Божий суд всякого, кто отречется от ангельского чина, в числе их и многих постриженных недавно и по решению великого собора. Те же, которые не дерзнули такового греха совершить, себе прежнюю честь вернули.

В этом ли ваше благочестие, что вы совершаете по своему злобесному нраву нечестивые дела? Или ты думаешь, что ты – Авенир, сын Нира, храбрейший во Израиле, если позволяешь себе по злобесному обыкновению, распираемый гордостью, писать такие послания? Но что с тем было? Когда убил его Иоав, сын Саруя, тогда впал в оскудение Израиль. Не славные ли победы с Божьей помощью одержал он над врагами? Но напрасно ты, распираем гордостью, так хвалишься! Вспомни опять о том, кто сотворил подобно тебе, – если любишь Ветхий Завет, – с ним и

сравним тебя: помогла ли военная храбрость Авениру, когда он бесчестно поступил со своим господином, соблазнил Риццу, наложницу Саула, и, уличенный в этом сыном Саула Иевосфеем, разгневался, изменил Саулу и так погиб? Ты подобен ему своим злобесным нравом, от гордости возжелав незаслуженных почестей и богатства. Как Авенир посягнул на наложницу своего господина, так и ты посягаешь на Богом данные нам города и села, подобно тому бесчестию, беснуясь, поступаешь. Или ты напомнишь мне плач Давидов? Нет: царь же был праведен и не хотел совершать убийства, а совершил, нечестивый же был обречен на погибель. Видишь, что бранная храбрость не помогает тому, кто не чтит своего господина. Приведу тебе еще в пример Ахитофела, который, подобно тебе, подговаривал Авессалома на коварный заговор против отца: и как сокрушительно рассыпался в прах его замысел благодаря одному старцу Хусее; весь Израиль был побежден небольшим числом людей; Авессалом же окончил свою жизнь, удавившись. Так было раньше, так бывает и теперь: Божья благодать обнаруживается в немощах, и ваше злобесное восстание на церковь рассеет сам Христос. Вспомни также древнего отступника Иеровоама, сына Навата, как он отпал с десятью коленами израильскими, и создал царство в Самарии, и отрекся от Бога живого, и стал поклоняться тельцу, и как царство в Самарии раздиралось смутами из-за бессилия царей, и вскоре оно погибло; Иудейское же царство хотя было и невелико, но прочно, просуществовало, пока этого желал Бог; как сказал пророк: «Рассвирепел, словно телица Ефремова», и в другом месте сказано было: «Сыны Ефремовы, напрягающие и готовящие луки, отступили в день битвы, ибо не сохранили завет Господа и не соизволили жить по закону его». «Человек, отступись от брани: если с человеком борешься, то либо он тебя одолеет, либо ты его одолеешь, если же с церковью борешься, то она всегда одолеет тебя, больно ведь лезвие попирать: если и наступишь, то ноги себе окровавишь; хотя море пенится и бушует, но Иисусова корабля не может потопить, ибо на камне мы стоим, кормчим у нас Христос, гребцами же – апостолы, корабельщики – пророки, у руля – мученики и преподобные, и вместе с ними со всеми – если и весь мир потрясется – не боимся утонуть; меня же ты прославляешь, а на себя сам погибель возводишь».

Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний.

Неужели же ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать споры своих подданных?

Как же тебе не стыдно именовать мучениками злодеев, не разбирая, кто за что пострадал? Апостол восклицал: «Тот, кто незаконно, то есть не за веру, подвергнется мученичеству, не достоин мученического венца», божественный Златоуст и великий Афанасий в своем исповедании говорили: «Мучимы воры, разбойники, злодеи и прелюбодеи, но они не блаженны, ибо мучимы за свои грехи, а не во имя Бога». Божественный же апостол Петр говорил: «Лучше пострадать за добрые дела, чем за зло». Разве ты не видишь, что никто не восхваляет мучения творивших зло? Вы же, уподобляясь своим злобесным поведением ехидне, изрыгающей яд, не разбираете ни обстоятельств, ни покаяния, ни преступности человека, а хотите только с бесовской хитростью прикрыть свою коварную измену лживыми словами.

Разве же это «супротив разума» – сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым. А как же Давид, возлюбленный Богом, как повелел тот Давид, чтобы всякий убивал иевусеев – и хромых, и слепых, ненавидящих душу Давидову, когда его не приняли в Иерусалиме? Или и тех причтешь к мученикам, хотя они не захотели принять данного Богом царя? Как же ты объяснишь, что такой благочестивый царь обрушил силу свою и гнев на немощных рабов? Но разве нынешние изменники не совершили такого же злодейства? Они еще хуже. Те только попытались помешать царю вступить в город, но не сумели этого сделать; эти же, нарушив клятву на кресте, отвергли уже принятого ими, данного им Богом и родившегося на царстве царя и сколько могли сделать зла – сделали: словом и делом и тайным умыслом. Почему же эти менее достойны злейших казней, чем те? Ты скажешь: «Те действовали явно, эти же тайно»; но потому-то ваш злобесный нрав еще хуже; люди видят доброхотство и службу, а из сердец ваших исходят злодейские замыслы и злодеяние, и стремление к гибели и разрушению; устами своими благословляете, а в сердце своем проклинаете. Немало и иных найдешь царей, которые спасли свои царства от всяческой смуты

и отразили злодеяния и умыслы злобесных людей. Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же – милосердие и кротость, злым же – жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит – для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский замысел, там ты еще сыпал сорных трав. И сбылось на тебе пророческое слово: «Вы все разожгли огонь, и ходите в пламени огня вашего, который вы сами на себя разожгли». Разве ты не сходен с Иудой предателем? Так же как он ради денег разъярился на владыку всех и отдал его на убиение, находясь среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, живя с нами, ел наш хлеб и нам служить обещался, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты соблюл крестное целование желать нам добра во всем без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? Как говорил премудрый: «Нет головы злее головы змеиной», так же и нет злобы злее твоей.

Почему же ты взялся быть наставником моей душе и моему телу? Кто тебя поставил судьей или властителем надо мной? Или ты дашь ответ за мою душу в день Страшного суда? Апостол Павел говорит: «Как веруют без проповедующего и как проповедуют, если не будут на то посланы?» Так было в пришествие Христово; ты же кем послан? И кто тебя сделал архиереем и позволил принять на себя учительский сан? Апостол Иаков это отвергает: «Не многие из вас, братья мои, пусть становятся учителями, зная, что этим совершают наибольший грех, ибо все мы грешны; кто словом не согрешит – тот уже достиг совершенства и способен обуздать и все тело свое. Вот мы коней взнуздываем, чтобы повиновались нам, и всем телом их управляем. Вот и корабли, как ни велики и как ни гонимы свирепыми ветрами, направляются небольшим рулем, куда хочет кормчий, так и язык – сам невелик, а много хвастается. Мал огонь, а сколько спалить может! Язык – огонь, прикраса неправды, таково место языка в теле нашем, что все тело может он осквернить и опалить весь круг жизненный, и сам опаляем адом. Ибо все живое: звери и птицы, гады и рыбы – укрощено людьми и повинуется им, язык же никто не может подчинить – необузданно это зло и полно яда смертельного. Им благословляем Бога и Отца и им же поносим людей, сотворенных по подобию Божьему: из одних и тех же уст исходит

благословение и проклятие. Не подобает, братья мои возлюбленные, таковому быть. Когда же источник вместе источает соленую и сладкую воду? Когда же, братья мои, смоковница маслины приносит, а виноградная лоза – смоквы? Разве один источник источает соленую и сладкую воду? Кто мудр и искусен среди вас, пусть явит дела добродетельной жизни своей и кротость своей мудрости. Если же зависти жгучей полны и свары в сердцах ваших, то не возноситесь и не клевещите на истину. Такая премудрость не свыше нисходит, а земная она, душевная, бесовская. Где же зависть и свары, тут и неурядицы и всякое зло, а премудрость, данная свыше, прежде всего чиста, потом смиренна, кротка и послушлива, исполнена милосердия и добрых дел, беспристрастна и нелицемерна. Плоды же правды смиренной сеются творящими мир. Откуда брани и свары в вас? Не отсюда ли – не из вожделений ваших, бушующих в душах ваших? Жаждете – а не имеете, убиваете и завидуете, и не можете добыть, препираетесь и враждуете, и не имеете, потому что не просите, а просите и не получаете, потому что со злом просите, чтобы утолить свои страсти. Приблизьтесь к Богу, и Он приблизится к вам, омойте руки, грешные, омойте сердца, двоедушные. Не клевещите друг на друга, братья мои: клевещущий и осуждающий брата своего клевещет на закон и закон осуждает, а если закон осуждаешь, то не создатель ты порядка и не судья его. Один есть законодатель и судья, могущий и спасти и погубить. А ты сам кто таков, осуждающий друга своего?»

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, «сопротивно разуму и прокаженная совесть», когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует Богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось – того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Это ты нам советуешь? Так пусть эта погибель падет на твою голову! И потому ты подобен тем, о ком пишет апостол к Тимофею: «Сын мой Тимофей, знай, что в последние дни мира наступят времена тяжелые; люди станут самолюбивы, сребролюбцы, надменны, горды, все хулящие, не слушающие родителей своих, неблагодарные, нечестивые, недружелюбные, клеветники, невоздержанные, жестокие, не любящие добра, предатели, наглы, кичливы, более сластолюбивы, чем боголюбивы, внешне благочестивы, а от духа благочестия отвернувшиеся. От таких людей беги. Их влекут похоти различные, постоянно они учатся, а

никогда в разум истинный прийти не могут. Вот так Анний и Амврий противились Моисею, а сами были врагами истины – люди, растленные умом и неискушенные в вере. Но не преуспеют они во многом: ибо безумие их станет явно всем, как и с теми случилось».

Неужели же это свет – когда поп и лукавые рабы правят, царь же – только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма – когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет? Апостол Павел писал галатам: «Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба; он подчинен управителям и наставникам до срока, отцом назначенного». Мы же, слава Богу, дошли до возраста, отцом назначенного, и нам не подобает слушаться управителей и наставников.

Скажешь, что я, переворачивая единое слово, пишу все одно и то же? Но в этом-то причина и суть всего вашего злобесного замысла, ибо вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы бы с попом – на деле. Потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете строить злодейские козни. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, он поставил над ними единого царя – Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Видишь сам, что не подобает священникам творить царские дела! Также когда Дафан и Авирон захотели захватить власть, вспомни, как сами они погибли и какие бедствия принесли многим сынам Израиля? Того же и вы, бояре, достойны! После этого судьей над Израилем был поставлен Иисус Навин, а священником Элеазар, и с тех пор, до времени жреца Ильи, господствовали судьи: Иуда, Варак, Еффа, Гедеон и многие другие, и какие пресветлые победы над врагами они одерживали и спасали Израиль! Когда же жрец Илья взял на себя и священство и царскую власть, то, хотя он сам был праведен и добр, но когда пришли к нему и богатство и слава, как и сыновья его Офни и Финеес, отступил от истины и погиб страшной смертью он сам и его сыновья, весь Израиль был побежден, и киот с заповедями Господними был пленен вплоть до времени царя Давида. Не видишь разве, что власть священника и управителя с царской властью несовместима? Это из ветхозаветной истории; то же бывало и в Римском царстве и, во времена новой благодати, в Греческом царстве случилось так, как хотели бы вы по вашему злобесному умыслу. Август-кесарь ведь обладал всей вселенной:

Аламанией и Далмацией, всей Италией, готами, сарматами, Афинами, и Сирией, и Азией, и Киликией, и

Азией, и Междуречьем, и Каппадокийскими странами, и городом Дамаском, и Божьим городом Иерусалимом, и Александрией, и Египтом и до Персидской державы – все это было многие годы под единой властью, вплоть до благочестивейшего царя Константина Флавия. Но затем его сыновья разделили власть: Константин в Царьграде, Констаций в Риме, Конста же в Далмации. С этого времени Греческая держава стала дробиться и оскудевать. И снова при царе Маркиане в Италии многие князья и правители областей восстали, подобно тому как делаете вы; в царствование Льва Великого каждый из них стал повелевать своей областью, как Африкой король Гейзерих и многие другие. И с тех пор нарушился всякий порядок в Греческом царстве – только и боролись за власть, честь и богатство и гибли в междоусобной борьбе. Особенно же стало ослабевать Греческое государство в царствование Анастасия Дикороса Драчанина, ибо в это время начали нападать персы и захватили Месопотамскую область, а многие другие воины восстали, как например Виталиан, и подступали с войском к стенам Константинополя. Также и при Маврикии очень ослабело Греческое государство. Но даже когда при Фоке-Мучителе персидский царь Хозрой захватил Фракию и Ираклию досталось весьма слабое царство, епархи, ипаты и весь синклит не переставали ссориться друг с другом из-за власти и богатства и захватывать города, области и богатства, а Греческое царство из-за этого все более распадалось. В царствование Юстина Корноносого греки потерпели еще большее поражение от варваров и было перебито множество воинов. В это время отделилась и Болгарская земля. Епархи же, и вельможи, и все правители, не переставая, враждовали из-за власти, стремясь добыть для себя все желаемое. В городах же и в областях повсюду богатства их и владения их, как говорил пророк: «Нет числа коням их и сокровища их неисчислимы. Дочери их разодеты и осыпаны драгоценностями наподобие храмов, кладовые их переполнены так, что из одной пересыпают в другую, овцы их плодовиты, множатся в загонах своих, волы их тучны, и не слышно ни о падеже, ни об угоне стад, ни о нападениях, и не раздаются вопли на площадях их».

Так как же согласно вашему злобесному желанию угождать людям таким, о них-то именно и говорил пророк… Как говорил Исайя пророк: «Как еще карать вас, множащих беззакония? Всякая голова в язвах, и все сердца в горе. От ног и до самой головы нет в них ничего здорового: струпы, язвы, раны горящие, которые не

залепишь пластырем, не зальешь маслом и не перевяжешь. Земля ваша пуста, и города ваши огнем сожжены, страны ваши у вас на глазах чужестранцы грабят, в запустении и разорении от людей чужих. И осталась дочь Сиона словно шатер в винограднике, как шалаш в саду. Блудницей стал Сион, град верных, исполненный правосудия. В нем же правда умерла, в нем ныне одни убийцы. Серебро ваше ныне не плод рук искусных, в корчмах твоих подают вино, смешанное с водой. Князья твои не благочестивы, сообщники воров, любители мзды, и ждут подарков, не в пользу бедных вершат суд и не внемлют обиженным вдовам. И потому так говорит Господь, Владыка Саваоф, могучий в Израиле: «О горе сильным в Израиле! Не утихнет гнев Мой против врагов моих, и суд Мой над врагами своими свершу, и воздвигну руку Мою на тебя, и выжгу всю нечистоту, неверующих же погублю, и отторгну всех беззаконников от тебя, и всех гордецов смирю. И установлю правосудие твое, как и было, советников твоих, как и прежде, тогда снова назовешься ты градом правды, матерью городов, верный Сион. Судом спасется от пленения он и милостью. И сотрутся в прах беззаконники и вместе с ними грешники, и погибнут отрекшиеся от Господа, ибо устыдятся они идолов своих, о которых толкуют, и посрамятся кумиров своих, ими сотворенных, и постыдятся садов своих, которых возжелали. Будут сами, словно сады, лишенные листвы, словно сад, лишенный воды. И будет сила их, словно пучок пакли, и дела их – как искры огненные, сгорят беззаконные и грешные с ними, и не будет никого, кто бы угасил пламень».

Потом в царствование Апсимара, Филиппика и Феодосия Бородатого Адрамитского персы захватили у греков Дамаск и Египетскую область; затем при Константине Гноетезном от Греческого царства отпали скифы, после в царствование Льва Армянина, Михаила Аморянина и Феофила отторгся и Рим со всей Италией; они избрали себе в цари латинского князя Карла из внутренней Фригии, и во многих италийских странах поставили себе собственных королей, князей, властителей и управителей. Так же и в Австрии, и в Испании, и в Далмации, и у французов, и в верхненемецкой земле, и у поляков, и у литовцев, и у готов, и у молдаван, и у румын, так же и у сербов и болгар поставили своих правителей и отделились от Греческого царства; и Греческое царство из-за этого пришло в совершенный упадок. В царствование же Михаила и Феодоры, царицы благочестивой, персы захватили божий город Иерусалим, и Палестинскую землю, и Финикийские страны. На царствующий же град отовсюду обрушивались частые испытания, и постоянно сотрясался он от нашествий и нападений, а тем временем епархи и вельможи

никак не оставляли своих прежних злых намерений, не тревожась о разорении царства, и на гибель его смотрели как на сон.

Так же и вы, подобно им, злобесными желаниями одержимы, безмерно жаждете славы, чести, и богатства, и гибели христианства! Так же вот и греки многим странам стали дань платить, а ведь прежде сами ее взымали; потом же из-за неурядиц, подобных тем, которые вы злоумышляете, а не по Божьей воле, сами стали дань платить, и так царствующий град терпел великие невзгоды вплоть до царствования Алексея Дуки Мурцуфла, при котором царствующий град захвачен фрягами и оказался в тяжелейшем плену, и так погибло благолепие и красота греческого могущества. Затем Михаил, первый из Палеологов, изгнал латинян из Царь-града и вновь из запустения поднял царство, просуществовавшее до времени царя Константина, прозванного Дрогасом, при нем же явился за грехи наши, народа христианского, безбожный Магомет, угасил греческое могущество, словно ветер и сильная буря, и не оставил от него и следа.

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны! Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело – спасать свою душу, а другое дело – заботиться о телах и душах многих людей; одно дело – отшельничество, иное – монашество, иное – священническая власть, иное – царское правление. Отшельничество подобно агнцу беззлобному или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, подчиняются уставам и заповедям, – если они не будут всего это соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло; допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом и запрещением, и обузданием, и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую! Это совершеннейшая заповедь. Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам подобает смирение. Пойми же поэтому разницу

между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь многие тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько же суровее должна наказывать злодеев царская власть!

Так же не приемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое. Пророк говорил об этом: «Горе мужу, которым управляет жена, горе городу, которым управляют многие!» Разве ты не видишь, что власть многих подобна женскому неразумию? Если не будет единовластия, то даже если и будут люди крепки, и храбры, и разумны, но все равно уподобятся неразумным женщинам, если не подчинятся единой власти. Ибо так же как женщина не способна остановиться на одном желании – то решит одно, то другое, так и при правлении многих – один захочет одного, другой другого. Вот почему желания и замыслы разных людей подобны женскому неразумию. Все это я указал тебе для того, чтобы ты понял, какое благо выйдет из того, что вы будете владеть городами и управлять царством помимо царей. Это могут понять все разумные люди. Вспомни же: «Не обращайте сердца к богатству и золоту, даже если посыплется богатство». Кто же сказал эти слова? Не обладал ли он царской властью? Разве ему не подобало золото? Но не на золото он смотрел, а мысли его всегда были направлены к Богу и военным делам. Ты же подобен Гиезию, продавшему Божью благодать за золото и наказанному за это проказой; ибо ты тоже ради золота ополчился против христиан. Апостол Павел восклицал: «Берегитесь псов, берегитесь злодеев, ибо часто я говорил вам и теперь говорю с плачем о врагах креста Христова; их бог – чрево, слава их – в сраме, они думают о земном». Как же не назвать тебя врагом Креста Христова, если ты ради славы и богатства, и почестями этого бренного мира желая насладиться, презирая вечное будущее, по своему крестопреступному нраву, научившись измене от своих прародителей и издавна накопив злобу в сердце своем, ты «евший со мной хлеб, поднял на меня свою ногу», нарушил крестное целование и вооружился, чтобы воевать против христиан? Но то самое победоносное оружие, Крест Христов, силою Христа Бога нашего пусть подымется на вас.

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же, как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от любовницы, то есть от наложницы, перебили в один день семьдесят сыновей

Гедеона, родившихся от его законных жен, и посадили на престол Авимелеха, так и вы, задумав свою злую собачью измену, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего царского родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня готовы положить, если, подобно Ироду, хотели смертью жестокою свести со света сего моего сосущего молоко младенца и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня готовы положить и добра мне желаете? Разве так поступили бы со своими детьми: дали бы вы им вместо яйца – скорпиона и вместо рыбы – камень? Если вы злы – то почему умеете творить добро своим детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными– то почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим? Но вы еще от прародителей научились изменять: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким умыслил измену против нашего деда, великого государя Ивана, так и отец твой, князь Михаил, с великим князем Дмитрием-внуком многие беды замышлял и готовил смерть отцу нашему, блаженной памяти великому государю Василию, так же и деды твоей матери – Василий и Иван Туч-ко – говорили оскорбительные слова нашему деду, великому государю Ивану; так же и дед твой, Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, много говорил о ней надменных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву, и так как ты ехидны отродье, потому и изрыгаешь такой яд. Этим я достаточно объяснил тебе, почему я по твоему злобесному разуму «стал супротивным разумевая» и «разумевая, совесть прокаженную имеющий», но не измышляй, ибо в державе моей таковых нет. А хоть твой отец, князь Михаил, много претерпел гонений и обид, но такой измены, как ты, собака, он не совершил.

А когда ты вопрошал, зачем мы перебили сильных во Израиле, истребили и данных нам Богом для борьбы с врагами нашими воевод различным казням предали и их святую и геройскую кровь в церквах божиих пролили, и кровью мученическою обагрили церковные пороги, придумали неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброхотов, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и в ином непотребстве, то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был искони человекоубийца и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле: потому что Русская земля

держится Божьим милосердием, и милостью Пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить.

Крови же в церквах Божьих мы никакой не проливали. Победоносной же и святой крови в нынешнее время в нашей земле не видно, и нам о ней неведомо. А церковные пороги – насколько хватает наших сил и разума и верной службы наших подданных – светятся всякими украшениями, достойными Божьей церкви, всякими даяниями; после того как мы избавились от вашей бесовской власти, мы украшаем и пороги, и помост, и преддверие, – это могут видеть и иноплеменники. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряли; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают, подобно зеркалу, порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А как в других странах, сам увидишь, как там карают злодеев – не по-здешнему! Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников; а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою.

А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали; если же ты говоришь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят.

А то, что мы оболгали православных, то ты сам уподобился аспиду, ибо, по словам пророка, «аспид глухой затыкает уши свои, чтобы не слышать голоса заклинателя, иначе будет заклят премудрым, ибо зубы в пасти их сокрушил Господь и челюсти львам раздробил»; если уж я облыгаю, от кого же тогда ждать истины? Что же, по твоему злобесному мнению, что бы изменники ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Что мне желать от своих подданных? Власти, или их худого рубища, или пожирать их? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов – множество воинов; кто же, имея разум, будет зря казнить своих подданных!

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я страдал из-за вас в юности и до последнего времени. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это бренное земное царство и вступил на вечные времена в Царство Небесное предстоять пред Царем царей и Господином государей, мы остались с покойным братом, святопочившим Георгием; мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы – литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас, изменников, пришлось претерпеть разные невзгоды и печали – князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись, – и в Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отовсюду шли войной на православных. Но, слава Богу, ничего из этого не вышло – по Божьему заступничеству, и Пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и по молитвам наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах, как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, готовыми положить за нас душу!), а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном, сыном князя Семена, внуком князя Петра Головы Романовича, и многие другие. Но, с Божьей помощью, этот заговор не осуществился. Не то ли это доброжелательство, за которое их хвалишь? Не в том ли они за нас душу кладут, что хотели погубить нас, а дядю нашего посадить на престол? Затем же они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель – так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками – лишь бы навсегда погубить землю!

Когда же суждено было по божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в Небесное, остались мы с почившим в Бозе братом Георгием круглыми сиротами – никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на всех святых молитвы, и на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний –

получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе, и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча в них палками, а остальное разделили. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему, и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единородным братом моим, в Бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле, и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет – ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села, мучили различными

жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее и говорили так или иначе, и делали.

Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов; и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому; а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр толкали в спину. Это они-то – доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватали угодных нам бояр, избивали их, мучали и ссылали? Так ли они готовы душу за нас, государей своих, положить, если приходят на нас войной, а на глазах у нас сонмищем иудейским захватывают бояр, а государю приходится сноситься с холопами и государю упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная воинская служба? Вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи часто раздражают Бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна

Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала, и таким образом спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись по обычаю иудейскому, с криками захватил в приделе церкви великомученика Христова Димитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; втащили его в соборную и великую церковь и бесчеловечно убили напротив митрополичьего места, залив церковь кровью, и, вытащив его тело через передние церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. И это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь свое царство? Сколько ведь ценных вещей из родительского благословения у нас сгорело, каких во всей вселенной не сыщешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена. Это похоже на то, как если бы попытаться окропить водой колокольню Ивана Святого, имеющую столь огромную высоту. Это – явное безумие. В этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр, да еще наших родственников? И так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят! Что же ты, собака, гордо хвалишься и хвалишь за воинскую доблесть других собак-изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не сможет устоять», кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобными распрями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, все это презрев, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается – это для тебя неважно; ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты – ничтожество; в доме ты – изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь укрепить храбрость в самовольстве и в междоусобных бранях, а это невозможно.

Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев,

ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Каких почестей и богатств не удостоили мы его, и не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это, расскажем дальше. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и право предстоять с ангелами у престола Господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву за спасение мира Агнец Божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это попрал коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Священному Писанию. Так как я знал из божественного Писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, нему, ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению; он же, желая власти, подобно Ильежрецу, начал, подобно мирским людям, окружать себя друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии и получили прощение на соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, также и за то, что вы, бояре наши, выступали против нас; вас же, бояр своих и всех прочих людей, за вины все простили и обещали впредь об этом не вспоминать, и так признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: вместо духовных, стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли. Мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины, и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас, и те вотчины, словно ветром разметав, беззаконно роздали, нарушив уложение нашего деда, и этим привлекли к себе многих людей. И потом ввели к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником

осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и так во всем смогли добиться своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как им заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, – все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неугодно, а их даже негодные, даже плохие и скверные советы считались хорошими.

Так было во внешних делах; во внутренних же, даже малейших и незначительнейших, вплоть до пищи и сна, нам ни в чем на давали воли: все было по их желанию, на нас же смотрели, как на младенцев. Неужели же это «противно разуму», что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей нескладной грамоте, а если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, – то это хорошим считается у них; кто нас послушается, сделает по-нашему, – тому гонение и великая мука, а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь – пагуба душе и разорение царству! И так жили мы в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу: все, что было нам враждебно, усиливалось, все же, что было нам по нраву и успокаивало, то уничтожалось. Вот какое тогда сияло православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подверглись в житейских делах, во время путешествий, и во время отдыха, и в церковном пред стоянии, и во всяких других делах? Вот как это было: они притворялись, что делают это во имя Бога, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы.

Когда же мы Божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались восвояси, что могу вспомнить о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом

людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука всевышнего не защитила меня смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют – хотят выдать нас иноплеменникам!

Когда же вернулись мы в царствующий град Москву, Бог, свое милосердие к нам умножая, дал нам тогда наследника – сына Дмитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем Адашевым, восшатались, как пьяные, решили, что мы уже в небытии, и, забыв наши благодеяния, а того более – души свои и присягу нашему отцу и нам – не искать себе иного государя, кроме наших детей, решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, хотели погубить, подобно Ироду (и как бы им не погубить!), воцарив князя Владимира. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «Царь царю не кланяется, но, когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, – что же будет после нас! Когда же мы по Божью милосердию всё узнали и полностью уразумели и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей Адашев и после этого не перестали жесточайше притеснять нас и давать злые советы, под разными предлогами изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали лютой ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

А после этого собака и давний изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и поносил перед ними нас, нашу царицу и наших детей; мы же, расследовав это злодейство, наказали того, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами и не только ему, но и всему его роду. И так с тех пор для всех изменников настало вольготное время, а мы с той поры терпели еще больше притеснений: ты также был среди них: известно, что вы с Курлятевым хотели втянуть нас в тяжбу в пользу Сицкого.

Когда же началась война с германцами, о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советчиками, жестоко нас за нее порицал; когда за свои грехи

заболевали мы, наша царица или наши дети, – все это, по их словам, свершалось за наше непослушание им. Как не вспомнить тяжкий путь из Можайска в царствующий град с больной царицей нашей Анастасией? Из-за одного лишь неподобающего слова! Молитв, хождений к святым местам, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нашем, нашей царицы и детей – всего этого по вашему коварному умыслу нас лишили, о врачебной же помощи против болезни тогда и не вспоминали.

И когда, пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, нестрого наказали их за все это – на смертную казнь не осудили, а разослали по разным местам, поп Сильвестр, видя, что лишились всего его советники, ушел по своей воле, мы же его с благословением отпустили, не потому, что устыдились его, но потому, что я хочу судиться с ним не здесь, а в будущем веке, перед агнцем божьим, которому он всегда служил, но, презрев, по коварству своего нрава, причинил мне зло; в будущей жизни хочу с ним судиться за все страдания мои душевные и телесные. Поэтому и чаду его я до сих пор позволил жить в благоденствии, только видеть нас он не смеет. Кто же, кроме тебя, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не знаете, как должно, христианский монашеский устав, как следует наставникам покоряться, поэтому вы и требуете для меня, словно для малолетнего, учителя и молока вместо твердой пищи. Как я сказал выше, я не причинил Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не осудили на смертную казнь, но всем, кто не был с ними заодно, повелели их сторониться; это повеление провозгласили и утвердили крестным целованием, но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и преступили крестное целование, и не только не отшатнулись от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески искать способа вернуть им прежнее положение, чтобы составить против нас еще более коварные заговоры; и так как тут обнаружилась неутолимая злоба и непокорство, то виноватые получили наказание, достойное их вины. Не потому ли я, по твоему мнению, «оказался супротивным разуму, разумея», что тогда не подчинился вашей воле? Поскольку вы, бессовестные клятвопреступники, привыкли изменять ради блеска золота, то вы и нам то же советуете. Скажу поэтому: иудино окаянство – такое желание! От него же избавь,

Боже, нашу душу и все христианские души. Ибо, как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, о душах своих забыв и нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, вопреки лжи твоей, ничего подобного не было. Как я сказал выше, виновные понесли наказание по своим проступкам; все было не так, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и блудников – мучениками, а кровь их – победоносной и святой, и наших врагов именуя сильными, и отступников – нашими воеводами; выше я указал и разъяснил, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. И не можешь сказать, что теперь мы клевещем, ибо измена их известна всему миру: если захочешь, сможешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров, приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было. Ныне же даже те, кто был в согласии с вами, вкусили все блага свободы и благосостояния и богатеют, им не вспоминают их прежних проступков, и они пребывают в прежней чести и богатстве.

Что же еще? Вы и на церковь восстаете и не перестаете преследовать нас всяческими злодействами, собирая против нас всеми способами иноплеменников, и подстрекаете их к истреблению христиан; вы, как я сказал выше, разъярившись на человека, восстали против Бога и церкви. Как сказал божественный апостол Павел: «За что же гонят меня братья, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста прекратился бы. Пусть же содрогнутся возмущающие нас!» И так же, как им вместо креста было потребно обрезание, так вам вместо власти государя потребно самовольство. Но теперь ведь нет притеснений: почему же не прекращаете гонений?

Все это я излагаю подробно, чтобы ты понял, почему, по твоему разуму, я «супротивным оказался разумеющий и прокаженная совесть». Что же говорить о безбожниках, если во всей вселенной нет равных тебе по бесовским замыслам! И ясно также, кто есть по правде те, кого ты называешь сильными, воеводами и мучениками, и что они поистине, вопреки твоим словам, подобны Антенору и Энею, предателям троянским. Выше я показал, каковы их доброжелательство и душевная преданность; вся вселенная знает о их лжи и изменах.

Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И тьма и горечь ли это, если господствует данный Богом государь, как подробно написано выше? Ты ведь в своей бесовской грамоте писал, изворачиваясь разными словами, все одно и то же, восхваляя такой порядок, когда рабы властвуют

помимо государя. Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного им Богом государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих царства. Это ли «горечь и тьма» – отойти от зла и творить добро? Это ведь и есть сладость и свет! Если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней. Что может быть хуже, чем урывать для самого себя! Сам не зная, где сладость и свет, где горечь и тьма, других поучаешь. Не это ли сладость и свет – отойти от добра и начать творить зло самовластием и в междоусобных бранях? Всякому ясно, что это – не свет, а тьма, и не сладость, а горечь.

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем; но если и подобает поведать о винах их, об этом сказано выше. Ты же называешь христианскими предстателями смертных людей, уподобляясь эллинскому суесловию: они ведь уподобляли богу Аполлона, Дия, Зевса и многих других дурных людей, как говорит об этом в своих торжественных словах Григорий, названный Богословом: «Ни Дия рождение и сокрытие, повелителя Крита и мучителя, ни юношей крики, и вопли, и пляски с оружием, чтобы заглушить голос плачущего бога, да не услышан будет отцом чадоненавидящим, ибо горе младенцу плакать, когда как камень проглочен; не фригийские оскопления, и свирели, и рукоплескания, которым люди предаются в честь Реи. И Диониса в бедре больном, прежде времени рожденного, как прежде голова родила, и безумие фиванцев, почитающих его и поклоняющихся молнии Семелы; македонских юношей, истязающих себя, чтобы почтить богиню. Где мрачные и страшные видения Гекаты и Трофониевы игры по всей земле и предсказания, или муки Озириса, другие беды, чтимые египтянами, или бесчестие Изиды? Им всегда каждому особое жертвоприношение и торжество, а общее на всех злочестие. И не только то зло, что люди, сотворенные для добрых дел на славу и хвалу творцу и насколько возможно уподобившиеся богу, предались всяческим порокам, процветающим на горести, пожирающим душу человека, но и то, что богов признали помощниками в страстях, так что не только невинными почитаются прегрешения, но и божественными мнятся, имея прибежищем своим предмет поклонения». И иные многие сквернейшие языческие деяния, ибо за пороки свои они богами были признаны, за блуд и ярость, несдержанность и похотные желания. И если кто из них какою, страстью был одержим, то по

этому пороку и бога себе избирал, в которого и веровал: Геракла как бога блуда, Крона – ненависти и вражды, Арея – ярости и убийства, Диониса – музыки и плясок, и другие по порокам своим почитались за богов. Им ты и уподобился своими стремлениями, ибо тоже посмел называть смертных людей предстателями, дерзая славы и бестрепетно хуля. Так же, как эллины почитали богов в зависимости от страстей своих, ты восхваляешь изменников, будучи изменником сам; как они вместо бога чтили свои тайные страсти, так же и ваша скрытая измена выставляется, словно правое дело. Мы же, христиане, веруем в Бога нашего Иисуса Христа, прославляемого в Троице, как говорит апостол Павел: «Почитаю я поборника Нового Завета – Христа, который восседает по правую руку от престола величия на Небесах, сняв завесу плоти, всегда проповедует нам, от кого по своей же воле пострадал, омыв кровью своей Новый Завет свой». Так же и Христос вещает в Евангелии: «Не вы называетесь наставниками, один у вас наставник – Христос». Мы называем предстателями триединого бога, которого познали через Иисуса Христа, а также заступницу христианскую, сподобившуюся стать Матерью Христа Бога, Пречистую Богородицу; имеем еще предстателями небесные силы, архангелов и ангелов, как архангел Михаил был предстателем Моисея, Иисуса Навина и всего Израиля; так же в благочестие новой благодати первому христианскому царю Константину незримо был предстателем архангел Михаил, водивший полки его и одолевавший его врагов, с тех пор и поныне он помогает всем благочестивым царям. Вот кто наши предстатели: Михаил, Гавриил и другие бесплотные силы; молят же за нас Бога пророки, апостолы, святители и мученики, сонм преподобных и исповедников, и молчальников – мужчин и женщин. Вот кого имеем мы предстателями христианскими! О смертных же людях – не знаю, как это можно их предстателями именовать: это название не только не приличествует нашим подданным, но неприлично и нам, царям, хотя мы и носим порфиру, украшенную золотом и бисером, но все же мы смертны и подвержены немощам человеческим. Ты же не стыдишься именовать предстателями изменников и смертных людей, хотя Христос говорил в святом Евангелии: «То, что для людей высоко, для Бога – мерзость». Ты же украшаешь изменников, смертных людей, не только человеческими почестями, но и похищаешь для них Божью славу! Подобно эллинам, ты в умоисступлении и неистовстве, уподобляясь бесноватому, чтишь изменников, избирая их по своей страсти, как эллины почитали своих богов! Одни резали и всячески мучили себя в честь богов; другие, уподобляясь богам, предавались всяческим страстям, как говорил

божественный Григорий: они поклонялись скверне и веровали жестокости; так и тебе подобает. И как они разделили участь своих прескверных богов, так и тебе следует разделить страдания твоих друзей-изменников и вместе с ними погибнуть. Как эллины называли скверных людей богами, так и ты бесстыдно именуешь мучениками смертных людей, и поэтому и тебе следует устраивать в честь их праздники, на них плясать и гудеть, оскоплять и мучить себя. Делая то же, что эллины, – и тебе подобает пострадать, как они, на праздниках в честь своих мучеников!

А что ты писал, будто эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки, то это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве; под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя обличить в неразумии. Что ты хвалишься, надуваясь от гордости! Ведь предки ваши, отцы и дяди были так мудры, и храбры, и заботились о деле, что ваша храбрость и смекалка разве что во сне может с их достоинствами сравниться, и шли в бой эти храбрые и мудрые люди не по принуждению, а по собственной воле, охваченные бранным пылом, не так как вы, силою влекомые на бой и скорбящие об этом; и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не смогли защитить христиан от варваров! Скажу словами апостола Павла: «Подобно вам, буду хвалиться; вы меня к этому принуждаете, ибо вы, безумные, терпите власть, когда вас объедают, когда вас в лицо бьют, когда превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь известно, как жестоко пострадали православные от варваров – и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы воцарились и, с Божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, как вы все говорили, что мы посылаем его в знак немилости, желая его наказать, а не ради дела. Какая же это храбрость, если вы равняете службу с опалой? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись! Когда же Бог проявил к нам милосердие и покорил христианству варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и отговариваете его от битвы, подобно Янушу Венгерскому? Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время

давали вредные советы, а когда запасы утонули, предлагали вернуться, пробыв три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дождаться благоприятных обстоятельств, не думая ни о своих головах, ни о победе, а стремились только к одному: быстрее победить или быть побежденными, лишь бы поскорее вернуться восвояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, если бы я вас не удержал, понапрасну погубить православное воинство, начав битву в неподходящее время? Когда же город по Божьему милосердию был взят, вы не занялись установлением порядка, а устремились грабить! Таково ли покорение прегордых царств, которым ты, кичась, безумно хвалишься? Никакой похвалы оно, по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы – по принуждению и даже с ропотом. Достойно похвалы, когда воюют по собственному побуждению. И так подчинили вы нам эти царства, что более семи лет между ними и нашим государством не утихали боевые стычки!

Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда и эти царства нам во всем подчинились, и теперь оттуда приходит на помощь православию больше тридцати тысяч воинов. Так-то вы разгромили и подчинили нам прегордые царства! И вот так заботимся и печемся о христианстве мы, и таков «сопротивен разум», по твоему злобесному умышлению! Это все о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А чего стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько же злых лишений и пагубы вы причинили христианам, а врагам – никакого вреда! Об Иване же Шереметьеве что скажу? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле, случилась эта беда православному христианству. Такова ваша усердная служба и так вы разрушаете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже описал выше. О германских городах говоришь, будто они достались нам по божьей воле благодаря мудрости наших изменников. Но как же ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни, когда началась война с германцами и мы посылали своего слугу царя Шигалея и своего боярина и воеводу Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, то сколько мы услышали тогда укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас – не стоит подробно и рассказывать! Что бы плохое ни случилось с нами – все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали вас на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, во Пскове, ради собственных нужд, а не по

нашему поручению), нам пришлось более семи раз посылать гонцов к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и к тебе, пока вы наконец пошли с небольшим числом людей и лишь после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших писем и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить вечные возражения попа Сильвестра, Алексея Адашева и всех вас против похода на германские города и как, из-за коварного предложения короля Датского, вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы. Они же, напав на нас перед зимним временем, сколько христианского народа перебили! Это ли старания изменников наших да и ваше добро – губить христианский народ! Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем и со множеством воинов; вы же едва взяли один Вильян и при этом еще погубили много нашего народа. Как же вы тогда испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайду же вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть претвердыми германскими городами? Если бы не ваше злобесное сопротивление, то, с божьей помощью, уже вся Германия была бы под православными. Тогда же вы подняли против православных литовский народ и готский и многие другие. Это ли «старания разума вашего» и так-то вы стремились укреплять православие?

А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидает расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, – если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу: если бы мы тебе не доверяли, то не был бы отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в ту свою вотчину, и ты, по собачьему обычаю, изменил нам.

Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть – общий удел всех людей за Адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но, однако, знаю, что по природе я так же подвержен немощам, как и все люди, а не так, как вы еретически мудрствуете и велите мне стать выше законов естества. Как уже сказал выше, благодарю я моего Господа, что сумел, сколько было сил, укрепить благочестие. Это же достойно смеха, человек, выходит, подобен скоту; если так считать, то у человека пар вместо души: это ведь саддукейская ересь! Вот до какого неистовства ты дошел, когда писал без разума! Я же верю, в Страшный суд Господень, когда будут

приняты души человеческие с телами, с которыми совместно творили, и судимы будут за свои дела и все вместе и нераздельно – и цари, и последние из рабов, словно братья, будут спрошены, каждый за свои поступки. А когда ты писал, что я не хочу предстать перед этим неподкупным судом, то ты, приписывая ересь людям, сам впал в злобесную манихейскую ересь! Как они суесловят, что небом обладает Христос, землей – самовластный человек, а преисподней – дьявол, так же и ты проповедуешь будущее судилище, а Божьи кары за человеческие грехи на этом свете презираешь. Я же знаю и верю, что тем, кто живет во зле и преступает Божьи заповеди, не только там мучиться, но и здесь суждено испить чашу ярости Господней за свои злодейства и испытать многообразные наказания, а покинув этот свет, в ожидании праведного Господнего суда, претерпят они горчайшее осуждение, а после осуждения – бесконечные муки. Так я верю в Страшный суд Господень. Также и то знаю, что Христос владеет небом, и землей, и преисподней, живыми и мертвыми, и все в небе, на земле и в преисподней существует по Его воле, по наставлению Отца и благоволению Святого Духа. Те же, кто не так поступает, мучения испытают, а не то что ты суесловишь по-манихейски о неподкупном суде спаса, будто бы не хотим предстать перед Христом Богом нашим и ведующему все сокровенное и тайное дать ответ о своих грехах. Верю, что мне, как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности; как же не достойны смеха твои рассуждения: если смертные властители постоянно привлекают на суд силою, то как же не повиноваться Царю царей и Господу господ, всеми владеющему? Если даже кто-нибудь и безумен, да и тот не найдет, где укрыться от божественного гнева, ибо божественная мудрость неудержимую высоту, ту, что в воздухе, держит, водную бездну обуздывает и в моря заключает. В руках у Него жизнь всех сущих, как говорит пророк: «Если взойду на небо – Ты там, если снизойду в ад – и Ты там. Если с утра унесусь на крыльях далеко и поселюсь на самый край моря, то и там найдет меня рука Твоя и десница Твоя удержит. Не сокроется кость моя от Тебя, сотворенная Тобой в тайне, и тело мое в преисподней земли». Так и я верую неподкупному суду Божьему. Кто – живой или мертвый – может скрыться где-либо от всемогущей десницы? Все обнажено перед ним и все открыто.

Я знаю, что истинный Бог наш Христос – противник гордых гонителей, как говорится в Писании: «Господь гордым противится, а смиренным дарует благодать». Станем рассуждать, кто из нас горд: я ли, требующий повиновения от рабов, данных

мне от Бога, или вы, отвергающие мое владычество, установленное Богом, и от своего бремени рабского отказывающиеся, требующие, словно Господа, чтобы я исполнил вашу волю, поучаете и обличаете, присваивая себе учительский сан? Как говорил божественный Григорий рассчитывающим на свою молодость и постоянно дерзающим поучать: «Ты, еще не имея бороды, учишь старца, или думаешь, что право учить не зависит от возраста, ни от образа жизни». Потом вспоминаешь здесь о Данииле, – что он – юный судья, и притча на языке: всякий обидчик готов оправдаться, но не закон для церкви – исключение, так же одна ласточка не делает весны, одна проведенная черта не делает землемером, а корабль один – море», так и ты, никем не возведен в сан, присваиваешь себе сан проповеднический. Где гордость: когда господин учит раба или когда раб приказывает господину? Даже невежда может это понять. Как же ты, собака, и о том не подумал, что когда три патриарха, собравшись с множеством святителей, к нечестивому царю Феофилу длинный свиток отправили, то они все-таки не написали в нем такой хулы, как ты; а ведь царь Феофил был нечестив; а благочестивым царям тем более надо писать как можно смиреннее, если хочешь получить милость от Бога. Я же верую Христу, Богу моему, и такого греха ни одним уголком сердца своего не совершил; и если они, имея власть, все же не хулили нечестивого, то кто ты такой, чтобы, присваивая учительский сан, так неистово меня хулить? Вы хотите утвердить Божий закон насилием и своим злобесным произволом попираете апостольские заветы; ибо говорил апостол Петр: «Не как повелители пасите стадо, но будьте ему примером, пасите не с принуждением, но добровольно и не для корысти»; вы же все это презираете.

Вы обвиняете в гонениях на людей: а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве вы не приказали народу города Коломны побить каменьями нашего советника, епископа Коломенского Феодосия? Но Бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили все его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете? Разве сможет кто полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей, так много их было! Все, кто были хоть немного покорны нам, подверглись от вас гонению. В этом ли ваша праведность, что вы, подобно бесам, сплетаете и расставляете сети? Ваши беззакония становятся еще хуже оттого, что вы ведете себя с гордостью фарисейской: как они снаружи представлялись праведными, внутри же были полны лицемерия и

беззаконий; так и вы перед людьми делаете вид, что наказываете ради исправления, в действительности же даете волю неправедному гневу, и все знают, что таковы ваши гонения. На Страшном же суде будут не только разбирать наши дела «до власти», но и в самое сердце заглянут, как говорит пророк: «Не сделанное мной и то видят очи Твои, и в книге Твоей все напишется», не только ты этому судья. В деяниях святых старцев рассказывается об Иоанне Колове, который осудил своего брата, жившего в большом монастыре и предававшегося пьянству, блуду и прочим грехам и в них скончавшегося. Иоанн же восстонал о нем, и внезапно явилось ему видение: увидел он, что вознесен и стоит перед большим городом, и Господь наш Иисус Христос сидит на престоле, и вокруг Него бесчисленные сонмы ангелов. И принесли ангелы душу того умершего к Иоанну и спросили ангелы Его решения, куда Он повелит ее отправить, но Он промолчал. Когда же Иоанна привели к райским вратам, то по Иисусову слову запрещено было ему войти, и услышал он издали голос Иисуса: «Не это ли антихрист, присваивающий себе мой суд?» И после этих слов он был изгнан, и ворота закрылись, и священническую мантию с него сняли, а она – покров Божий. Когда же очнулся от видения, то и мантии не нашел, чем подтверждалось его видение. После этого он пятнадцать лет скитался по пустыням, не видя не только человека, но и зверя, и наконец после этого испытания снова удостоился видения, получив прощение и мантию. Смотри же, бедняга, – он, даже не осуждая, восстонал, а как страшно пострадал, хотя и был праведником! Тем более пострадают те, которые совершают много нечестивых дел, и присваивают себе право на Божий суд, и в гордости стращают и угрожают, а не милостиво упрекают. И если он так пострадал за упрек, насколько же сильнее пострадает осуждающий!

Ты хочешь, чтобы Христос, Бог наш, был судьей между мной и тобой, – я не отказываюсь от такого суда. Ведь он, господь Бог наш, Иисус Христос, справедливый судья, видящий внутри, и все, что кто-нибудь подумает, в мгновение ока для него открыто и известно – ничего не укроется от очей Его, знающего все тайное и сокровенное, Он знает, за что вы восстали на меня и за что ненавидите меня, за что сперва пострадали от меня, если потом, снисходя к вашему безумию, я назначил вам милостивое наказание. Наоборот – вы начало всем грехам, ибо вы, говоря словами пророка, считали меня за червя, а не за человека, толковали обо мне, сидя у ворот, и вели обо мне, распивая вино с друзьями своими, пусть же всем вашим льстивым советам и замыслам будет судьей справедливым Христос, Бог наш. Ты ведь

хочешь поставить судьей Христа, а делам его не следуешь: ибо он говорил: «Солнце не зайдет в гневе вашем», ты же и на суд хочешь идти без прощения и отказываешься молиться за обидчиков.

Напрасных гонений и зла ты от меня не претерпел, бед и напастей мы на тебя не навлекали, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то лишь за твое преступление, ибо ты вступил в соглашение с нашими изменниками. Не возводили мы на тебя лжи и не приписывали тебе измен, которых ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших притеснений из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить ваши измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему злобесному умыслу? Мы же тебя ничего не лишали, от Божьей земли тебя не отлучали, но ты сам лишил себя всего и восстал на церковь, подобно скопцу Евтропию, ибо не церковь его предала, а сам он от нее отрекся, так и ты: не Божья земля тебя изгнала, а сам ты от нее отторгся и принялся губить ее. Какую же я имел к тебе злую и непримиримую ненависть? Знали мы тебя с юности твоей, при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытался нас погубить, но мы не подвергли тебя мукам, которых заслужил своим злоумием. Это ли наше зло и неумолимая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя подле себя, в чести, какой не удостаивался и твой отец. Всем ведь известно, в какой чести и богатстве жили твои родители и какие пожалования, богатство и честь имел твой отец, князь Михаил. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца управителей по селам и сколько у тебя. Отец твой был боярином князя Михаила Кубенского, ибо он был ему дядя, ты же был наш боярин: мы удостоили тебя этой чести. Разве не достаточно было тебе чести, имения и наград? Нашими милостями ты превосходил своего отца, а в храбрости уступал ему, совершив измену. Но если ты таков, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, готовился нас погубить?

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая руками иноплеменников ради нас, вопиет на нас к Богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнил свой долг перед отечеством, и мы тут ни при чем; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Насколько сильнее вопиет на вас наша кровь, пролитая из-за вас: не из ран, и не потоки крови, но

немалый пот, пролитый мною во многих непосильных трудах и ненужных тягостях, происшедших по вашей вине! Также взамен крови пролито немало слез из-за вашей злобы, оскорблений и притеснений, немало вздыхал, и стенал, и испытал из-за этого поношений, ибо вы не возлюбили меня и не поскорбели вместе со мной о нашей царице и детях. И это вопиет на вас к Богу моему: не сравнимо это с вашим безумием, ибо одно дело пролить кровь за православие, а другое – желая чести и богатства. Такая жертва Богу не угодна: он скорее простит удавившемуся, чем погибшему ради славы. Мои же обиды и то, что вместо пролития крови я перенес от вас всякие оскорбления и невзгоды, все, что было посеяно вашей строптивой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к Богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя неповинным.

Какие же светлые победы ты совершал и когда ты со славой одолевал наших врагов? Когда мы послали тебя в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты, вместо виноватых, привел к нам невинных, обвинив их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь устрашился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людьми; вы же поехали есть и пить к нашему воеводе, князю Григорию Темкину, и только после пира отправились за ними, они уже ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом нашим Невелем с пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них, израненные, едва спаслись, ничего не добившись? Это ли пресветлая победа и славное одоление, достойные похвалы и чести? А иное свершалось без твоего участия – это тебе в похвалу и не ставится!

А что ты мало видел свою родительницу и мало знал жену, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальноконных городах, страдал от болезни и много ран получил от варварских рук в боях, и все тело твое изранено, – то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем. Если вам это не нравилось, зачем вы так делали? А если делали, то зачем, сотворив по своей воле, возлагаете вину на нас? А если бы и мы это приказали, то в этом нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, то не считал

бы своих бранных подвигов, а искал бы новых; потому ты и перечисляешь свои бранные деяния, что оказался беглецом, не желаешь бранных подвигов и ищешь покоя. Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли заведомыми твоими изменами и противодействиями, и ты был среди наших вернейших слуг, в славе, в чести и в богатстве? Если бы не было этих подвигов, то каких бы казней за свою злобу был бы ты достоин! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своем злобесном письме, подвергался ты гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои бранные дела нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей Адашев. И не надейтесь запугать меня, как пугают детей и как прежде обманывали меня с попом Сильвестром и Алексеем благодаря своей хитрости, и не надейтесь, что и теперь это вам удастся. Как сказано в притчах: «Чего не можешь взять, не пытайся и брать».

Ты взываешь к Богу, мзду воздающему; поистине, Он справедливо воздает за всякие дела – добрые и злые, но только следует каждому человеку поразмыслить: какого и за какие дела он заслуживает воздаяния? А лицо свое ты высоко ценишь. Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть? Встречал ли кто-либо честного человека, у которого бы были голубые глаза? Ведь даже облик твой выдает твой коварный нрав!

А если ты не хочешь молчать и в дальнейшем станешь обличать нас перед пребезначальной Троицей и Пречистой Владычицей Богородицей и всеми святыми, то, даже если бы были праведны молитвы твои, вспомни-ка, окаянный, что сказано об этом в послании божественного Дионисия о епископе Поликарпе: «А если хочешь божественного чуда, то вспомним о некоем святом муже, и не смейся, ибо истинное хочу тебе поведать. Когда я как-то был на Крите, принял меня святой Карп; не было подобного ему по великой чистоте его нрава, он был достойнее всех сподобиться видений, ибо никогда не начинал службы святых таинств, прежде чем ему не явится в очистительных молитвах священное и благое видение. Поведал он, что некогда жестоко оскорбил его кто-то из язычников тем, что совратил к безбожию одного из верующих, так как еще праздновались в то время иларионские дни. Надлежало ради обоих молить о помощи Бога и Спасителя, чтобы одного возвратить к церкви, а другого избавить от гибели. Не ведаю, каким образом зародилось в нем великое озлобление и горесть, и он лег спать рассерженным (вечер уже был); ночью же (ибо привык он в это время сам просыпаться и петь божественные песнопения) встал он, не

получив отдохновения, ибо сны его были неспокойными и отрывочными. Стоя же на беседе с Богом, неблагочестиво скорбел он и тужил, говоря, что плохо, если останутся в живых безбожные люди, развращающие верные пути Господни. Сказав это, молил Бога огнем молнии без милосердия лишить обоих жизни. «После этих слов, – продолжал он, – увидел я нечто преславное: внезапно дом, в котором я пребывал, заколебался и сначала от самого верха разделился надвое, и спереди спустился ярчайший огонь (казалось, что не было более крыши) с неба до самого долу. Небо же само разверзлось, и в небесной высоте увидел я Иисуса, в виде огромного человека, и предстоящих ему ангелов. И это виделось в вышине, и поразился я виденному. Посмотрев вниз, – продолжал Карп, – увидел в земле разверзшуюся темную гигантскую пропасть, и те люди, которых я проклинал, стояли на ее краю, трепещущие и жалкие, едва держась на ногах. Со дна же пропасти ползли к ним во множестве змеи и обвивались вокруг их ног. То опутывали, то давили, то тащили к себе, то кусали, то били хвостами, то заманивали, пытаясь ввергнуть в пропасть. Были среди змей и мужи некие, которые надвигались на этих людей, трясли их, и толкали, и били; казалось, те уже были готовы упасть, мало-помалу склонясь или против воли, или добровольно, или по жестокому принуждению». И Карп сказал, что, глядя вниз, он радовался; а тем, что происходило в вышине, пренебрегал; он досадовал и негодовал, что те все еще не низринуты, и многократно тщетно требовал этого, скорбел и проклинал. Но когда он снова поднял взгляд на небо, то увидел, как и прежде, Иисуса, умилосердившегося, восставшего с небесного престола и даже подошедшего к тем и протянувшего им руку благую, и ангелов, которые помогали Ему поднять этих людей. И сказал Иисус Карпу: «Протяни руку и бей Меня, ибо готов я вновь пострадать ради спасения людей; и это приятно мне, лишь бы иные люди не согрешали. Но посмотри, однако, хорошо ли тебе предпочитать пребывание в пропасти со змеями общению с Богом и благими человеколюбивыми ангелами?» Вот что я слышал, и верю, что это истина». И если такого праведного и святого мужа, благочестиво молившегося о гибели грешников, не послушал ангельский владыка, то тебя, смердящего пса, злобесного изменника, неправедного, молящегося о злом, тем более не послушает. Как говорил божественный апостол Иаков: «Просите и не получаете, ибо не на добро просите». А вот видение великого священномученика Поликарпа, который молился о погибели еретиков, внесших смуту в богослужение. И увидел он словно не во сне, а наяву, стоя на молитве, ангельского владыку, сидящего на плечах херувимов, и разверзшуюся огромную пропасть, где,

наводя страх, дышит громадный змей, а люди эти, словно осужденные, со связанными руками, были влекомы к той пропасти и едва не падали в нее. Святой же Поликарп от великой ярости так распалился гневом, что отвернулся от сладкого лицезрения Иисуса и с увлечением смотрел на гибель этих людей. Тогда ангельский Владыка сошел с херувимских плеч, взял тех людей за руки, подставил свои плечи Поликарпу и сказал: «Если сладко тебе это, Поликарп, бей Меня, ибо и прежде ради таких же Я отдал свои плечи на раны, чтобы всех призвать к покаянию». И если такого праведного и святого мужа, благочестиво молившегося о гибели грешников, не послушал ангельский Владыка, то тебя, смердящего пса, злобесного изменника, неправедного, молящегося о злом, тем более не послушает. Как говорил божественный апостол Иаков: «Просите и не получаете, ибо не на добро просите, а чтобы употребить для вожделений ваших». Однако верую Богу моему: «Злоба твоя да обратится на главу твою».

Ты писал о святом князе Федоре Ростиславиче – с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые знают, как и после смерти творить добро, и видят, что было между вами и нами от начала и доныне, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим злым немилосердным замыслам и желаниям, святой преподобный князь Федор Ростиславич действием Святого Духа поднял бывшую уже у врат смертных нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдокии? И из этого особенно явствует, что он не вам помогает, а нам, недостойным, оказывает свою милость. Вот и теперь мы надеемся, что он будет помогать больше нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а Бог может и из камней сделать детей Аврааму; ведь не все, произошедшие от Авраама, считаются его потомством, но только те, кто живет в вере Авраама».

По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на зыбкое основание не становимся ногами своими, но насколько у нас хватает сил, стремимся к твердым решениям и, опершись ногами на прочное основание, стоим непоколебимо.

Никого мы из своей земли не изгоняли, кроме тех, кто изменил православию. Убитые же и заточенные, как я сказал выше, получили наказание по своей вине. А если вы называете себя невиновными, то совершаете еще худший грех, ибо, сотворив зло, хотите остаться с непрощенным грехом. Грех ведь не тогда опасен, когда его совершают, а когда, совершив, не осознают его и не раскаиваются; но всего хуже, когда выдают нарушение закона за праведный поступок. Радоваться же о победе над вами

мне незачем; не радостно узнавать об измене своих подданных и казнить их за эту измену. Скорее надлежит скорбеть, что у них мог возникнуть такой злобесный замысел – сопротивляться во всем своему владыке, данному Богом. Возможно ли, чтобы убиенные за свою измену предстали перед господним престолом, – такое и людям неведомо.

Вы же, изменники, вопиете без правды и не получаете просимого, ибо, как сказано выше, просите мирских радостей.

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь, и нечем мне гордиться, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил. Скорее это вы надуваетесь от гордости, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан и учите, запрещая и повелевая. Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, не желая этого, но по необходимости, из-за злодейских преступлений их и наказание следует, ибо сказано в Евангелии: «Когда состаришься, то прострешь руки свои, и другой тебя препояшет и поведет, куда и не хочешь». Видишь ли, что часто и против воли приходится наказывать преступников. Надругались мы над монашеством и притеснили его, потакая ласкателям? Не знаю каким, не остаткам ли вашего злодейского совета? Среди бояр наших несогласных с нами нет, кроме одних ваших друзей и союзников, которые и теперь, подобно бесам, не оставляют своих коварных замыслов; как говорит пророк: «Горе тем, кто еще до рассвета вынашивает злой замысел и гонит свет, чтобы, сговорившись, подстеречь праведного», или же – как сказал Иисус пришедшим схватить его: «Словно на разбойника вышли вы с оружием и дубинами схватить меня. Во все дни был перед вами, учил в церкви, и не подняли руки на Меня, а этот ваш час – власть тьмы». Губителей нашей души и тела среди нас нет. Ты опять помышляешь помыкать мною, как младенцем, – ведь вы называете гонением то, что я не хочу, подобно ребенку, поступать по вашей воле. Вы же всегда хотите стать моими властителями и учителями; словно я младенец. Мы же уповаем на Божью милость, ибо достигли возраста Христова и, помимо Божьей милости, милости Богородицы и всех святых, не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей, ибо не годится, властвуя над многими людьми, спрашивать у них совета.

Насчет Кроновых жрецов ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно ехидне: родители не станут причинять своим детям таких страданий – как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал

по своему злобесному собачьему умыслу.

А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как обычно поступают даже невежды; поэтому над тобой не должно будет совершать и последнего отпевания.

Город Владимир, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь владением нашего недруга, короля Сигизмунда, чем окончательно обнаруживаешь свою собачью измену. А если ты надеешься получить от него многие пожалования, то это так и должно, ибо вы не захотели жить под властью Бога и данных Богом государей, а захотели самовольства. Поэтому ты и нашел себе такого государя, который – как и следует по твоему злобесному собачьему желанию – ничем сам не управляет, но хуже последнего раба – от всех получает приказания, а сам же никем не повелевает. Но ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится. Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд, который созываете вы – враги христианства.

Об антихристе мы знаем: это вы, замышляющие зло против божьей церкви, поступаете подобно ему. О «сильных во Израиле» и о пролитии крови я уже писал выше, а что мы якобы потакаем кому-либо – неправда, это вы не переносите возражений, а любите, чтобы вам потакали. Никакого советника, рожденного от блуда, не знаю – наверное, это кто-нибудь из вас, а моавитянин и аммонитянин – ты сам. Так же, как они, происходя от Лота, племянника Авраамова, всегда воевали с Израилем, так и ты, происходя из знатного рода, постоянно стремишься нас погубить.

Так что же ты писал? Кто поставил тебя судьей или наставником? Ты же не имеешь на это прав, ибо повелеваешь с угрозами, как это следует по бесовскому злохитрию! Он же то заманивает и ласкает, то заносится и страшит, так и ты: то, впав в безмерную гордость, воображаешь себя правителем и пишешь обвинения против нас, то прикидываешься беднейшим и скудоумнейшим рабом. Как и другие, бежавшие от нас, и как псы, лающие без смысла, так же и ты писал по своему злобесному собачьему желанию и умыслу, в исступлении ума, в неистовстве, подобно бесноватому.

Здесь следует вспомнить пророческое слово: «Вот владыка, Господь Саваоф, отнимет от Иудеи и Иерусалима всякую опору – крепость хлеба и крепость воды, храброго вождя и воина, и судью, и пророка, и прозорливца, и старца, и пятидесятника, и дивного советника, и искусного мастера, и разумного послушника. И

поставлю им юнца в начальники, и грубые гордецы будут господствовать над ними. И будут угнетены люди – человек человеком, и человек – ближним своим, юноша будет кичиться перед старцем, и простолюдин перед знатным. Тогда ухватится человек за брата своего или родича отца своего и скажет: у тебя есть одежда, будь вождем нашим, пусть будет имущество мое под твоей властью. А он в тот же день ответит: не буду старшим, ибо нет в моем доме ни хлеба, ни одежды, не буду старшим над этими людьми. Так оставят Иерусалим, Иудея разорится, потому что народы их беззаконно не покорились Господу. Ибо померкла слава их, и облик лиц их свидетельствует против них, и о грехе своем они возвещают открыто, как содомляне. Горе душам их, ибо замыслили в душе своей коварство, сказав: свяжем праведника, так как он не нужен нам. Те и вкусят плоды дел своих. Горе беззаконнику, зло случилось с ним по делам рук его. Люди мои, управители ваши, губят вас, мучая, и владеют вами. Люди мои, ублажающие вас, вводят вас в искушение и запутали пути ног ваших. Восстал Господь на суд, и представит на суд своих людей; сам Господь вступает в суд со старейшинами народа своего и князьями своими».

И как писал Ареопагит иноку Димофилу: «Димофил же, и всякий иной, который ненавидит добрых, подвергается справедливому осуждению и должен быть научен добру, дабы он исправился. Ибо как можно, – говорит Писание, – доброму не радоваться о спасении погибших и оживлении умерших? Ибо Господь на плечи подымает тех, кто только отвратился от заблуждения, и благих ангелов побуждает к веселию, и благотворит неблагодарным, солнце сияет на добрых и злых, и самую душу полагает за отбегающих от него. Ты же, как видно из твоих писем, уже обратившегося к священнику нечестивца и грешника, как ты его называешь, не знаю, по какому праву, прогнал; потом, когда он молил тебя и сообщил, что пришел для уврачевания своих зол, ты не смутился, но дерзнул жестоко оскорбить благого священника, который помиловал кающегося и оправдал грешника, и, наконец, сказал священнику «вон» и с подобными тебе вторгся в святилище и осквернил святая святых, и пишешь еще и нам, что своим старанием сохранил святыню от осквернения и все еще хранишь в целости. Ныне же послушай наши слова: ни твоим служителям, ни равным тебе по чину рабам не следует осуждать священника, хотя бы казалось, что он недостойно приступает к божественным тайнам, или даже если станет очевидно, что он делает что-либо запрещенное. Ибо если вообще нарушение устройства и порядка есть преступление божественных законов и установлений, то не следует нарушать

порядок, установленный божьим словом. Ибо Бог сам в себе не разделяется: иначе как устоит царство его? И если Бог есть, как говорит Писание, судия, а священники – вестники и пророки и, после священноначальников, истолкователи божественных судеб, то от них ты, посредством служителей, в подобающее время должен принимать наставления, так как через них ты сподобился стать праведником. Не это ли провозглашают священные образцы? Ибо не ко всем, а лишь к лучшим приближено святое святых; особенно близок к нему сан первосвященников, потом же сан священников, потом следуют служители; находящимся же в чине угодников, то есть инокам, назначены места вне врат алтаря, где они посвящаются и стоят не для охраны их, но для уразумения того, что они ближе к обычным людям, нежели к священникам. Поэтому церковное чиноначалие повелевает, чтобы они не сами причащались божественных тайн, но получали их от иных, тех, которые стоят внутри святилища; ибо те, окружая божественный престол, видят жертвенники и слышат открываемые им божественные тайны и, с благоговением выходя из священных завес, достойно показывают их послушным угодникам, посвященным людям и проходящим степени очищения, – таинства, которые сохранялись в благоговении, пока ты насильственно не устремился на них и принудил открыть тебе святая святых; и еще смеешь считать себя блюстителем святыни, когда не видел и не слышал и не имеешь ничего подобающего священникам, ибо не знаешь даже истинного смысла Писания, ежедневно толкуя о нем во искушение слушателям. Если кто-нибудь примет начальство над народом, не имея повеления от царя, тот по справедливости будет казнен. Что было бы, если бы князя, оправдывающего кого-нибудь или осуждающего, какой-либо из стоящих перед ним людей стал осуждать, а уж тем более оскорблять и прогонять? А ты, человек, позволил себе надсмеяться над кротким и благим господом и священноначальническим его уставом. И так должно сказать: даже если не имеющий сана человек делает доброе дело – все равно это не дозволено ни единому. Что преступного сделал Озия, когда воскурил фимиам перед Богом? Что Саул, принося жертву? Что лютые бесы, признавая Иисуса истинным Богом? Но отвергнут богословием всякий, кто не подчинится епископу, и каждый да поступает по своему чину, и один только первосвященник входит в святая святых однажды в год и во всей священноначальнической чистоте, предписанной законом. И священники покрывают святилище, а левиты не прикоснутся к святыне, да не умрут. И разгневался Господь с яростью на дерзость Озии, и Мария наказана проказой за то, что предлагала

законы законодателю, и на сынов Скевы наскочили бесы, и сказано: «Не посылал их, а они сами побежали» и «не говорил им, а они пророчествовали», и нечестивый, «приносящий тельца в жертву, то же, что убивающий пса». И, говоря проще, всесовершенная правда Божия не терпит нарушителей закона; когда же они говорят: «Не от твоего ли имени мы пророчествовали?», отвечает: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие». Поэтому не следует, как говорит Писание, даже праведное творить недостойно. Каждый должен внимать самому себе, не должен высокомудрствовать, а рассуждать только о том, что ему подобает. Но разве не подобает, скажешь ты, осуждать священников, обличенных в нечестии и беззаконии, хвалящихся и бесчестящих Бога преступлением закона? И какие же священники посредники божии? И как могут возвещать людям божественные добродетели те, кто не ведает их силу? И как темные могут просвещать? Как могут преподавать божественный дух те, кто не уверен, что Дух Святой существует? Я тебе отвечаю на это, ибо Димофил – не враг, я не потерплю, чтобы тобой овладел сатана. Ибо каждый из окружающих бога чинов богоподобнее того, кто отстоит далее, и тем более приемлет и может передать света, чем ближе к истинному свету. Близость разумей не по месту, но по способности к богообщению. Если дело священников – просветительное назидание, то, конечно, отпадает от священнического чина тот, кто не может просвещать и, тем более, сам не просвещен. Дерзким мне кажется тот, кто вступает в священнические права, не боясь и не стыдясь исполнять божественную службу, думая, что Бог не видит этого, что он лживо его называет отцом, и смеет свою скверную хулу (не назову ее молитвами) говорить под видом таинств по образу Христа. Это не священник, а злой лжец и хулитель, волк в божественном стаде, одетый в овечью шкуру. Но не Димофилу исправлять это зло. Ибо если богословие повелевает праведное совершать праведно (совершать же праведное значит воздавать каждому по его достоинству), то все должны совершать это праведно, и ангелом должно быть воздаваемо справедливо по достоинству, но не нами, о Димофил, а нам через них от Бога, а им через высших ангелов. И проще говоря, во всех существах воздается от высших к низшим, как подобает, от благочинного и праведнейшего промысла; те, которые поставлены от Бога начальствовать над другими, воздают низшим и подчиненным по их достоинству. Димофил же пусть и в разуме и в ярости и в желаниях соответствует своему достоянию и да не обидит своего чина и пусть начальствует над низшим высший разум.

Если мы увидим на торжище, что раб оскорбляет господина,

юноша – старца или сын – отца, нападает на него и увечит, мы сочтем нечестием, если не придем на помощь старшим, даже если они первые нанесли обиду; как же не стыдимся с пренебрежением смотреть, как ярость и желание обижают разум и отнимают у него данное богом господство, и сами в себе производят нечестие, беспорядок и бесчиние, возмущение и неустройство? Блаженный и дарованный нам богом законодатель справедливо почитает того недостойным управлять церковью, кто не умел хорошо управлять своим домом, ибо тот, кто врачует себя, и иных врачует, а если иных – то и дом и город, а если город – то и народ и, проще говоря, как говорит Писание: «Кто в малом верен, тот и в большом верен, а кто в малом неверен, тот и в большом неверен». Итак, сам управляй, как должно, своими желаниями, яростью и разумом, а тобою – церковнослужители, а ими – священники, а священниками – священноначальники, а священноначальниками – апостолы и преемники апостолов. И если кто согрешит, нарушив свои обязанности, то направлять должны святые того же чина, и чин с чином не смешается. Пусть каждый останется в своем чине и в своем служении. Это тебе от нас, чтобы ты знал и поступал, как тебе следует. А что до твоего бесчеловечия по отношению к мужу, которого ты называешь нечестивым и мерзким, не знаю, как оплакать такое падение моего любимца. Кому, ты думаешь, мы поставили тебя служителем? Если всякое благое и мы тебе не нужны и если наше служение тебе чуждо, то время тебе искать другого Бога и других священников, и вериться им, вместо того, чтобы совершенствоваться, и быть жестоким служителем любезного тебе бесчеловечия. Разве мы сами достигли совершенной святости, не нуждаемся в божественном человеколюбии; разве не совершаем, как говорит Писание, сугубый грех, подобно нечестивым, не зная, в чем грешим, но оправдывая себя и думая, что все видим, а в самом деле не ведая? Ужаснулось небо об этом, и я вострепетал, не веря себе. И если бы я не общался с тобою (о, если бы я не общался!) письмами, то никто не уверил бы меня, даже если бы кто-нибудь пытался это сделать, что Димофил считает благого ко всем Бога нечеловеколюбивым и не только не хочет милости и спасения, но и лишает сана священников, которые за свое благочестие сподобились носить грехи неведения народного и хорошо знают, что и сами подвержены слабости. Но божественно-верховный первосвященник шествовал иным путем, тот, который, как говорит Писание, был отделен от грешников, который повелевает любить и кротко пасти овец своих. Называет лукавым того, кто не простил долга товарищу своему и не уделил ему ничего из дарованной его великой благодати, осуждает его получить то,

чего нужно бояться и мне и Димофилу. Тем, кто его бесчестит, дарует прощение от отца, осуждает и учеников, которые прочили немилостиво осудить изгнавших его самаритян. Итак, ты многогласно твердишь в свирепом послании, там и сям объявляешь, что не за себя, а за Бога мстил; злобою ли, скажи мне, защищать благого? Отступи, мы не имеем архиерея, не могущего простить нашу немощь, он незлобив и милостив, не воспрекословит, не возопиет, он кроток, он есть умилостивление за грехи наши. Поэтому мы не приемлем твое чрезмерное рвение, хотя бы тысячекратно ссылался на Финееса и Илию, ибо неприятно было это слышать Иисусу от учеников, которые были тогда непричастны кроткого и благого духа. Ибо божественный наш наставник с кротостью учит противящихся учению божию; учить, а не мучить надлежит невежд, так же как слепых мы не мучим, но наставляем. Ты же начинающего смотреть на свет, по лицу бия, оттолкнул и пришедшего с великим смирением свирепо отогнал – это достойно великого ужаса! – того, кого Христос Бог ищет блуждающего по горам и отбегающего призывает и, найдя, подымает на плечи. Умоляю тебя, не будем так плохо заботиться о самих себе, ибо те, которые другим причиняют обиды, или те, которые благодетельствуют, вопреки тому, что хотят, вселяют в себя или злобу или благость, и наполняются божественных добродетелей или свирепых страстей, и одни будут последователями и спутниками ангелов и здесь и там, в совершенном мире, в смирении и в свободе от всех зол, унаследуют блаженную участь и вечно будут с Богом, что выше всех благ, другие же лишатся вместе и божественного и своего мира, и здесь и после смерти будут вместе со свирепыми бесами. Поэтому нам надо стремиться быть всегда с благим богом и господом, а не быть отлученными божественным правосудием вместе со злыми и терпеть заслуженное наказание, чего я больше всего боюсь и молюсь быть непричастным ко всякому злу».

Это применимо и к тебе, ибо ты присваиваешь себе учительский сан, как пишет божественный апостол Павел: «Вот ты называешься иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научась от закона, и уверен в том, что ты поводырь слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец разума; уча другого, не учась ли себя самого? Проповедуя не красть, крадешь, говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь, гнушаясь идолов, святотатствуешь. Хвалишься законом, а преступлением закона досаждаешь Богу. Ибо ради вас имя Божие хулится у язычников». Как говорит божественный Григорий: «Признаю, что человек есть

существо переменчивое и смертное естеством, и принимаю это как благое и поклоняюсь давшему, передаю иным и милостию искупаю милость; ибо знаю, что сам обложен немощью и какою мерой буду мерить, такой и мне возмерится. Ты же что говоришь, какой даешь закон? О новый фарисей, чистый именем, а не волей, и внушающий нам Наватово учение при той же немощи! Ты не принимаешь покаяния, не даешь места плачу, не проливаешь слез? Да не подвергнешься и ты такому же суду! Не стыдишься ли Иисуса-человеколюбца, который взял на себя наши немощи и понес недуги, пришел призвать не праведников, но грешников на покаяние, желая скорее милости, чем жертвы, прощая грехи седмижды семьдесят раз. Как блаженна была бы твоя высота, если бы была чистотой, а не гордостью законом, который выше человека, и исправлением, ведущим к отчаянию; ибо одинаково плохо и отпущение грехов без исправления и осуждение без прощения: одно оставляет пустую борозду, другое ее уничтожает. Докажи мне свою чистоту, и я приемлю твою жестокость. Ныне же боясь, что, доказывая неисцелимость, ты сам вносишь гной. Неужели ты не приемлешь кающегося Давида, в котором покаяние сохранило пророческий дар, ни великого Петра, по-человечески пострадавшего и спасенного? Но Иисус его принимает, троекратным вопрошением исцелив троекратное отречение. Ужели не приемлешь и крестившегося кровию (таково твое неразумие), ни коринфского беззаконника? Но Павел ведь утвердил любовь, увидев исправление, указав причину – дабы не был поглощен чрезмерною печалью, отяготившись бесчисленностью запретов. Ты не разрешаешь юным вдовицам выходить замуж, несмотря на возраст, открытый искушениям? Но Павел на это дерзнул, а ты, верно, его учитель, дошедший до четвертого неба, вошедший в иной рай; слышавший еще более неизреченное и объявший проповедью еще больший мир? «Но Павел позволял это некрещеным!» Сказав это, докажи или не осуждай. Если же это сомнительно, пусть решит человеколюбие. И что мне за закон человеконенавистничество Навата, который не наказывал лихоимства – этого нового идолопоклонства, блуд же так жестоко осудил, как будто у бестелесных и бесплотных».

А пророк Давид сказал: «Грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои и принимаешь завет Мой устами своими? Ты ненавидишь наставление Мое и бросаешь слова Мои прочь. Когда видишь вора, убегаешь с ним и с прелюбодеями общаешься». Прелюбодей не плотью; ибо прелюбодей изменой то же, что прелюбодей плотью. Так ведь и ты сообщался с изменниками. «Уста твои умножают злословие, и язык твой сплетает ложь. Сидишь и клевещешь на брата своего, и уста твои

возлагают хулу на сына матери твоей». Брат же и сын матери твоей – всякий христианин, ибо в единой купели и крещены и порождены свыше. «Ты это сделал, и я молчал, и ты бесстыдно решил, что я тебе подобен; я изобличу тебя и представлю перед глазами твоими твои грехи. Уразумейте это, забывающие Бога, дабы я не восхитил – и не будет избавителя».

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072-м году от создания мира, июля в 5-й день [5 июля 1564 г.].

Второе послание Курбского Ивану Грозному

КРАТКИЙ ОТВЕТ АНДРЕЯ КУРБСКОГО НА ПРЕПРОСТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО

Широковещательное и многошумное послание твое получил и понял и уразумел, что оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто, таковое бы не только царю, столь великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину не подобает, а особенно потому, что из многих священных книг нахватано, как видно, со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае людей искусных и ученых, когда случается им кому-либо писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами, паремиями, целыми посланиями! Тут же и о постелях, и о телогрейках, и иное многое – поистине словно вздорных баб россказни, и так все невежественно, что не только ученым и знающим мужам, но и простым и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию.

И еще к тому же меня, человека, уже совсем смирившегося, в странствиях много перенесшего и несправедливо изгнанного, к тому же и многогрешного, но имеющего чуткое сердце и в письме искусного, так осудительно и так шумливо, не дожидаясь суда божьего, порицать и так мне грозить! И вместо того, чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: «Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему», твое величество ко мне, неповинному изгнаннику, с такими словами, вместо утешения, обратилось. Да будет за это Бог тебе судьей. И так жестоко грызть за глаза невинного мужа, с юных лет бывшего верным слугой твоим! Не поверю, что это было бы угодно Богу.

И уже не знаю, чего ты от меня хочешь. Уже не только единоплеменных княжат, восходящих к роду великого Владимира, различными смертями погубил, и богатство их, движимое и недвижимое, чего не разграбили еще дед твой и отец твой, до последних рубах отнял, и могу сказать с дерзостью, евангельскими словами, твоему прегордому царскому величеству ни в чем не воспрепятствовали. А хотел, царь, ответить на каждое твое слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своих слогом древних, уже на старости здесь обучился ему; но удержал руку свою с пером, потому что, как и в прежнем своем послании писал

тебе, возлагаю все на божий суд: и размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными, как и Соломон говорит: «Тогда предстанут праведники перед лицом мучителей своих», тогда, когда Христос придет судить, и станут смело обличать мучивших и оскорблявших их, и, как и сам знаешь, не будет лицеприятия на суде том, но каждому человеку прямодушие его или коварство предъявлены будут, а вместо свидетелей собственная совесть каждого провозгласит и засвидетельствует истину. А кроме того скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чем я тебе не раз говорил и раньше. Лучше, подумал я, возложить надежду свою на всемогущего Бога, в трех лицах прославляемого, ибо ему открыта моя душа и видит он, что чувствую я себя ни в чем перед тобой не виновным. А посему подождем немного, так как верую, что мы с тобой близко, у самого порога ожидаем пришествия надежды нашей христианской – Господа Бога, Спаса нашего, Иисуса Христа. Аминь.

Второе послание Ивана Грозного Курбскому

ТАКАЯ ГРАМОТА ПОСЛАНА ГОСУДАРЕМ ТАКЖЕ ИЗ ВЛАДИМИРЦА К КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ С КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ ПОЛУБЕНСКИМ

Всемогущей и вседержительной десницей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, держащего в своей длани все концы земли, которому поклоняемся и кого славим вместе с Отцом и Святым Духом, милостью своей позволил нам, смиренным и недостойным рабам своим, удержать скипетр Российского царства, от его вседержительной десницы христоносной хоругви так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и отчинный государь и обладатель земли Лифляндской Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель – бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею

Михайловичу Курбскому.

Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манассии, хотя я не отступил от веры, снисходительно Божье величество, в ожидании моего покаяния. И не сомневаюсь в милосердии Создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит Бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия Божьего – может Господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия. А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам спроси у них и узнаешь, я же не хочу перечислять себе эти победы, ибо не мои они, а божьи. Тебе же напомню лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже со всей истиной ответил; теперь же напомню немногое из многого. Вспомни сказанное в книге Иова: «Обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя самого судьею между мной и тобой: вы ли растленны разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моею властью, и я за то разгневался на вас? Или растленны вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел. Сколько напастей я от вас перенес, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Кого и чем я оскорбил? Это ли моя вина, что полтораста четей Прозоровского вам были дороже моего сына Федора? Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже наших жизней? И что такое сами Прозоровские рядом с нами?.. Божиим милосердием, милостью Пречистой Богородицы, и молитвой великих чудотворцев, и милостью святого Сергия у моего батюшки и с батюшкиного благословения у меня была не одна

сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения, это благословенно и хорошо, а моим дочерям – проклято и за упокой. Много такого было. Сколько мне было от вас бед – не исписать.

А с женою моей зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты – так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству: и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство; на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он – сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же дяди и господа уморили отца его в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я и его и его мать освободил и держал их в чести и в благоденствии; а он уже был всего этого лишен. И я такие оскорбления стерпеть не смог – и стал за самого себя. И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще жестче начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле, и как же вы из-за этого надругались над святыней Господней и осквернили ее! Рассердившись на человека, восстали на Бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено! Сами за это Богу ответ дадите. Но опять-таки умолчу об этом; пишу здесь тебе о нынешних делах. Смотри, княже, на Божий суд: как Бог дает власть, кому хочет. Вы ведь с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым хвастались, как дьявол в книге Иова: «Обошел землю и прошел вселенную и вся земля под ногами моими» (и сказал ему Господь: «А знаешь ли ты раба моего Иова?»). Так и вы мнили, что вся Русская земля у вас под ногами, но по божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и поострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», – а нынче вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего Креста! А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой

был. Много всяких людей отпущено: спроси их, узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, – так теперь мы, не пожалев своих седин, и дальше твоих дальноконных городов, слава Богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам – из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, – теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал.

Итак, мы написали тебе лишь немногое из многого. Рассуди сам, как и что ты наделал, за что великое Божье Провидение обратило на нас свою милость, рассуди, что ты натворил. Взгляни внутрь себя и сам перед собой раскройся! Видит бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писано в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году [1577 г.], на 43-м году нашего правления, на 31-м году нашего Российского царства, 25-м – Казанского, 24-м – Астраханского.

Третье послание Курбского Ивану Грозному

ОТВЕТ ЦАРЮ ВЕЛИКОМУ МОСКОВСКОМУ НА ЕГО ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ УБОГОГО АНДРЕЯ КУРБСКОГО, КНЯЗЯ КОВЕЛЬСКОГО

В скитаниях пребывая и в бедности, тобой изгнанный, титул твой великий и пространный не привожу, так как не подобает ничтожным делать этого тебе, великому царю, а лишь в обращении царей к царям приличествует употреблять такие именования с пространнейшими продолжениями. А то, что исповедуешься мне столь подробно, словно перед каким-либо священником, так этого я не достоин, будучи простым человеком и чина воинского, даже краем уха услышать, а всего более потому, что и сам обременен многими и бесчисленными грехами. А вообще-то поистине хорошо было бы радоваться и веселиться не только мне,

некогда рабу твоему верному, но и всем царям и народам христианским, если бы было твое истинное покаяние, как в Ветхом Завете Манассиино, ибо говорится, как он, покаявшись в

кровопийстве своем и в нечестии, в законе Господнем прожил до самой смерти кротко и праведно и никого и ни в чем не обидел, а в Новом Завете – о достойном хвалы Закхеином покаянии и о том, как в четырехкратном размере возвращено было все обиженным им.

И если бы последовал ты в своем покаянии тем священным примерам, которые ты приводишь из Священного Писания, из Ветхого Завета и из Нового! А что далее следует в послании твоем, не только с этим не согласно, но изумления и удивления достойно, ибо представляет тебя изнутри как человека, на обе ноги хромающего и ходящего неблагочинно, особенно же в землях твоих противников, где немало мужей найдется, которые не только в мирской философии искусны, но и в Священном Писании сильны: то ты чрезмерно уничижаешься, то беспредельно и сверх меры превозносишься! Господь вещает к своим апостолам: «Если и все заповеди исполните, все равно говорите: мы рабы недостойные», а дьявол подстрекает нас, грешных, на словах только каяться, а в сердце себя превозносить и равнять со святыми преславными мужами. Господь повелевает никого не осуждать до Страшного суда и сначала вынуть бревно из своего ока, а потом уже вытаскивать сучок из ока брата своего, а дьявол подстрекает только пробормотать какие-то слова, будто бы каешься, а на деле же не только возноситься и гордиться бесчисленными беззакониями и кровопролитиями, но и почитаемых святых мужей учит проклинать и даже дьяволами называть, как и Христа в древности евреи называли обманщиком и бесноватым, который с помощью Вельзевула, князя бесовского, изгоняет бесов, а все это видно из послания твоего величества, где ты правоверных и святых мужей дьяволами называешь и тех, кого Дух Божий наставляет, не стыдишься порицать за дух бесовский, словно отступился ты от великого апостола: «Никто же, – говорит он, – не называет Иисуса господином, только Духом Святым». А кто на христианина правоверного клевещет, не на него клевещет, а на самого Духа Святого, в нем пребывающего, и неотмолимый грех сам на свою голову навлечет, ибо говорит Господь: «Если кто поносит Дух Святой, то не простится ему ни на этом свете, ни на том».

А к тому же что может быть гнуснее и что пресквернее, чем исповедника своего поправлять и мукам его подвергать, того, кто душу царскую к покаянию привел, грехи твои на своей шее носил и, подняв тебя из явной скверны, чистым поставил перед наичистейшим Царем Христом, Богом нашим, омыв покаянием! Так ли ты воздаешь ему после смерти его? О чудо! Как клевета, презлыми и коварнейшими маньяками твоими измышленная на

святых и преславных мужей, и после смерти их еще жива! Не ужасаешься ли, царь, вспоминая притчу о Хаме, посмеявшемся над наготой отцовской? Какова была кара за это потомству его! А если таковое свершилось из-за отца по плоти, то насколько заботливей следует снисходить к проступку духовного отца, если даже что и случилось с ним по человеческой его природе, как об этом и нашептывали тебе льстецы твои про того священника, если даже он тебя и устрашал не истинными, но придуманными знамениями. О, по правде и я скажу: хитрец он был, коварен и хитроумен, ибо обманом овладел тобой, извлек из сетей дьявольских и словно бы из пасти льва и привел тебя к Христу, богу нашему. Так же, действительно, и врачи мудрые поступают: дикое мясо и неизлечимую гангрену бритвой вырезают в живом теле и потом излечивают мало-помалу и исцеляют больных. Так же и он поступал, священник блаженный Сильвестр, видя недуги твои душевные, за многие годы застаревшие и трудно излечимые. Как некие мудрецы говорят: «Застаревшие дурные привычки в душах человеческих через многие годы становятся самим естеством людей, и трудно от них избавиться», – вот так же и тот, преподобный, ради трудноизлечимого недуга твоего, прибегал к пластырям: то язвительными словами осыпал тебя и порицал, и суровыми наставлениями словно бритвой вырезал твои дурные обычаи, ибо помнил он пророческое слово: «Да лучше перетерпишь раны от друга, чем ласковый поцелуй врага». Ты же не вспомнил о том или забыл, будучи совращен злыми и лукавыми, отогнал и его от себя и Христа нашего вместе с ним. А порой он словно уздой крепкой и поводьями удерживал невоздержанность твою и непомерную похоть и ярость. Но на его примере сбылись слова Соломоновы: «Укажи праведнику, и с благодарностью примет», и еще: «Обличай праведного, и полюбит тебя». Другие же, следующие далее стихи не привожу: надеюсь на царскую совесть твою и знаю, что искусен ты в Священном Писании. А потому и не слишком бичую своими резкими словами твое царское величие я, ничтожный, а делаю, что могу, и воздержусь от брани, ибо совсем не подобает нам, воинам, словно слугам, браниться.

А мог бы ты и о том вспомнить, как во времена благочестивой жизни твоей все дела у тебя шли хорошо по молитвам святых и по наставлениям Избранной рады, достойнейших советников твоих, и как потом, когда прельстили тебя жестокие и лукавые льстецы, губители и твои и отечества своего, как и что случилось: и какие язвы были богом посланы – говорю я о голоде и стрелах, летящих по ветру, а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание закона божьего, и внезапное сожжение славного града

Москвы и опустошение всей земли Русской и что всего горше и позорнее – царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; как некие здесь нам говорят – будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва и ты от голода не погиб! А прежде тот измаильский пес, когда ты богоугодно царствовал, от нас, ничтожнейших твоих, в поле диком бегая, места не находил и вместо нынешних великих и тяжелых даней твоих, которыми ты наводишь его на христианскую кровь, выплачивая дань ему, саблями нашими – воинов твоих, была дань басурманским головам заплачена.

А то, что ты пишешь, именуя нас изменниками, ибо мы были принуждены тобой поневоле крест целовать, так как там есть у вас обычай, если кто не присягнет – то умрет страшной смертью, на это все тебе ответ мой: все мудрые с тем согласны, что если кто-либо по принуждению присягает или клянется, то не тому зачтется грех, кто крест целует, но всего более тому, кто принуждает. Разве и гонений не было? Если же кто не спасается от жестокого преследования, тот сам себе убийца, идущий против слова Господня: «Если преследуют вас в городе, идите в другой». А пример этому показал господь Христос, Бог наш, нам, верным своим, ибо спасался не только от смерти, но и от преследования богоборцев евреев.

А то, что ты сказал, будто бы я, разгневавшись на человека, поднял руку на Бога, а именно церкви Божьи разорил и пожег, на это отвечаю: или на нас понапрасну не клевещи, или выскобли, царь, эти слова, ибо и Давид принужден был из-за преследований Саула идти войной на землю Израилеву вместе с царем язычников. Я же исполнял волю не языческих, а христианских царей, по их воле и ходил. Но каюсь в грехе своем, что принужден был по твоему повелению сжечь большой город Витебск и в нем двадцать четыре церкви христианские. Так же и по воле короля Сигизмунда Августа должен был разорить Луцкую волость. И там мы строго следили вместе с Корецким князем, чтобы неверные церквей божьих не жгли и не разоряли. И воистину не смог из-за множества воинов уследить, ибо пятнадцать тысяч было тогда с нами воинов, среди которых было немало и варваров: измаильтян и других еретиков, обновителей древних ересей, врагов Креста Христова; и без нашего ведома и в наше отсутствие нечестивые сожгли одну церковь с монастырем. И подтверждают это монахи, которые вызволены были нами из плена!

А потом, около года спустя, главный враг твой – царь перекопский, присылал к королю, упрашивая его, а также и меня, чтобы пошли с ним на ту часть земли Русской, что под властью твоей. Я же, несмотря на повеление королевское, отказался; не

захотел и подумать о таком безумии, чтобы пойти под басурманскими хоругвями на землю христианскую вместе с чужим царем безбожным. Потом и сам король тому удивился и похвалил меня, что я не уподобился безумным, до меня решавшимся на подобное.

А то, что ты пишешь, будто бы царицу твою околдовали и тебя с ней разлучили те прежденазванные мужи и я с ними, то я тебе за тех святых не отвечаю, ибо дела их вопиют, словно трубы, возглашая о святости их и о добродетели. О себе же вкратце скажу тебе: хотя и весьма многогрешен и недостоин, но, однако, рожден от благородных родителей, из рода я великого князя Смоленского Федора Ростиславича, как и ты, великий царь, прекрасно знаешь из летописей русских, что князья того рода не привыкли тело собственное терзать и кровь братии своей пить, как у некоторых издавна вошло в обычай: ибо первый дерзнул так сделать Юрий Московский, будучи в Орде, выступив против святого великого князя Михаила Тверского, а потом и прочие, чьи дела еще свежи в памяти и были на наших глазах. Что с Углицким сделано и что с Ярославичами и другими той же крови? И как весь их род уничтожен и истреблен? Это и слышать тяжело и ужасно! От сосцов материнских оторван, в мрачных темницах затворен и долгие годы находился в заточении и тот внук вечно блаженный и боговенчанный!

А та твоя царица мне, несчастному, близкая родственница, и убедишься в родстве нашем из написанного на той же странице.

А о Владимире, брате своем, вспоминаешь, как будто бы его хотели возвести на престол, воистину об этом и не думал, ибо и не достоин был этого. А тогда я предугадал, что подумаешь ты обо мне, еще когда сестру мою силой от меня взял и отдал за того брата своего, или же, могу откровенно сказать со всей дерзостью, – в тот ваш издавна кровопийственный род.

А еще хвалишься повсеместно и гордишься, что будто бы силою животворящего Креста лифляндцев окаянных поработил. Не знаю и не думаю, чтобы в это можно было поверить: скорее – под сенью разбойничьих крестов. Еще когда король наш с престола своего не двинулся, и вся шляхта еще в домах своих пребывала, и все воинство королевское находилось подле короля, а уже кресты те во многих городах были повергнуты некиим Жабкой, а в Кеси – стольном городе – латышами. И поэтому ясно, что не Христовы это кресты, а крест распятого разбойника, который несли перед ним. Гетманы польские и литовские еще и не начинали готовиться к походу на тебя, а твои окаянные воеводишки, а правильнее сказать – калики, из-под сени этих крестов твоих выволакивались связанные, а здесь, на великом

сейме, на котором бывает множество народа, подверглись всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли, и на поношение народу – сынам русским.

А то, что ты пишешь о Курлятеве, о Прозоровских и о Сяцких, и не пойму, о каких узорочьях, о каком проклятии, и тут же припоминая деяния Крона и Афродиты, и стрелецких жен, – то все это достойно осмеяния и подобно россказням пьяных баб, и на все это отвечать не требуется, как говорит премудрый Соломон: «Глупцу отвечать не подобает», – поскольку уже всех тех вышеназванных не только Прозоровских и Курлятевых, но и других многочисленных благородных мужей поглотила лютость мучителей их, а вместо них остались калики, которых силишься ставить воеводами, и упрямо выступаешь против разума и Бога, а поэтому они вскоре вместе с городами исчезают, не только трепеща при виде единственного воина, но и пугаясь листка, носимого ветром, пропадают вместе с городами, как во Второзаконии пишет святой пророк Моисей: «Один из-за беззаконий ваших обратит в бегство тысячу, а два – десятки тысяч».

А в том же послании напоминаешь, что на мое письмо уже отвечено, но и я давно уже на широковещательный лист твой написал ответ, но не смог послать из-за постыдного обычая тех земель, ибо затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал, следуя пророку, в чужие земли, как говорит Иисус Сирахов, ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то казнишь страшной смертью. Так же и здесь, уподобившись тебе, жестоко поступают. И поэтому так долго не посылал тебе письма. А теперь как этот ответ на теперешнее твое послание, так и тот – на многословное послание твое предыдущее посылаю к высокому твоему величеству. И если окажешься мудрым, да прочти их в тишине душевной и без гнева! И к тому же прошу тебя: не пытайся более писать чужим слугам, ибо и здесь умеют ответить, как сказал некий мудрец: «Захотел сказать, да не хочешь услышать», то есть ответ на твои слова.

А то, что пишешь ты, будто бы тебе не покорялся и хотел завладеть твоим государством, и называешь меня изменником и изгнанником, то все эти наветы оставляю без внимания из-за явного на меня твоего наговора или клеветы. Также и другие ответы оставляю, потому что можно было писать в ответ на твое послание, либо сократив то, что уже тебе написано, чтобы не явилось письмо мое варварским из-за многих лишних слов, либо отдавшись на суд неподкупного судьи Христа, Господа Бога

нашего, о чем я уже не раз напоминал тебе в прежних моих посланиях; поэтому же не хочу я, несчастный, перебраниваться с твоим царским величеством.

А еще посылаю тебе две главы, выписанные из книги премудрого Цицерона, известнейшего римского советника, жившего еще в те времена, когда римляне владели всей вселенной. А писал он, отвечая недругам своим, которые укоряли его как изгнанника и изменника, подобно тому, как твое величество, не в силах сдержать ярости своего преследования, стреляет в нас, убогих, издалека огненными стрелами угроз своих и понапрасну и попусту.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

Кому присуще благочестие, тому ничего не мешает вести блаженную жизнь. Из премудрой книги Цицероновой, называемой Парадоксы, ответ Антонию.

«А я никогда не мог подумать о том, что Марк Регул будет в немилости, в несчастии и печали, ибо знал, что не была карфагенянами сломлена мудрость его, его сан, его благочестие и твердость, и всякие доблести и сам ум его, который силен помощью великих добродетелей и огражден множеством достоинств, и когда тело его истерзано было, сам он поистине не мог быть уничтожен. Я и Мария видел, который казался мне в дни благоденствия одним из счастливцев, а в дни испытаний видел я в нем одного из достойнейших мужей: поистине ничего не может быть почетней для смертного. Не знаешь, неистовый, не знаешь, какой силой добродетель обладает. Ты только личину добродетели на себя натягиваешь, а что она собой представляет, и не знаешь! Не может быть благословенным среди людей тот, кто сам о себе думает, что он совершенен, и все достоинства в одном себе видит. А кому, как он надеется, суждены разум и счастье, тому не может ничего быть известно, ничего для него не твердо, в чем бы был он уверен, ни в одном дне поистине. Тому человеку ты грози смертью, либо страши его изгнанием, ибо каким ты его ищешь, таким и найдешь. А мне пусть достанется в этом неблагодарном отечестве то, что суждено, и пусть то же достанется страдающему, а не только угрожающему. А во имя чего трудился, или делал что-либо, или на что были направлены труды и мысли мои, поистине ничего этого не достиг и не сподобился взойти на такой престол, который не поколебали бы ни превратности счастья, ни клевета недругов. Смерть ли мне угрожает? Ее и вправду получу от людей. Или изгнание? Да это значит лишь, что я от злодеев избавлюсь! Смерть тем страшна, для которых все потеряно вместе с жизнью, а не тем, слава которых бессмертна. А изгнание страшно тем, для кого узки

границы, в которых он может жить, а не тем, для кого дом – все просторы вселенной. Тебе, окаянному, угрожает исчезновение всего того, что почитаешь за блаженство и расцвет. Твои страсти тебя терзают! Ты страдаешь днем и ночью! Такому, как ты, мало того, что есть, а что имеет он – боится утратить. Тебя мучает совесть из-за злых дел твоих! Тебя страшат видения суда и закона: куда ни взглянешь, словно звери, окружают тебя твои злодеяния, так что не дают тебе и покоя. И поэтому злому, глупому и гнусному – никому из них не может быть блага. А достойный муж, мудрый и храбрый, не может быть несчастен. И не бывает, чтобы не удостоилась похвал жизнь того, чьи добродетели и обычай похвальны. Поистине не следует бояться того, чтобы жизнь твоя заслуживала похвалы. А следует остерегаться прослыть порочным. То же, что достойно похвалы, благословенно, расцветает и всем желанно».

Против Клавдия, который незаслуженно изгнал Цицерона из города. Глава 7.

«Все глупцы неистовствуют, а я тебя истинными словами представлю не глупым, как часто бывает, и не злым, как постоянно, но невоздержанным безумцем. Разум мудрого словно стеною огражден величием мысли, терпимостью ко всему человеческому, презрением к счастью и всякими добродетелями. Может ли быть побежден и низложен тот, кого нельзя изгнать из града? Ибо что такое город? Всякий ли сонм злых и человеконенавистников? Всякая ли толпа воров и бродяг, собравшаяся в одно место? Вероятно, спорить будешь. Ибо не существует город в то время, когда законы в нем бессильны, когда суды бесправны, когда обычаи отцов забыты, когда – после того как вельможи изгнаны мечом – в республике не существует имени сената. Это сборище разбойников; благодаря тебе, своему вождю, разбойники бесчинствуют на площадях, и остатки участников мятежа Катилины дошли теперь до зверообразия твоей жестокости. Город ли это? Поэтому и не из города был я изгнан. Тогда я был приглашен в город, когда был в той республике бурмистр [консул], ибо в то время не только был сенат, который в нынешнее время разогнан, а было и волеизъявление свободных людей, были законы управления, которые суть опоры города и его записанная память. Но взгляни, как презираю я стрелы твоей жестокости. О насланных и направленных тобой на меня злых напастях я всегда знал, а меня тронуть никогда ты не мыслил, разве только, когда рушил стены или когда злой огонь разложил под кровлей, рассчитывая, что мы погибнем или сгорим. Ничье это, а не мое и не чье-либо, что может быть утрачено, отнято или погублено. Если бы ты уничтожил постоянство и твердость моего

ума, мои труды, мою бодрость, мои советы, благодаря которым государство стояло неколебимо, если бы ты уничтожил бессмертную память о тех вечных добрых делах и еще лучше и сам тот ум, которому обязан всеми этими советами, из меня бы вынул, тогда бы я поведал о своей обиде. Но ты этого не сделал и не мог сделать, славное мое возвращение подготовили твои оскорбления, а не бедственное изгнание. Поэтому я всегда оставался гражданином, и всего более тогда, когда за мои мудрые советы чтил окрестный народ меня как лучшего из граждан. Ты же ныне поистине не гражданин, ибо никто не может быть и врагом и гражданином. Или ты гражданина от врага отличаешь по их природе и месту, а не по смыслу их дел? Убийство на форуме совершил, вооруженными злодеями заняты храмы, дома и церкви святые поджег. Так почему же врагом считается Спартак, если ты – гражданином? Можешь ли быть гражданином, если из-за тебя перестал существовать город? А меня ты называешь изменником, тогда как вместе со мной изгнана и республика? Не перестанешь ли безумствовать, не взглянешь ли на самого себя? Никогда не посмотришь на то, что ты сделал, а не на слова свои? Не ведаешь ли, что изгнание более злодейство, чем казнь? Свой же путь я выбрал ради величайших дел, которыми я прежде управлял, всех злодеев и безбожников, которые смотрят на тебя как на вождя, законы требуют предать изгнанию, ибо они уже вне общества, хотя и не переменили своей земли. Или пока все законы не объявят тебя изгнанником, не будешь считаться ты изменником? Разве не именуют того врагом, кто идет с оружием? Перед сенатом нашли твой меч. Разве человека не убил? Погубил. Разве не совершил поджог? Дом Девиц сгорел от твоих рук. Разве не захватил храмы богов? На форуме расставил свои полки. Что же я говорю об общеизвестных законах, которым всем ты изменил. Корни-тициус, друг твой, издал постановление о тебе: если войдешь в храм Благой богини, то станешь изменником. Но ты, совершив все это, привык себя превозносить! Как же ты, столькими законами отторгнутый от общества, не гнушаешься изменника? «В Риме я», – говоришь? А по правде говоря, ты в чужом пристанище, потому что не там, где кто будет, станет он устанавливать законы, а подобает ему повиноваться местным законам».

Посмотри же, царь, со вниманием: если языческие философы по естественным законам дошли до таких истин и до такого разума и великой мудрости между собой, как говорил апостол: «Помыслам осуждающим и оправдывающим», и того ради допустил Бог, что владеют они всей вселенной, то почему же мы называемся христианами, а не можем уподобиться не только

книжникам и фарисеям, но и людям, живущим по естественным законам! О горе нам! Что ответим Христу нашему на суде и чем оправдаемся? Год спустя или два после первого послания моего к тебе увидел я, как воздал тебе Бог по делам твоим и по совершенному руками твоими, постыдное и сверх всякой меры позорное поражение твое и войска твоего, погубил ты славу блаженной памяти великих князей русских, предков твоих и наших, благочестиво и славно царствовавших в великой Руси. И мало того, что не устыдили и не посрамили тебя божественные кары и обличения, о которых я напомнил тебе в прежних письмах, казни различные за твое беззаконие, подобных каким на Руси никогда не бывало, и сожжение безбожными измаильтянами преславной столицы отечества твоего Москвы, и остался по своему прескверному произволу в своей фараонской непокорности и в своем ожесточении против Бога и совести, всячески поправ чистую совесть, вложенную Богом во всякого человека, которая, словно недреманное око и неусыпный страж, бережет и хранит душу и ум бессмертный в каждом человеке. И что еще более безумное творишь и на что дерзаешь? Не постыдился написать нам, словно бы тебе, воевавшему с врагами своими, помогала сила животворящего Креста! Так ты полагаешь и думаешь? О, безумие человеческое, а особо – души, развращенные нахлебниками твоими или любимцами-маньяками! Очень и я тому удивился, и все прочие мудрые люди, особенно же те, которые прежде знали тебя, когда ты еще жил по заповедям господним и был окружен избранными и достойными мужами, и не только был храбрым и мужественным подвижником, страшным врагам своим, но и наполнен был духом Священного Писания и осиян чистотой и святостью. А ныне в какую бездну глупости и безумия развращения низвергнут ты из-за своих мерзких маньяков и лишился здравого смысла!

Как не вспомнишь ты, заглянув во священные книги, писанные для наставления нашего, что скверным и коварным Бог всемогущий и святость его не помогают? Как сказано в Ветхом Завете: перед лицом Бога Иаковлева Иордан в половодье пересох, перед киотом завета Господня и других подобных предметов, изготовленных во славу божью, которые именуются «святая святых», Иерихонские стены рухнули; необоримые и непобедимые цари с многочисленными народами и великаны перед лицом их исчезли; из-за одного только греха Ахарова, когда прогневался господь на всех израильтян, пятьдесят мужей язычников выступило на горе против стражей израилевых, и хотя было тогда войска израилева шестьсот тысяч могучих мужей в возрасте от двадцати лет и до шестидесяти, – все разбежались, и весь

Израиль, словно вода, растекся. Это было при Моисее и при Иисусе. А что скажу о случившемся при других пророках, при Самуиле и Давиде, и как повергнут был весь Израиль врагами из-за пороков и хитрости сыновей Ильи пресвитера, и как была предана язычникам святыня Господня? Все это по порядку не стану описывать в этом послании из-за чрезмерной длинноты, к тому же знаю, что ты сведущ в Священном Писании.

Обо всем этом в Ветхом Завете кратко напоминается, что святыни Господни помогают добрым и угождающим Богу и противоборствуют порочным и злым кровопийцам, а в Новом Завете вместо всего этого крестная сила дана нам, христианам, в помощь, как Константину Великому, еще бывшему язычником и не просвещенному, явилось знамение животворящего креста, начертанное на небосводе звездами, направляющее его и наставляющее в благочестии и указующее на светлую победу над гордецом Максенцием. А тот же Великий Константин, уже давно просвещенный правой верой и утвердившийся в ней, когда прислушался к совету нахлебников и скверных льстецов, то велел без вины заключить в оковы трех послов, которые были посланы им в Верхнюю Фригию для усмирения ее, но оклеветаны были епархом, которого прельстили золотом. Когда в ту же ночь приказал казнить их, находившихся в темнице в оковах, тогда, говорю тебе, скорый помощник в беде, еще живший тогда святой Николай, призываемый ими, чтобы молил Бога о помощи им, в тот же час явился в спальне царской, пройдя сквозь запертые двери, как Христос наш к ученикам и апостолам своим, и сказал императору с укором: «О, цесарь! Прикажи тотчас освободить Непотиана, Урса и Ерпилиона, без вины тобой осужденных и окованных. Если же этого не сделаешь, то неустанно буду бороться с тобой, да к тому же еще будет суждено позорное поражение и позорная гибель тебе и дому твоему!» Как об этом, подробнее пишет святой Симеон Метафраст в истории своей, описывая его житие, которое, думаю, на Руси у вас еще не переведено, – то истинное житие этого светоча всей вселенной.

А лютость твоей власти погубила не одного Непотиана и двух других невинных, а многочисленных воевод и полководцев, благородных и знатных, и прославленных делами и мудростью, а в деле военном искушенных с самой юности своей и в руководстве войсками, и всех названных мужей – все, что есть лучшее и надежное в битвах для победы над врагами, – ты предал различным казням и целыми семьями погубил без суда и без повода, приклонив слух свой к одной лишь стороне, а именно к злым своим льстецам, губителям отечества. И погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитиях, посылаешь на чужие

земли великую армию христианскую и под стены чужих крепостей без опытных и знающих полководцев, к тому же лишенных мудрого и храброго предводителя или гетмана великого, что бывает для войска особенно губительно и подобно мору, иначе же и короче говоря – без людей идешь, с овцами и с зайцами, не имеющими хорошего предводителя и пугающимися даже шороха летящего листка, как и в прежнем своем послании писал я тебе о каликах твоих, которых ты бесстыдно пытаешься превратить в воеводишек взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены или изгнаны тобой.

А недавно ко всему этому принес ты еще один позор предкам своим, невиданный по сраму и в тысячу раз более огорчительный: город великий Полоцк сдал ты со всей церковью, иными словами – с епископом и клириками, и с воинами и со всем народом, в своем же присутствии, а город тот ты прежде добыл грудью своей (чтобы потешить твое самолюбие, уже не говорю, что нашей верной службой и многим трудом!), ибо тогда ты еще не всех до конца погубил и поразогнал, когда добыл себе Полоцк. Ныне же, собравшись со всем своим воинством, за лесами прячешься, как хоронится одинокий беглец, трепещешь и скрываешься, хотя никто и не преследует тебя, только совесть твоя в душе твоей вопиет, обличая прескверные дела и бесчисленные кровопролития. Тебе только и остается, что браниться, как пьяной рабыне, а что поистине подобает и что достойно царского сана, а именно справедливый суд и защита, то уже давно исчезло по молитвам и советам Вассиана Топоркова, из среды лукавейших иосифлян, который тебе советовал и нашептывал, чтобы ты не держал при себе советников мудрее себя, и по советам других, подобных ему, из числа монахов и мирских. Вот какую славу от них приобрел. И светлую победу даровали они тебе, как пророчествовал Константину Великому святой Николай за трех мужей и тебе многократно говорил блаженный Сильвестр, исповедник твой, порицая тебя и осуждая за непотребные твои дела и коварный нрав, на него же ты и после смерти его продолжаешь негодовать! Или не читал ты написанного у Исайи пророка: «Лучши розга или палка в руках друга, чем нежные поцелуи врага»?

Вспомни прошедшие дни и возвратись к ним. Зачем ты, безумный, все еще бесчинствуешь против Господа своего? Разве не настал час образумиться и покаяться и возвратиться к Христу? Пока еще не отторгнута душа от тела, ибо после смерти не опомнишься, а в аду поздно исповедоваться и каяться. Ты же был мудрым и, думаю, знаешь о трех частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертной. Если же ты не

ведаешь, то поучись у мудрейших и покори и подчини в себе «звериную» часть божественному образу и подобию: все ведь издавна тем и спасают душу, что худшее в себе подчиняют лучшему.

А если же в непомерной гордости и зазнайстве думаешь про себя, что мудр и что всю вселенную можешь поучать, пишешь в чужие земли чужим слугам, как бы воспитывая их и наставляя, то здесь над этим смеются и поносят тебя за это. Разве не слышал ты великого апостола Павла: «Кто ты есть, вершащий суд и повелевающий чужим слугой?» и прочее? Уже пора усмириться и укротиться твоему величеству и прийти в разум: уже настало время! Уже приближаешься телом к гробу, а душой бессмертною и умом к ответу перед Богом, и не время предаваться суетной сей жизни. Аминь.

Написано во преславном городе Полоцке, владении государя нашего пресветлого короля Стефана, особенно прославленного в богатырских деяниях, в третий день после взятия города. Андрей Курбский, князь Ковельский.

Если пророки плакали и рыдали о Иерусалиме и о церкви, возведенной из камня, разукрашенной и прекрасной, и о всех жителях, в нем погибающих, то как не возрыдать нам о разорении града живого Бога и о церкви твоей телесной, которую создал Господь, а не человек. В ней некогда Святой Дух пребывал, она была похвальным покаянием очищена и чистыми слезами омыта, из нее чистая молитва, словно благоуханное миро или фимиам, восходила к престолу Господню, в ней же, как на твердом основании православной веры, созидались благочестивые дела, и царская душа в той церкви, словно голубка крыльями серебристыми, сверкала в груди чище и светлее самого золота, благодатью Духа Святого украшена и делами для защиты и освящения тела Христова и драгоценнейшей Его крови, которой Он нас откупил от рабства дьявола. Вот какова была прежде твоя церковь телесная! А за тобой и ради тебя все благочестивые следовали за хоругвями и крестами христианскими. Народы разные варварские не только с городами своими, но и целыми царствами покорялись тебе, и перед полками христианскими шел архангел-хранитель с воинством своим, «осеняя и защищая вокруг себя всех богобоязненных» «для установления пределов земли нашей», как сказал святой пророк Моисей, «врагов же устрашая и противников низлагая». Тогда это было, тогда, говорю тебе, когда «с избранными мужами и сам был избраннейшим, с преподобными – преподобен, с неповинными – неповинен», как говорит блаженный Давид, и сила животворящего Креста помогала тебе и воинству твоему.

Когда же развращенные и коварные совратили тебя, и супротивником стал ты, и после такого покаяния снова вернулся к прежним грехам по советам и наставлениям любимых своих льстецов, которые церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, а особенно бездной пятоградной гнусности и другими бесчисленными и невыразимыми злодействами отличились, которыми вечно губящий нас дьявол издавна совращает род человеческий, и делает его мерзким перед лицом Бога и толкает к краю гибели, как ныне и с твоим величеством по воле его случилось: вместо избранных и достойных мужей, которые не стыдясь говорили тебе всю правду, окружил себя сквернейшими прихлебателями и маньяками, вместо крепких воевод и полководцев – гнуснейшими и богу ненавистными Бельскими с товарищами их, и вместо храброго воинства – кромешниками, или опричниками, кровоядными, которые несравнимо отвратительней палачей, вместо божественных книг и священных молитв, которыми наслаждалась твоя бессмертная душа и освящался твой царский слух, – скоморохами с различными дудами и с ненавистными богу бесовскими песнями, для осквернения и отвращения твоего слуха от теологии, вместо того блаженного священника, который бы тебя смирил с богом через чистое твое покаяние, и других советников духовных, часто с тобой беседующих, ты, как здесь нам говорят, – не знаю, правда ли это, – собираешь чародеев и волхвов из дальних стран, вопрошаешь их о счастье, подобно как скверный и богомерзкий Саул, который приходил, презрев пророков Божиих к матроне или к фотунисе, женщине-чародейке, выспрашивая ее о будущих сражениях, она же в ответ на его желания по дьявольскому наваждению показала Самуила пророка, словно бы восставшего из мертвых, показала в видении, как разъясняет святой Августин в своих книгах. А что далее с ним случилось? Это сам хорошо знаешь. Гибель его и дома его царского, как и блаженный Давид говорил: «Не долго проживут перед Богом те, которые созидают престол беззакония», то есть жестокие повеления или суровые законы.

И если погибают цари и властелины, которые составляют жестокие законы и невыполнимые предписания, то уж тем более должны погибнуть со всем своим домом не только составляющие невыполнимые законы или уставы, но и те, которые опустошают свою землю и губят подданных целыми родами, не щадя и грудных младенцев, а должны были бы властелины каждый за подданных своих кровь свою проливать в борьбе с врагами; а они, говорят, девушек собрав невинных, за собой их в подводах возят и бесстыдно чистоту их растлевают, не удовлетворяясь уже своими

пятью или шестью женами! Еще к тому же чистоту их отдавая на растление, которое невозможно описать и страшно о нем слышать. О беда! О горе! В какую пропасть глубочайшую самовластней волю нашу низвергает и влечет враг наш дьявол!

Еще и новые и новые злодеяния, как рассказывают нам здесь приходящие из твоей земли, в сотни раз более гнусные и богомерзкие, не стану описывать и для сокращения письмишки моего и потому, что жду суда Христова и, рукою закрыв уста, дивлюсь я и оплакиваю все это.

А ты еще думаешь, что ради того, о чем даже слышать тяжело и нестерпимо, тебе и воинству твоему будет помогать сила животворящего Креста? О, споспешник древнего зверя и самого великого дракона, который искони противится Богу и ангелам его, желая погубить все творение божие и все человеческое естество! Что же так долго не можешь насытиться кровью христианской, попирая собственную совесть? И почему так долго от лежания своего и сна не воспрянешь и не станешь подле Бога и человеколюбивых ангелов его?

Вспомни же дни своей молодости, когда блаженно царствовал!

Не губи себя и вместе с собой и дома своего!

Как говорит Давид: «Любящий неправду, ненавидит свою душу», и тем более залитые кровью христианской исчезнут вскоре со всем своим домом! Почему так долго лежишь распростерт и храпишь на одре болезни своей, словно объятый летаргическим сном?

Очнись и встань! Никогда не поздно, ибо самовластие наше и воля, до того как расстанется с телом душа, данная на покаяние нам богом, не отъемлется от нас ради перемены к лучшему.

Прими же божественное лекарство, которым, говорят, исцеляются и от самых смертоносных ядов, которыми тебя опоили нахлебники твои и сам отец их – прелютый дракон. Когда же кто-либо этого лекарства для души человеческой вкусит, то, как говорит Златоуст, в первом слове своем на страстную неделю, о покаянии Петра апостола: «После вкушения того посылаются умиленные молитвы к Богу слезами-посланниками». Мудрому достаточно. Аминь.

Написано в городе государя нашего короля Стефана Полоцке после победы, бывшей под Соколом, на 4 день.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

Послание английской королеве Елизавете (1570)

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал нескольких своих людей, Ричарда и других, для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям, и царям, и властителям, и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. Неизвестно, каким образом, волею или неволею, эти люди твоего брата, Ричард с товарищами, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине. Тогда мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли и угостили их за государевыми парадными столами, пожаловали и отпустили к твоему брату. А затем приехал к нам от твоего брата тот же Ричард Ричардов [Ченслер] и Ричард Грей. Мы их также пожаловали и отпустили с честью. И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов, мы послали к твоему брату своего посланника Осипа Григорьевича Непею. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу со стороны вашего брата и вас и на верную службу всех англичан. В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался и на королевство вступила твоя сестра Мария; спустя некоторое время она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили, но поручения с ним никакого не передали. В то же время ваши английские купцы начали совершать над нашими купцами многие беззакония и свои товары начали продавать по столь дорогой цене, какой они не стоят. А после этого стало нам известно, что сестра твоя, королевна Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на престол посадили тебя. Но мы и в этом случае не учинили твоим купцам никаких притеснений и предложили им торговать по-прежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, – таким грамотам ни в каких государствах не верят; у каждого государя в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и действовали в соответствии с этими грамотами.

После этого ты прислала к нам по торговый делам своего посланника Антона Янкина [Дженкинсона]. И мы, рассчитывая, что он пользуется твоей милостью, привели его к присяге и вместе с ним другого твоего купца Ральфа Иванова [Рюттера], как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно тайные дела великого значения, желая с тобой дружбы. Тебе же следовало к нам прислать доверенного человека, а с ним Антона или одного Антона. Нам неизвестно, передал ли это поручение тебе Антон или нет; а в течение полутора лет про Антона не было известий. А от тебя никакой ни посол, ни посланник не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам свою новую жалованную грамоту; рассчитывая, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

После этого нам стало известно, что в Ругодив [Нарву] приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван [Гудмен], с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим посланникам, которые были к нему приставлены, сказал много невежливых слов. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых для унижения вашего государева достоинства и нашего государства написаны ложные вести, будто в вашем царстве якобы творятся недостойные дела. Но мы и здесь отнеслись к нему милостиво – велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на поручения, переданные с Антоном.

После этого приехал от тебя к нам посланник в Ругодив [Нарву] Юрий Милдентов [Мидлтон] по торговым делам. Мы его велели спросить про Антона Янкина [Дженкинсона], был ли он у тебя и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

И наконец нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф, и мы послали к нему с жалованьем своего сына боярского и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона; он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких и торговых делах; а Антон с ним не пришел. С того времени, как он пришел в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он вступил в переговоры с нашими боярами и сказал, есть ли у него приказ от тебя о тех делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но он нелепым образом уклонился. А писал жалобы на

Томаса [Гловера] и на Ральфа [Рюттера] и занимался другими торговыми делами, а нашими государственными делами пренебрегал. Из-за этого-то твой посол и запоздал явиться к нам; а затем пришло Божье послание – моровое поветрие, и он не мог быть принят. Когда же Божье послание – поветрие – кончилось, мы его допустили перед свои очи. Но он опять говорил нам о торговых делах. Мы выслали к нему своего боярина и наместника вологодского князя Афанасия Ивановича Вяземского, печатника своего Ивана Михайлова и дьяка Андрея Васильева и велели его спросить, есть ли у него поручение по тем делам, о которых мы передавали тебе с Антоном. Он ответил, что такое поручение с ним также имеется. А мы поэтому оказали ему великую почесть, и он был принят нами наедине. Но он говорил о тех же мужицких и торговых делах и лишь изредка касался того дела. В то время нам случилось отправиться в нашу вотчину Вологду, и мы велели твоему послу Томасу ехать с собой. А там, на Вологде, мы выслали к нему нашего боярина князя А. И. Вяземского и дьяка Петра Григорьева и велели с ним переговорить, как лучше всего устроить между нами это дело. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили и поговорили о тех делах. Наконец договорились об этих делах, как следует *их* устроить, написали грамоты и привесили к ним печати. Тебе же, если тебе это было угодно, следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам в качестве послов достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина [Дженкинсона]. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, согласна ли ты на наше предложение и каковы твои намерения. Вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина.

Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без клятвы и без обмена послами. Ты совсем устранилась от этого дела, а твои бояре вели переговоры с нашим послом только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы сэр Ульян Гарит [Уильям Гаррард] да сэр Ульян Честер. Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, – поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в

своем девическом звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.

И раз так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те мужики, которые пренебрегли нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не бедно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь эту грамоту, мы все равно по ней ничего делать не будем. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем.

Писана в нашем Московском государстве, в году от создания мира 7079-м, 24 октября [24 октября 1570 г.].

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573)

Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в Кириллов монастырь, игумену Козьме с братиею во Христе

В пречестную обитель Успения пречистой Богородицы и нашего преподобного отца Кирилла-чудотворца, священного Христова полка наставнику, вождю и руководителю в небесные селения, игумену Козьме с братиею во Христе, царь и великий князь Иоанн Васильевич челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такую дерзость? Молю вас, господа и отцы, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Я и братом вашим называться не достоин, считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в писании: «Свет инокам – ангелы, свет мирянам – иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и погрязших среди греховного тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить, и чему наставлять, и чем просветить? Сам вечно среди пьянства, блуда, прелюбодеяния, скверны, убийств, грабежей, хищений и ненависти, среди всякого злодейства, как говорит великий апостол Павел: «Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины; как же, уча другого, не учишь себя самого? проповедуя не красть, крадешь? говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь; гнушаясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь Богу». И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?»

Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира. Как могу я, нечистый и скверный душегубец, быть учителем, да еще в столь многомятежное и жестокое время? Пусть лучше Господь Бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание как покаяние. А если вы хотите найти учителя – есть он среди вас, великий источник света, Кирилл. Почаще взирайте на его гроб и просвещайтесь. Ибо его учениками были великие подвижники, ваши наставники и отцы, передавшие и вам духовное наследство.

Да будет вам наставлением святой устав великого чудотворца Кирилла, который принят у вас. Вот ваш учитель и наставник! У него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будьте тверды в его заветах, передавайте эту благодать и нам, нищим и убогим духом, а за дерзость простите, Бога ради. Вы ведь помните, святые отцы, как некогда случилось мне прийти в вашу пречестную обитель пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла и как я, по милости Божьей, Пречистой Богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, обрел среди темных и мрачных мыслей небольшой просвет – зарю света Божия – и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия (был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит Каменский, Сергий Колычев, ты, Никодим, ты, Антоний, а иных не упомню), тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения; и в долгой беседе я открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу святость своими слабосильными словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал об этой божественной жизни, сразу же возрадовалась моя окаянная душа и скверное сердце, ибо я нашел Божью узду для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если Бог даст мне постричься при жизни, совершу это только в этой пречестной обители пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла; вы же тогда молились. Я же, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего вашего и моего игумена, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил меня на это, как и всякого человека, пришедшего постричься.

И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец: хоть и не совсем еще отказался от мирской суеты, но уже ношу на себе благословение монашеского образа. И видел я уже, как многие корабли души моей, волнуемые лютыми бурями, находят спасительное пристанище. И поэтому, считая себя уже как бы вашим, беспокоясь о своей душе и боясь, как бы не испортилось пристанище моего спасения, я не мог вытерпеть и решился вам писать.

И вы, мои господа и отцы, ради Бога, простите меня, грешного, за высказанные вам суетные слова [следует цитата из византийского церковного деятеля и писателя III–IV вв. Илариона Великого, в которой Иларион «ужасается» из-за того, что его принуждают присваивать себе «учительский сан»].

И если такое светило так говорит о себе, что же делать мне, вместилищу всяких грехов и игралищу бесов? Хотел было я отказаться от этого, но раз вы меня принуждаете, то я, как

говорит апостол Павел, буду вести себя как безумец и в своем безумии буду говорить с вами не как учитель, имеющий власть, но как раб, и подчинюсь вашему повелению, хоть и безмерно мое невежество.

И опять, как говорит то же великое светило Иларион, добавляя к предыдущему [следует другая цитата из Илариона, в которой Иларион, несмотря на свои сомнения, все же выражает согласие написать просимое «писание»].

Прочитав это, и я, окаянный, дерзнул написать, ибо кажется мне, окаянному, что такова Божья воля.

Поверьте мне, господа мои и отцы, свидетель Бог, пречистая Богородица и чудотворец Кирилл, что и того великого Илариона я до сих пор не читал и не видел и даже не слышал о нем, но когда я захотел к вам писать, то хотел выписать вам из послания Василия Амасийского, и, раскрыв книгу, нашел это послание великого Илариона, и, вникнув в него, увидел, что оно очень подходит к нынешнему случаю, и решил, что здесь заключается для нашей пользы некое Божье повеление, и поэтому дерзнул написать. Обратимся же, с Божьей помощью, к беседе. Вы принуждаете меня, святые отцы, и я, повинуясь, пишу вам ответ.

Прежде всего, господа мои и отцы, вы, по Божьей милости и молитвами Его Пречистой Матери и великого чудотворца Кирилла, имеете у себя устав этого великого отца, действующий у вас до сих пор. Имея такой устав, мужайтесь и держитесь его, но не как рабского ярма. Крепко держитесь заветов чудотворца и не позволяйте их разрушать [следует цитата из апостола Павла, призывающая крепко стоять за правду].

И вы, господа и отцы, стойте мужественно за заветы чудотворца и не уступайте в том, в чем вас просветили Бог, Пречистая Богородица и чудотворец, ибо сказано, что «свет инокам – ангелы и свет мирянам – иноки». И если уж свет станет тьмой, то в какой же мрак впадем мы – темные и окаянные! Помните, господа мои и святые отцы, что маккавеи только ради того, чтобы не есть свиного мяса, приняли мученический венец и почитаются наравне с мучениками за Христа; вспомните, как Елеазару сказал мучитель, чтобы он даже не ел свиное мясо, а только взял его в руку, чтобы можно было сказать людям, что Елеазар ест мясо. Доблестный же так на это ответил: «Восемьдесят лет Елеазару, а ни разу он не соблазнил людей Божьих. Как же ныне, будучи стариком, буду я совращать народ Израиля?» И так погиб. И божественный Златоуст пострадал от обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства. Ибо не виноградник и не вдова были причиной этого зла, изгнания чудотворца, мук его и его тяжкой смерти во время

принудительного путешествия. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что Златоуст пострадал за многих, а не только за виноградник. И с виноградником этим дело было не так просто, как рассказывают. Но был в Царьграде некий муж в боярском сане, и про него наклеветали царице, что он поносит ее за лихоимство. Она же, объятая гневом, заточила его вместе с детьми в Селунь [Салоники]. Тогда он попросил великого Златоуста помочь ему, но тот не упросил царицу, и все осталось как было. Там этот человек и скончался в заточении, но царица, неутомимая в своем гневе, захотела хитростью отнять убогий виноградник, который он оставил своей семье для прокормления. И если святые из-за столь малых вещей принимали такие страдания, сколь же сильнее, мои господа и отцы, следует вам пострадать ради заветов чудотворца. Так же как апостолы Христовы шли за ним на распятие и умерщвление и вместе с ним воскреснут, так и вам подобает следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, – наоборот, возьмитесь за оружие Божье, да не предаст никто из вас заветов чудотворца за серебро, подобно Иуде или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей. Есть и у вас Анна и Кайафа – Шереметев и Хабаров, и есть Пилат – Варлаам Собакин, ибо он послан от царской власти, и есть Христос распинаемый – поруганные заветы чудотворца, ради Бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое.

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему иноку великий святитель и епископ Василий Амасийский и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам и ко всем, которые ушли от бездны мирских страстей и богатства в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве [следуют обширные тексты из византийской церковной литературы, восхваляющие монашескую жизнь и порицающие нарушение монашеского устава].

Разве же вы не видите, что послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет! Зачем тогда и монашество, зачем говорить: «Отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах? Как тогда терпеть скорби и великие напасти со всей братией в этом святом месте и

быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как говорится в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который с ним в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. Великие светильники православия Сергий, Кирилл, Варлаам, Дмитрий и Пафнутий и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них; не вы им учителя и законодатели, а они вам. И если вам устав Шереметева хорош – держите его, а устав Кирилла плох – оставьте его. Сегодня тот боярин один порок введет, завтра другой иное послабление введет, мало-помалу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Кирилл был когда-то ив Симонове монастыре, а после него был там Сергий. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие; но Сергий ввел уже некоторые послабления, а другие после него – еще больше; мало-помалу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симонове монастыре все, кроме тайных рабов Господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, – и нам и вам это известно. Были там архимандриты: Иона, Исак Собака, Михайло, Вассиан Глазатый, Авраамий, – при всех них был этот монастырь одним из самых убогих. А при Лев-кии он сравнялся по благочинию с лучшими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монашеской жизни. Смотрите сами, что дает силу: послабление или твердость? А вы над гробом Воротынского поставили церковь! Над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет! Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно и на Страшном суде Воротынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который для вас крепче, чем Кириллов. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу: нехорошо, во-первых, потому что это образец гордости и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом. Это не только не спасение души, но и пагуба: спасение души бывает от всяческого смирения. А во-вторых, очень зазорно и то, что над Воротынским церковь, а над чудотворцем нету, и служит над ним всегда только один священник, а это меньше, чем собор. А если не всегда служит, то

это совсем скверно; а остальное вы сами знаете лучше нас. А если бы у вас было церковное украшение общее, вам было бы прибыльнее, и лишнего расхода не было бы – все было бы вместе и молитва общая. Думаю, и Богу это было бы приятнее. Вот ведь на наших глазах только в монастырях преподобного Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и эти монастыри по Божьей благодати славятся Монашескими подвигами. А у вас дали сперва Иоасафу Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Сицкому и Ионе Ручкину, а Шереметеву – отдельный стол, да и кухня у него своя. Дашь ведь волю царю – надо и псарю; дашь послабление вельможе – надо и простому. Не рассказывайте мне о том римлянине, который славился своими добродетелями и все-таки жил такой жизнью: то ведь не установлено было, а было случайностью, и в пустыне было, недолго и без суеты, никого не соблазнило, ибо сказано в Евангелии: «Не надобно прийти соблазнам; горе тому человеку, через которого приходит соблазн!» Одно дело – жить одному, а другое дело – вместе с другими.

Господа мои, отцы преподобные! Вспомните вельможу, описанного в «Лестнице», – Исидора, прозванного Железным, который был князем Александрийским, а какого смирения достиг? Вспомните также и вельможу царя индийского Авенира: в какой одежде он явился на испытание – не в куньей, не в собольей. А Иоасаф, сын этого царя: как он, оставив царство, пешком пошел в Синаридскую пустынь, сменил царские одежды на власяницу и претерпел много бедствий, о которых раньше и не знал, как он достиг божественного Варлаама и какой жизнью стал жить вместе с ним – царской или постнической? Кто же был более велик – царский сын или неведомый пустынник? Принес ли царский сын с собой свои обычаи, или стал жить по обычаям пустынника даже и после его смерти? Вы сами знаете это гораздо лучше нас. А ведь у него много было своих Шереметевых. А Елизвой [Элесбоа], царь эфиопский, какой суровой жизнью жил? А как Савва Сербский отца, мать, братьев, родных и друзей вместе со всем царством и вельможами оставил и принял крест Христов и какие монашеские подвиги совершил? А как отец его Неманя, он же Симеон, с матерью его Марией ради его поучения оставили царство и сменили багряные одежды на монашеские и какое при этом они обрели земное утешение и небесную радость? А как великий князь Святоша, владевший великим княжением Киевским, постригся в Печерском монастыре и пятнадцать лет был там привратником и работал на всех, кто знал его и над кем он прежде сам властвовал? И не устыдился ради Христа такого

унижения, что даже его братья вознегодовали на него. Они видели в этом унижение для своей державы, но ни сами, ни через других людей не могли отвратить его от этого замысла до дня его кончины, и даже после его кончины от его деревянного стула, на котором он сидел у ворот, бесы бывали отгоняемы. Вот какие подвиги совершали эти святые во имя Христа, а ведь у всех них были свои Шереметевы и Хабаровы. А как похоронен праведный цареградский патриарх, блаженный Игнатий, который был сыном царя и был, подобно Иоанну Крестителю, замучен кесарем Вардой за обличение его преступлений, ибо Варда жил с женой своего сына?

А если в монахах жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. На этом, святые отцы, я могу и закончить мое нелепое пустословие. Я мог отвечать вам немногое, ибо вы все это в Божественном Писании знаете гораздо лучше нас, окаянных. Да и это немногое я сказал вам только потому, что вы меня к этому принудили. Вот уже год, как игумен Никодим был в Москве, а отдыха все нет: все Собакин и Шереметев! Что я им, отец духовный или начальник? Пусть как хотят, так и живут, если им спасение своей души не дорого! Долго ли будут длиться эти разговоры и смуты, суета и мятеж, распри и нашептывания и празднословие? И из-за чего? Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более – инок, что еще выше, чем чернец, Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в жизни. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова? Поистине, святые отцы, это не чернецы, а поругатели монашеского образа. Разве же вы не знаете отца Шереметева – Василия? Ведь его бесом звали! А как он постригся да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так сошелся с Курцевыми. А Иоасаф, который был митрополитом, – с Коровиными, и начали они между собой ссориться, тут все и началось. И в какое убожество впала эта святая обитель, известно всем, имеющим разум.

А до этого времени в Троице были крепкие порядки; мы сами это видели: когда мы приезжали к ним, они потчевали множество людей, а сами блюли благочестие. Однажды мы в этом убедились собственными глазами во время нашего приезда. Дворецким тогда у нас был князь Иоанн Кубенский. Когда мы приехали, благовестили ко всенощной; у нас же кончилась еда, взятая в дорогу. Он и захотел поесть и попить – из жажды, а не для удовольствия. А старец Симон Шубин и другие, которые были с ним, не из самых главных (главные давно разошлись по кельям), сказали ему как бы шутя: «Поздно, князь Иван, уже благовестят».

Сел он за еду – с одного конца стола ест, а они с другого конца отсылают. Захотел он попить, хватился хлебнуть, а там уже ни капельки не осталось: все отнесено в погреб. Такие были крепкие порядки в Троице – и ведь для мирянина, не только для чернецов! А слышал я от многих, что были в этом святом месте и такие старцы, которые, когда приезжали наши бояре и вельможи, их потчевали, а сами ни к чему не прикасались, если вельможи их заставляли в неподобающее время, и даже в подобающее время – и тогда едва прикасались. А: про порядки, которые были в этом святом месте в древние времена, я слышал еще более удивительные вещи: было это, когда к монастырю Живоначальной Троицы приезжал помолиться к гробу Сергия-чудотворца преподобный чудотворец Пафнутий и жившая там братия вела с ним духовную беседу. И когда он захотел уйти, они из духовной любви к нему проводили его за ворота. И тогда, вспомнив завет преподобного Сергия – не выходить за ворота, – они стали на молитву и преподобного Пафнутия побудили молиться вместе с ними. И об этом молились и затем разошлись. И даже ради такой духовной любви не пренебрегали отеческими заповедями, а не то что ради чувственных удовольствий! Вот какие были в этом святом месте крепкие порядки в эти древние времена. Ныне же, за наши грехи, монастырь этот хуже Песношского, как в те времена была Песношь.

А все это послабление начало твориться из-за Василия Шереметева, подобно тому как в Царьграде все зло началось от царей Льва Исавра и его сына Константина На-возоименного [Копронима]. Ведь Лев только посеял семена злочестия, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку: так и Вассиан Шереметев своими кознями разрушил отшельническую жизнь в Троице-Сергиевом монастыре вблизи столицы. Так же и сын его Иона стремится погубить последнее светило, сияющее, как солнце, и уничтожить спасительное пристанище для душ: отшельническую жизнь в Кирилловом монастыре, в самом пустынном месте. Ведь этот Шереметев, когда он еще был в миру, первый вместе с Висковатым перестал ходить крестным ходом. А глядя на это, и все перестали ходить. А до этого времени все православные христиане, с женами и с младенцами, участвовали в крестном ходе и в те дни не торговали ничем, кроме съестного. А кто попробует торговать, с тех взимали пеню. И такой благочестивый обычай погиб из-за Шереметевых. Вот каковы Шереметевы! Кажется нам, что они таким же образом хотят истребить благочестие и в Кирилловом монастыре. А если кто заподозрит нас в ненависти к Шереметевым или в пристрастии к Собакиным, то свидетель Бог,

Пречистая Богородица и чудотворец Кирилл, что я говорю это ради монастырского порядка и искоренения послаблений. Слышали мы, что на праздник у вас в Кириллове монастыре были розданы братии свечи не по правилам, а некоторые при этом и служебника обижали. А прежде даже Иоасаф-митрополит не мог уговорить Алексия Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце. Немало и других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре, мы как-то однажды опоздали ужинать из-за того, что у вас в Кириллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря [монаха, ведающего хозяйством монастыря] был у вас тогда Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исайи в то время не было – был он у себя в келье, и они с трудом едва его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Не было мне об этом приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь – взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдился», как сказал пророк. Ради истины праведно и возражать царям, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку приносили Шереметеву в келью, – так ведь в монастырях зазорно и фряжские [итальянские] вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли монашеская жизнь? Неужели вам нечем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях как вельможа, или Иона Мотякин и другие люди, не желающие

соблюдать монастырские порядки? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя в монахи постригся. Да и о таких Лествичник писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взашей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: Бог свидетель, я пишу это, только беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Гнев на Шереметевых тут ни при чем: у него ведь имеются братья в миру, и мне есть на кого положить опалу. Кто же будет надругаться над монахом и возлагать на него опалу! А если кто скажет, что я ради Собакиных, так мне из-за Собакиных нечего беспокоиться. Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а Бог меня от них спас: их злодейство раскрылось, и из-за этого все и произошло. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы его не уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом Божиим. А следовало бы ради моего слова и ради нас пренебречь его дуростью и поступить с ним кротко. Шереметев же приехал сам по себе, и вы потому его чтите и бережете. Это – не то что Собакин; Шереметев дороже моего слова; Собакин приехал с моим словом и погиб, а Шереметев – сам по себе и воскрес. Но стоит ли ради Шереметева целый год устраивать мятеж и волновать такую великую обитель? Новый Сильвестр на вас наскочил: видно, вы одной с ним породы. Но если я гневался на Шереметевых за Собаки-на и за пренебрежение к моему слову, то за все это я воздал им еще в миру. Ныне же, поистине, я писал, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Не было бы у вас в обители тех пороков, не пришлось бы и Собаки-ну с Шереметевым браниться. Слышал я, как кто-то из братьев вашей обители говорил нелепые слова, что у Шереметева с Собакиным давняя мирская вражда. Так какой же это путь спасения и чего стоит ваше учительство, если и после пострижения прежняя вражда не разрушается? Так вы отрекаетесь от мира и от всего мирского и, отрезая волоса, отрезаете и унижающие суетные мысли, так вы следуете повелению апостола: «жить обновленной жизнью»? Сказал ведь Господь: «Оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки, как и своих мертвецов. Вы же, шествуя, возвещайте царство Божие». И если уж пострижение не разрушает мирской вражды, тогда, видно, и царство, и боярство, и любая мирская слава сохранится в монашестве, и кто был велик в

бельцах, будет велик и в чернецах? Тогда уж и в Царствии Небесном так же будет: кто здесь богат и могуществен, будет и там богат и могуществен? Так ведь это подобно лживому учению Магомета, который говорил: у кого здесь богатства много, тот и там будет богат, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал. Это ли путь спасения, если и в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: «Нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе»? Как же они едины, если боярин – по-старому боярин, а холоп – по-старому холоп? А разве апостол Павел не называл Анисима, бывшего раба Филимона, его братом? А вы и чужих холопов к боярам не приравниваете. А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками. В Троице при нашем отце келарем был Нифонт, холоп Ряполовского, а с Вельским с одного блюда ел. На правом клиросе стояли Лопотало и Варлаам, неизвестно какого происхождения, а на левом – Варлаам, сын Александра Васильевича Оболенского. Видите: когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Вельскому, а сын знатного князя делал одно дело с мужиками. Да и при нас на правом клиросе был Игнатий Курачев, белозерец, а на левом – Федорит Ступищин, и он ничем не отличался от других клирошан, да и много других таких случаев было до сих пор. А в Правилах святого Василия написано: «Если чернец хвалится при других благородством происхождения, то пусть за это постится 8 дней в совершает 80 поклонов в день». А ныне то и слово: тот знатен, а тот еще выше, – так тут и братства нет. Ведь когда люди равны, тут и братство, а коли не равны, какому тут быть братству? А так и иноческая жизнь невозможна. Теперь же бояре своими пороками разрушили порядок во всех монастырях. Скажу еще более страшную вещь: как рыбак Петр и поселянин Иоанн Богослов будут судить царя Давида, о котором Бог сказал, что он пришелся ему по сердцу, и славного царя

Соломона, о котором Господь сказал, что «нет под солнцем человека, украшенного такими царственными достоинствами и славой», и великого царя Константина и своих мучителей и всех сильных царей, господствовавших над вселенной? Двенадцать скромных людей будут их судить. Да еще того страшнее: родившая без греха Господа нашего Христа и первый среди людей человек, креститель Христов, будут стоять, а рыболовы будут сидеть на 12 престолах и судить всю вселенную. А вам как своего Кирилла поставить рядом с Шереметевым – кто из них выше? Шереметев постригся из бояр, а Кирилл даже приказным дьяком

не был! Видите, куда завели вас послабления? Как сказал апостол Павел: «Не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи». И пусть никто не говорит мне этих постыдных слов: если вам с боярами не знаться, монастырь без даяний оскудеет. Сергей, Кирилл, Варлаам, Димитрий и другие многие святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись, и обители их росли: монастыри поддерживаются благочестием и не оскудевают. Иссякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие – и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает. А в Сторожевском монастыре до чего допились? Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет. А мы видели, как у них было больше восьмидесяти человек братии и по одиннадцать человек на клиросе: монастыри разрастаются благодаря благочестивой жизни, а не из-за послаблений [следуют обширные выписки из Илариона Великого, предостерегающие иноков против «мирских» соблазнов].

Это – лишь малое из многого. Вы сами знаете всё лучше нас; если же хотите еще больше узнать, можете многое найти в божественных писаниях. А если вы напомните, что я забрал Варлаама из монастыря, обнаружив этим милость к нему и враждебность к вам, то Бог свидетель, что мы сделали это только потому, что, когда возникло это волнение и вы сообщили об этом нам, мы захотели наказать Варлаама за его бесчинство по монастырским правилам. Племянники же его нам говорили, что вы его притесняли ради Шереметева. А Собакины тогда еще не совершили измены против нас. И мы из милости к ним велели Варлааму явиться к нам и хотели его расспросить, из-за чего у них возникала вражда, и приказать ему, чтобы он сохранял терпение, если вы будете его притеснять, ибо притеснения и обиды помогают душевному спасению иноков. Но в ту зиму мы за ним потому не послали, что мы были заняты походом в Немецкую [Ливонскую] землю. Когда же мы вернулись из похода, то послали за ним, расспрашивали его, и он стал говорить вздор – доносить на вас, что будто вы говорите о нас неподобающие и оскорбительные слова. А я на это плюнул и выругал его. Но он продолжал говорить нелепости, настаивая, что говорит правду. Затем я расспрашивал его о жизни в монастыре, и он стал говорить невесть что, и оказалось, что он не только не знает иноческой жизни и одежды, но вообще не понимает, что чернецы, и хочет такой же жизни и чести, в миру. И видя его сатанинское стремление к мирской суете, мы его и отпустили жить суетной жизнью. Пусть сам отвечает за свою душу, если не ищет душевного спасения. А к вам его, поистине, потому не послали, что не хотели огорчать себя и волновать вас. Он же очень хотел к

вам. А он – настоящий мужик, врет, сам не зная что. Вы тоже нехорошо поступили, что прислали его как бы из тюрьмы, а старец соборный при нем, словно пристав. А он явился как государь какой-то. И вы еще прислали с ним к нам подарки, да к тому же ножи, как будто вы хотите нам вреда. Как же можно посылать подарки с такой сатанинской враждебностью? Вам следовало его отпустить и отправить с ним молодых монахов. А посылать подарки при таком нехорошем деле неприлично. Все равно соборный старец ничего не мог ни прибавить, ни убавить, унять его он не сумел; все, что он захотел врать, – он соврал, что мы захотели слушать – выслушали: соборный старец ничего не ухудшил и не улучшил. Все равно мы Варлааму ни в чем не поверили. Свидетель Бог, Пречистая Богородица и чудотворец, что я беспокоюсь о нарушении монастырских порядков, а не на Шереметева гневаюсь. Если же кто скажет, что это жестоко и что Шереметев вправду болен, то, если ему нужно послабление, пусть ест один в келье с келейником. А сходиться к нему зачем, да пировать, да яства в келье на что? До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой не держали, а не только других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все это беззаконие, а не нужда. Если нужда, пусть он ест в келье, как нищий: кус хлеба, звено рыбы да чашку квасу. Если же вы хотите дать ему еще какие-нибудь послабления, то вы давайте сколько хотите, но пусть хотя бы ест один, а сходок и пиров не было бы, как прежде у вас водилось. А если кто хочет прийти к нему ради беседы духовной, пускай приходит не в трапезное время, чтобы в это время еды и питья не было, – так это будет действительно духовная беседа. Подарки же, которые ему присылают братья, пусть отдает в монастырское хозяйство, а у себя в келье таких вещей не держит. Пусть то, что к нему пришлют, будет разделено на всю братию, а не дано двум или трем монахам по дружбе и пристрастию. Если ему чего-нибудь не хватает, пусть временно держит. И иное что можно – тем его услаждайте. Но давайте ему из монастырских запасов, и пусть пользуется один в келье, чтобы не возбуждать соблазна. А люди его пусть при монастыре не живут. Если же приедет кто-нибудь от его братьев с письмом, едой или подарками, пусть поживет дня два-три, возьмет ответ и едет прочь, – и ему будет хорошо, и монастырю безмятежно. Мы еще в детстве слышали, что таковы были правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по-божественному жили. Мы и написали вам все лучшее, что нам известно. А вы теперь прислали нам грамоту, и нет нам отдыха от вас из-за Шереметева. Вы пишете, что я передавал вам через старца Антония, чтобы Шереметев и Хабаров ели в общей трапезной с

братией. Я передавал это только ради соблюдения монастырских порядков, а Шереметев увидел в этом опалу на него. Я писал только то, что я знал из обычаев вашего и других крепких монастырей, и для того, чтобы он мог спокойно жить в келье, не волнуя монастырь, – хорошо, если и вы его предоставите тихой жизни. А не потому ли вам так жаль Шереметева, что его братья до сих пор не перестают посылать в Крым и навлекать бусурман [мусульман] на христиан? Хабаров велит мне перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно, уж очень надоело! Иноческое житье – не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа складывать, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец человеческих! Я видел, как по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове – пусть как хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, что его болезнь мне известна, – так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого из любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же хотите, найдете многое в Божественном Писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это – конец моего к вам письма. А вперед бы вы нам о Шереметеве и других нелепицах не докучали: мы отвечать не будем. Если вам благочестие не нужно, а желательно нечестие, то это дело ваше! Скуйте Шереметеву хоть золотые сосуды и воздайте ему царские почести – ваше дело. Установите вместе с Шереметевым свои правила, а правила чудотворца отставьте – так хорошо будет. Как лучше, так и делайте! Вы сами знаете; делайте как хотите, а мне ни до чего дела нет! Больше не докучайте: поистине, ничего не отвечу. А злокозненную грамоту, которую вам весной прислали Собакины от моего имени, сравните повнимательней с моим нынешним письмом, а затем уже решайте, верить ли дальше нелепицам.

Да пребудут с вами и с нами милость Бога мира и Богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

Послание польскому королю Стефану Баторию (1581)

А это – грамота от государя к королю, пересланная с его гонцом Криштофом Держком

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова, Российского царства и иных многих государств и царств скипетродержате-лем, царь и великий князь всея Руси [следует полный титул], по Божьему изволению, а не по многомятежному желанию человечества, – Стефану, Божьей милостью королю Польскому [следует титул], князю Семиградскому и иных.

Прислал ты к нам гонца своего Криштофа Держка с грамотой; а в грамоте своей писал нам, что наши полномочные послы – дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин и дворянин наш и наместник шацкий Федор Писемский и дьяк Иван Андреев сын Трифонов – прибыли к тебе с нашей верительной грамотой, в которой мы просили тебя доверять их словам, сказанным от нашего имени. Ты пишешь, что они объявили тебе, что пришли со всеми необходимыми полномочиями, чтобы заключить христианский мир; но когда ты им позволил вести переговоры с панами твоей рады, они потребовали сохранения за нами четырех замков в Ливонской земле: Новгородка Ливонского [Нейгаузен], Сыренска [Нейшлос],

Адежа [Неймюль] и Ругодива [Нарва], да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью Божьей перешли в твои руки; за это они, по твоим словам, должны были быть отправлены назад, не окончив переговоров. А затем они попросили, чтобы ты дозволил им послать к нам за полномочиями о всех объявленных тобою условиях мира и дружбы, и ты разрешил им это. Ты хочешь теперь, чтобы, ознакомившись с посланием наших послов, мы дали им достаточные указания об этом и прислали грамоту со всеми полномочиями для заключения христианского мира и установления дружбы и братства между нами; удостоверившись в этом, ты согласишься заключить мир. А указания и полномочия своим послам ты просишь послать не мешкая, ибо для тебя убыточно держать внутри своего государства набранные войска, а если подвинуть их ближе к границе, тогда, по твоим словам, и нашему государству не избежать убытков. Ты пишешь также, что велел нашим послам упомянуть город Себеж, построенный на

земле Полоцкой, не ради какой-нибудь корысти, а только для того, чтобы установленная дружба не была нарушена своевольными людьми, ибо возле Себежа всюду расположены села и люди полоцкие; нам же, пишешь ты, следует мириться так, чтобы доброе дело нерушимо укрепилось на благо христиан, а дружба между нами все более усиливалась. Но ты предлагаешь это только на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делом разрушать больших. Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить со всем их имуществом и тем самым дать тебе доказательство нашей склонности и готовности к дружбе. С этой своей грамотой ты послал к нам своего дворянина Криштофа Держка, и ты просишь без всякой задержки отпустить его к тебе, чтобы он не опоздал к сроку, указанному нашим послам.

Твои же паны, как сообщают наши послы, дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин с товарищами, говорили им от твоего имени, что ты с нами помиришься, только если мы уступим тебе всю Ливонскую землю до последней пяди, что Велиж, Усвят и Озерище – все это уже у тебя, а Луки Великие, Заволочье и Холм беспрекословно оставлены нами при отступлении и что мы должны разрушить город Себеж да еще уплатить тебе четыреста тысяч золотых червонцев за твой убыток, что ты снаряжался, отправляясь воевать наши земли. Мы никогда еще не встречали такой самоуверенности и недоумеваем: ведь нынче ты собираешься мириться, а твоя рада предъявляет такие безмерные требования – чего же они потребуют, прервав мирные переговоры? Твои паны попрекали наших послов, что они приехали торговать Ливонской землей. Так что же: если наши послы торгуют Ливонской землей, то это плохо, а если твои паны нами и нашими владениями играют и из гордости предлагают невозможное – это хорошо? Да это не торговля была, а переговоры.

А когда в вашем государстве были благочестивые христианские государи – от Казимира до нынешнего Сигизмунда Августа, они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, – вот к чему стремились паны в прежние времена. Ездят, бывало, туда и обратно, побранятся с послами и снова помирятся, и делают дело долго, а не в один час обернутся. А ныне мы видим и слышим, что в твоей земле

христианство умаляется; поэтому-то твоя рада, не беспокоясь о кровопролитии среди христиан, действует наскоро. И ты бы, король Стефан, припомнил все это и рассудил: по христианскому ли это обычаю делается?

Когда послал ты к нам своих полномочных послов – воеводу мазовецкого Стефана Крыйского с товарищами, то они без всякого принуждения договорились с нашими боярами, написали от твоего имени грамоту, привесили к этой грамоте свои печати и присягнули, целуя крест, что, когда приедут наши послы, ты напишешь такую же свою грамоту, какую они написали в Москве, привесишь к ней свою печать и присягнешь, что будешь соблюдать эту грамоту в течение указанных лет, а наших послов отпустишь с той своей грамотой, не задерживая.

Мы же, согласно решению твоих послов и наших бояр, послали к тебе своих послов – дворецкого Тверского и наместника муромского Михаила Долматовича Карпова, своего казначея и наместника тульского Петра Ивановича Головина и дьяка Тарасия-Курбата Григорьева сына Грамотина – довести до конца то дело, о котором договорились твои послы, взять у тебя грамоту о перемирии и привести тебя на той грамоте к присяге. Но наш полномочный посол Михаил Долматович Карпов скончался неизвестно от чего, а когда его товарищи, наш казначей и наместник тульский Петр Иванович Головин и наш дьяк Тарасий-Курбат Григорьев сын Грамотин, пришли к тебе, то ты пренебрег договором, отказался следовать присяге твоих послов, предал наших послов бесчестию и насильно посадил их под стражу как узников. А отказались вести с тобою переговоры наши послы потому, что они, увидя твою надменность, когда ты не встал при произнесении нашего имени и не спросил о нашем здоровье, не решались без нашего ведома стерпеть это. Отныне же, как бы надменно ты ни поступал, мы ни на что не будем отвечать. А вести переговоры с твоими управителями у себя в доме нашим послам не подобало: при предках твоих никогда так не бывало. Но много говорить об этом здесь нет надобности. Ты же прислал к нам своего гонца Петра Гарабурду с непристойной грамотой, а сам начал собирать против нас войска из многих земель. А в грамоте, присланной с Петром Гарабурдой, было написано, чтобы мы отказались от условий, принятых твоими послами, и составили новый наказ своим послам и велели им снова договариваться о Ливонской земле. Где же это ведется, чтобы нарушать скрепленное присягой? Даже если послы совершают что-нибудь дурное, то и тут не нарушают соглашения, а ждут истечения срока, установленного договором; послов за их вину наказывают, а что сделано, не переделывают, нигде не

переделывают и присяги на кресте не нарушают. Не только в христианских государствах не принято нарушать присягу, как ты захотел сделать (называясь христианским государем, ты захотел действовать не по-христиански, надругаясь над нашей присягой и вопреки присяге твоих послов, сделанной за тебя, захотел делать все сызнова – это нигде не ведется!), но и в бусурманских [мусульманских] государствах не принято нарушать клятву; даже бусурмане, если они государи почтенные и разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушит обещание, укоряют и хулят и нигде не нарушают обещанного. Да и у предков твоих этого не бывало, чтобы нарушить то, о чем послы договорились: ты установил новый обычай! Прикажи поискать во всех своих книгах – ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде Первом, ни в наше время при Сигизмунде Августе никогда не поступали по твоему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками – чего же ты по их установлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови? Те прежние государи, предки твои, не нарушали обещаний своих послов. Узнав о таком неподобающем деле, мы задержали твоего гонца Петра Гарабурду, ожидая, что ты согласишься на достойное соглашение и доведешь дело с нашими послами до конца.

И тут мы узнали, что ты готовишься к войне. Тогда мы отправили к тебе твоего гонца Петра Гарабурду, а с ним своего гонца Андрея Михалкова с грамотой, в которой написали, что нельзя так поступать: отменить присягу и все делать заново; тебе следовало довести до конца то соглашение, которое заключили твои послы с нашими боярами; а о Ливонской земле ты должен прислать к нам других своих послов, и мы поручим боярам договориться с ними как должно. И ты, не послушав этого, впал в еще большую ярость и, нарушив присягу своих послов, выгнал наших послов из своей земли, как каких-то злодеев, не допустив их до свидания с тобой. С ними ты наспех прислал к нам своего гонца Венцдава Лопатинского с грамотой, а в ней написал о нашем государском величестве многие несправедливые слова и укоры, которых не стоит подробно повторять, а после этого отпустил к нам нашего гонца Андрея, прислав с ним грамоту, также наполненную яростью. Сам же ты пошел войной со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками – Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими. И нашу вотчину, город Полоцк, взял изменой: наши воеводы и люди плохо дрались против тебя и изменнически сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя

на Полоцк, сам писал нашим людям грамоту, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами, и хвалился, что отомстишь нам за наших изменников. Не на войско надеешься – на изменников! А мы, не ожидая, что ты так поступишь, и надеясь на присягу твоих послов (ведь ты поступил так, как от веку не бывало!), пошли было очищать свою вотчину, Ливонскую землю. Но когда мы пришли в свою вотчину, в Псков, до нас дошла весть о тебе, что ты пришел с войной к нашей вотчине, к Полоцку, и мы, не желая, вопреки присяге, начинать с тобой кровопролитие, сами против тебя не пошли и большого числа людей не послали, а послали лишь немногих людей к Соколу разведать о тебе. Тем временем твой воевода Виленский, придя со многими людьми к Соколу, необыкновенным способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался беззаконным образом, как не слыхано и у неверных; убить кого-нибудь в бою и оставить – это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: выбирали трупы лучших воевод и детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь как бы для колдовства. Ты пишешь и называешь себя государем христианским, а дела у тебя делаются недостойные христианских обычаев: христианам не подобает радоваться крови и убийствам и действовать подобно варварам. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты умеришь свои притязания, разрешили своим боярам снестись с твоими панами, да и сами неоднократно с тобой сносились. Но ты возгордился безмерно и не захотел делать так, как велось при твоих предках, и не пожелал послать к нам послов по прежним обычаям, а начал снаряжать войско против нашей земли. В грамоте же, которую ты прислал нам со своим гонцом Венцлавом Лопатинским, написано, что наши послы «призваны перед твой маестат» – как будто это какие-то безвестные сироты, а не послы, и поставили их, этих сирот, у порога дверей, и оттуда они беседуют с тобой как с Богом на небесах: так выглядит это «призвание послов перед твой маестат» и твоя безмерная гордость! Ни в каких землях такого не слыхано: когда к великому государю приходят послы не только от равного, но даже и не от великого государя, то держат их по посольским обычаям, а не как простых людей, не как данников, не ставят их «перед маестатом». Также, когда ты прислал нам со слугой наших бояр Левой Стремоуховым свою охранную грамоту для наших послов (а твои паны написали нашим боярам, чтобы мы по этой охранной грамоте послали своих послов), то эта грамота оказалась написана не таким образом, как пишутся охранные грамоты для послов: твоя грамота написана как бы для мелких купцов, проезжающих через твое государство. На что

похоже такое высокомерие? Ты бы даже своему воеводе Виленскому не написал таких укоров, какие заключены в этой грамоте. Таких укоров мы не слышали ни от турецкого, ни от иных бусурманских государей. Но мы, всё еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе своего дворянина Григория Афанасьевича Нащокина, а в грамоте писали тебе, чтобы ты послал к нам своих послов по прежнему обычаю. Устно же мы передали тебе с этим дворянином, чтобы ты, если не захочешь послать к нам послов по прежнему обычаю, прислал нам подобающую охранную грамоту для наших послов, а не такую, какую ты послал с Левой Стремоуховым, и тогда мы к тебе тотчас же пошлем своих послов, хотя это и противоречит прежним обычаям, а ты бы дожидался наших послов в своем государстве. Ты отпустил к нам нашего дворянина Григория с грамотой к нам, но послать по прежнему обычаю послов не пожелал. А в своей грамоте ты писал, чтобы мы прислали к тебе своих послов, и прислал на наших послов охранную грамоту, но указал такой срок для прибытия послов, что невозможно было поспеть не только послам, но и гонцу. А сам, желая пролития христианской крови, как только отпустил нашего дворянина Григория, тотчас же, не дожидаясь наших послов, сел на коня и пошел войной на нашу землю. А при предках твоих не принято было воевать, пока послы едут; только когда послы чего-нибудь натворят, тогда начинали войну, да и то не сразу. А мириться с мечом в руках, как теперь при тебе, – какой же это мир?

И мы, видя, что ты не щадишь христианства, спешно послали к тебе своих послов – своего стольника и наместника нижегородского князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, своего думного дворянина и наместника елатмовского Романа Михайловича Пивова и дьяка своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали к тебе своего слугу Федьку Шишмарева с грамотой, прося, чтобы ты подождал наших послов в своей земле. Этот наш гонец встретил тебя на дороге вблизи Витебска, но ты даже не взглянул на нашу грамоту, а сам пошел на нашу землю военным походом, никого не пропуская и не щадя христианской крови. И мы велели своим послам идти к тебе в военный стан, хотя еще никогда не бывало, чтобы послы находились в войске. Мы и тут хотели тебя ублаготворить, да не ублаготворили – ты и в Витебске не подождал наших послов и пошел на нашу землю войной, а наших послов велел вести за собою не спеша. А тем временем наши изменники по твоим жалованным грамотам уступили твоим людям Велиж, Усвят и Озерище, а сам ты пошел к Лукам, а наших послов велел вести за собой. И, придя к Лукам, ты начал приступ, а нашим послам

велел вести переговоры, но какие же тут могут быть переговоры? Сколько льется неповинной христианской крови, а послам вести переговоры! А твои паны, приходя к нашим послам, говорили, отрубая одним словом: либо сделай так, тогда будет мир, а не сделают так, как говорят паны, тогда миру не будет. Что же это за мир? Паны с послами в шатре говорят о мире, а в то же время по городу бьют непрерывно, – что ж тут послам с панами твоими делать? А когда ты занял город, тут послам уже и посольствовать нечего – тут уже всему их посольству конец! А к нам прислал ты своего гонца Григория Лазовицкого с грамотой и с ним отпустил нашего сына боярского Никифора Сущова, а предлагал при этом неподобающее дело, которое не может осуществиться, а другого своего гонца Гавриила Любощинского прислал к нам с сообщением, что взял Луки, как бы грозя нам и хвастаясь. А сроки ты устанавливаешь невозможные, так что не только наши гонцы к тебе, но и твои гонцы к нам за такие сроки не могут приехать; ездят же они по дорогам лениво, а из-за этого льется невинная христианская кровь. И такого нечестия даже в бусурманских государствах не слыхано, чтобы войска сражались, а послы тут же вели переговоры. Если послы – то они и ведут переговоры, а если хотят воевать, то выставляют какую-нибудь причину, прерывают переговоры и шлют войска. Всю осень таскал ты за собой наших послов, да и всю зиму продержал их у себя, а отпустил их ни с чем, за все это укоряя и ругая нас. А когда послы наши были у тебя в Варшаве, твои паны отказались от тех условий, о которых они же сами говорили нашим послам под Невелем. Когда же паны твоей рады приходили к нашим послам с ответом, вместе с ними пришло человек с сорок твоих людей, а твои паны сказали послам, что это твоя младшая рада. Ни при каких твоих предках не бывало, чтобы при переговорах были иные люди, кроме радных панов. Видно, твоя рада, желая лить христианскую кровь, всю твою землю склоняет к пролитию христианской крови. Побеспокоились ли твои паны о христианской крови, когда они говорили нашим послам в Варшаве: «На тех условиях, о которых мы с вами, а вы с нами сговорились под Невелем и о которых вы просили и получили ответ, христианский мир заключен быть не может, – ведь после этого прошло долгое время и наш государь понес большие расходы на войско: взял наш государь у вашего государя Заволочье, а теперь начал снова собирать войско, тут уж без расходов не обойтись»? По-христиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют? А если тебе убыток, так ты бы Заволочья не занимал, кто тебе об этом бил челом? А это ли не жажда кровопролития – послов у себя держать, дела с ними не делать, от брата своего послов не

ждать, а войско снова собирать, да все это еще нам в убыток поставить? Кто тебя заставляет так расходоваться?

Отпуская к нам наших послов, ты передавал с ними, что если мы захотим с тобой соглашения, то можем послать к тебе еще послов. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты придешь в себя и откажешься от безмерных требований, послали к тебе других послов – дворянина своего и своего наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина с товарищами. Но ты, охваченный высокомерием, и тут не пошел на приемлемые условия и передал нашим послам через радных панов, что ты с нами не помиришься, пока мы не уступим всю Ливонскую землю со всеми крепостями и снаряжением; кроме того, мы должны уступить тебе Себеж, Велиж и Невель уже у тебя, а Луки и Заволочье и Холм оставлены при отступлении, как и Озерище и Усвят. Да к тому же мы должны еще уплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю, – всего четыреста тысяч золотых червонцев и заключить вечный мир. А ты будто присягал, что будешь добывать у нас Ливонские земли и разрешишь другие давние споры времени великого государя блаженной памяти Ивана, деда нашего, и короля Александра.

И если это так будет, то что же это будет за мир? Взять теперь у нас казну, нанести нам убыток да на наши же деньги нанять людей и взять нашу Ливонскую землю, а немного погодя, наполнив ее своими людьми, собрать еще большие силы да на нас же напасть и остальное отнять! Можно ведь и не мирясь все это делать и невинную христианскую кровь проливать! Видно, ты хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь; хотя бы мы тебе и всю Ливонскую землю уступили, да ведь тебя и этим не успокоишь, и после этого все равно ты будешь лить христианскую кровь! Вот и теперь – чего только ты у прежних наших послов ни просил, а нынешним нашим послам ты еще прибавил Себеж, а дай тебе его – возгордишься безмерно и еще чего-нибудь попросишь, ничем не удовлетворишься и не помиришься. Мы добиваемся, как бы унять кровопролитие, а ты добиваешься, как бы воевать и лить невинную христианскую кровь. Так чем нам с тобой мириться, можно и не мирясь то же делать. Не по христианскому обычаю все это у тебя делается! Мы писали к тебе неоднократно, что если бы ты прислал к нам своих послов по прежнему обычаю, то пролитие неповинной христианской крови прекратилось бы скорее. Послы же наши не могут добиться мира потому, что, когда мы посылаем к тебе наших послов с каким-нибудь предложением, ты на него не соглашаешься, выставляешь новое требование и, прервав переговоры, снова принимаешься воевать; просишь прислать еще послов, а сам все время сидишь на

коне наготове, а сроки указываешь по бусурманскому обычаю такие, чтобы послать было нельзя. Вот ведь и теперь – мы уже надеялись, что тебя ублаготворили, послали своих послов, согласившись на все, что ты хотел, а тебе и это не полюбилось, и ты, выставив неприемлемые требования и не сделав дела, сел на коня и пошел на нашу землю войной. Потому-то так и получилось, как мы к тебе писали, что нашим послам никогда не добиться от тебя соглашения.

А что наша вотчина, Ливонская земля, – твоя, это написано несправедливо; никогда ты не сможешь доказать, чтобы она при каких-либо твоих предках со времен Казимира входила в королевство Польское и великое княжество Литовское. Если же у тебя есть об этом грамота или какое-нибудь доказательство, пришли к нам, и мы их рассмотрим и в соответствии с этим будем поступать как подобает. Не доказать тебе этого! Только когда появилось в твоей земле лютеранство, воевода виленский Николай Янович Радзивил и иные паны начали спор о Ливонской земле ради пролития христианской крови. В семь тысяч шестьдесят седьмом году [1558/59 гг.], когда король Сигизмунд Август присылал послов своих – пана подляшского Василия Тышкевича с товарищами, они говорили с нами по его поручению о ливонцах как о чужой земле: что государь их им поручил заключить договор не только между нами и собою, но что он рад и все христианство видеть в мире, что, как он узнал, мы ведем войну с Ливонией – орденом Немецкой империи, а этого не допустит император и Немецкая империя, что, кроме того, архиепископ Рижский Вильгельм князь бранденбургский – его родственник, и из-за нанесенной Вильгельму обиды он в прошлом году выступал против этой земли и воевал до тех пор, пока ливонцы не осознали своего преступления и не попросили прощения, и тогда он, вернув князю-архиепископу его прежний сан, принял их просьбу, не разрушая их земли, ибо они – христиане; поэтому он и нас просил остерегаться кровопролития и сохранять мир с его родственником, князем-архиепископом Рижским. Сам посмотри: если бы Ливонская земля входила в королевство Польское и великое княжество Литовское, он бы об этом упомянул, а он вовсе не упомянул и не называл эту землю своею, а говорил о ней как о чужой; войной же он ходил на нее не для того, чтобы ее покорить себе, а ради своего родственника, архиепископа Рижского Вильгельма, потому что его обидели ливонцы; ходил за его обиду, а не для того, чтобы их подчинить. Сам же написал: «не разрушая их землю», – заметь, что «их землю», а не свою. А после этого в семь тысяч шестьдесят восьмом году [1560 г.] прислал к нам король Сигизмунд Август своего

посланника Мартына Володкова и с ним передавал о Ливонской земле, что она издавна христианскими императорами передана его предкам и присоединена к их наследственному владению – великому княжеству Литовскому для укрепления и обороны. Рассуди сам, король Стефан, хорошо ли государям говорить противоречивые вещи: через своих послов передавал как о чужой земле, а тут заявляет, что она ему передана от императора, и называет ее своею! В своей грамоте он писал также, что князья, магистр Кетлер и другие, обратились с мольбой о покровительстве к его маестату. И, сделав такое неправое дело, паны короны Польской и великого княжества Литовского стали называть Ливонскую землю своей и послали туда своих смутьянов-ротмистров. И если бы они говорили правду, то в одно слово говорили бы, а то говорят и пишут разными словами, ухищряясь как-нибудь прибрать к рукам Ливонскую землю и проливать неповинную христианскую кровь. После этого твои паны стали говорить, что мы вопреки присяге вступили в Ливонскую землю, но до сих пор не могут указать, в какой же это грамоте мы присягали. И после этого принялись говорить, что мы нарушили охранные грамоты и вторглись в Ливонскую землю, а мы ничего этого не нарушали, ибо Ливонская земля не упоминается в мирных грамотах ни с какой стороны и в охранных грамотах не говорится, что мы не должны очищать свою вотчину, Ливонскую землю, от врагов. Опять-таки, если у тебя имеются какие-нибудь грамоты твоих предков, наших прародителей и наши о Ливонской земле, пришли их к нам, и мы тогда не будем больше говорить о Ливонской земле, а то, кроме кровопролития, оправдания у тебя никакого нет. А как можно нарушать то, чего ни в каких грамотах нет и никогда не бывало? А у панов твоих вечно одни и те же слова: напал на ливонцев, нарушил присягу, нарушил охранную грамоту. Но если эта земля существовала отдельно, а жители ее были нашими данщиками, и были в ней магистр и архиепископ и епископы, а в городах – князья, а ни одного литовца там не было, то была ли тогда нарушена присяга и охранная грамота с Литвой? И кто ими владел, неужели литовские ротмистры? Этого тебе никак не доказать! Когда они еще не были разорены, они обращались к нам с челобитными, а поссорившись, заключали мир с такими же нашими вотчинами, как они сами, с Великим Новгородом и Псковом. А в челобитных они писали, что они испросили у нас прощения за то, что они присоединялись к королю польскому и великому князю литовскому, и что отныне они никогда не будут присоединяться к нему и ничем не будут ему помогать. Если хочешь – можешь в этом убедиться: мы послали тебе списки с тех грамот при этой

своей грамоте. А если, может быть, ты захочешь посмотреть самые эти грамоты, то пошли посмотреть своих полномочных послов, и мы им покажем грамоты с печатями, в которых ливонцы били челом о своих винах нашим прародителям, деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и в которых они отреклись от подчинения королевству Польскому и великому княжеству Литовскому. Но ведь если бы Ливонская земля принадлежала Польше и Литве, то ливонцы не писали бы так в своих челобитных грамотах. Почему твои предки не удержали их, когда они в шесть тысяч девятьсот шестьдесят восьмом году [1460 г.] присылали бить челом прадеду нашему, блаженной памяти великому государю Василию Васильевичу, о котором ты пишешь, будто он заключил соглашение с Казимиром о Великом Новгороде? А если бы это утверждение было справедливо, то ливонцы не посылали бы бить челом нашему прадеду через Новгород. А они многократно посылали бить челом также и деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и к нам, и эти приходы и челобитья их послов, не тайные, но явные, были известны в Москве представителям всяких вероисповеданий и чужеземцам. А предки твои ни нашим прародителям, ни нам, когда мы еще были в юношеском возрасте, никогда не писали, чтобы мы не принимали челобитья ливонцев и не вступали в их области и не называли их своими подданными; а если бы это была их земля, то твои предки бы об этом не молчали, а раз молчали – значит, это была не их земля! А что твои паны возражают: если это была наша земля, то зачем нам было с нею заключать перемирие? Так ведь эта земля была особая, наша вотчина, отданная в держание [управление], жили в ней немцы, а заключали соглашения о перемириях с нашими вотчинами – Великим Новгородом и Псковом – с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому как мужики в волостях заключают между собой соглашения, как им торговать, а не так, как заключаются перемирия между государями. Ты вот называешься прусским, а в Пруссии свой князь, и ты принимаешь от него присягу – стало быть, Пруссия не твоя? Вот Ливония и была такой же нашей вотчиной, отданной в держание, как Пруссия у тебя. Твои паны говорят на это, что если это была наша вотчина, то мы должны были бы назначить им держателей [управителей], – но ведь эта наша вотчина, Ливонская земля, была не нашей веры, а жили в ней немцы, и наши прародители и мы оказали им милость, позволили им выбирать магистров и держателей согласно их вере и обычаю, а у них зато были

устроены христианские церкви, дворы и слободы для русских купцов, которые торговали, приезжая к ним. А хотя держателей они получали, но ведь они получали их от Папы, – епископов ведь всех ставит Папа, а не король, и твои предки епископов не ставили. Вы вспоминаете еще, что архиепископ Вильгельм был родственник короля Сигизмунда-старшего, – так ведь для него нигде местечка не было, и по просьбе короля ливонцы дали ему архиепископство Рижское; а ставил его в архиепископы опять-таки Папа, а не король: короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведают Папа и архиепископы и епископы; так дает ли это основание считать Ливонскую землю вашей? А что паны твои говорят, что ливонцы вели войну с блаженной памяти великим государем и царем всея Руси Василием, отцом нашим, так тут дивиться нечему! Часто бывает, что подданный, желая выйти из подданства, противится своему государю – за это его и наказывают. Воевали же Ягайло и Витовт с пруссами, а предки твои с Кондратом, князем Мазовецким. А к нашему отцу, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, присылал с челобитьем князь Прусский Альбрехт, магистр немецкого ордена в Пруссии, маркграф Бранденбургский, Штетинский, Померанский, Кашубский и герцог Вендский, бургграф и герцог Ноурмерский [Неймаркский] и князь Ругенский о помощи против короля Сигизмунда-старшего. Да ты сам зачем к Гданску ходил войной? Ведь он твой, а к своему зачем ходить войной? Вот так и Ливонская земля затеяла войну против отца нашего. Говорят твои паны, что ливонцы обратились за покровительством к вам, королям Польским

и великим князьям Литовским, так почему же они не обращались к вам, пока в своей воле были? А вот когда они нам изменили и мы на них возложили свой гнев и разбили их, тут они к вам и обратились. Во всей вселенной ведь так принято: кто беглеца принимает, тот вместе с ним виновен; не значит ли это, что и ты покушаешься на чужую собственность? Почему же вы не сумели овладеть ими, пока они не были разбиты? А когда Витовт вел борьбу с Ягайло из-за убийства отца, к каким именно немцам он обращался и с какими немцами ходил к Вильне войной и чуть не взял Вильно?! Ни единым словом не сможешь ты доказать, что Ливонская земля, пока она не была разбита, подчинялась королевству Польскому и великому княжеству Литовскому; сколько ни разбирай это дело – всегда обнаруживается, что Ливонская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему.

Да что об этом много говорить! Известно, что вы называете Ливонскую землю своей попусту, желая пролития неповинной

христианской крови. Говорили еще твои паны нашим послам, что ты присягал, что добудешь Ливонскую землю, – христианское ли это дело: присягать, что будешь вздорно и несправедливо, желая славы, богатства и расширения государства, лить неповинную христианскую кровь? Вот ты писал, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, а ты очень справедливо добываешь потерянное, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей потому, что Ливонская земля римской [католической] веры, одной веры с ними, поляками, и поэтому всей этой земле следует быть в твоей власти, ибо нехорошо, чтобы в одной земле были два государя: «А у нас государь – по нашей воле: выбираем себе государем кого захотим; какой бы ни был у нас государь, а без нас ничего не делает; а если и захочет что-нибудь делать, так мы не дадим; а когда мы выбирали теперь нашего государя, то указывали ему, что многие места нашей земли несправедливо отобраны вашим государем и его предками; и государь наш присягал нам, что он будет добывать наши давние владения и очистит Ливонскую землю. Христианское ли это дело? Называетесь христианами, а ведь Папа и все римляне и латиняне [католики] вечно твердят, что вера греческая и латинская едина; а когда был в Риме в шесть тысяч девятьсот сорок седьмом году от сотворения мира [1439 г.] при Папе Римском Евгении собор и присутствовал на нем греческий царь [император] Иван Мануйлович, а с ним патриарх Царьградский [Константинопольский] Иосиф (на этом соборе он и скончался), а из Руси был митрополит Исидор, то на этом соборе постановили, что греческая вера и римская должны быть едины. Как же паны твои придерживаются христианства, если они не допускают, чтобы Ливонская земля была под греческой верой? Они и Папе своему не следуют: Папа их установил, что греческая и латинская веры едины, а они это отвергают и обращают людей из греческой веры в латинскую! Христианское ли это дело? А в нашей земле, если кто держится латинской веры, то мы их силой из латинской веры не обращаем, а жалуем их наравне со своими людьми, кто какой чести достоин, по их происхождению и заслугам, а веры держатся какой хотят. Говорят еще твои паны, что если в одной земле два государя, то добру не бывать; так мы же к тебе затем и посылали, чтобы ты заключил с нами соглашение о Ливонской земле, а ты с нами подобающего соглашения не заключаешь. А что ты присягал о тех, что будешь добывать отошедшие области и очищать Ливонскую землю, и паны твои также присягали, что будут тебя в этом поддерживать, так ведь это сделано по бусурманскому обычаю, ради пролития

неповинной христианской крови. Вот, значит, каков твой мир: ничего не хочешь, кроме истребления христиан; помиришься ли ты и твои паны с нами или будешь воевать – тебе и твоим панам нужно только удовлетворить свое желание – губить христиан. Так что же это за мир? Это обман! А если мы тебе уступим всю Ливонскую землю, то нам от этого большой убыток будет, что же это за мир, если убыток?

Тебе же ничего другого не нужно, только бы тебе быть сильнее нас. И зачем нам давать тебе силу против самих нас? А если ты силен и жаждешь крови христианской, так ты приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми. Ведь и под Невелем твои паны, тоже желая христианской крови, говорили нашим послам, стольнику и наместнику нижегородскому князю Ивану Васильевичу Сицкому-Ярославскому с товарищами, что если мы тебе не уступим всей Ливонской земли, то ты будешь беспрестанно отвоевывать все те области, которые отделены от великого княжества Литовского к Московскому государству, а если теперь чего-нибудь и не успеешь отвоевать, так оно и потом не уйдет. Если таково твое и твоей рады непрестанное стремление и желание кровопролития – какого ж тут ждать мира и доброго дела! Ведь уже сначала, когда тебя посадили на престол, паны привели тебя к присяге, что ты добудешь все давно отошедшие области, – чего же было и послов посылать? Одною душой, а дважды ты присягал: ты присягал панам и земле, что будешь добывать земли, а послы твои присягали, что ты заключишь с нами мир. И ты тогда присягни-ка еще уступить нам какие-нибудь места получше! Присягнешь еще раз – и совсем будет непонятно, какая присяга крепче, и держаться ли тебе той присяги, которую давал земле, или той, которую дали твои послы, или той, о которой договорятся наши послы? Видно, одной какой-нибудь присяге придется быть нарушенной, – нельзя и две присяги вместе соблюсти; какое же тут может быть соглашение? И поэтому между обеими нашими землями никогда не будет конца кровопролитию. Когда же ты разрешил нашим послам отправить к нам нашего сына боярского Никифора Сущова, а твои паны велели ту грамоту, которую они к нам посылали, принести к себе, прочли ее и велели им написать только то, что ты пишешь, и ничего иного – разве же это по христианскому обычаю было сделано? Неизвестно, послы ли они, пленники ли, твои ли люди, мои ли, если ни единого слова без твоего ведома не смеют написать. Это – прямое притеснение, а ведь твои послы, наоборот, поступали по своей воле, и ты их присягу нарушил. Так зачем же и послов посылать, если вы всей землей стремитесь к кровопролитию? Сколько послов ни

посылай, что ни делай – ничем вас не удовлетворишь и миру не добьешься. Ведь твои паны писали, и ты сам неоднократно передавал с послами и посланниками, что ты для того и приглашен на престол, чтобы разрешить давние споры. Это к добру не приведет: взыскиваешь более чем за сто лет, а за это время с обеих сторон не один государь умер и предстал на Божий суд. Видно, все те государи не знали, как за свое стоять, а бояре и паны у них глупы были, что не взыскивали это никаким образом, а не только кровью? А ты, видно, всех своих предков лучше, а паны твои умнее своих отцов: чего отцы их не умели добыть, они с кровопролитием добывают! Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно! Если давно прошедшие споры разбирать, так тут, кроме кровопролития, ждать нечего, а если ты пришел кровь проливать и паны посадили тебя на престол для этого, то зачем было и послов приглашать? Их ничем не удовлетворишь, пока кровью христианской не насытятся. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство бусурманам! А когда обессилишь обе земли – Русскую и Литовскую, все бусурманам и достанется. Называешь себя христианином, Христово имя поминаешь, а хочешь ниспровергнуть христианство.

Ты предлагаешь нам заключить вечный мир, но ведь прежде, при твоих предках, перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался, а ныне и подавно верить нечему – присяга тебе нипочем, ты, играя, нарушаешь ее: нарушил то, в чем послы твои присягали, и начал кровь проливать. Но если ты присяги не соблюдаешь – нечему верить, а раз нечему верить, невозможно заключить вечный мир. А город Себеж, поставленный от нашего имени в годы нашего детства, король Сигизмунд-старший, как набожный христианский государь, не желая кровопролития и стремясь к миру, нам уступил и благодаря этому избежал пролития христианской крови между нами. И ты, пришелец, просишь теперь от нас невозможного: самим сжечь или разобрать этот город, а землю уступить тебе вместе с Полоцком; какое может быть соглашение, если твое предложение ни с чем несообразно? Ты пишешь, что в верительной грамоте наших полномочных послов – нашего дворянина и наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина, нашего дворянина и наместника шацкого Федора Андреевича Писемского и дьяка Ивана Андреева сына Трифонова – указано, чтобы ты доверял их словам, сказанным от нашего имени; так ведь такие слова пишутся во всяком охранном листе; если же тебе неизвестно, что делалось в этой земле до тебя, спроси старых панов и узнаешь. Говорили они тебе также, что имеют достаточные полномочия, но на тех условиях, о которых

говорится в твоей грамоте, в речах твоих панов нашим послам и в письмах наших послов, соглашение заключено быть не может. Ты пишешь, что нам следует дать им еще более подробные указания, – но подробнее этого как можно указать! И так наши послы уступили тебе более семидесяти городов – Полоцк с пригородами и города из нашей вотчины, Ливонской земли, не считая Курляндской земли, а Курляндская земля тебе в придаток, а в ней городов с тридцать. Ни в каких государствах это не принято – уступать города; а мы тебе столько городов уступили и все-таки не смогли побудить тебя к соглашению! Просили они тебя оставить нам из нашей вотчины, Ливонской земли, Новгородок, Сыренск, Адеж и Ругодив [Нарву], но ты и этого не хочешь уступить! Просили они тебя также оставить нам наши извечные вотчины, которые ты захватил: как же мы можем уступить тебе эти извечные вотчины, доставшиеся нам от наших прародителей? И ты обо всем этом договориться не пожелал и решил отослать их, не договорившись; а когда они попросили разрешения снестить с нами, ты сообщил им твои условия мира, чтобы мы, ознакомившись с их сообщением, дали им указания и полномочия.

Мы внимательно прочли послание своих послов и уразумели все твои предложения, но эти предложения не только не могут привести нас к соглашению, но подрывают христианский мир, ведут к кровопролитию и делают невозможной долгую дружбу между нашими потомками – им остается только вечно продолжать беспрестанное кровопролитие. А сверх тех подробных указаний и полномочий, которые мы уже дали, что мы можем еще дать? Ты пишешь, что если твое войско будет близко к нашим границам, то от этого будет убыток, – так ведь давно известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови! А разрушить город Себеж и землю его уступить – на это согласиться невозможно; а если ты хотел христианского мира, так ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал – все бы это и была одна земля, не из-за чего было бы и воевать. Если же ты стремишься поступать по закону, то по перемирию, которое было при короле Сигизмунде-старшем и при короле Сигизмунде Августе новом, Себеж и был вместе с Полоцком, а войны ни из-за чего не было; а ты нынче пишешь, чтобы только ссору затеять. Твои паны говорили еще, что в обмен за Себеж ты велишь сжечь Дриссу, – таким способом только младенцев надувают; а нам от этого что за прибыль? Мы Себеж велим сжечь, ты велишь Дриссу сжечь, а обе земли у тебя будут! И ты сожжешь, а потом снова велишь поставить. Это ведь ухищрения твоих панов, а не дело! Ты пишешь еще в своей грамоте, что нам нужно мириться так, чтобы

на благо христиан доброе дело укрепилось нерушимо, а дружба усиливалась, и что ты не хочешь малым делом разрушать большое, – пишешь о нерушимости доброго дела, а сам его всячески разрушаешь, опасаешься малым делом разрушить большое, а сам ни большого ни малого не укрепляешь – только бы воевать! А купцы, о которых ты писал, были задержаны из-за войны, а содержат их со всеми удобствами, не как узников, товары у них не отняты и находятся в тех же домах, где они сами, а не отпускаем мы их ради того, чтобы они, придя к тебе, не сообщили вестей о нашем государстве, так же как и ты, вопреки нашим просьбам, не выдаешь наших узников ни за выкуп, ни на обмен, опасаясь, что мы узнаем вести о тебе и твоем государстве. Но если между нами, Бог даст, будет заключено соглашение, то мы их отпустим со всем имуществом без всякого ущерба; а подробнее мы пишем тебе об этом в особой грамоте. Что же касается того, чтобы отослать твоего дворянина Криштофа Держка без задержки к объявленному тобой сроку, то мы отпустили его, как только смогли. Но этот твой дворянин, Криштоф Держка, приехал к нам за тринадцать дней до истечения этого срока, и поспеть к этому сроку он не мог, но даже если бы мы его и скорее отпустили и если бы он даже поспел к этому сроку, то все равно мы бы тебя этим не ублаготворили и не отвлекли от кровопролития: поспеет гонец или не поспеет, мир или война, а кровопролитие все равно будет! А предки твои в таких случаях ожидали у себя в столице, а не в военном стане, не на границе. Мы же отпустили его к тебе, как только стало возможно. А что просишь оплатить военные сборы – это ты придумал по бусурманскому обычаю: такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтобы государь государю платил дань, – нигде этого не сыщешь; да и бусурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут дань. Ты ведь называешься христианским государем – чего же ты просишь с христиан дань по бусурманскому обычаю? И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал – и с нас же убытки взимаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами! Взыскивай с того, кто тебя заставил с нами воевать; а нам за что тебе платить? Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что ты, беспричинно напав, завоевывал нашу землю, да и людей следовало бы вернуть без выкупа. А это разве по-христиански у тебя делается, что, когда наши послы, посланники и гонцы, на основании твоих охранных грамот отсылают к нам людей и подводы, то твои пограничные жители, оршане и дубровляне и из других городов, этих наших

людей и их проводников, которых отсылают наши послы и гонцы, грабят и обыскивают по военному обычаю, а лошадей у них отнимают? И если ты, забыв христианское благочестие, так стремишься к кровопролитию и настолько охвачен гордостью, что словно хочешь все вокруг проглотить и хвалишься, как Амалик и Сенахерим или воевода Сарвар при Хозрое: «Не надейтесь на Бога, завтра город ваш, как птицу, возьму моей рукой!» – то к чему и писать много! Мы же надеемся на Всевышнего и уповаем на силу животворящего креста, и ты вспомни-ка Максентия в Риме, погибшего силою благочестивого и животворящего креста; также и все гордящиеся и возвышающиеся не избегнут гибели [следуют цитаты из Псалтыря о всемогуществе Бога и о ничтожестве человеческих сил в сравнении с силой Бога]. И если ты силен, то плени: «Господь мне в помощь, убоюсь ли человека?» [следует дальнейший текст цитаты из Псалтыря об «имени Господнем», побеждающем всех врагов]. И если уж мира не будет, а только кровопролитие, то ты бы наших послов к нам отпустил, а за пролитие православной христианской крови нас с тобой Бог рассудит.

Если же захочешь воздержаться от пролития неповинной христианской крови, то и мы с тобой хотим заключить перемирие и вечный мир. А на тех условиях, которые мы предлагали со своими послами, со своим дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами, ты заключить с нами вечный мир и перемирие не захотел, а теперь и мы не хотим заключать с тобою перемирие и вечный мир на тех условиях, которые передавали со своими послами, стольником и наместником нижегородским князем Иваном Васильевичем Сицким-Ярославским с товарищами, и со своими нынешними послами, с дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами. А хотим заключить перемирие и вечный мир на условиях, о которых теперь сообщили своим послам, послав к ним грамоту с окончательными указаниями, как можно заключить соглашение между нами. Ты писал, чтобы мы послали своим послам грамоту с полномочиями, как нам заключить между собой соглашение, чтобы, удостоверившись в этом, ты мог согласиться на мир и чтобы на основании этой грамоты мог быть заключен христианский мир, – мы и послали своим послам эту полномочную грамоту со своей печатью.

Больше ни на какие условия перемирия не согласны; мы готовы заключить с тобою перемирие только на тех условиях, о которых теперь написали и передаем устно через своих послов, послав им наказ. И если ты хочешь с нами соглашения, договора

или перемирия, то согласись на условия, переданные нашим послам – дворянину и наместнику муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищами. Если же не хочешь соглашения, а желаешь кровопролития, то отпусти к нам наших послов, и пусть с этого времени между нами в течение сорока – пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то вина ляжет на тебя. Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как онагр-конь [осел], и стремишься к битве; Бог в помощь! Уповая на его силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов.

Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтобы ты знал, какое государство поручил нам Бог. Писана в Москве, в нашем царском дворце, в семь тысяч восемьдесят девятом году, двадцать девятого июня [29 июня 1581 года], на 46-й год нашего правления, на 34-й год нашего Российского царства, 28-й – Казанского, 27-й – Астраханского.

Первое послание шведскому королю Юхану III (1572)

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], от нашего высочайшего царского порога грозное повеление и наставление.

Когда ты получишь это наше государево послание, тебе, Юхану, королю Шведскому, Готскому и Вендийскому, будет уже известно и другое наставление, данное нами прежде, в январе месяце. В этом наставлении было подробно описано, как ты присылал к стопам нашего владычества бить челом Павла, епископа Абовского, когда наше высокое величество было в своей вотчине, в Великом Новгороде, как о приезде твоих послов было донесено нам в Великий Новгород, как мы по прежнему обычаю дали твоим послам наставление, как твои послы раздражили наше величество своим нелепым поведением и мы на них разгневались, как мы, находясь в Великом Новгороде, хотели за твое малоумие обратить свой гнев на твою Шведскую землю, и по какой причине наше величество, надеясь, что ты образумишься, отложило свой гнев, снисходя к челобитию твоих послов нашей государевой думе – Михаилу Кайбуловичу Астраханскому с товарищами, к ходатайству наших детей и к челобитью нашей думы, и как мы, отпустив твоих послов, послали с ними к тебе наставление и повеление, как тебе заслужить прощение нашего высокого величества. Об этом тебе неоднократно было писано подробное наставление и установлен срок для прибытия твоих послов к нам в нашу вотчину, Великий Новгород, в Троицын день этого года. Мы же, как истинный христианский государь, умилосердились над твоей Шведской землей, удержали свой гнев и остановили бранную лютость. Но даже немногие наши люди из передовых частей, оторвавшись от остальных, сумели причинить твоей земле достаточно вреда, – ты сам знаешь, чего они достигли и сколько людей пленили и куда ты дел своих людей. Мы надеялись, что ты и Шведская земля уже осознали свою глупость. Поэтому мы и оказали милость твоим послам, отпустив их домой. Мы дали тебе наставление, как тебе бить челом, и назначили срок – Троицын день. Мы же обещали быть к этому времени в своей вотчине, в Великом Новгороде, и выслушать твое челобитье от твоих послов.

К указанному тебе сроку, в Троицын день, наше величество

прибыло в нашу вотчину, в Великий Новгород, со своими думными людьми. Но ты словно обезумел, и по восьмой день августа от тебя никакого ответа нет. А мы до сих пор ожидали от тебя ответа, милостиво и кротко пребывая здесь со всей своей царской роскошью и со всей своей думой, с ближними людьми и без рати, но до сих пор про твоих послов слуху нет, прибудут они или нет. А выборгский твой приказчик Андрус Нилишев [Андрос Нильсен] писал к ореховскому наместнику князю Григорию Путятину, будто наше высокое величество само просило мира у ваших послов.

Нет нужды много писать об этом: этой зимой ты сам увидишь, как мы просим мира, – то будет уже не то, что было прошлой зимой! А после этого нам сказали, что твои послы будут к Петрову дню. Не надеешься ли ты, что Шведская земля может по-прежнему плутовать, как делал твой отец Густав, нападавший вопреки перемирию на Орешек? Как тогда досталось Шведской земле! А как брат твой

Эрик обманом хотел нам дать жену твою Катерину, а его свергли с престола и тебя посадили! А потом осенью нам говорили, что ты умер, а весной сказали, что тебя согнали с государства брат твой Карл да зять твой герцог Магнус. А после этого пришла весть про послов твоих, будто они идут и будто ты на своем государстве. Ныне же про послов твоих слуху нет; говорят, что ты сидишь в Стокгольме, в осаде, а брат твой Эрик на тебя наступает. И тут-то ваше плутовство и обнаруживается: оборачиваетесь, как гад, разными видами. И раз уж год прошел, а ты бить челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (богат и надеешься на деньги!), то мы тогда много писать не хотим: возложили упование на Бога. А как крымскому хану без нас от наших воевод досталось, о том, спросив, узнаешь!

Ныне же мы поехали на свое царство в Москву, а в декабре опять будем в своей вотчине, Великом Новгороде, и тогда ты посмотришь, как мы и наши люди станем у тебя мира просить! Если же ты захочешь бранную лютость утолить и пришлешь послов, согласно нашему наставлению, то мы тебя за твою покорность пожалуем.

Дано это величественное наставление в нашей вотчине, в Великом Новгороде, в 7080 году, 11 августа [11 августа 1572 г.], на 39-й год нашего правления, 26-й год принятия Российского царства, 20-й год Казанского царства, 18-й год Астраханского царства.

Второе послание шведскому королю Юхану III (1573)

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул] наставление и слово Юхану, королю шведскому [следует титул].

Ты прислал к нам через пленника свою грамоту, наполненную собачьим лаем, – мы дадим тебе на нее отповедь позже. А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному нашего высокого величества, посылаем тебе пространное наставление со смирением.

Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего – это неприлично, ибо нам брат – цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств, как будет доказано впереди. Ты говоришь, что Шведская земля – вотчина отца твоего; так ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, был ли твой дед на престоле и с какими государями он был в братстве и в дружбе, укажи нам всех их поименно и грамоты пришли, и мы тогда уразумеем.

Когда ты прислал гонца, своего переводчика Петрушу [Сиффридсона], просить охранной грамоты для своих послов, то мы думали – ты хочешь заключить мир по прежнему обычаю: с наместниками новгородскими (так ведь велось исстари в течение нескольких сот лет, еще при князе Юрии да при посадниках новгородских, а у вас – при князе Магнусе, который ходил войной к Орешку), и потому мы послали охранную грамоту по прежним обычаям и хотели даровать тебе по прежним обычаям мир с нашими вотчинами – Великим Новгородом и Ливонской землей. Но ты епископа Павла прислал без настоящих полномочий и с надменностью, и поэтому из этого ничего не вышло. С архиепископом Павлом была послана охранная грамота, – так почему же ты к нам в течение всего лета не прислал послов? А мы были в своей вотчине, в Великом Новгороде, и ждали, что ты смиришься, а военных действий не вели нигде, разве что какие-нибудь мужики столкнулись между собой на границе. А если некоторые люди, оторвавшись от наших передовых частей, и повоевали в Финской земле, то это случилось потому, что, когда мы отправили с епископом Павлом охранные грамоты на послов, эти люди уже далеко зашли – мы приказали их вернуть, но не

успели, поэтому они и повоевали.

А Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее Бог даст. Злое же дело начал ты, как только сел на государство и наших великих послов, боярина нашего и наместника смоленского Ивана Михайловича Воронцова, дворецкого нашего можайского Василия Ивановича Наумова и дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина, неповинно и с глумлением велел ограбить и обесчестить – в одних сорочках их оставили! А ведь это такие великие люди: отец того Ивана, Михаил Семенович Воронцов, был нашим наместником в нашей вотчине, в Великом Новгороде; а прежде никогда не бывало, чтобы от нас, государей, ходили послы в Шведскую землю: послы всегда ходили от новгородских наместников! А наказание на послов возложено напрасно, якобы за то, что они за твоей женой приехали, а они не сами приехали: прислали их, а послали их из-за вашего же вранья: сказали, что тебя в живых нет. Если бы сказали, что ты жив, как же было твою жену просить? Каждый знает, что жену у мужа взять нельзя. И тебе надо было пенять на своего брата Эрика да на его советников, которые с ним делали это дело обманом. А послы наши, боярин и наместник смоленский Иван Михайлович Воронцов с товарищами, приняли страдания и глумления из-за твоего недомыслия.

Произошло это все таким образом: прежде всего, вскоре после твоей свадьбы стало известно, что твой брат Эрик подверг тебя заточению, а после этого стало известно, что ты скончался. И мы, прождав года с полтора, послали к твоему брату, королю Эрику, гонца своего, Третьяка Андреевича Пушечникова, узнать, жив ты или нет, чтоб брат твой Эрик, если тебя нет в живых и детей у тебя также нет, прислал к нам, ради наших милостей, Катерину, сестру брата нашего короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Августа, а мы его за то пожалуем – освободим от сношений с наместниками нашей вотчины, Великого Новгорода, и начнем с ним сноситься сами. А просили мы Катерину, сестру брата своего, для того только, чтобы, взяв ее, отдать ее своему брату Сигизмунду Августу, Божьей милостью королю польскому и великому князю литовскому, а у него взять за сестру его Катерину свою вотчину, Ливонскую землю, без кровопролития, а не по той причине, которую измыслили лгуны и бездельники; в этом деле нет никаких причин, кроме тех, о которых мы писали выше.

Тебя же от нас спрятали; ведь если бы мы знали, что ты жив, разве мы стали бы просить твою жену? И посланника нашего Третьяка, заведя в пустынное место, уморили, предав насильственной смерти, а к нам прислал твой брат своего

посланника Ивана Лаврентьева [Ганса Ларссона] с уверением, что наш гонец Третьяк умер случайно, и с просьбой сообщить, что именно мы хотели передать через Третьяка. И мы Ивану Лаврентьеву велели сказать о нашей милости твоему брату: если он пришлет сестру польского короля Катерину, то мы его пожалуем – освободим от сношений с наместниками. После этого твой брат Эрик послал к нам своих послов, князя Нильса [Гюлленшерна] с товарищами, и они посулили отдать нам сестру польского короля Катерину, а мы пожаловали твоего брата Эрика, освободили его от сношений с наместниками, дали клятву и послали своих полномочных послов. Наши полномочные послы жили у вас года с полтора, а про тебя слуху никакого не было – жив ты или нет, и у Нильса с товарищами не могли они ничего про тебя выпытать, поэтому-то о тебе и не думали, поэтому и была высказана такая просьба. Когда же ты пришел к власти, ты беспричинно предал наших послов грабежу, бесчестью и оскорблениям из-за лживого сообщения твоего брата и всех шведских людей. Заманили обманом наших послов, да и мучат, и грабят, да год просидели в Або в заточении, да еще отпустил ты их, как каких-нибудь пленников! Но ведь наши послы не виноваты ни в чем – не солгали бы ваши люди, нашим людям и ходить незачем было; а мы думали, что они говорят правду. Тебе следовало пенять на своих людей, которые сообщают неправду, а наши послы у тебя напрасно мучились из-за твоего недомыслия. А после всего этого ты с надменностью послал к нам своих послов – Павла, епископа Абовского, и других. Итак, это ты начал делать злое дело, нападая на честных людей вместо лживых, – если бы мы вашей лжи не поверили, этого бы не было.

Все это мы тебе обстоятельно объяснили, а много говорить об этом нет нужды: жена твоя у тебя, никто ее не хватает, а вот много крови ради одного слова своей жены пролил ты напрасно. Вперед об этом вздоре много говорить не стоит, а станешь говорить, мы тебя и слушать не будем: делай что хочешь со своей женой, никто на нее не покушается!

А что ты писал о своем брате, короле Эрике, будто мы из-за него собирались начать с тобой войну, то это смехотворно. Ради этого нам нечего было с тобой войну начинать: нам брат твой Эрик не нужен. А что мы ему свою жалованную грамоту послали, то это произошло таким образом: в то время, когда ты присылал к нам своего гонца Антона Ольса, между нашей вотчиной, Великим Новгородом, и тобой началась война, и к нам через некоторых людей дошло челобитье от твоего брата короля Эрика, чтобы нам ему оказать помощь или, если он прибежит к нам, принять его к себе. И мы потому оказали ему милость, что ты – враг нашей

вотчине и нам нужно было что-нибудь сделать, чтобы ты осознал свою гордость и присмирел; а если бы нам пришлось начать войну, это также пригодилось бы. А ради этого нам войну начинать не стоило, да и не собирались мы войну начинать: а беглого нам как не принять? Тебе же мы писали, чтобы ты пришел в сознание и прислал послов, тогда и решение было бы обо всем по-хорошему. Но ты из гордости не прислал послов, из-за этого и кровь льется. Об Эрике же мы тебе ни с кем ничего не передавали и за него не хлопотали, а раз такого дела не было, то что и говорить? А что значит, что была грамота? Было написано, да прошло.

Если бы ты хотел жить по правде, так ты бы прислал ко мне послов – все бы и без крови разрешилось. А ты крови желаешь, поэтому ты бессмыслицу говоришь и пишешь. Никто на тебя не покушается, делай с женой и с братом что хочешь; об этом много говорить не стоит. А много крови проливается из-за нашей вотчины, Ливонской земли, да из-за твоей гордости, что не хочешь по прежним обычаям сноситься с новгородскими наместниками: и пока ты этого не осознаешь, и дальше будет литься много невинной крови из-за твоей гордости и из-за того, что незаконно вступил в нашу вотчину, Ливонскую землю. Ты писал, что мы не сдержим обязательств, данных в грамоте и скрепленных печатью, но ведь на свете есть много великих государств, и во всех этих государствах наше слово неизменно ценится (ты спроси там – узнаешь!), почему же в одной Шведской земле будет по-иному? А что послы твои вопреки обычаю и охранной грамоте были обесчещены и отправлены в заключение, то ты этому не дивись: нельзя же было не ответить на твой недостойный поступок с нашими послами, да и то мы еще не поквитались за наших послов: ведь наши послы – великие люди, а те – холопы, а наши послы у тебя в Або сидели взаперти долго (это ли не заточение?), да и отпустил ты их, как пленников, а всех их опоили отравой, и они, приехав сюда, померли. Спеси же с нашей стороны никакой нет, а писали мы тебе так, как подобает писать нашей самодержавной власти к твоей королевской, – ибо раньше того не бывало, чтобы великим государям всея Руси сноситься со шведскими правителями; сносились шведские правители с Новгородом. Неужели же достоинство нашей вотчины, Великого Новгорода, заключалось в том, что она от нас отделялась, а теперешнее бесчестие – в том, что она признает нас, великих государей, как ты нелепо пишешь? А войску нашему правитель – Бог, а не человек: как Бог даст, так и будет.

А это истинная правда, а не ложь – что вы мужичий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой – венчанный король,

а мать твоя – также венчанная королева; но хоть отец твой и мать – венчанные, но предки-то их на престоле не бывали! А если уж ты называешь свой род государским, то скажи нам, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего звали, и где на государстве сидел, и с какими государями был в братстве, и из какого ты государского рода? Пришли нам запись о твоих родичах, и мы по ней рассудим. А нам хорошо известно, что отец твой Густав происходил из Смоланда, и еще потому нам известно, что вы мужичий род, а не государский, что, когда при отце твоем Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, то твой отец сам, надев рукавицы, как простой человек, пробовал сало и воск и на судах осматривал и ездил для этого в Выборг; а слыхал я это от своих торговых людей. Разве это государское дело? Не будь твой отец мужичий сын, он бы так не делал. Ты пишешь, что в течение нескольких сот лет в Швеции были короли, но мы таких не слыхали за исключением Магнуса, который ходил под Орешек, да и тот был князь, а не король. А давно ли в Шведской земле сидел правитель – Стен Стуре? Об этом у тебя многие помнят: спроси – узнаешь. А отец твой обменивался грамотами с новгородскими наместниками, и грамоты эти писались следующим образом: сперва написан титул нашего царского величества, а затем написано: «Густав Эрикович, Божьей милостью Шведский и Готский король, и советники королевства Шведского и вся земля Шведская присылали своих послов к великому государю Ивану, Божьей милостью царю и государю всея Руси и великому князю бить челом, чтобы великий государь Иван [следует титул] Густава, короля Шведского и Готского, и советников королевства Шведского и всю землю Шведскую пожаловал, велел своим боярам и наместникам Великого Новгорода и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины, Великого Новгорода, торговать со Шведской землей по-прежнему. И великий государь Иван [следует титул] по их челобитью Густава Эриковича, шведского короля, и всю Шведскую землю пожаловал, велел своему боярину и наместнику Борису Ивановичу Горбатому и дворецкому Семену Никитичу Бутурлину и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины торговать со Шведской землей по-прежнему». И довели до конца это челобитье новгородскому наместнику великого государя царя русского князю Б. И. Горбатому и дворецкому С. Н. Бутурлину шведские послы господин Кнут Андреевич [Кнут Андерсен] и Бернардин Николаевич [Биорн Классон] и от имени всей Шведской земли заключили перемирие на шестьдесят лет – от Благовещенья 7045 [1537] г. до

Благовещенья 7105 [1597] г. – с наместником великого государя царя русского Б. И. Горбатым и дворецким С. Н. Бутурлиным, которые выступали от имени вотчины великого государя, Новгородской земли; и по условиям этого мира должен быть устроен съезд в Соболине, на реке Вуоксе, через десять лет после заключения мира, в Ильин день 7055 [1547] года, а на этом съезде должны присутствовать с обеих сторон достойные люди из вотчины великого государя царя русского, Великого Новгорода, а также из Шведского королевства, которые должны размерить границы по земле и воде согласно грамотам князя Юрия и князя Магнуса. Во исполнение всех этих условий, по повелению великого государя Ивана [следует титул] боярин и наместник Великого Новгорода Б. И. Горбатый и дворецкий С. Н. Бутурлин привесили к этой мирной грамоте свои печати и принесли клятву, целуя крест за вотчину великого государя, Великий Новгород, и за Новгородскую державу. А от имени Шведской державы короля Густава и от Выборгской державы и от города Выборга, за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников королевства Шведского целовали крест послы Шведского королевства Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич. Когда же новгородские наместники великого государя царя русского пошлют своего посла к королю Густаву, то Густав, король Шведский и Готский, должен будет за всю Шведскую державу перед этим послом целовать крест, обязуясь исполнить то, что написано в этой мирной грамоте, и должен будет Густав, король Шведский, привесить к этой грамоте свою печать. А архиепископ Упсальский должен будет поручиться за всю Шведскую державу, и должны будут они исполнять то, что написано в этих грамотах. Заключен этот мир в Великом Новгороде в 7045 году, а от воплощения Господня в 1537 году.

Все это мы тебе выписали точно из грамоты о перемирии, которую отец твой Густав заключил с новгородскими наместниками. И если бы у вас было настоящее королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля не считались бы за товарищей, а землю к именам великих государей не приписывают. Всего же достовернее будет, если ты пришлешь запись о своем государском роде, о котором ты писал, что ему четыреста лет, кто после кого сидел на престоле, с какими государями были в братстве, и мы оттуда уразумеем величие твоего государства. Какие ваши предки жили в городах и столицах, а не в мужицких деревнях, и кто входил в ваш род, кроме твоего отца (сообщи все это обстоятельно!), и какие у вас в Швеции были еще короли и из какого рода. А что ты писал о короле Арцымагнусе [Магнусе], так мы и помимо него знаем, что

вы – мужичий род и попали на престол не по своему достоинству, а благодаря родству. Те же, которые сидели в городах и больших местах, были не из вашего рода и также не короли. А королей мы в Шведской земле не слыхали до твоего отца Густава; первый король – твой отец, а ссылался он в своих грамотах на грамоты князя Магнуса, а не короля. Ведь и твой отец мог бы сыскать прежних королей, да не ссылался на королей, а ссылался на князя Магнуса, а ты, неведомо каким образом, сыскал у себя прежних королей! И потому еще ваш род – мужичий и государство – не великое, что написано в тех же грамотах, что отец твой должен целовать крест за всю Шведскую державу, и за город Выборг, и за Выборгскую державу, а архиепископ Упсальский должен поручиться; а от имени Шведской державы короля Густава, и от Выборгской державы, и от города Выборга, от всей Шведской земли за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников Шведского королевства целовали крест послы Шведского королевства, обещая, что король Густав будет целовать крест, а архиепископ Упсальский даст поручительство и все сказанное должны будут исполнить. И ты бы сам рассудил, ведется ли так в великих государствах, как в вашем? Отец твой целовал за Шведскую державу и за Выборгскую державу, – выходит, что Выборг как бы особое место, а сидит там как будто бы товарищ отца твоего. Если бы ваше государство было великое, то и архиепископ Упсальский не был бы записан в товарищах отца твоего, а то записан архиепископ как товарищ твоего отца. Почему советники Шведского королевства товарищи твоему отцу? А послы не от одного отца твоего, а от всего Шведского королевства, а отец твой во главе их, как староста в волости. И если бы отец твой был великим государем, то и архиепископ у него в товарищах не был бы, и советники, и вся земля Шведская, и Выборгская держава приписаны не были бы, и послы были бы от одного твоего отца, а не от королевства Шведского, а здесь послы от королевства Шведского, а не от одного отца твоего, и архиепископ приписан. «Должны будут исполнить то, что написано в той грамоте», – видишь ведь, как отцу твоему исполнить, так и архиепископу! И тебе поэтому нельзя равняться с великими государями: у великих государей таких обычаев не бывает. Если же кто-нибудь не бережет своего государского достоинства и называет тебя своим братом, то это его дело; нас это не касается, мы соблюдаем свою честь, как подобает нашему царскому величеству. Если же ты не доверяешь той грамоте своего отца, то пришли своих послов, верных людей, и они посмотрят эту грамоту и печать твоего отца на ней. И с этими

послами ты сообщи нам, был ли кто-нибудь королем в Шведской земле до отца твоего, кто именно был и из какого рода и с кем он был в братстве; а мы об этом не слыхали, – уж не нашел ли ты этих королей у себя в чулане?

А король Магнус нам этого не рассказывал, и он сам столько не знает про ваш мужицкий род, сколько мы узнали от людей, приходящих из разных земель. А что мы короля Арцымагнуса [Магнуса] пожаловали городом Полчевым и иными городами, то мы, слава Богу, в своей вотчине вольны: кого хотим, того и жалуем. А что было написано о деде Арцымагнуса [Магнуса] Фридрихе, то тут, как видно, переводчики сделали какую-то описку. Сам же ты написал вполне верно, что некоторое время тому назад Христиерн, благородный король Дании, взял под свою благородную власть Шведское королевство, а затем, оставив там своих бояр, поехал на свое государство в Датскую землю; и отец твой Густав, сговорясь с прежними правителями Шведской земли, примчался из Смоланда с коровами и перебил бояр короля Христиерна Датского, а сам стал королем: после этого он сговорился с Христианом, отцом Магнуса, и они захватили Христиерна, а датским королем посадили Христиана. Так оно и было, правду ты нам написал, больше и писать нечего. Сам ведь ты написал, что ваше королевство выделилось из Датского королевства, а если ты еще нам пришлешь грамоту с печатью о том, как бессовестно поступил отец твой Густав, захватив королевство, то и того лучше будет, нам и писать будет нечего об этом: сам ты свое холопство признал!

Ты писал насчет нашего царского письма о великом государе самодержце Георгии-Ярославе, – это мы потому писали, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом во многих битвах участвовали варяги, а варяги – немцы; и раз они его слушали, значит, были его подданными: но мы об этом только известили, а нам это не нужно. А о твоей печати мы писали потому, что, если ты хочешь с нами сноситься, минуя наместников новгородских, то ты должен за это нас чем-нибудь отблагодарить. Вот почему мы тебе об этом писали; а без такой благодарности тебе нельзя позволить сноситься с нами помимо наместников. Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августа-кесаря, а ты судишь о нас вопреки воле Бога, – что нам Бог дал, то ты отнимаешь у нас; мало тебе нас укорять, ты и на Бога покушаешься. Напрасно ты думаешь, что мы хотим присвоить твои титулы и печать для возвеличения, – нам твоей мужичьей чести добиваться нечего и величия твоего не нужно. Мы тебе

потому писали, что тебе нужно было сноситься с нами помимо наместников, но без достойного выкупа тебе этого не видать. Если же ты захочешь из-за этого кровь проливать – дело твое; а мы положились на Божью волю, что нам милосердный Бог даст. А твоего титула и печати мы просто так не хотим: если тебе хочется с нами сноситься помимо наместников, то ты нам уступи и подчинись и отблагодари нас как следует, и тогда мы тебя пожалуем и освободим от сношений с наместниками, а сноситься тебе с нами даром не дает права ни твое государство, ни твой род; а без твоего подчинения мы и сами не хотим твоего титула и печати. А если ты хочешь присвоить титулы и печати нашего царского величества, так ты, обезумев, можешь, пожалуй, и государем вселенной назваться, – да кто тебя послушает? Если же тебе неугодно по нашему указанию поступить, то сносись по-старому с наместниками. Напрасно ты пишешь, что мы из честолюбия хотим присвоить твою печать и землю; мы писали об этом потому, что если ты хочешь с нами сноситься помимо наместников, то ты должен нам подчиниться, а если ты подчинишься, то и земля твоя, и владения, и печать будут нашими, и тогда мы тебя пожалуем и будем сноситься с тобою как со своим; а с чужим и столь незначительным государем, как ты, сноситься нам не подобает.

А к наместникам я тебя не приравниваю – так исстари ведется, так Бог твое место определил, а ты Богу противишься и не хочешь по его повелению поступить. Да какому тебе Богу молиться – ты ведь безбожник: не только истинной веры не познал ты, но даже скромное прибежище латинского богослужения разрушено у вас, и иконы уничтожили, и священников сравняли с мирянами; ты сам ведь писал, что принял власть от отца своего, короля Шведской земли. А себя мы не хвалим и не прославляем, а только указываем на достоинство, данное нам от Бога; и тебя мы не хулим, а пишем это лишь для того, чтобы ты пришел в сознание и не требовал неподобающих вещей.

А что ты писал, будто мы просим у тебя твою королеву, так ты, неразумный человек, не понял. Мы писали тебе, что так же возможно, чтобы ты нам свою жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали; но ведь это невозможно, чтобы у мужа жену взять, всякий это знает (да мы и не хотим этого!), также невозможно и то, чтобы мы с тобой сами сносились помимо наместников, – настолько это недостижимо! А ты, не рассудив, написал. Мы тебе писали не затем, чтобы жену твою. просить; нам твоя жена не нужна, – мы для твоего вразумления писали: насколько невозможно у тебя взять жену, настолько же

невозможно тебе не сноситься через наместников. Мы писали тебе, осуждая твою гордыню, а не просили твою жену: нам твоя жена вовсе не нужна, делай с ней что хочешь. И крови неповинной мы не желаем – это ты из-за своей гордости проливаешь кровь христианскую и стремишься и далее проливать. Ты пишешь, будто это ложь, что польская королевна была замужем за конюхом, так ты спроси тех, кто знает, кто такой был Войдило при Ягайле, короле польском, и из-за чего была борьба между Ягайло и его дядей Кейстутом, и как Кейстут повесил Войдила, и как Ягайло Кейстута захватил и велел удавить, тогда и узнаешь правду.

А что наш дьяк передавал твоему подданному Антону Ольсу [Тоне Ольсону], чтобы ты нам уступил все те земли, которые ты захватил в нашей вотчине Ливонской земле, незаконно туда вступив, и насчет серебряной руды и мастеров, которые добывают руду, и насчет десяти тысяч ефимков за оскорбление наших послов, и насчет воинских людей, так это мы передавали тебе потому, что раз тебе надобно с нами сноситься, то ты должен это сделать; а если за такое великое дело с нашей стороны вы не отплатите великим же делом, то ничего не выйдет. Мы несообразностей не признаем – это ты признаешь несообразности. Что тут сообразного, чтобы ты с нами сносился? Это совсем несообразно, чтобы мы сносились с тобой, сами с тобой заключали мир, целовали крест, минуя наместников, и своих послов к тебе посылали.

Ты не хочешь послать нам послов бить челом, – мы удивлены, откуда у тебя такая гордость и сила взялась, что ты не хочешь согласиться на то, на что соглашался твои отец: отец твой весь свой век прожил, сносясь с наместниками, только разок под старость не захотел, – и как ему удалось это, ты знаешь! Отец твой с этим век прожил, а ты не хочешь, – видно, ты лучше отца, что места его не хочешь! Если не пришлешь послов – миру не бывать; нам же к тебе послов посылать не подобает. Мы из снисхождения к тебе пишем: если хочешь, чтобы мы тебя пожаловали и от сношения с наместниками освободили, то пришли к нам своих великих послов бить челом и отблагодари нас за это великим делом, насколько сможешь; тогда мы тебя пожалуем и от наместников освободим; а, не дав выкупа, ты у нас этого не добьешься.

А что ты писал к нам лай и дальше хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что если тебе не разъяснить, то от тебя и

ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы – так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой – бесчестие, а лай тебе писать – и того хуже, а перелаиваться с тобой – горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты не напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем.

Если хочешь выступить, так наши люди твои пушки видели: а захочешь еще попытаться – увидишь, какая тебе будет прибыль. Если же захочешь мира своей земле – пришли к нам своих послов, и мы узнаем от них твои намерения и решим, что следует сделать.

Писана в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Пайде [Вейссенштейн], в 7081 году, 6 января [6 января 1573 г.], на 40-й год нашего правления, на 26-й год нашего Российского царства, 21-й – Казанского, 18-й – Астраханского.

Ответ царя Ивана Васильевича Грозного Яну Роките

Не хотел тебе отвечать, поскольку ты заявлял, что прения эти лишь ради спора, а не веры. Но мы научены Христом не давать святое псам и не метать бисер перед свиньями, не давать святого слова псам неверным <…> Немногое скажу, но ты не возомни, что не понимаю, какой яд ты излил, и чтобы вы не подумали, что не могу я против вас и слова составить и не знаю Писания, или испугался тьмы ваших обманов и в уныние впал, или сладость вашего учения принял, или не знаю ничего об истинном христианстве. Чтобы разрушить ваши сомнения скажу немногое.

О вашем учителе Лютере. <…> Поистине Лютер лютым называется, люто это, люто, если к краеугольному камню – Христу прижаться, и его божественные уставы разорять, и божественное его учение и апостольские проповеди рассекать, и святых отцов уставы извращать. И всяческие козни строить, неистинное писание исповедуя. Подобно тому как Сатанаил отвержен был Небесами и вместо ангела света – тьмой и обманом нарекся, а ангелы его – бесами. Так и вы, подобно тому как начальник бесов зовется Сатана, так и вашему начальнику имя Лютер, как его же ангелы именуются бесами, так и вы – кознодеями.

Писал ты, что из-за преступления, совершенного Адамом, мы все рождаемся под завесою плоти и осуждены умирать. Но ведь ради этого Бог Слово и вселился в нас, захотел Бог помиловать заблудшего человека. Воплотился в человека от Пречистой Девы Марии. До того царствовала смерть от Адама и до Авраама, а от Авраама до Моисея, от Моисея до воплощения Христова и на несогрешивших. <…> Царство же это смертное, где и праведники до Христова воплощения были осуждены на смерть и сходили во ад. Но после воплощения Христа этого дерзновения смерть не имеет, ведь Господь наш Иисус Христос обновил новый удобный путь делающим благо и верующим в правду спасения. Сейчас смерть утратила всякую власть, и все праведники, будто сном засыпая, к вечному царствию приходят. <…> Они последовали по стопам Христа, и князь мира сего не имеет над ними никакой власти. Поэтому и смерти среди них места нет. А если кто самовольно предаст себя князю мира сего и соблазнам его последует, те по собственной воле попадут в царство смерти. И здесь горестные души их страшно с телом расстанутся и бесконечные муки примут. Ведь Господь наш Иисус Христос

сотворил человека самовластного, каким и был Адам до грехопадения. Поэтому тем, кто идет по стопам Христовым, грехопадение прощается, и смерть на них никакой власти не имеет. Согрешившим или отступникам приходится отвечать не только за преступление Адама, но и за все свои злые дела, и вдвойне они от своих грехов мучаются. На них царствует смерть как и прежде. <…>

Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение. Что же значит: «в человецех благоволение»? Прежде гнев Божий и гнев Его пребывали на роде человеческом, от Адама до воплощения Христова, Христовым же божественным телесным состраданием всё это было разрушено, и смерть, и грех, и власть дьявола. И самовластны люди благодатью Христа, и научены, как побеждать князя тьмы века сего и миродержителя. <…> Самовольно же не принимающие заповедей Христовых и самовластно дьяволу покоряющиеся обречены на муки вечные.

Божественный апостол Павел говорит: «Каждому дается проявление Духа на пользу; одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество; иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя по власти, как ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет много членов, все же члены одного тела, хотя их и много, суть одно тело; так и Христос. Ибо единым Духом мы все в единое тело крестимся, иудеи, эллины, рабы, свободные, и все единым пивом напоены» [цитата из Библии].

Писал ты о поклонении иконам, и это твое безумие кратко обличу. Если хочешь узнать истину, то прочти о царствовании Льва Исавра Иконоборца, и сына его Константина Гноетезного, и Льва Армянина, и Феофила Богомерзкого, святым досадителя, и там найдешь все объяснения божественному иконопоклонению и богомерзкому сопротивлению этих царей, нечестию которых вы самовольно предались. А что к Второзаконию прибегаешь, о том я уже тебе писал. Если к закону Моисееву прибегаешь, то подобает тебе все по закону делать. Если только обрезание сделаешь, не только все законы, но и Иисус Христос на пользу тебе не пойдет, вот и апостол Павел пишет в послании к галатам: «Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати». А если еще приводить от Десятисловия: «Не сотвори себе кумира и никакого

изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли», что подтверждают и все пророки, и я из этого пользу для себя извлекаю, поскольку все это об идолах сказано. Как в Исходе Моисеевом говорится, что когда Моисей получил скрижали, тогда народ «собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось». И собрали они золото, перстни и серьги у жен своих, и бросили их в огонь, и отлили тельца, и поклонились ему, говоря: «Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской» [цитата из Библии]. Из-за женской красоты Ваальфегору послужили, и ели жертвы бездушных идолов… смешались с язычниками, и научились делам их, и служили истуканам их, которые стали для них сетью. И пожрали сыновей своих и дочерей своих, и пролили невинную кровь, кровь сынов своих и дочерей, пожранных истуканами хананеянскими [обширные цитаты из Библии об идолопоклонении]. И много об идолопоклонстве пророки и апостолы говорили, и ты, между святым и мирским не различая, о Христовой иконе судил как об идолопоклонстве, скверно и мерзко. Христовы же образы и Пречистыя Матери его и всех святых, хотя и видимы, но одновременно и бестелесны и подобно первообразу спасению способствуют. Где ты найдешь жертвоприношение и кровопролитие перед иконами [цитаты из Библии о принесении жертв идолам]. Этого перед иконами не совершается. Идолам – капища и дым жертвенный, и не только жертвы, но и кровавые возлияния, иконам же в церквах – духовные молитвы и сердечные жертвы. Иконам честь воздавая, поклонимся. Но образам Христа и Богородицы, а не краскам и доскам поклонимся. И на первое место ставим поклонение не материи иконы, а образу, запечатленному в ней. А если на закон Моисеев ссылаешься, то приведу тебе самого Моисея. Как Моисей двух золотых херувимов создал в святая святых, как и завесу соткал, на которой были вышиты образы небесного, а также кивот завета, окованный золотом, в котором хранились манна, жезл Ааронов и скрижали завета, все, чему поклонялись иудеи. <…> Так же было воплощено и Слово Божие. Эдесский князь Авгарь принял образ Господа на убрусе. И он поднял его от недуга расслабления. И на том самом одре болезнь прекратилась, когда наш Господь Иисус Христос послал ему свой образ на убрусе с апостолом. <…> И сколько от того божественного образа было различных чудес. Больным исцеление и изгнание бесов, поражение воинствам нечестивых, благочестивым – победа. Вплоть до гибели Греческого царства много было чудес от этого благочестивого

образа. Если хочешь истину познать, прочти о царстве Греческом и все узнаешь. О том, как кровоточивая жена, исцеленная от раны, божественный образ Христов в меру возраста Господня из меди отлила. Много исцелений было от него вплоть до лета сатанинского, когда пришел отступник, злочестивый царь Юлиан. Что о Лиддской церкви, то в ней появилось изображение Пречистой Богоматери с предвечным младенцем на столбе у западных врат. Эту церковь создали апостолы, в ней и явилось это изображение. <… > Божьим повелением нерукотворный образ на столбе возник. Не рукописан был, но богописан, как сама Богоматерь во плоти. Апостолы просили ее прийти на освящение храма. Она же сказала: «Придете, чада, и я с вами там буду». И когда они пришли, то увидели преславный этот образ и, радости бесчисленной исполнившись, со слезами молились Творцу. Потом и Богоматерь пришла, увидела свой образ и сказала: «Благодать моя и сила да будет с тобою». И это божественное изображение злосмрадный Юлиан (отступник) хотел уничтожить. Но сколько его воины рубили камень, пытаясь образ на землю низвергнуть, настолько божественным повелением оно силу взяло, в камень войдя, и до той поры совершались чудеса, пока посланные (воины) не отошли, не сумев сбросить образ. <… > И об Энее. Исцеленный от Петра и Иоанна, он воздвиг прекрасную церковь, где появился образ Богоматери. Этой иконой совершились многие чудеса. Вот и божественный Лука образ Богоматери написал и к ней принес. Она же сказала: «Благодать моя и сила будет с тобою». Божьим повелением эта икона здесь, в царствующем граде Москве, сохраняя христианство, пребывает. <…> И что еще скажу? Не хватит мне времени, чтобы рассказать обо всем, как апостол Павел в «Послании к евреям» пишет. И если хочешь истину познать, все в божественном Писании найдешь… Божественное воплощение – это воплощение Спаса и Господа нашего Иисуса Христа, изволившего воплотиться и спасти нас. Пречистая его Богоматерь сподобилась такому божественному таинству послужить и огонь божественный в утробу приняла. Потому что ходатайствует она о спасении рода нашего, через нее с Богом сочетаемся. И во имя этого ее образу поклоняемся. <…> Отличается поклонение иконам от идольского бесования. Скажи мне, могут ли такие чудеса быть от идолов? И такие же исцеления, как и от икон? Если ты иконному поклонению, как пес, не веруешь, по заповеди Господа не подобает с тобой о святом говорить. Что ты писал об Иоанновом послании? В этом послании сказано: «Дети! Храните себя от идолов». А об иконах там ничего не сказано. И здесь ты ложь написал. А что писал о тех, которых Бог карал за то, что образы ставят, и мы того в

божественном Писании нигде не нашли. А что писал о вознесении Господнем, и той строки там нет. <… > И еще в «Откровении Иоанна Богослова» об ангеле (Откр. 22, 8–9). Все это смирения ради. Поэтому и сам Господь наш Иисус Христос, когда преобразился на горе и сошел с нее, заповедал ученикам своим никому не рассказывать о виденном, покуда сын человеческий не воскреснет из мертвых. Это Господь показал во имя смирения и уча смиряться, чтобы никто себя сам не превозносил. Ради этого и ангел у Иоанна Богослова смиряется. Так и Петр поднял Корнилия ради смирения <…> А еще ты писал, что не подобает, кроме Бога, никаких святых на помощь призывать, но в Евангелии написано иное: «Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря». Тогда обратился он к ученикам своим: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молите господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». И призвал учеников своих, дав им власть на духов нечистых, чтобы их изгонять и исцелять всякий недуг и всякую болезнь. И ты видишь, какая власть была дана Господом ученикам своим и святителям, не потому, что он сам не мог спасти людей, но сходя к их немощам и неразумию… А если ссылаешься на псалом Давида, так там все об идолах писано, а не об иконах. А еще писал, что несколько сот лет образов не было. И это писал ложно, от Христова воплощения начались образы и доныне появляются. А что писал о святом Епифании Кипрском, будто он образ терзал какого-то святого, и то писано ложно. Это написание еретическое и истинными христианами не приемлется. <…> А что в вашей стране делается с образами, о том и говорить не хочу, поскольку подались вы бесовскому обольщению и сами о том знаете.

<…> Вот мое слово. За то, что ты писал по нашему велению вольно и говорил смело, мы на тебя не гневаемся, и сейчас свое слово помним, и на тебя опалы никакой не кладем. Почему мне тебя нельзя не считать еретиком, так это потому, что учение твое полностью противоположно Христову учению и все рассуждения твои против Христовой Церкви направлены. И ты не только еретик, но и слуга антихристова дьявольского совета. Едва ли не больший, чем Лютер. Впредь своего учения в нашей стране не объявляй. Господа нашего Иисуса Христа, всех Спасителя, прилежно молим, чтобы наш российский род сохранил от тьмы неверия вашего. Отцу слава с присносущим его Сыном и Святым Духом и во веки веков. Аминь.

Послание Полубенскому (1577)

Такая грамота послана от государя из Пскова с князем Тимофеем Романовичем Трубецким во Владимир [Вольмар, Валмиеру] к князю Александру Полубенскому

Божьей [следует перечисление атрибутов, библейская цитата] волей, и желанием, и властью, и силой творения, когда сказал Бог «да будет свет» – стал свет, и совершилось иное творение тварей как наверху, на небесах, так и внизу, на земле и в преисподней. И затем создал Бог человека, мужчину и женщину, сотворил их, поселил в раю и дал им наставление; когда же они послушали врага [дьявола] и наставление преступили, Бог за это прогневался на них, и изгнал их из рая нищими, и осудил их на смерть и болезни, и обрек их на труд, и отлучил их Бог от лица своего. И увидел враг, что первые его козни пошли ему на пользу и что Бог прогневался на человека, и, увидя это, решил окончательно уничтожить людей и побудил Каина убить Авеля. Бог же, не оставляя свое создание, из милосердия к роду человеческому сотворил ради Адама родоначальника правды – Спасителя [Иисуса Христа]. И затем Енох угодил Богу, ради чего Бог прославил его взятием на небо и сохранил его как прорицателя своего второго пришествия. И когда умножились люди, и враг окончательно усилился, и люди стали повиноваться врагу во всем и восприняли все его злые дела, то Бог еще более разгневался, и истребил всех людей на земле потопом, и, обнаружив, что только праведник Ной действует по его заповедям, сохранил его за это как родоначальника вселенной. Затем, когда люди вновь умножились и враг еще более прельстил их и люди усердно предались вражьему прельщению и уклонились в богоборство, они начали создавать столп, говоря себе: если снова захочет Бог навести потоп, то мы, взойдя на столп, вступим в борьбу с Богом. И создали столп этот выше облаков, и Бог гневом, дыханием уст своих, дыханием бурным и сильным, сокрушил столп и одних побил, а других разделил на семьдесят два языка. Один только Евер не присоединился к их делу и замыслу, за что Бог и помиловал его: не отнял у него языка Адамова. От его имени и называются евреи. А других он разделил, чтобы, разделившись, восставали друг на друга и мучались за это преступление. Когда я говорю о Боге, то, как и выше, я говорю об Отце и Сыне и Святом Духе в едином существе; ибо здесь были произнесены такие слова: «Вот люди говорят одним языком и едиными устами и могут сделать всё, что захотят, спустимся и разделим их». Кто бы это мог говорить, как не Троица? И затем, когда люди вновь

умножились и подчинились врагу и Бог еще более на них прогневался и отступил от них, дьявол поработил их и по своей воле стал вести все человечество. И отсюда пошли мучители, и властители, и цари, как первый Неврод, который начал строить столп, когда и произошло разделение языков. Неврод начал царствовать в Вавилоне, затем Мисрем в Египте, и в Ассирии Вил крепкорукий, он же Крон, и Бел, и Белус, и Белье, и Вабал, и Вельефегор, и Вельсавух, и Вельсавав, и Астарта, затем Ниние и Фор, он же Арес, и повсюду возникли многоразличные царства, и каждое царство отдельно. Так возникло среди людей неблагочестивое царствование, то, о котором Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии: высокое для людей – мерзость для Бога. И так увидел Бог, что погибает род человеческий, и умилосердился над ним и создал праведника Авраама, того Авраама, который познал истинного Бога и которого

Бог возлюбил. И ради этого Бог склонился на милосердие к человечеству, и благословил Авраама, и указал ему его обязанности, и даровал ему наследника – Исаака и Исааку Иакова, он же Израиль. И обещал Бог Аврааму: «Сделаю тебя прародителем многих народов, и цари от тебя произойдут». И те, которые произошли от Авраама, Исаака и Иакова, стали называться людьми, а прочие – язычниками, ибо говорит великий пророк Моисей: «Всевышний поставил пределы народов по числу ангелов Божиих; и стал Иаков уделом Господним, Израиль – достоянием его». И в то время, когда Бог пас народ израильский, и извел его из Египта двумя своими крепкими и величественными руками – праведником Моисеем и Иисусом Навином, и поместил их в обетованной земле (было в то время много государств, и некоторые из них израильтяне истребили), и когда он так сохранял еврейский народ и давал ему судей и правителей и сам руководил ими до самого времени пророка Самуила, израильтяне, из-за того что после преступления Адама все человечество было охвачено прельщением и порабощено врагу, часто преступали Божьи заповеди, прельщаясь делами беззаконных язычников. Бог же на них иногда гневался и отдавал их в рабство иноплеменникам, иногда же миловал и освобождал: когда они отступали от Бога и поклонялись идолам, тогда предавал их, когда же обращались к Господу, тогда освобождал их. Поэтому он, снисходя к их слабости, разрешал им даже приносить жертвы – не потому, что он хотел от них жертв, а уступая их слабости: «Пусть приносят жертвы, лишь бы истинному Богу приносили, а не бесам». Так было до пророка Самуила. Но человеку родственна всякая нечисть: не захотели израильтяне жить под Божьим именем и под руководством его

праведных слуг и попросили себе царя, и Бог весьма за это прогневался на них и дал им царя Саула. И много напастей претерпели, и Бог умилосердился над ними и дал им царя – праведника Давида и распространил царство его. Это было первое благословение царству: Бог снизошел к слабости человеческой и благословил царство. И затем, когда умножились люди, и царства, и власти и разрослось беззаконие, Бог не презрел рода человеческого, мучимого дьяволом. Прежде всего послал пророков, провозвестивших пришествие Божьего слова и обличающих грехи и беззакония; были же люди неразумны, и враг ими владел, и избили они пророков и еще более впали в нечестие. И затем во имя человеколюбия сам Бог Сын, слово Божие, соизволил воплотиться от Пречистой Матери, чтобы спасти людей на земле. И сперва он отверг царство, ибо говорит Господь в Евангелии, что высокое для людей – мерзость для Бога, а затем и благословил его, ибо божественным своим рождением прославил Августа-кесаря, соизволив родиться в его царствование; и этим прославил его, и расширил его царство, и даровал ему не только Римскую державу, но и всю вселенную – и готов, и сарматов, и Италию, и всю Далмацию, и Анатолию, и Македонию и иные страны – Азию, и Сирию, и Междуречье, и Египет, и Иерусалим – вплоть до границ Персии. И когда Август владел таким образом всей вселенной, он посадил брата своего Пруса в город, называемый Мальборг, и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск на реке, называемой Неман, которая течет в море Варяжское [Балтийское]. Когда же Господь наш Иисус Христос осуществил предназначенное ему провидением, послал он божественных своих учеников по всему миру просветить вселенную. Они же, точно на крыльях, облетев всю вселенную, проповедовали слово Божие. И так как в то время всюду царствовал грех и господствовало нечестие, а цари и князья и управители служили дьяволу и противодействовали ученикам Божьим, то они были избиты, и многие ученики Божьи – как священники, так и простые люди – приняли мученичество. И со времени царствования Августа вплоть до Максентия и Максимина Галерия было в Риме гонение на христиан. Господь же наш Иисус Христос не презрел моления рабов своих, но, внимая мольбам своей матери и исполняя свой обет: «Я с вами до скончания мира сего, аминь», создал опору благочестия – великого, сияющего благочестием Константина Флавия, царя правды христианской, соединившего священство и царство воедино, и с этого времени повсюду умножились христианские царства. И затем по благоволению в Троице славимого Бога в Российской земле создалось царство, когда, как я уже говорил, Август, кесарь

римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата, упомянутого выше Пруса. И силою и милостью Троицы так создалось это царство: потомок Пруса в четырнадцатом колене, Рюрик, пришел и начал княжить на Руси и в Новгороде, назвался сам великим князем и нарек этот город Великим Новгородом. Сын же его Игорь переселился в Киев и там установил скипетр российского царствования и брал дань с греков и жил в Переяславле Дунайском, где находятся Бен и Бедна [Вена]. Что же после них? Умилосердился Бог над нашей Российской землей и привел сына этого Святослава, Владимира, к познанию истины и просветил светом благочестия, чтобы он славил его, истинного Бога, Отца и Сына и Святого Духа, во единстве почитаемого, избрал его, как второго Павла, в царственных сединах, обратил его к крещению и сделал царем правды христианской, как великого Константина. Как говорит божественный апостол Павел: нет власти не от Бога, пусть всякая душа повинуется власти; поэтому тот, кто противится власти, противится Божьему повелению, и никому не следует вступать в чужие пределы. Мы же хвалим, прославляем и почитаем Господа, вечно поем и превозносим его, давшего нам средство к спасению, как в дому раба своего Давида, так и в дому блаженного великого Владимира, во святом крещении Василия. Его же Божьей милостью, благоволением и волею утвердился и скипетр Российской державы и был передан нам – от этого великого Владимира, во святом крещении Василия, который рисуется на иконах с царским венцом, и от сына его великого государя Ярослава, названного в святом крещении

Георгием, который завоевал эту Чудскую землю, то есть Ливонию, и поставил город, названный по его имени Юрьевом, а теперь называемый Дерптом, и от великого царя и великого князя Владимира Мономаха, который воевал в византийской Фракии и приобрел царский венец и имя (получил он их от царя Константина, царствовавшего в то время в Царьграде), и от преславного великого князя Александра, одержавшего на Неве победу над немцами римской веры, и от достойного хвалы великого государя, великого князя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами [татарами], и от деда нашего, блаженной памяти великого государя Ивана Васильевича, собирателя Русской земли и многих земель обладателя, и от отца нашего, великого государя, царя всея Руси блаженной памяти Василия, приобретателя исконных прародительских земель, перешел, наконец, по наследству и к нам скипетр Российского царства. Мы же хвалим Бога за премногую его милость к нам.

Этого тричисленного божества, Отца, Сына и Святого Духа милостию, властью и волей покровительствуемые, а иногда охраняемые, защищаемые и укрепляемые, мы и удержали скипетр Российского царства; мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул], оповещаем думного дворянина княжества Литовского, князя Александра Ивановича Полубенского, дудку, пищалку, самару, разладу, нефиря (все это – дудкино племя!), о нашем царском повелении.

А наставление наше царское таково. Ливонская земля с незапамятных времен – наша вотчина: от великого князя Ярослава, сына великого Владимира, а во святом крещении Георгия, который завоевал Чудскую землю и поставил в ней город, названный по его имени Юрьевом, а по-немецки Дерптом, а затем от великого государя Александра Невского; Ливонская земля давно уже обязалась платить дань, и они неоднократно присылали бить челом прадеду нашему, великому государю и царю Василию, и деду нашему, великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженней памяти государю и царю всея Руси Василию, о своих винах и нуждах и о мире с их вотчинами – с Великим Новгородом и Псковом – и обязались не присоединяться к Литовскому государю. И к нашему царскому величеству также неоднократно присылали бить челом своих послов и обязались платить дань по-старому, но потом всего этого не исполнили, и за это на них наш меч, гнев и огонь ходит. И как-то раз дошло до слуха нашего, что люди безвластного государства Литовского, преступив Божье повеление, не позволяющее никому вступать в чужие владения, вступили в нашу вотчину, в Ливонскую землю, и тебя сделали там гетманом. И ты совершил многие недостойные дела: не имея воинской доблести, обманом взял Изборск, пригород нашей вотчины Пскова, где, будучи отступником от христианства, надругался над Божьими церквами и иконами. Но милость Бога и Пречистой Богородицы и молитвы всех его святых и сила икон посрамили вас, иконоборцев, а нашу древнюю вотчину нам возвратили, а ваша надежда – Крон и Зевс и другие, о которых мы говорили выше, – оказалась напрасной.

А пишешь, что ты – Палемонова рода, так ведь ты – полоумова рода, потому что завладел государством, а удержать его под своей властью не сумел, сам попал в холопы к чужому роду. А что ты называешься вице-регентом земли Ливонской, правителем рыцарства вольного, так это рыцарство бродячее, разбрелось оно по многим землям, а не вольное. А ты вице-регент и правитель над висельниками: те, кто из Литвы от виселицы сбежал, – вот кто твои рыцари! А гетманство твое над кем? С тобой ни одного доброго человека из Литвы нет, а всё –

мятежники, воры и разбойники. А владений у тебя – нет и десяти городков, где бы тебя слушали. А Колывань [Таллин, Ревель] у шведского короля, а Рига – отдельно, а Задвинье у Кетлера. А кем тебе править? Где магистр, где маршал, где командоры, где советники и все воинство Ливонской земли? Всего у тебя – ничего!

А сейчас наше царское величество пришло обозревать свои вотчины – Великий Новгород, Псков и Ливонскую землю, и мы шлем тебе с милостивым покровительством наше царское повеление и достойные наставления: мы хотим на угодных нам условиях заключить мир, о котором ваш избранный государь Стефан Обатур [Баторий] пишет к нам и присылает своих послов, а ты бы не мешал заключению мира между нами и Стефаном Обатуром, не стремился к пролитию христианской крови и уехал бы со всеми людьми из нашей вотчины, Ливонской земли, а мы всему своему воинству приказали литовских людей не трогать. А если ты так не сделаешь и из Ливонской земли не уйдешь, тогда на тебя падет вина за кровопролитие и за судьбу литовских людей, которые окажутся в Ливонии. А мы не будем вести никаких военных действий с Литовской землей, пока послы от Обатура находятся у нас. А с этой грамотой мы послали к тебе своего воеводу князя Тимофея Трубецкого, сына Романа, сына Семена, сына Ивана, сына Юрия, сына Михаила, сына князя Димитрия, сына великого князя Ольгерда, у которого твои предки Палемонова рода служили.

Писано в нашей вотчине, в доме св. Троицы и великого государя Всеволода-Гавриила из двора нашего боярской державы в городе Пскове в 7085 году, 9 июля [9 июля 1577 г.], на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 35-й год – Казанского, 24-й год – Астраханского.

А на подписи к грамоте написано: почтенному дворянину великого княжества Литовского, князю Александру Ивановичу Полубенскому, дудке, вице-регенту бродячей Литовской земли и разогнанного Ливонского рыцарства, старосте Вольмерскому, шуту.

Послание Яну Ходкевичу (1577)

Такая грамота послана от государя из Владимирца [Вольмера] к пану Яну Еронимовичу с князем Александром Полубенским

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул], шлем наше слово пану государя Стефана [следует титул] Яну Еронимовичу Ходкевичу, графу на Шклове и Мыши, пану Виленскому, старосте Жмудскому, маршалку земскому великого княжества Литовского, старосте Ковенскому и правителю Плотельскому и Телыповскому.

Муж храбрый, высокомудрый и почтенный, достоин ты быть первым среди своего рода и начальствовать! Издавна ведь я слышал о доблести твоей, и дивился ей, и хвалил тебя, и стремился показать тебе мою любовь и милость во многих и различных случаях. Мне не пришлось сделать это, когда ты во время отсутствия короля писал к нам через Ливонскую землю, ныне же по благоволению Божьему пришло то время, о котором говорил апостол Павел: «Во время благоприятное послушал тебя, в день спасения помог тебе; вот ныне время благоприятное, ныне день спасения, и никакого нигде нет препятствия»; поэтому и пишу тебе.

Божьей милостью с крестоносной хоругвию ходили мы очищать и оберегать свою вотчину и ныне с помощью всемогущей Божьей десницы и силою животворящего креста вся вотчина, Ливонская земля, оказалась под нашей властью. А ты назывался администратором и гетманом Ливонской земли, а теперь ты этого лишился; так ты бы, муж благоразумный и храбрый, этому не удивлялся, ибо Бог дает власть тому, кому хочет. А это ведь было звание, достойное государя, и тебе то не подобало (ты из рода великих панов, и поэтому мы, чтобы доставить тебе удовольствие, называем тебя графом, хотя это также тебе не подобает). А убытка ты здесь никакого не понес, потому что было у тебя только название, и огорчаться тебе из-за этого не стоит, ибо название – вещь мимолетная, а не постоянная. Слышал я о твоем благоразумии и храбрости во время сражения под Улой и восхищался, как ты доблестно там действовал; а вот в Ливонскую землю вступил ты напрасно. И поэтому обращаюсь к твоему благоразумию; ибо сказано: «Покажи премудрому его вину и мудрее станет, объясни праведному и сумеет постигнуть». Вот почему тебе, премудрому человеку, не должно из-за этого смущаться и, отказавшись от смущения, следует озаботиться об установлении мира между христианами. И указали бы вы

государю вашему Стефану, королю польскому, чтобы он не воевал с нашей вотчиной, Ливонской землей, и ничем ее не задевал. Также и ты не проявлял бы досады. А нехороша пословица: «отними у того, у кого уже отнято», – из-за нее-то и происходит зло. Будь и ты в добром здоровии, а вотчине нашей, Ливонской земле, никакого вреда не причиняй.

А больше вам не следует говорить те слова, которые вы говорили в Полоцке: что там не наша земля, где ноги нашего коня не стояли; ведь теперь в нашей вотчине, Ливонской земле, во многих областях нет такого места, где бы не только ноги нашего коня, но и наши ноги не были, нет и такой воды в водах и озерах, которой бы мы не пили, но все это по Божьей воле оказалось под ногами наших коней и под нашим господством. Также вам не следует говорить, что мы вопреки перемирию вступили в Ливонскую землю, ибо слова эти лживы. Никогда мы не говорили о мире с Ливонской землей, а Литовской земли мы в нынешнем своем походе ничем не задели и не оскорбили. И ты бы сам говорил своему государю, а также братии своей, панам вашей рады и совместно со своей братьей, с панами рады говорил бы своему государю королю Стефану, чтобы ваш государь незамедлительно слал к нам своих послов, а мы хотим достойным образом заключить с ним мир и установить дружеские отношения. А он бы нас за это отблагодарил, ибо без такой благодарности братство между нами установиться не может.

Писано в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году, 12 сентября [12 сентября 1577 г.], на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й год – Казанского, 24-й год – Астраханского.

notes

Сноски

1

События, деяния *(лат. – Здесь и далее примеч. Авт.)*

2

Бург – местечко, имевшее право отправлять представителей в парламент.

З

В указателе приводится нумерация листов рукописи: РНБ. Эрмитажное собрание. № 542.